

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

VESTNIK NSUEM

2013
№ 4

Novosibirsk
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

ВЕСТНИК НГУЭУ

2013
№ 4

Новосибирск
2013

The journal was founded in 2008.

The journal appears 4 times a year.

Chairman of the Editorial Council

Olga V. Molchanova, PhD, Associate Professor, Acting Rector of Novosibirsk State University of Economics and Management

The Editor in Chief

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of sciences, Professor

Editorial Council:

Valery V. Kuleshov, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Yury I. Shokin, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Viktor I. Suslov, Doctor of sciences, Professor, corresponding member of RAS

Sofija Adzic, Doctor, Professor (Subotica, Republic of Serbia)

Vladimir N. Afanasyev, Doctor of sciences, Professor (Orenburg)

Leonid K. Bobrov, Doctor of sciences, Professor

Yury P. Voronov, PhD, Professor

Eduard Gerhard, Professor (Coburg, Germany)

Yury V. Gusev, Doctor of sciences, Professor

Oleg A. Donskikh, Doctor of sciences, Professor

Sergei G. Zolotarev, Doctor of sciences, Professor

Victor P. Ivanitsky, Doctor of sciences, Professor (Yekaterinburg)

Hans Kaminski PhD, Professor (Oldenburg, Germany)

Alexander A. Kiselnikov, Doctor of sciences, Professor

Yusuf Korodiya, PhD, Professor (Durban, UAR)

Mikhail N. Kulapov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Lyudmila I. Nivorozhkina, Doctor of sciences, Professor (Rostov-na-Donu)

Alexander V. Novikov, Doctor of sciences, Professor

Yury G. Odegov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Svyatoslav V. Ponurov, PhD (Moscow)

Viktor I. Samarukha, Doctor of sciences, Professor (Irkutsk)

Vyacheslav E. Seliverstov, Doctor of sciences, Professor

Sergei A. Smirnov, Doctor of sciences, Professor

Gennady N. Chebotaryov, Doctor of sciences, Professor (Tyumen)

Valery Chukhlomin, PhD (New-York, USA)

Vladimir V. Tsherbakov, Doctor of sciences, Professor (St. Petersburg)

Gyula Horvath, Professor (Hungary)

Marian Cingula, Professor (Croatia)

Associate members of the editorial council:

Kazakh Economic University named after T. Ryskulov (Almaty)

International Academy of Management and Technology (INTAMT e.V., Germany)

Syantszyan University of Finances and Economic (Urumqi)

Executive secretary

Ludmila K. Serga, PhD, Associate Professor of Statistics

Editor

Svetlana M. Pogudina

Translator

Sergei P. Suhov

Журнал основан в 2008 г.

Выходит 4 раза в год.

Председатель редакционного совета

Молчанова Ольга Витальевна, канд. экон. наук, доцент, и.о. ректора НГУЭУ

Главный редактор

Глинский Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Редакционный совет:

Кулешов Валерий Владимирович, докт. экон. наук, профессор, академик РАН

Шокин Юрий Иванович, докт. физ.-мат. наук, профессор, академик РАН

Суслов Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Аджич София, доктор, профессор (Суботица, Сербия)

Афанасьев Владимир Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Оренбург)

Бобров Леонид Куприянович, докт. техн. наук, профессор

Воронов Юрий Петрович, канд. экон. наук

Герхард Эдуард, профессор (Кобург, Германия)

Гусев Юрий Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Донских Олег Альбертович, докт. филос. наук, профессор

Золотаренко Сергей Георгиевич, докт. экон. наук, профессор

Иваницкий Виктор Павлович, докт. экон. наук, профессор (Екатеринбург)

Камински Ханс, PhD, профессор (Ольденбург, Германия)

Кисельников Александр Андреевич, докт. экон. наук, профессор

Кородия Юсуф, PhD, профессор (Дурбан, ЮАР),

Кулапов Михаил Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Ниворожкина Людмила Ивановна, докт. экон. наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Новиков Александр Владимирович, докт. экон. наук, профессор

Одегов Юрий Геннадьевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Понуров Святослав Владимирович, канд. экон. наук (Москва)

Самаруха Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор (Иркутск)

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, докт. экон. наук, профессор

Смирнов Сергей Алевтинович, докт. филос. наук, профессор

Чеботарев Геннадий Николаевич, докт. юрид. наук, профессор (Тюмень)

Чухломин Валерий, канд. экон. наук, PhD (Нью-Йорк, США)

Щербаков Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Хорват Дьюла, профессор (Венгрия)

Цингула Мариан, профессор (Хорватия)

Ассоциированные члены редакционного совета:

Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова (Алматы)

Международная академия менеджмента и технологий (INTAMT e.V., Германия)

Синьцзянский университет финансов и экономики (Урумчи)

Ответственный секретарь

Серга Людмила Константиновна, канд. экон. наук, доцент

Редактор

Погудина Светлана Максимовна

Переводчик

Сухов Сергей Павлович

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-30505

CONTENT

SOCIETY AND ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

<i>Seliverstov V.E.</i> Modern Russian trends of spatial development and regional policy against the background of world trends	10
<i>Kiselnikov A.A., Scherbak I.V.</i> Macroeconomic indicators of the development of the Siberian Federal District	24
<i>Horvath G.</i> Regional consolidation, competitiveness and decentralization of Central and Eastern Europe in R&D	33
<i>Adžić S.</i> Regionalization in the Western Balkan countries between wishes, opportunities and illusions	42
<i>Kotliarov I.D.</i> Ecosystem: a new model of company's interaction with employees, customers and public	54
<i>Malina S.S.</i> Organizational and economic mechanisms of realization of master target training for innovation economics	69
<i>Likhonova A.S.</i> Alternative choice policy of national egoism: socio-economic consensus	76

FINANCE, ACCOUNTING AND ANALYSIS

<i>Baranov P.P.</i> To the question of need of formation of the scientific theory of audit	84

STATISTICS AND ECONOMIC DIMENSION

<i>Afanasjev V.N.</i> Statistical analysis of main social-economic indicators of the Orenburg Region	101
<i>Khrantsova T.G.</i> Statistical aspect of investigation of purchasing function of cooperative organizations	126
<i>Avrov A.P., Sabyrova G.K.</i> Regional specific features of development of the key factors for agricultural industry in the republic of Kazakhstan	136
<i>Shmarikhina E.S.</i> Application of sampling method in the socio-economic study	144
<i>Chemezova E.Yu.</i> Statistical methods in the solution of the applied problems of the development of territory	153
<i>Kovanova E.S.</i> Cluster analysis in handling the problem of typology of regions of Russia by level and intensity of internal labor migration	166
<i>Pinkovetskaya J.S.</i> Spatial and time approach to the construction of production functions for small entrepreneurship in the regions of Russia	176

SOCIOLOGY

<i>Kruglov M.S.</i> Social and political factors of civil activity in Russia	185
<i>Nedobega E.A.</i> Social-economic conflicts in a modern society	191

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

<i>Селиверстов В.Е.</i> Современные российские тренды пространственного развития и региональной политики на фоне мировых тенденций	10
<i>Кисельников А.А., Шербак И.В.</i> Макроэкономические индикаторы развития Сибирского федерального округа	24
<i>Хорват Д.</i> Региональная консолидация, конкурентоспособность и децентрализация Центральной и Восточной Европы в сфере НИОКР	33
<i>Аджич С.</i> Регионализация в странах Западных Балкан: между желаниями, возможностями и иллюзиями	42
<i>Котляров И.Д.</i> Экосистема: новые способы взаимодействия компании с работниками, клиентами и широкой публикой	54
<i>Малина СС.</i> Организационно-экономические механизмы реализации целевой подготовки магистров для инновационной экономики	69
<i>Лихоносова А.С.</i> Альтернативный выбор политики национального эгоизма: социально-экономический консенсус	76

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

<i>Баранов П.П.</i> К вопросу о необходимости формирования научной теории аудита	84

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Афанасьев В.Н.</i> Статистический анализ основных социально-экономических индикаторов экономики Оренбургской области	101
<i>Храмцова Т.Г.</i> Статистический аспект исследования закупочной деятельности кооперативных организаций	126
<i>Авров А.П., Сабырова Г.К.</i> Региональные особенности развития ключевых показателей сельскохозяйственного производства Республики Казахстан	136
<i>Шмарихина Е.С.</i> Применение выборочного метода в социально-экономических исследованиях	144
<i>Чемезова Е.Ю.</i> Статистические методы в решении прикладных задач развития территории	153
<i>Кованова Е.С.</i> Кластерный анализ в решении задачи типологии регионов России по уровню и интенсивности внутренней трудовой миграции	166
<i>Пиньковецкая Ю.С.</i> Пространственный и временной подходы к построению производственных функций малого предпринимательства в регионах России	176

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Круглов М.С.</i> Социально-политические факторы развития гражданской активности в России	185
<i>Недобега Е.А.</i> Социально-экономические конфликты в современном обществе	191

FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

<i>Afanasjev V.N., Zhuravlev S.A.</i> Analysis of tariff policy in public water supply system	200
<i>Fyodorova L.N.</i> Personal income generation as social subsystem	218
<i>Ivanova I.A.</i> Forecasting of agricultural economic risk based on its development cycle	229
<i>Vakulenko E.S.</i> Does migration lead to regional convergence in Russia?	239

BUSINESS INFORMATICS

<i>Gerhardt E., Bogdanov O.</i> Efficiency and effectiveness of use of information systems	265
<i>Mamykova Z.D., Mutanov G.M., Bobrov L.K.</i> IT infrastructure high school as a platform for the development of information technology	276

PHILOSOPHY, EXTERNAL RELATIONS, LAW

<i>Ivonin Yu. P., Ivonina O.I.</i> Enemies of the Empire. Historical comparativistics of the «Russian sociological school»	288
<i>Kurbanov M.A.</i> The Arabian spring: returning to sources?	300
<i>Vasilyeva G.M.</i> The idea of «intellectual adulthood» in the European culture paradigm and options	310
<i>Yamushkin A.V.</i> On one paradox of part-whole relations	322

THEORETICAL SEARCH AND OFFERS

<i>Freydina E.V., Botvinnik A.A., Koroh A.A.</i> Interpretive function of reflexive control as development of systematic decision-making in business	332
<i>Kazantsev K.Y.</i> Measurement of the brand power using iconic oriented graphs	343
<i>Isaev A.V.</i> Development of regional resource support centres of socially oriented noncommercial organizations: issues and outlook	352
<i>Dyudina O.V.</i> Assessing the need to improve activities of trading enterprises based on the implementation of quality management system	364
Our authors	375

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Афанасьев В.Н., Журавлев С.А.</i> Анализ тарифной политики в водоснабжении населения города	200
<i>Федорова Л.Н.</i> Формирование личных доходов как социальная подсистема	218
<i>Иванова И.А.</i> Прогнозирование экономических рисков в сельском хозяйстве с учетом цикличности его развития	229
<i>Вакуленко Е.С.</i> Ведет ли миграция населения к межрегиональной конвергенции в России?	239

БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

<i>Герхардт Э., Богданов О.</i> Эффективность и результативность использования информационных систем	265
<i>Мамыкова Ж.Д., Мутанов Г.М., Бобров Л.К.</i> ИТ-инфраструктура вуза как платформа для развития информационных технологий	276

ФИЛОСОФИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВО

<i>Ивонин Ю.П., Ивонина О.И.</i> Враги Империи. Историческая компаративистика «русской социологической школы»	288
<i>Курбанов М.А.</i> Арабская весна: возвращение к истокам?	300
<i>Васильева Г.М.</i> Идея «интеллектуального совершеннолетия» в европейской культуре: парадигма и варианты	310
<i>Ямушкин А.В.</i> Об одном парадоксе отношения части и целого	322

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>Фрейдина Е.В., Ботвинник А.А., Корох А.А.</i> Интерпретирующая функция рефлексивного управления как развитие системного принятия решений в бизнесе	332
<i>Казанцев К.Ю.</i> Измерение силы бренда с использованием знаковых ориентированных графов	343
<i>Исаев А.В.</i> Развитие региональных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемы и перспективы	352
<i>Дюдина О.В.</i> Оценка необходимости совершенствования деятельности торговых предприятий на основе внедрения системы менеджмента качества	364
Об авторах	372

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 332.12

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ТРЕНДЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ¹

В.Е. Селиверстов

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: sel@ieie.nsc.ru

В статье рассмотрен генезис пространственного развития и региональной политики постсоветской России в 1990-е гг. и в первое десятилетие нового тысячелетия. На основе сопоставления с мировыми тенденциями выявлены специфика российских преобразований в этих сферах, недостатки и проблемные области, показаны направления их совершенствования.

Ключевые слова: Россия, пространственное развитие, региональная политика.

MODERN RUSSIAN TRENDS OF SPATIAL DEVELOPMENT AND REGIONAL POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF WORLD TRENDS

V.E. Seliverstov

Institute of Economics and Industrial Engineering,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
E-mail: sel@ieie.nsc.ru

The article considers the genesis of spatial development and regional policy of post-Soviet Russia in the 1990s and the first decade of the new millennium. The specifics of the Russian transformations are revealed on the basis of comparison with world trends; disadvantages and problem fields are revealed; ways of development are shown.

Key words: Russia, spatial development, regional policy.

Новое российское государство, возникшее в начале 1990-х гг. после распада СССР, формировалось в исключительно сложных экономических и политических условиях. Требовалось одновременно провести радикальную экономическую реформу, кардинальную реформу политической системы,

¹ Селиверстов В.Е. Федерализм, региональное развитие и региональная наука в постсоветской России: модернизация или деградация? // Регион: экономика и социология. № 4. 2013.

модернизацию российского федерализма и на новой основе создать государственную региональную политику, которая фактически отсутствовала в советский период. Причем принципиально важно было осуществить реформирование одновременно на всех фронтах: невозможно было модернизировать экономику при старой политической системе и старых отношениях собственности; невозможно было сформировать новый российский федерализм на останках «квазифедерации» распавшегося СССР без эффективной региональной политики. Сложность ситуации заключалась и в том, что все эти преобразования осуществлялись в условиях фактически опустошенного государственного бюджета и тотального дефицита.

Более чем двадцатилетний период существования постсоветской России – достаточное время для подведения итогов реформирования российского экономического, политического и правового пространства. Для того чтобы оценить эти итоги, вначале кратко рассмотрим тенденции пространственного развития и государственной региональной политики в разрезе двух временных периодов (более подробно эти вопросы освещены в наших работах [2–9]):

1990-е гг. – период начала формирования российского государства в современных границах после распада СССР, сопровождавшийся масштабной политической и радикальной экономической реформами (период президентства Б. Ельцина).

2000-е гг. – период укрепления вертикали президентской власти и укрепления экономических и политических позиций России в мировом сообществе (период президентства В. Путина – Д. Медведева).

1. Тенденции пространственного развития Российской Федерации

После распада СССР в 90-е гг. прошлого века экономическая активность концентрировалась в основном в столичных городах (Москва и Санкт-Петербург) и на территориях добычи углеводородов (Тюменская область и ее автономные округа). Это резко усилило межрегиональные диспаритеты в пространственном развитии: различия в производстве валового регионального продукта и продукции промышленности на душу населения по субъектам Федерации достигали 15–25 раз. Положение усугублялось введением новых принципов налогообложения крупнейших ресурсодобывающих компаний: они стали платить налоги по месту регистрации (в основном в Москве), а не по месту основного производства (например, в Сибири и на Дальнем Востоке). В результате налогооблагаемая база местных правительств была искусственно завышена в столице и существенно занижена в восточных регионах страны, что сильно влияло на их финансовое положение.

Развитие на остальных территориях страны находилось на грани саморазрушения. Чтобы предотвратить сепаратистские тенденции, Президент Б. Ельцин выдвинул российским регионам популистский лозунг «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» (его дословное высказывание на митинге в столице Республики Татарстан Казани в августе 1990 г.). Это привело, с одной стороны, к принятию местными парламентами и законодательными собраниями конституций, уставов регионов, дру-

гих законодательных актов, которые противоречили Конституции России и федеральному законодательству. В то же время передача многих расходных полномочий в регионы и муниципалитеты (как отражение процессов децентрализации) никак не сопровождалась мерами по увеличению доходных источников местных бюджетов. Федеральная поддержка в этот период в существенной степени осуществлялась по политическим предпочтениям и вне бюджетного федерализма. Основная ее часть оседала в таких национальных республиках, как Татарстан и Башкортостан. Федеральные целевые программы, ориентированные на поддержку других территорий, финансировались в лучшем случае на 5–10 %.

В этот период получила развитие концепция «свертывания экономической активности» на Востоке страны (в Сибири и на Дальнем Востоке) якобы в силу дороговизны поддержки там сфер жизнедеятельности и инфраструктуры. Для обоснования этого тезиса привлекались оценки зарубежных экспертов. Вследствие обвального сокращения производства, структурных сдвигов и в результате ликвидации государственного заказа на производство продукции оборонного значения ряд крупных субъектов Федерации, в советский период бывших передовыми, вошли в категорию новых депрессивных регионов.

В 1990-е гг. существенно обострились экономические и социальные проблемы в национальных республиках Северного Кавказа, сопровождающиеся массовой безработицей и резко усиливающейся «исламизацией» общества. Сепаратистские тенденции привели к провозглашению лозунга по выходу Чеченской Республики из состава России. Это привело к масштабным боевым действиям на территории Северного Кавказа. Фактически на территории России сформировался анклав территорий, живших не по законам светского государства, а по законам шариата, что немыслимо в цивилизованной федерации.

Таким образом, на рубеже веков страна была поставлена на грань экономической и политической катастрофы. И тенденции регионального развития подтверждали этот вывод.

В 2000 гг. после прихода к власти Президента В. Путина (которого на один срок сменил Президент Д. Медведев) ситуация в региональном развитии России, безусловно, изменилась в лучшую сторону вследствие качественного изменения в экономической ситуации в стране (чему в немалой степени способствовал рост цен на углеводороды), но она приобрела новые специфические черты. Как отмечалось выше, этот период начался крупными мерами по «укреплению вертикали государственной власти», что сопровождалось усилением централизации в сфере недропользования и лишением регионов ряда полномочий по управлению ресурсами. К позитивным тенденциям в региональном развитии России в этот период стоит отнести:

- гармонизацию межбюджетных отношений, в результате федеральные трансферты в субъекты Федерации стали распределяться «по формуле»;
- начало реализации крупных федеральных программ в ряде регионов с активной поддержкой как по линии федерального бюджета, так и крупного бизнеса. Российский бизнес все более отчетливо оформил свое «присутствие» в конкретных регионах и стал активно влиять на многие стороны регионального развития;

- успешную реализацию рядом субъектов Федерации собственных «моделей развития» с учетом своих конкурентных преимуществ²;
- приход к власти в регионах новых команд управленцев, более профессиональных и умеющих решать не только тактические, но и стратегические задачи;
- формирование на новой основе системы регионального стратегического планирования, которая нашла отражение в стратегиях развития федеральных округов (здесь «пионером» был Сибирский федеральный округ), субъектов Федерации и крупных городов. Это, безусловно, повысило качество регионального управления [10];
- начало формирования на федеральном, межрегиональном и региональном уровне новых институтов развития (инвестиционный фонд; открытые экономические зоны; технопарки; наукограды; промышленные парки и промышленно-логистические парки и т.д.);
- формирование новой северной и арктической доктрины России, что, безусловно, чрезвычайно важно, учитывая стратегическое и ресурсное значение северных и арктических территорий. В 2013 г. была принята Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.

Влияние глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. на процессы регионального развития в России проявилось в том, что в этот период произошло относительное сокращение межрегиональных различий. Кризис оказал наиболее сильное влияние на развитые субъекты Федерации, в то время как система государственного вмешательства по демпфированию негативных социальных последствий кризиса в большей мере была заметна в депрессивных и отсталых регионах. В целом география кризиса была достаточно очевидна. На первом самом тяжелом этапе он в наибольшей степени затронул регионы европейской части России, специализирующиеся на поставках малоконкурентной продукции на внутренний рынок, а также сырья – на внешний. В тяжелом положении оказались регионы «металлургической» специализации Урала, Сибири, Центральной и Северо-Западной России. Крупные города также испытали шоковый кризисный период, в основном связанный с обвальным сокращением строительства и отчасти – сегмента банковского сектора и сферы услуг.

В целом в 2000-х гг. ряд проблем регионального развития России, доставшихся «в наследство» от прошлого, частично удалось решить. Но тем не менее пространственное развитие страны осуществлялось в этот период в существенной степени спонтанно. До сих пор в России отсутствует целостная Стратегия территориального (пространственного) развития – основной

² Так, за последние полвека Новосибирская область трижды сменила свои позиции в экономической системе страны: она прошла путь от одного из наиболее развитых регионов Российской Федерации в 60–80-е гг. прошлого века со специализацией на развитие машиностроения к позиционированию как «нового депрессивного региона» начиная с конца 1980-х гг. до окончания 1990-х и, наконец, с первых лет нового тысячелетия вхождение в группу одного из наиболее динамично развивающихся российских регионов с диверсифицированной структурой экономики и с ориентацией на инновационный путь развития. Этот регион реализовал эффективную модель развития с ориентацией принципа «опоры на собственные силы» и использованием преимуществ своего географического положения и крупнейшего в стране научно-инновационного потенциала.

концептуальный документ, который должен определить и законодательно закрепить пространственные приоритеты развития России в долгосрочной перспективе в контексте национальной безопасности и устойчивого развития всей страны; отсутствует Генеральная схема расселения населения.

В этот период не было принято эффективных мер по решению проблем «моногородов» (в том числе «закрытых» городов, обслуживающих крупные объекты оборонно-промышленного комплекса; «углегородов» и т.д.). Не происходило качественных изменений в институтах и механизмах недропользования, что лишало «сырьевые» территории материальных и финансовых ресурсов, необходимых для реализации эффективной социальной и природоохранной политики.

Конечно, по мере улучшения экономической ситуации в стране появились финансовые возможности для крупномасштабной поддержки отдельных территорий (проблемных регионов и новых «точек» экономического роста). Однако эти федеральные ресурсы концентрировались в основном в трех направлениях: на развитие республик Северного Кавказа (в основном на восстановление Чеченской Республики)³, на «имиджевые» проекты, имеющие весьма отдаленное отношение к оптимизации пространственного развития страны (объекты зимней Олимпиады в Сочи⁴ и универсиады в Казани, инфраструктура саммита АТЭС во Владивостоке и т.д.) и на «полировку российской витрины» – обустройство столичных городов Москвы и Санкт-Петербурга с реализацией там крупных инфраструктурных и инновационных («Сколково») проектов. Действительно приоритетные направления модернизации пространственного развития страны (например, обновление транспортной инфраструктуры Востока России) оставались без масштабной государственной поддержки.

В результате крупные российские территории, имеющие стратегическую значимость (Сибирь, Дальний Восток), не стали стратегическими приоритетами в пространственной политике России.

Так, государственная политика в отношении Сибири недостаточно системна, здесь до сих пор доминируют отдельные и не связанные друг с другом акции. Масштаб госинвестиций в ее развитие на порядок ниже, чем в имиджевые проекты в других регионах. Даже правильные в принципе предложения о формировании новых институтов для поддержки восточных районов (например, предложения о формировании Государственной корпорации развития Сибири и Дальнего Востока) воспринимаются в обществе и в экспертной среде очень неоднозначно. Доминирует мнение, что они соз-

³ Республики Северного Кавказа получают в настоящее время от федерального центра десятую часть всех инвестиций и трансфертов, предназначенных для перераспределения всем субъектам Федерации, причем треть северокавказских трансфертов приходится на Чеченскую Республику.

⁴ Стоимость объектов сочинской Олимпиады 2014 г. уже сейчас оценивается более чем в 50 млрд долл. и продолжает постоянно возрастать. Мы не будем здесь давать оценку целесообразности проведения Олимпиады в России в условиях, когда многие сегменты социальной сферы, регионы и города испытывают хронический дефицит федеральной поддержки. Сошлемся лишь на факт массовых протестов и демонстраций в Бразилии в 2013 г. против проведения в этой стране чемпионата мира по футболу. Жители этой страны, где футбол является национальным культом, показывают пример гражданской сознательности и трезвой оценки приоритетности вложений в решение социальных проблем по сравнению с затратами на ресурсоемкие имиджевые мероприятия.

даются не для концентрации ресурсов для поддержки восточных районов, а для концентрации эффектов от эксплуатации их природных ресурсов в интересах Центра и столичных финансово-промышленных групп, что здесь велики коррупционные риски.

В то же время наш анализ показал, что даже в сложной обстановке последнего десятилетия и влияния последствий глобального финансово-экономического кризиса, в южно-центральной части Сибири начался процесс формирования межрегионального (Новосибирская область – Томская область – Красноярский край) инновационного кластера, основы которого были заложены еще в советский период. Его влияние на изменение традиционной специализации сибирского макрорегиона в последние годы становится все более ощутимо. В рамках этого кластера реализуются практически все новые институты развития (технопарки, особые экономические зоны, технологические платформы и др.) и это становится важным вектором модернизации экономики всей Сибири. Более того, в южной зоне Сибири роль и влияние этих институтов развития выше, чем по России в целом. Есть основания полагать, что в предстоящее десятилетие инновационный сегмент экономики Сибири окажет заметное влияние на опережение темпов экономического роста макрорегиона над среднероссийскими наряду с влиянием роста нефте- и газодобычи на новых месторождениях Красноярского края и Иркутской области. Однако это потребует существенно большей, чем в настоящее время государственной поддержки (в том числе и в виде увеличения финансирования Сибирского отделения РАН, способного обеспечить серьезную научную платформу инновационного развития Сибири).

Завершая краткий синопсис тенденций пространственного развития России, отошлем читателя к чрезвычайно интересным исследованиям д.г.н., проф. Н.В. Зубаревич, которые позволили ей достаточно четко идентифицировать «четыре России»⁵, очень сильно различающиеся экономическими, социальными и политическими тенденциями развития [1]. Эти исследования отчетливо выявили факт исключительно сильной негомогенности российского экономического пространства, которая проявляется в экономической сфере, в готовности регионов к инновационному развитию, в уровнях благосостояния населения, в электоральных предпочтениях местных сообществ и т.д. В принципе трудно найти пример крупного государства мира с гомогенной пространственной структурой экономики и общества, но в

⁵ «Первая Россия» – это «страна» больших городов. Их количество невелико – 73, но в них сосредоточено более 21 % населения страны. Преимущества крупных городов федерального значения очевидны: они являются лидерами постиндустриальной экономики с достаточно высоким уровнем развития и увеличивающейся долей среднего класса в численности населения. «Вторая Россия» – «страна» промышленных городов с населением от 20 до 250 тыс. человек, здесь проживает более четверти населения страны и в самой нестабильной ее части – в монопрофильных городах – около 10 %. Здесь невысок человеческий капитал, многие города испытывают тяготы деиндустриализации. «Третья Россия», в которой сконцентрирована треть населения страны – это огромная территория на периферии, пространство села и малых городов с огромными проблемами самовывживания. «Четвертая Россия» – слаборазвитые республики Северного Кавказа и юга Сибири (Алтай и Тыва), где проживает менее 6 % населения. В «четвертой России» особенно сильна коррупция, местные кланы борются за власть и ресурсы, здесь существуют сильные этнические и религиозные противоречия. Доля теневой экономики составляет на Северном Кавказе более 50 %.

России уровень пространственной неомогенности существенно выше, чем в других крупных развитых странах. Она, безусловно, существенно снижает возможность реализации унифицированной региональной, социальной, научно-технической, инфраструктурной политики в России и настоятельно требует учета в этих управленческих политиках федерального центра пространственных факторов и аспектов.

2. Тенденции российской региональной политики

Позиция автора состоит в том, что с учетом громадной протяженности российского экономического пространства, исключительно сильных различий субъектов Федерации по наличию и разнообразию природных ресурсов, уровням развития производства и социальной сферы региональная политика должна стать важнейшей управленческой политикой России. В то же время долгое время как в прошлом СССР, так в постсоветской России региональная политика и государственное регулирование и управление территориальным развитием находились на «задворках» социально-экономической политики государства. В советское время она была подменена централизованной политикой размещения производительных сил страны. В 1990-е гг. в условиях глубокого экономического кризиса российская региональная политика «де-факто» отсутствовала, так как не было финансовых и материальных ресурсов для ее реализации. Российские регионы были фактически поставлены в условия «самовыживания»; в этот период получили развития различного рода межрегиональные бартерные схемы и взаимозачеты, реализуемые местными правительствами, которые позволяли хоть как-то обеспечивать выживаемость субъектов Федерации и городов. На рубеже веков было даже ликвидировано федеральное ведомство, ответственное за реализацию региональной политики.

В 2000-е гг. наметился прогресс в развитии теории и практики региональной политики в Российской Федерации. Так, на федеральном и региональном уровне начали одновременно осуществляться три реформы: административная, муниципальная, реформа бюджетирования. Был практически завершен процесс приведения в соответствие регионального и федерального законодательства. Усилились финансовые ресурсы региональной политики и появились ее новые формы, инструменты и институты (помимо традиционных федеральных целевых программ региональной направленности). Начали создаваться институциональные структуры региональной политики и здесь наиболее важным шагом стало воссоздание Министерства регионального развития РФ. Происходило совершенствование административно-территориального деления России, нашедшее отражение в объединительных процессах ряда сложносоставных субъектов Федерации. На уровне федеральных округов и субъектов Федерации заметно интенсифицировалась работа по формированию стратегических программных документов регионального развития. Были разработаны документы, которые характеризуют правовые основы и саму идеологию региональной политики (проект федерального закона «Об основах государственной региональной политики, порядке ее разработки и реализации» и «Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации»).

Несмотря на важность этих шагов, региональная политика современной России (и ее институциональные структуры) по своей значимости, приоритетности и размеру выделяемых ресурсов существенно уступают макроэкономической и бюджетно-финансовой политике государства. Фактически отсутствует законодательная база российской региональной политики. До сих пор отсутствует Стратегия регионального развития России, с которой должны корреспондировать стратегии развития макрорегионов, федеральных округов и субъектов Федерации. Это породило, с одной стороны, существенное усиление межрегиональных диспаритетов на экономическом и политическом пространстве России, с другой – обрекло субъекты Федерации и города на зависимость от федеральной поддержки (которая стала рассматриваться как безальтернативный способ решения региональных проблем), привело к излишней и гипертрофированной межрегиональной конкуренции.

Положение усугублялось провозглашением неверно выбранной модели государственной региональной политики, основанной лишь на поддержке «регионов-локомотивов» и отказе от «политики выравнивания» уровней социально-экономического развития регионов. Такая региональная политика «поляризованного развития» на базе государственной поддержки «регионов-локомотивов» еще 5–7 лет назад провозглашалась в качестве генеральной линии, реализуемой Министерством регионального развития РФ. Однако мы считаем, что государственная региональная политика неизбежно должна сочетать два внешне взаимоисключающих направления: поддержки депрессивных и отсталых регионов и поддержки региональных «точек роста».

Региональная политика, основанная на межрегиональном перераспределении государственных ресурсов, должна строиться на «прозрачной» основе, сопровождаемой сильным мониторингом эффективности использования выделяемых на ее основные цели ресурсов и контролем общества над их расходованием. Должен быть достигнут общественный консенсус как по поводу стратегических приоритетов региональной политики, так и по поводу масштабов средств, выделяемых на те или иные ее проблемные зоны. Однако современная российская практика пока не использует этот важнейший принцип и постулат цивилизованной региональной политики, и это порождает серьезные проблемы.

Так, широко распространенный в российской общественной среде лозунг «Хватит кормить Кавказ», с одной стороны, порожден слабой информированностью общества о реальных и очень сложных социально-экономических проблемах этой территории, с другой – широко известными фактами, когда депрессивные и отсталые северокавказские субъекты Федерации живут явно не по средствам. Например, в интервью агентству «Интерфакс» 19 августа 2013 г. Министр финансов России А. Силуанов отметил, что траты бюджета на содержание госслужащих в кавказских республиках значительно выше, чем в среднем по России. Здесь также существенно выше количество служебных автомобилей на одного чиновника (например, в Чеченской Республике число автомобилей на балансе государственных органов составляет 0,27 единиц на одного сотрудника, тогда как в среднем по России тот же показатель равен 0,06). Центр Грозного украшают мечеть

«Сердце Чечни» – одна из самых больших в мире и «Грозный Сити» – комплекс пустующих современных высотных зданий. Это прямое и косвенное доказательство непрозрачности российской региональной и межбюджетной политики.

Таким образом, государственная региональная политика России пока находится лишь на начальной стадии своего становления и ее идеология, институты и инструменты нуждаются в серьезном усилении.

3. Основные выводы и итоги

Итак, федерализм и пространственное развитие современной России, ее региональная политика характеризуются противоречивыми тенденциями. С одной стороны, в последнее десятилетие удалось преодолеть (или смягчить) ряд крайне опасных и негативных тенденций периода начала экономических и политических реформ российского постсоветского пространства. С другой стороны, модернизационные преобразования страны последнего десятилетия лишь в очень слабой степени были направлены на совершенствование пространственного развития и на государственную региональную политику, которая должна была обеспечивать такую модернизацию. До сих пор общегосударственная экономическая, социальная, научно-техническая политика России реализует «точечный подход» (по терминологии академика А.Г. Гранберга), т.е. без явного и очень четко продуманного учета пространственных факторов, условий и последствий в реализации этих управленческих политик. Осуществляемые федеральным центром меры по совершенствованию пространственной организации экономики и общества при всей их малозначительности к тому же бессистемны и лишены необходимой институциональной и правовой поддержки. Российский федерализм вплотную приблизился к черте, разделяющей унитарные и федеративные государства.

Возникает почти риторический вопрос: что происходит с федерализмом и региональным развитием России: модернизация или деградация? Официальные круги полагают первое, общество склоняется ко второму варианту оценки. Думается, что правда, как всегда, посередине... Мы не склонны к алармистским оценкам предстоящей российской перспективы (с позиций тенденций развития федерализма и пространственного развития страны). Как отмечалось выше, все более отчетливо на российском экономическом пространстве появляются новые точки роста, экономической активности, социального благополучия, инновационной экономики. Но в существенной степени это происходит не как процесс, инициируемый и поддерживаемый «сверху», а как результаты осознанной политики «снизу» – со стороны местных правительств, местного бизнеса, местных сообществ. И это внушает сдержанный оптимизм.

Оценивая прошлые и настоящие тенденции, мы также должны задаться вопросом: а являются ли отмеченные негативные стороны пространственного развития России чем то уникальным, особой «национальной чертой» нашей страны, или же это общемировые тенденции? Что касается отечественной специфики негомогенности российского экономического пространства мы уже кратко высказались выше. А как быть со второй, крайне

важной особенностью – резкой дифференциацией российских регионов по тенденциям экономического и социального развития⁶?

Мировая практика показывает, что межрегиональные неравенства и диспаритеты, пространственная дифференциация присущи всем странам и они тем больше, чем больше размеры страны и естественные природно-ресурсные различия входящих в ее состав регионов. Более того, эта же практика показывает, что усиление пространственной дифференциации – неизбежная цена всех экономических реформ, когда каждое национальное правительство в своей политике сталкивается с дилеммой: экономическая эффективность и экономический рост на этой основе или социальная (в нашем случае пространственная) справедливость? Опыт Китая, Индии, Бразилии, других стран показывает, что их бурный рост в последние десятилетия неизбежно сопровождался усилением поляризации в их региональном развитии.

Специфика России заключается не в самом факте наличия межрегиональных неравенств, а в том, что, во-первых, они являются просто чрезмерными, нехарактерными для высокоразвитых государств и, во-вторых, в отсутствии (или слабости) государственной политики по их преодолению, в неготовности государства признать это приоритетной стратегической задачей.

Опять-таки обратимся к опыту Китая. Феноменальный экономический рост этой страны на протяжении нескольких последних десятилетий сопровождался существенным усилением различий в уровнях и эффективности производства, в уровнях благосостояния южных (и ряда центральных) провинций, ставших мировыми центрами развития высокотехнологичных производств, электроники, легкой промышленности и т.д. и северных и северо-восточных провинций страны. В результате доля трех северо-восточных провинций Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) в промышленности страны сократилась с 16,2 % в 1980 г. до 9,6 % в 2000 г.

В начале нового тысячелетия руководство КНР выдвинуло задачу «подтягивания» этих отстающих регионов до уровня передовых на основе реструктуризации производства и реализации здесь мощных инфраструктурных проектов (в первую очередь в области транспортного строительства). Основным инструментом государственной политики в области выравнивания уровней развития китайских провинций стали крупные государственные программы, реализуемые на принципах государственно-частного партнерства.

В частности с 2003 г. успешно осуществляется Программа модернизации старопромышленной базы Северо-Востока Китая, адаптированная к структурным особенностям этого региона (высокая доля добывающих отраслей, тяжелой промышленности, машиностроения, нефтедобычи и т.д.) и к исторической специфике (значительная часть этой старопромышленной базы создавалась с помощью СССР и на советском оборудовании, которое сильно устарело и нуждалось в массовой замене). В результате реализации этой программы темпы роста Северо-Востока КНР стали устойчиво превышать среднекитайские, с 2004 по 2011 г. ВРП этого макрорегиона увели-

⁶ Очевидно, что гомогенность экономического пространства любого государства и тенденции дифференциации в уровнях развития регионов связаны самым тесным образом.

чился в три раза. Получили развитие новые прогрессивные отрасли (автомобилестроение, авиастроение и др.), на качественно новой основе стало развиваться сельское хозяйство, существенно снизился (до 4,3 %) уровень официально зарегистрированной безработицы. Аналогичные преобразования происходят в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе.

Очевидно, что реализация таких государственных программ по выводу северных и северо-восточных провинций КНР на более высокие позиции в стране в существенной степени учитывала стратегические и геополитические приоритеты государства. Характерно, что в КНР взят курс на последовательное укрепление приграничного сотрудничества и системы межрегиональных экономических и политических взаимодействий во всей Северо-Восточной Азии, и здесь Китай не без основания претендует на роль лидера⁷. Все эти преобразования находятся в резком диссонансе с итогами развития Дальнего Востока и с реализацией аналогичной российской Государственной программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Байкальского региона (и с ее предшественниками – чисто «дальневосточными» программами).

Опыт Китая в принципе доказывает достаточно высокую эффективность традиционных для СССР (и для современной России) централизованных методов и механизмов государственного регулирования территориального развития на основе использования крупномасштабных государственных программ. Для России поучителен не только китайский опыт официального признания выравнивания уровней регионального развития в качестве приоритетной и стратегически важной задачи государства, но и реальное наполнение этих лозунгов масштабными инвестициями, перераспределением ресурсов, институциональной поддержкой (и, естественно, поддержкой по линии китайской компартии).

Другой полярный пример целенаправленных действий по сокращению межрегиональных неравенств показывает объединенная Европа. Европейская политика регионального развития базируется на политическом принципе, в соответствии с которым более богатые страны и регионы должны проявлять солидарность с более бедными, а также на экономическом принципе, в соответствии с которым более низкие объемы производства в бедных странах-участниках и регионах или странах и регионах с высокими уровнями безработицы представляют собой потерю потенциала и возможности для Европейского союза в целом [11, 12]. Снижение отсталости в уровнях развития регионов стало ключевой стратегической целью Европейского союза с самого начала его формирования и, самое главное, на эти цели тратится около 40 % общеевропейского бюджета.

Европейская региональная политика направлена также на максимизацию вертикальной и горизонтальной интеграции. В рамках системы вертикального управления различные уровни наднациональных (ЕС в целом), национальных, региональных и местных органов власти стимулируются с помощью специализированных планов и программ. В рамках системы горизонтального управления компании социальные группы и институты

⁷ Так, ежегодно в Харбине проводится Международный форум «Региональное развитие и сотрудничество в Северо-Восточной Азии». В 2013 г. прошел уже шестой такой форум (автор является их постоянным участником).

гражданского общества активно участвуют в реализации европейской региональной политики и ее органов управления; у них есть возможность влиять на стратегии регионального развития и формировать свои стратегии в собственных секторах и сферах.

Региональная политика ЕС периодически корректируется, чтобы обеспечить ее адаптацию к бурно изменяющемуся миру и к внешней среде. Последняя реформа в этом сегменте наднационального управления, которая проводилась в 2006 г., была ориентирована на развитие в регионах «экономики знаний», на децентрализацию управления и финансового контроля и т.д. Важнейшим инструментом европейской региональной политики были и остаются т.н. «структурные фонды», в которых концентрировались колоссальные ресурсы для решения целевых и наиболее острых проблем регионального развития в Европе (например, борьба со структурной безработицей).

Европейский опыт реализации региональной политики показал, что позитивные изменения регионального развития в конкретных странах – членах ЕС происходили только в тех случаях, когда, во-первых, освоение фондов ЕС было основано на последовательной структурной политике, осуществляемой в течение ряда лет, и, во-вторых, когда региональная политика не концентрировалась на своих традиционных направлениях (например, по поддержке развития инфраструктуры, способствующей «сближению» регионов), а на мобилизации современных движущих сил пространственного развития (поддержка инновационного развития в отстающих регионах и развития там бизнес-услуг, новые подходы к организации промышленного и сельскохозяйственного производства и к развитию человеческого потенциала на местном уровне и т.д.). И, наконец, европейская региональная политика показывала свои позитивные результаты лишь при последовательном использовании принципа субсидиарности и софинансирования программных мероприятий, когда ЕС в целом, национальные правительства и региональные власти делили финансовое бремя и ответственность за поддержку конкретных направлений регионального развития.

Для России важны и некоторые негативные результаты европейской региональной политики. Так, те депрессивные и отсталые регионы, которые строили свою политику лишь на основе ожидания крупного финансирования со стороны ЕС и не предпринимали усилий для мобилизации собственных ресурсов и новых региональных «точек роста», не смогли улучшить свое позиционирование в общеевропейском экономическом пространстве (последнее особенно явно проявилось в новых странах – членах ЕС Центральной и Восточной Европы).

Таким образом, европейская региональная политика использует более «тонкие» и более современные методы, инструменты и институты, чем, например, китайский опыт государственного регулирования пространственного развития. Но она, в свою очередь, требует и более зрелого уровня развития демократии, гражданского общества, ментальности как элит, так и отдельных социальных групп. Поэтому не случайно, что в последнее десятилетие европейская региональная политика трансформировалась в «политику сплочения» (Cohesion Policy) – здесь само название говорит за

себя: это политика осознанной «дискриминации» более «богатых» регионов Европы в пользу «бедных» ради единства и сплочения всего европейского пространства с помощью специальных «фондов сплочения» [13]. Как отмечалось в материалах Еврокомиссии, средства европейских «фондов сплочения» будут распространяться на сферы, стимулирующие рост экономики и уровня занятости в регионах ЕС, а не просто на перераспределение финансовых ресурсов. Среди основных приоритетов нынешней программы политики сплочения Комиссия называет инвестиции в сферу науки и технологического развития; информационно-компьютерные технологии; развитие малых и средних предприятий; развитие общего и профессионального обучения. В целом указанные направления корреспондируют с целями Лиссабонской стратегии, нацеленной на содействие росту ВВП и занятости в ЕС путем создания наукоемкой и конкурентоспособной экономики.

Очевидно, что региональная политика постсоветской России и «неявная» (т.е. официально не артикулируемая) парадигма пространственного развития страны слабо вписываются в современные мировые тенденции. Фактически только в настоящее время региональная политика в нашей стране начинает постепенно формировать свои черты, как с учетом мирового опыта, так и российской специфики. Тем не менее мы полагаем, что генезис региональной политики России неизбежно должен привести к ее трансформации в политику, аналогом которой является «политика сплочения» ЕС («cohesion policy»), однако это потребует изменений в самой модели российского федерализма и его переориентации на «федерализм сотрудничества».

Литература

1. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
2. *Селиверстов В.Е.* Современные проблемы региональной политики и федерализм в России // *Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт: сб. науч. тр.* Новосибирск: ИЭиОПП, 1995. Вып. 2. С. 36–52.
3. *Селиверстов В.Е.* Федерализм и региональная политика в России в условиях укрепления вертикали власти // *Регион: экономика и социология.* 2004. № 1. С. 26–56.
4. *Селиверстов В.Е.* Региональная политика России: выбор новой модели // *Регион: экономика и социология.* 2006. № 4. С. 15–40.
5. *Селиверстов В.Е.* Мифы и рифы территориального развития и региональной политики России // *Регион: экономика и социология.* 2008. № 2. С. 194–224.
6. *Селиверстов В.Е.* Новая концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации // *Регион: экономика и социология.* 2008. № 4. С. 3–14.
7. *Селиверстов В.Е.* Две модели региональной политики // *ЭКО.* 2008. № 4. С. 88–92.
8. *Селиверстов В.Е.* Трансформации федерализма и региональной политики в России на рубеже веков // *Оптимизация территориальных систем / под ред. С.А. Суспицына.* Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. С. 300–318.
9. *Селиверстов В.Е.* Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы / отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 495 с.
10. *Селиверстов В.Е.* Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 436 с.

11. *Хорват Д.* Вызовы регионального развития и территориальной политики в Европе в начале XXI века // Современные проблемы пространственного развития. М.: СОПС, 2012. С. 87–98.
12. *Horváth D.* Regionalization in Eastern and Central Europe: obstacles and perspectives // *Geography, environment, sustainability* 5: (2), 2012. P. 4–17.
13. Territorial Cohesion in Europe: Int. Conf. for the 70th Anniversary of the Transdanubian Research Institute. Pecs, 27-28 June 2013 / ed. I.P. Kovacs, J. Scott, Z. Gal; Inst. for Regional Studies, Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Acad. of Sciences. Pecs, 2013. 516 p.

Bibliography

1. *Zubarevich N.V.* Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizacija. M.: Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2010. 160 p.
2. *Seliverstov V.E.* Sovremennye problemy regional'noj politiki i federalizm v Rossii // Federalizm i regional'naja politika: problemy Rossii i zarubezhnyj opyt: sb. nauch. tr. Novosibirsk: IJeOPP, 1995. Vyp. 2. P. 36–52.
3. *Seliverstov V.E.* Federalizm i regional'naja politika v Rossii v usloviyah ukreplenija vertikal'noj vlasti // Region: jekonomika i sociologija. 2004. № 1. P. 26–56.
4. *Seliverstov V.E.* Regional'naja politika Rossii: vybor novej modeli // Region: jekonomika i sociologija. 2006. № 4. P. 15–40.
5. *Seliverstov V.E.* Mify i rify territorial'nogo razvitija i regional'noj politiki Rossii // Region: jekonomika i sociologija. 2008. № 2. P. 194–224.
6. *Seliverstov V.E.* Novaja koncepcija sovershenstvovanija regional'noj politiki v Rossijskoj Federacii // Region: jekonomika i sociologija. 2008. № 4. P. 3–14.
7. *Seliverstov V.E.* Dve modeli regional'noj politiki // JeKO. 2008. № 4. P. 88–92.
8. *Seliverstov V.E.* Transformacii federalizma i regional'noj politiki v Rossii na rubezhe vekov // Optimizacija territorial'nyh sistem / pod red. S.A. Suspicyna. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2010. P. 300–318.
9. *Seliverstov V.E.* Strategicheskie razrabotki i strategicheskoe planirovanie v Sibiri: opyt i problemy / otv. red. V.V. Kuleshov; IJeOPP SO RAN. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2010. 495 p.
10. *Seliverstov V.E.* Regional'noe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike/ otv. red. V.V. Kuleshov; IJeOPP SO RAN. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2013. 436 p.
11. *Horvat D.* Vyzovy regional'nogo razvitija i territorial'noj politiki v Evrope v nachale XXI veka // Современные проблемы пространственного развития. М.: SOPS, 2012. P. 87–98.
12. *Horváth D.* Regionalization in Eastern and Central Europe: obstacles and perspectives // *Geography, environment, sustainability* 5: (2), 2012. P. 4–17.
13. Territorial Cohesion in Europe: Int. Conf. for the 70th Anniversary of the Transdanubian Research Institute. Pecs, 27-28 June 2013 / ed. I.P. Kovacs, J. Scott, Z. Gal; Inst. for Regional Studies, Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Acad. of Sciences. Pecs, 2013. 516 p.

УДК 311.313

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

А.А. Кисельников, И.В. ЩербакТерриториальный орган Федеральной службы
государственной статистики по Новосибирской области

E-mail: oblstat@novosibstat.ru

В статье рассматриваются итоги развития Сибирского федерального округа с позиций макроэкономических показателей, рассчитываемых на региональном уровне, таких как валовой региональный продукт; параметры, характеризующие уровень жизни населения и т.д. Подробно отражены состояние и динамика базовых отраслей экономики территории. В работе оценивается вклад округа в экономику Российской Федерации, уровень его экономического и социального развития на фоне других федеральных округов, ситуация в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа. Сделаны выводы и рекомендации. В качестве информационной базы исследования использованы данные государственной статистики.

Ключевые слова: Сибирский федеральный округ, валовой региональный продукт, базовые отрасли экономики, уровень жизни.

MACROECONOMIC INDICATORS OF THE DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

A.A. Kiselnikov, I.V. ScherbakTerritorial body of the Federal State Statistics Service
of the Novosibirsk region

E-mail: oblstat@novosibstat.ru

The report examines the results of the development of the Siberian Federal District in terms of macroeconomic indicators calculated at the regional level, such as gross regional product, the parameters characterizing a standard of living of the population, etc. In detail a condition and dynamics of key branches of economy of the territory are reflected. This paper estimates the contribution of the of the district to economy of the Russian Federation, the level of its economic and social development in comparison with other federal districts, the situation in the subjects of the Russian Federation which are a part of Siberian federal district. The conclusions and recommendations are drawn. As an information base of research used data from the state statistics.

Key words: Siberian Federal District, gross regional product, key branches of economy, standard of living.

Сибирский федеральный округ (СФО) один из восьми (до 19.01.2010 г. – семи) федеральных округов Российской Федерации (РФ). В состав округа входит 12 субъектов РФ: 4 республики (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия), 3 края (Алтайский, Забайкальский, Красноярский) и 5 областей (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская).

СФО занимает 30,1 % территории РФ, здесь проживает 13,4 % населения России, на долю округа приходится 10,6 % суммарного объема ВРП РФ.

По площади территории СФО занимает второе место среди федеральных округов (после Дальневосточного), по численности населения – третье (после Центрального и Приволжского), по объему ВРП – четвертое (после Центрального, Приволжского и Уральского).

Итоги развития СФО за период с 2000 по 2012 г. свидетельствуют об ухудшении его позиций в экономическом пространстве РФ по большинству макроэкономических индикаторов [1–3, 6]. Удельный вес округа в суммарном объеме ВРП РФ снизился с 11,9 до 10,6 %¹, в объеме промышленного производства² – с 13,3 до 11,5 %, сельскохозяйственного производства – с 16,1 до 13,5 %, оборота розничной торговли – с 11 до 10,8 %. Увеличение доли округа за этот период наблюдалось по объему инвестиций в основной капитал с 8,5 до 11,3 %.

В 2012 г. округ занимал пятое место среди федеральных округов по объему промышленного производства и инвестиций в основной капитал (после Центрального, Приволжского, Уральского и Северо-Западного), четвертое – по объему производства сельскохозяйственной продукции (после Центрального, Приволжского и Южного), третье – по объему оборота розничной торговли (после Центрального и Приволжского).

Валовой региональный продукт. Наиболее общее представление о тенденциях в экономическом развитии региона показывают данные о динамике объема ВРП в постоянных ценах³. Данные, приведенные на рис. 1, свидетельствуют о том, что темпы экономического развития СФО отстают от среднероссийского уровня практически на всем протяжении рассматриваемого периода (2000–2011 гг.). Исключение составляют лишь 2001, 2004 гг., когда темпы роста ВРП СФО были выше, чем в целом по РФ, и 2009 г., когда на фоне мирового экономического кризиса объем ВРП округа снизился в меньшей степени по сравнению со средним показателем по РФ. Итогом таких ежегодных темпов экономического развития явился и гораздо более низкий темп прироста ВРП СФО за 2000–2011 гг., составивший 82,4 % против 94,3 % в среднем по РФ.

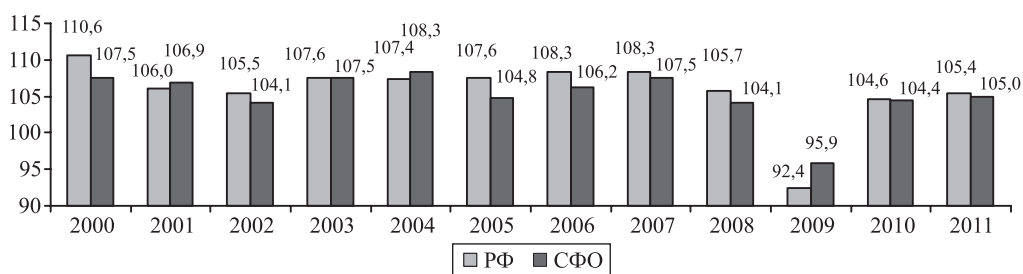


Рис. 1. Динамика объема ВРП Сибирского федерального округа и Российской Федерации в 2000–2011 гг., % к предыдущему году

¹ Данные за 2011 г.

² Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

³ Темп роста ВРП в постоянных ценах характеризует изменение реального (физического) объема ВРП и является аналогом темпа роста ВВП на федеральном уровне.

По темпам прироста ВРП СФО традиционно занимает одно из последних мест среди федеральных округов (табл. 1). Исключение опять-таки составляет 2009 г., когда снижение ВРП в округе было наименьшим среди федеральных округов.

Таблица 1

**Индексы физического объема ВРП по федеральным округам в 2000–2011 гг.,
% к предыдущему году**

Федеральный округ	2000–2007 гг. в среднем за год	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
РФ (из суммы регионов)	107,4	105,7	92,4	104,6	105,4
Федеральные округа:					
Центральный	108,7	107,5	89,2	103,0	104,8
Северо-Западный	107,4	104,7	94,9	104,4	106,1
Южный	107,9	108,5	92,8	105,4	106,5
Северо-Кавказский	109,7	108,4	101,2	103,5	106,5
Приволжский	106,4	105,2	92,5	105,5	106,8
Уральский	107,2	103,4	92,0	106,8	104,6
Сибирский	106,3	104,1	95,9	104,4	105,0
Дальневосточный	105,3	103,4	101,5	106,8	105,3

Невысокие темпы экономического развития отрицательно влияют на соотношение между среднедушевыми объемами ВРП СФО и РФ в целом. В 2000 г. разрыв между ними составлял 14,7 % в пользу среднего показателя по РФ, к 2011 г. он увеличился до 21,4 %. Среди федеральных округов по среднедушевому объему ВРП СФО занимает пятое место, опережая Приволжский, Южный и Северо-Кавказский округа.

Еще более сложная картина наблюдается в субъектах РФ, входящих в состав СФО. В 2011 г. средний уровень производства ВРП на душу населения в округе (249 тыс. руб.) превышен только в четырех регионах (Красноярском крае, Томской, Кемеровской и Иркутской областях). Выше среднероссийского уровня объем производства ВРП на душу населения в Красноярском крае и Томской области, при этом если Красноярский край занимает 9-е место в общероссийском рейтинге субъектов РФ по величине ВРП на душу населения, Томская область – 16-ю позицию, то следующие за ними по среднедушевому уровню ВРП в округе Кемеровская, Иркутская и Омская области занимают лишь 24, 27 и 35-е места. Минимальный уровень среднедушевого производства ВРП, традиционно наблюдаемый в Республике Тыва, занимавшей в 2000–2011 гг. 74–77-е место в общероссийском рейтинге, составляет лишь около 44 % от среднего уровня по округу и менее четверти от среднедушевого объема ВРП в Красноярском крае, занимающем ведущее место по уровню этого показателя в округе.

Промышленное производство составляет около 40 % объема ВРП СФО, в этой связи очевидно, что темпы экономического развития округа во многом зависят от темпов развития промышленного производства. В целом за период с 2000 по 2012 г. прирост объема промышленного про-

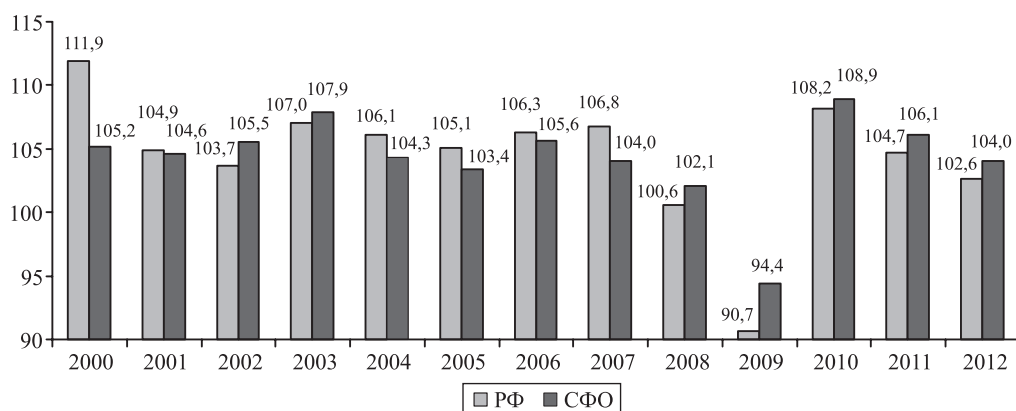


Рис. 2. Динамика объема промышленного производства Сибирского федерального округа и Российской Федерации в 2000–2012 гг., % к предыдущему году

изводства в СФО был ниже, чем по РФ (71,7 и 74,9 % соответственно). При этом, как видно из данных, представленных на рис. 2, на фоне мирового финансово-экономического кризиса ситуация в промышленном производстве округа изменилась в сторону опережения среднероссийских показателей.

Снижение объемов производства в 2009 г. было менее значительным, а прирост в 2010–2012 гг. более существенным. За 2010–2012 гг. прирост промышленного производства в округе составил 20,2 % к уровню 2009 г., по РФ в целом – 16,2 %. Более всего за этот период в округе выросли объемы производства по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» (на 34,5 % при среднем росте по РФ на 6,7 %), далее следуют «обрабатывающие производства» (на 16,5 и 23,9 % соответственно) и наименьший прирост достигнут в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (на 3,7 и 5,4 %).

Среди субъектов РФ, входящих в состав СФО, наибольший прирост промышленного производства в 2010–2012 гг. достигнут в Иркутской области (на 47,2 %), Республике Бурятия (на 45,4 %), Алтайском крае (на 34,1 %) и Новосибирской области (на 25,4 %).

Сельское хозяйство одна из базовых отраслей экономики РФ и СФО. Динамика его развития в значительной степени определяется агрометеорологическими условиями и, очевидно, в меньшей степени зависит от внешних факторов, таких, например, как мировой финансово-экономический кризис. В этой связи очевидным является тот факт, что динамика сельскохозяйственного производства не имеет явно выраженной тенденции, о чем свидетельствуют данные, представленные на рис. 3.

В рассматриваемом периоде худшие показатели для сельского хозяйства СФО зафиксированы в 2012 г., для РФ – в 2010 г., когда объем производства сельхозпродукции снизился на 10,4 и 11,3 % соответственно. В условиях же финансово-экономического кризиса результаты были совершенно другими. В 2008 г. по РФ в целом достигнут прирост сельскохозяйственного производства на 10,8 % по сравнению с предыдущим годом, в 2009 г. – на 1,4 %, по СФО в 2008 г. прирост составил 1,3 %, в 2009 г. – 10 %.

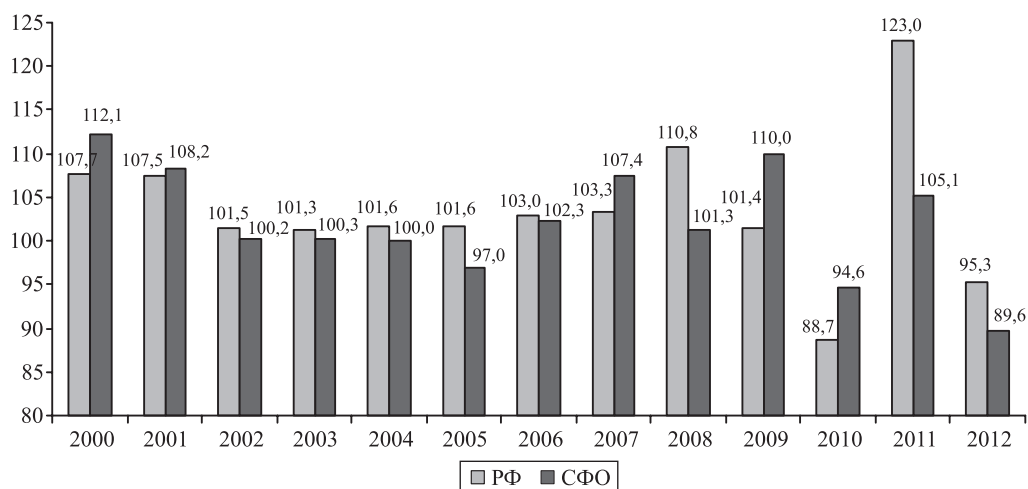


Рис. 3. Динамика объема продукции сельского хозяйства Сибирского федерального округа и Российской Федерации в 2000–2012 гг., % к предыдущему году

Инвестиции в основной капитал. В рассматриваемом периоде инвестиционная сфера округа развивалась опережающими темпами по сравнению со средними показателями по РФ (рис. 4). За период с 2000 по 2012 г. объем инвестиций в основной капитал в округе вырос в 4,4 раза при среднем росте по РФ в 3 раза.

Мировой финансово-экономический кризис негативно сказался на инвестиционных процессах России в целом и СФО. В 2008 г. снизились темпы роста инвестиций по сравнению с предыдущим годом (на 15,3 процентных пункта (п.п.) по СФО и на 12,8 п.п. по России в целом), а в 2009 г. сократился и сам объем инвестиций на 14,4 и 16,2 % соответственно. Вместе с тем следует отметить, что даже на фоне кризиса опережающая тенденция развития инвестиционной сферы округа сохранилась.

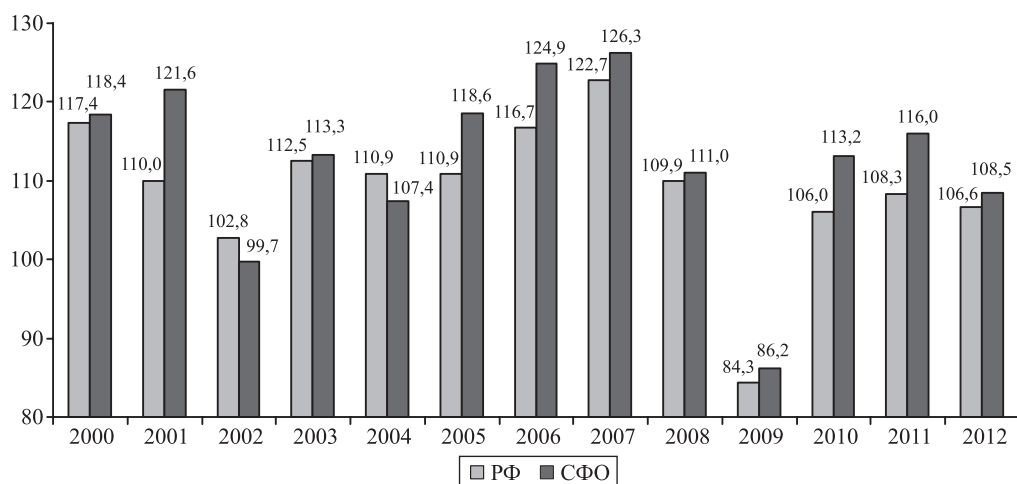


Рис. 4. Динамика объема инвестиций в основной капитал Сибирского федерального округа и Российской Федерации в 2000–2012 гг., % к предыдущему году

В 2010–2012 гг. объем инвестиций в округе увеличился на 42,5 % при среднем росте по РФ на 22,4 %. Среди субъектов РФ, входящих в состав СФО, более чем в 2 раза за этот период увеличились инвестиции в Республике Хакасия и Кемеровской области, на 60 % – в Республике Тыва, на 35–50 % – в Республике Бурятия, Алтайском и Красноярском краях, Омской области. Снижение объема инвестиций по сравнению с 2009 г. произошло только в Республике Алтай, где в 2012 г. он сократился по сравнению с предыдущим годом почти наполовину.

Потребительский рынок СФО в 2000–2012 гг. характеризовался достаточно высокими темпами роста оборота розничной торговли, за этот период он вырос в 3,3 раза, при среднем росте по РФ в 3,1 раза. Негативное влияние на потребительский рынок оказал мировой финансово-экономический кризис, снижение оборота розничной торговли в 2009 г. в округе было гораздо более существенным, чем по РФ в целом (рис. 5).

В 2010–2012 гг. темпы роста оборота розничной торговли в СФО как и по РФ значительно замедлились по сравнению с докризисным уровнем. Выше среднего уровня по округу (21,1 %) за этот период прирост оборота достигнут в Республике Хакасия (43,6 %), Омской области и Алтайском крае (примерно по 34 %), наименьший прирост сложился в Иркутской (5,8 %), Кемеровской (11,7 %) областях и Красноярском крае (12,2 %). При этом следует отметить, что на долю Красноярского края приходится 18 % объема оборота розничной торговли округа, на Кемеровскую область – 14 %, на Иркутскую – 11 %.

Одной из характеристик состояния потребительского рынка является динамика потребительских цен. Изменение цен на потребительском рынке СФО в 2000–2012 гг. в целом соответствовало среднероссийской тенденции (рис. 6). До 2006 г. включительно здесь наблюдалось снижение темпов роста цен (как и по России в целом), в 2007–2008 гг. было отмечено нарастание инфляционных процессов, которое в 2009–2012 гг. сменилось их некоторым снижением и стабилизацией примерно на уровне 6,3–6,7 %.

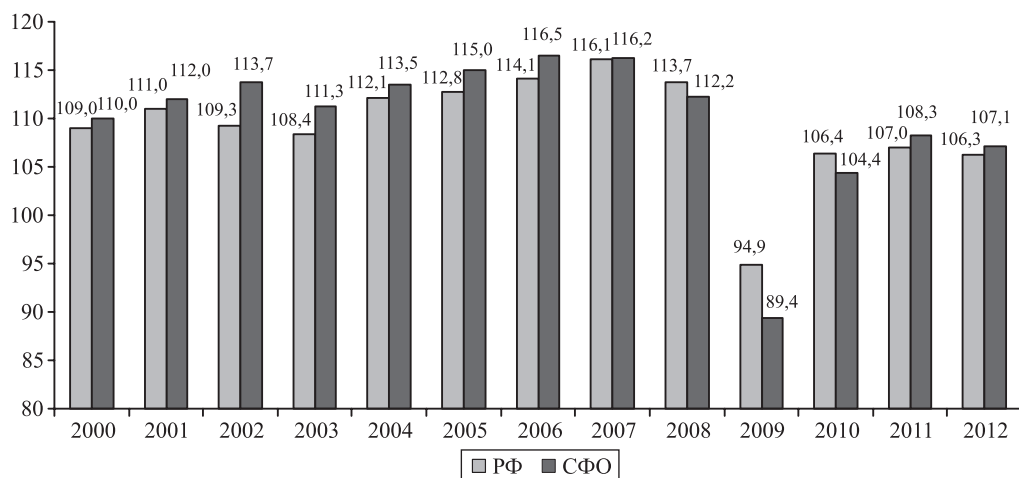


Рис. 5. Динамика оборота розничной торговли Сибирского федерального округа и Российской Федерации в 2000–2012 гг., % к предыдущему году

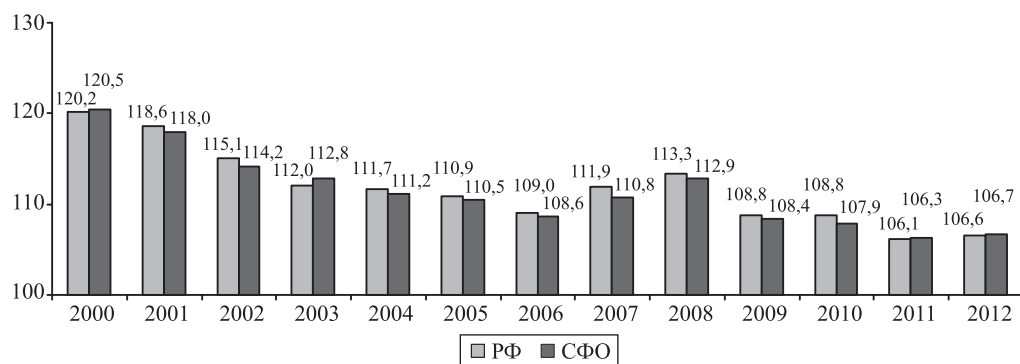


Рис. 6. Индексы потребительских цен по Российской Федерации и Сибирскому федеральному округу в 2000–2012 гг., декабрь к декабрю предыдущего года, %

Уровень жизни населения. Для характеристики жизненного уровня населения можно использовать такие макроэкономические индикаторы, как реальные денежные доходы, характеризующие динамику уровня благосостояния населения, и уровень безработицы, характеризующий социальную стабильность (или нестабильность) в обществе.

Изменение уровня реальных денежных доходов населения СФО и РФ в целом представлено на рис. 7, где видно, что динамика уровня благосостояния населения округа несколько ниже средних показателей по РФ, но в целом соответствует общероссийской тенденции его постепенного роста. Как и по РФ в целом, на динамику уровня благосостояния населения округа существенное влияние оказал мировой финансово-экономический кризис, причем даже в большей степени. Уровень реальных денежных доходов населения в 2009 г. здесь снизился на 5,8 % по сравнению с предыдущим годом (по РФ прирост составил 1,8 %), за 2010–2012 гг. прирост в округе составил 8,3 %, по РФ – 11,7 %.

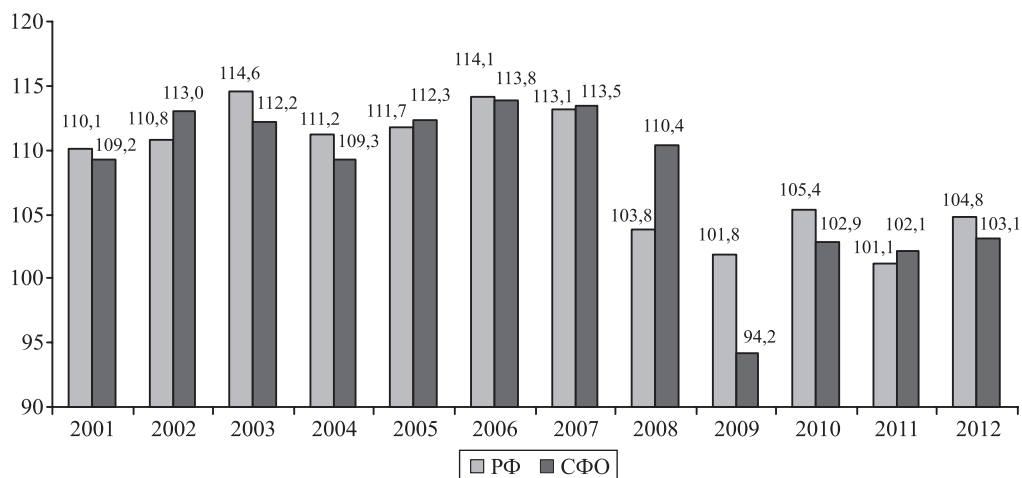


Рис. 7. Динамика реальных денежных доходов населения Сибирского федерального округа и Российской Федерации в 2001–2012 гг., % к предыдущему году

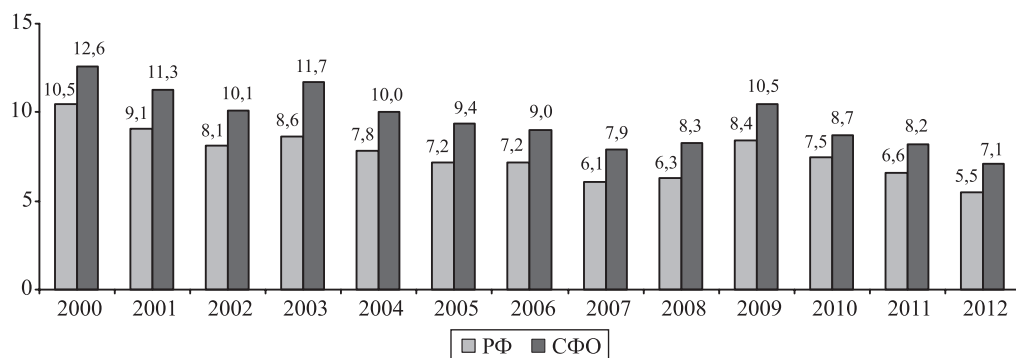


Рис. 8. Уровень безработицы в Сибирском федеральном округе и Российской Федерации в 2000–2012 гг., % к численности экономически активного населения

Говоря об уровне благосостояния населения, следует обратить внимание на такой показатель, как «среднедушевые денежные доходы населения», на протяжении всего рассматриваемого периода (2000–2012 гг.) их уровень в СФО отставал от среднероссийского показателя. В 2000 г. отставание составило 17 %, в 2012 г. разрыв увеличился до 21 %. По уровню среднедушевых доходов СФО занимал в 2012 г. седьмое место, опережая лишь Северо-Кавказский округ.

Отставание от среднероссийского уровня среднедушевых денежных доходов в 2012 г. наблюдалось во всех субъектах Федерации, входящих в СФО, наилучшим было положение Красноярского края, где процентное соотношение со среднероссийским показателем составило 94,3 %, худшим – Республики Тыва (64,3 %).

Неблагополучной можно назвать и ситуацию на рынке труда СФО, уровень безработицы здесь традиционно превышает среднероссийский, о чем свидетельствуют данные, представленные на рис. 8. В 2012 г. уровень безработицы в СФО (7,1 %) был одним из самых высоких среди федеральных округов, выше только в Северо-Кавказском федеральном округе (13,1 %).

В большинстве субъектов Федерации, входящих в состав СФО, уровень безработицы превышает среднероссийский. Самая напряженная ситуация на рынке труда наблюдается в Республике Тыва, где в 2012 г. уровень безработицы составил 18,4 %. Значительно выше среднего уровня по РФ и СФО уровень безработицы в Республике Алтай (11,6 %) и Забайкальском крае (10,6 %). Наиболее благоприятной ситуация на рынке труда является в Красноярском крае (5,5 %) и Новосибирской области (5,6 %).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы о наиболее общих тенденциях развития СФО в 2000–2012 г.:

- динамика основных макроэкономических индикаторов СФО в целом соответствует среднероссийским тенденциям;

- на динамику макроэкономических показателей существенное влияние оказал мировой финансово-экономический кризис, следствием которого явилось значительное замедление темпов экономического роста или даже абсолютное снижение отдельных показателей в 2009 г. по сравнению с предыдущим годом;

– итоги развития в 2010–2012 гг. свидетельствуют о некоторых положительных изменениях в экономическом развитии СФО и его регионов: превышение среднероссийских темпов прироста наблюдается по промышленному производству, объему инвестиций в основной капитал;

– вместе с тем обращают на себя внимание достаточно низкие темпы роста объема ВРП по сравнению со среднероссийскими показателями, а также негативные явления в социальной сфере, выраженные в невысоком уровне благосостояния населения округа и более высоком уровне безработицы.

Литература

1. Кисельников А.А. Сибирский федеральный округ: изменение траектории развития // Регион: Экономика и Социология. 2009. № 2. С. 243–250.
2. Кисельников А.А. Структурные сдвиги в экономике Сибири и препятствия на пути ее устойчивого развития // Вестник НГУЭУ. 2011. № 1. С. 44–59.
3. Кисельников А.А. Россия: 1985–2008 годы: факты и статистика // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 8–41.
4. Национальные счета России в 2002–2009 годах: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 325 с.
5. Показатели системы национальных счетов Сибирского федерального округа: Стат. сб. / Новосибирскстат. Новосибирск, 2010. 183 с.
6. Щербак И.В. Макроэкономические индикаторы развития Сибирского федерального округа // Вопросы статистики. 2011. № 3. С. 66–73.

Bibliography

1. Kisel'nikov A.A. Sibirskij federal'nyj okrug: izmenenie traektorii razvitija // Region: Jekonomika i Sociologija. 2009. № 2. P. 243–250.
2. Kisel'nikov A.A. Strukturnye sdvigi v jekonomike Sibiri i prepjatsvija na puti ee ustojchivogo razvitija // Vestnik NGUJeU. 2011. № 1. P. 44–59.
3. Kisel'nikov A.A. Rossija: 1985–2008 gody: fakty i statistika // Vestnik NGUJeU. 2010. № 1. P. 8–41.
4. Nacional'nye scheta Rossii v 2002–2009 godah: Stat. sb. / Rosstat. M., 2010. 325 p.
5. Pokazateli sistemy nacional'nyh schetov Sibirskogo federal'nogo okruha: Stat. sb. / Novosibirskstat. Novosibirsk, 2010. 183 p.
6. Shherbak I.V. Makrojekonomicheskie indikatory razvitija Sibirskogo federal'nogo okruha // Voprosy statistiki. 2011. № 3. P. 66–73.

УДК 332.02

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СФЕРЕ НИОКР

Д. Хорват

Венгерская Академия наук

E-mail: horvath@rkk.hu

В статье обсуждаются проблемы и современные тенденции реализации региональной политики в странах Европейского союза (ЕС); исследование акцентировано на одном из актуальных направлений деятельности, предложенных Европейской комиссией для повышения конкурентоспособности ЕС в глобальном мире – исследования и инновации; дана оценка состояния и перспектив развития сферы НИОКР в региональном разрезе в странах Центральной и Восточной Европы; выполнен сравнительный анализ; сделаны выводы и рекомендации.

Ключевые слова: конкурентоспособность, региональная политика, исследования и инновации.

REGIONAL CONSOLIDATION, COMPETITIVENESS AND DECENTRALIZATION OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE IN R&D

G. Horvath

Hungarian Academy of Sciences

E-mail: horvath@rkk.hu

The article discusses the issues and modern trends of the regional policy implementation in countries of European Community (EC); the research is focused on one of the pressing directions suggested by the European Commission to increase competitiveness of EU in the global world – research and innovation; the estimate of the state and outlook of R&D in the regional section in countries of Central and Eastern Europe is given; comparative analysis is carried out; conclusions are drawn and recommendations are made.

Key words: competitiveness, regional policy, research and innovation.

1. Раздробленность Европы

На глобальном уровне, пока Европейский союз (ЕС) остается центром сосредоточения значительного богатства и экономического потенциала, уровень развития отдельных стран является очень неравномерным, соответственно все еще сохраняются значительные социально-экономические диспропорции, которые увеличились после присоединения новых стран. Например, до 2004 г. среднедушевой ВВП (валовый внутренний продукт) самого бедного региона составлял две трети (67 %) среднедушевого ВВП ЕС. После вступления десяти новых стран-участников среднедушевой ВВП в самом бедном регионе составил меньше трети (28 %) среднедушевого ВВП ЕС [2].

Производство продукции с высокой добавленной стоимостью сконцентрировано в центральной части Западной Европы (пятиугольник, который

образуют Лондон, Париж, Милан, Берлин и Амстердам). Та же самая картина наблюдается в размещении современных движущих сил регионального развития (высокоразвитые услуги, финансовые учреждения и т.д.). Аналогична ситуация в этой области также в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), где уровень концентрации заметно вырос после смены политических режимов [4].

Очевидно, что радикальная перестройка экономической структуры по-разному повлияла на развитие различных регионов. Проиграли от перемен, как и во многих других странах Европы, регионы, где доминировала тяжелая и добывающая индустрия, а также – это уже восточноевропейская особенность – обширные сельские территории. Зарождающаяся рыночная экономика лишь усугубила региональные различия. Сравнивая региональные данные 15 старых членов Евросоюза и недавних кандидатов на вступление в него, мы видим, что районы ЦВЕ замыкают европейский рейтинг, хотя чешские и пара венгерских – имеют показатели выше 50 % средних значений по ЕС.

2. Политика сплочения в Европейском союзе

Европейская политика регионального развития базируется на политическом принципе, в соответствии с которым более богатые страны и регионы должны проявлять солидарность с более бедными странами и регионами, а также на экономическом принципе – низкие объемы производства в бедных странах-участниках и регионах или странах и регионах с высокими уровнями безработицы представляют собой потерю потенциала и возможностей для Европейского союза в целом. Инвестиции в современную инфраструктуру и инновационную деятельность, более качественное образование и профессиональная подготовка для людей в слабых регионах открывают ценные рынки и расширяют экономический потенциал всех стран-участников.

Сутью членства в ЕС является политическое и экономическое сближение стран. Осознавая наличие разнообразия, ЕС пытается использовать новые возможности через сближение местных сообществ. Многие проблемы нельзя ограничивать стандартными административными границами (на национальном или региональном уровнях), их эффективное решение часто требует скоординированной, совместной реакции нескольких регионов или стран, что создает необходимость новых форм сотрудничества. В 2008 г. Комиссия представила новый документ для обсуждения проблем территориального сближения, где утверждалось, что территориальное разнообразие ЕС является сильной стороной, которая может содействовать устойчивому развитию ЕС в целом.

В рамках так называемой Лиссабонской стратегии в 2000 г. было достигнуто соглашение относительно того, что экономический рост и создание рабочих мест являются наивысшими приоритетами политики ЕС. В 2005 г. был сделан новый акцент на содействии инновациям вместе с приоритетами роста и создания рабочих мест, который поставил региональную политику в центр усилий, направленных на улучшение конкурентоспособности ЕС. Увеличение уровня развития инноваций является фундаменталь-

ным фактором, который, во-первых, помогает европейским компаниям, во-вторых, улучшает возможности продуктивной занятости европейцев.

Региональная политика ЕС представляет собой постоянный процесс пересмотра и корректировок, чтобы обеспечить его целесообразность в меняющемся мире. Последняя реформа, которая проводилась в 2006 г., основывалась на четырех основных направлениях: развитие «экономики знаний»; децентрализация большого объема ответственности за управление и финансовый контроль в пользу стран-участников и регионов; процедуры упрощения и ускорения; развитие потенциала каждого европейского региона и одновременно акцентирование внимания на ускоренное развитие самых слабых территорий.

Будущее ЕС зависит от того, с какими результатами Европа выйдет из кризиса. Для достижения устойчивого роста в будущем мы должны обзирать ситуацию более чем на ближайшее будущее. Европа должна вернуться в строй и остаться в нем – это основная задача стратегии «Европа 2020» [3]. Такой подход касается ликвидации безработицы, улучшения качества жизни граждан ЕС. Ближайшие несколько лет работы покажут, может ли Европа достичь разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста, найти способы создания новых рабочих мест и обозначить направление развития для общества. Европейская комиссия предлагает пять основных направлений деятельности, которыми стоит руководствоваться европейским государствам: занятость; исследования и инновации; изменение климата и энергетика; образование; борьба с бедностью.

3. Многоуровневое управление

Потребность в сильных институтах возрастала с каждым последующим шагом на пути расширения ЕС. Широкое разнообразие экономических преимуществ, благосостояния и социальных тенденций, природная среда, культурное и этническое наследие усиливают исключительно разнообразный союз в географическом смысле. Региональное развитие ЕС, таким образом, выявило потребность в сильном институциональном лидерстве на всех уровнях, что требует уважения ко всем частям сообщества. На уровне ЕС должны существовать эффективная политическая система, обоснованный экономический анализ и стратегическое планирование, а также технический опыт, чтобы ориентировать менеджеров проекта «на местах». На национальном уровне институты должны быть хорошо скоординированы.

Разнообразие схем государственного управления – яркая черта европейской политической обстановки, которая сохраняется, несмотря на десятки административных реформ, предпринятых только в XX в. Эти изменения и в Восточной, и в Западной Европе, были связаны как с политическими трансформациями, так и с социально-экономическим развитием отдельных стран.

Изучая статус и функции административно-территориальных единиц среднего уровня в странах – членах ЕС, мы пришли к выводу, что в течение 1980-х гг. в большинстве унитарных и децентрализованных стран произошел сдвиг полномочий в пользу среднего уровня управления [7, 11]. Однако его усиление далеко не всегда означает политическую децентрализацию.

Региональное развитие во всех странах Европы является сферой ответственности территориальных уровней управления. Новая экономическая парадигма предыдущих десятилетий оказала существенное воздействие на развитие региональной политики:

- новую региональную политику можно определить как модель развития, иницилируемую регионами и ориентированную на инновации;
- создаются региональные и местные ассоциации предприятий;
- происходит институционализация распространения информации, инноваций и стимулов для бизнеса;
- для воздействия на локальное и региональное развитие создаются коалиции, состоящие из различных заинтересованных групп. Происходит приспособление жестких иерархических административных структур к новым целям, возникают гибкие процедуры принятия решений;
- изменения качества социальной среды замещают привычные факторы привлекательности.

Те регионы Европы, которые были способны сформулировать, закрепить на законодательном уровне и воплотить в жизнь стратегии развития, соответствующие их нуждам, оказались также способны быстро преодолеть временную нестабильность, связанную с реформами, и дать новым структурам возможность расти [6].

Успешные стратегии развития должны иметь «владельцев» на каждом уровне. Европейская региональная политика управляется таким образом, чтобы максимизировать вертикальную и горизонтальную интеграцию. В рамках системы вертикального управления различные уровни европейского, национальных, региональных и местных органов власти стимулируются при помощи системы разработки планов и программ, которая развивалась на протяжении многих лет с целью обмена информацией и движения в одном направлении для обеспечения выгод на местах. В рамках системы горизонтального управления компании, социальные группы и гражданские организации активно участвуют в этом процессе и деятельности органов управления. Это означает, что у них есть возможность влиять на стратегию развития и формировать ее в собственных секторах и сферах.

4. Неравномерное размещение новых движущих сил

Одной из причин снижения роли Европы в мировой экономике является то, что уровень развития научно-исследовательских работ и человеческого фактора отстает от уровня их развития в США. В рамках Лиссабонской стратегии Европейского союза была сформулирована программа, направленная на изменение этого положения.

Будущее развитие Европы зависит от распределения факторов роста по регионам, и среди причин низкого уровня конкурентоспособности важное место имеет региональная неравномерность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Слабая территориальная связанность и чрезмерная пространственная концентрация современных факторов регионального развития, безусловно, оказывают негативное влияние на сегодняшнюю конкурентоспособность Европы. Роль центральных районов

стран достаточно существенна для развития НИОКР, высокотехнологичных производств и современных услуг. Но положение в этой области одинаково в странах как Центральной, так и Восточной Европы, где уровень концентрации заметно вырос после смены политических режимов.

Наша основная гипотеза в исследовании региональных различий в структурах НИОКР в странах Европейского союза, расположенных в Центральной и Восточной Европе, состоит в том, что чрезмерная интеллектуальная поляризация препятствует развитию региональной связанности работ и что НИОКР должны стать приоритетным направлением стратегий экономического развития. Эта идея пока не получила своего достаточного отражения в текущих национальных программах развития стран. В рамках лиссабонских критериев развитию НИОКР отводится особая роль, но только несколько слов посвящено вопросу регионального распределения интеллектуального потенциала, НИОКР и наукоемких видов деятельности. В большинстве европейских регионов до сих пор просто нет условий для инновационного развития.

Смена политических режимов в странах Восточной и Центральной Европы привела к значительной реструктуризации их научного потенциала. Одной из характерных для всех стран черт было существенное сокращение объема научно-исследовательских работ. Особенно это коснулось двух областей научных исследований, одной из которых была сеть отраслевых исследований. Большинство научно-исследовательских институтов, финансируемых государственными органами (такими, как министерства), были закрыты, и, соответственно, значительно сократилась численность работающих в академических институтах. Прямым следствием этого стало существенное снижение доли ВВП, идущей на НИОКР, – до одной трети или даже до одной пятой части, о чем свидетельствует показатель доли расходов на НИОКР в ВВП.

После смены режимов произошла заметная реструктуризация НИОКР. Реорганизация системы высшего образования была началом ряда положительных перемен. В странах Восточной Европы численность студентов увеличилась в 2–3 раза, были созданы новые колледжи и университеты, НИОКР стало уделяться особое внимание. Часть основных государственных научно-исследовательских институтов (помимо входящих в сеть академических институтов) была закрыта, другая часть – приватизирована. Некоторые компании, включая несколько транснациональных корпораций, обосновавшихся в Восточной Европе, начали наращивать объем собственных НИОКР. Заметно изменилась структура расходов на НИОКР: постоянно увеличивалась доля расходов корпораций, одновременно сокращалась доля государственных расходов.

При этом различия между странами остаются существенными. В Чешской Республике корпоративные расходы на НИОКР составляют почти две трети всех расходов на НИОКР, что приблизительно равняется среднему значению показателя по всем 27 странам ЕС. Доля корпоративных расходов на НИОКР в Болгарии самая низкая среди всех стран, поскольку там до сих пор превалирует государственное финансирование. В двух странах – Венгрии и Польше – финансирование НИОКР через образовательные уч-

реждения выше, чем в среднем по Европейскому союзу. Во всех странах доля государственных расходов на НИОКР в структуре общих расходов на НИОКР из средств, поступающих в государственные научно-исследовательские институты, выше, чем в среднем по ЕС, за счет поддержки сети институтов академий наук.

Ни в одной из стран вслед за структурной трансформацией региональной системы НИИ положительных перемен не последовало. Пространственная структура остается прежней: научно-исследовательские центры расположены в основном в столицах. Но роль центров и центральных районов снижается, и основные результаты децентрализации заметны в децентрализованных и федеративных странах. В Австрии относительный вклад Вены в общих расходах на НИОКР снизился на 15 %, доля Мадрида в Испании по этому показателю уменьшилась на 12 %. В унитарных государствах – Венгрии и Греции – снижение крайне незначительное или его совсем нет, причем в Греции наблюдается даже увеличение доли района региона Аттика в общих расходах на НИОКР.

В Центральной и Восточной Европе столицы стран и столичные регионы являются оплотом науки и научных исследований. В Болгарии, например, доля столичного региона самая большая. Четыре пятых научно-исследовательского потенциала страны сосредоточено в Софии и ее окрестностях, две трети общих расходов Венгрии на НИОКР приходится на регион Центральной Венгрии.

Территориальное распределение институтов академий наук, являющихся ведущими научно-исследовательскими центрами, уже не играет позитивной роли. Большинство институтов академий наук расположены в столицах, и только семь из 37 институтов Венгерской академии наук размещены за пределами Будапешта. А это значит, что в этих институтах работают только 15 % сотрудников Академии наук (около 5,5 тыс. чел.). В отличие от Венгрии в Польше 38 % сотрудников Польской академии наук работают в институтах, расположенных вне Варшавы. Важно отметить, что в федеративных государствах территориальное распределение академических институтов совершенно другое. Например, в Австрии и Германии в землях расположено значительное количество научно-исследовательских центров.

Судя по территориальной структуре НИОКР, которая должна стать одним из факторов, влияющих на динамику регионального развития в Европе, в странах, являющихся новыми членами ЕС, смена политического режима и перестройка экономики никак не повлияли на прежнюю региональную структуру развивающихся инновационных институтов. Основные региональные диспропорции сохранились до сих пор, а центральные территории и столицы по-прежнему находятся в привилегированном положении. Региональная и структурная политика, опирающаяся на стандарты ЕС, не стимулирует развитие НИОКР в странах – новых членах ЕС, как предусматривалось программами экономической деятельности ЕС на 2007–2013 гг. Ни в одной из стран Центральной и Восточной Европы нет региональных экономических программ, ориентированных на развитие конкурентоспособности и трудовых ресурсов, а значит, научных исследований.

5. Децентрализация

Для того чтобы изменить факторы, определяющие региональное развитие, необходимо изменить региональную политику – ее цели, соответствующие инструменты и институты. Давние тенденции в территориальном развитии Европы и различные традиции стран ставят задачу поиска самого широкого круга институциональных форм децентрализации. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены ЕС смогут выполнять единые условия ЕС только при наличии децентрализованных институтов [10]. Это не только вопрос государственного управления, но и условие того, что развитие НИОКР сможет обеспечить конкурентоспособность. Осуществление политики регионального развития приведет к модернизации территориальных структур, способствующей многополярному региональному развитию, что сможет значительно изменить иерархию власти в странах, пока еще находящихся в процессе перестройки. Именно субнациональные уровни властных структур, т.е. регионы, являются территориальными единицами, которые обеспечивают устойчивое развитие экономики и осуществляют модернизацию пространственной структуры, располагая собственными финансовыми ресурсами и проводя автономную политику развития, основанную на наличии прав у местных органов власти. Регионы становятся ареной инновационного развития, и степень их включенности в основные институты инновационного процесса повышается [8].

Децентрализация науки и НИОКР оказывает позитивное влияние на положение регионов. Развитие наукоемких отраслей приводит к появлению квалифицированных рабочих мест, и эффект развития деловой активности в виде возникновения фирм, отделившихся от материнской компании, очевиден. Инновационный бизнес способствует развитию у регионов возможностей в отношении экспорта и интеграции в европейское и мировое научные сообщества. Компании, которые предъявляют спрос на научные исследования или работа которых основана на их результатах, способствуют реиндустриализации региона и распространению современных услуг. Все это повышает возможности формирования доходов в регионах и способствует кооперации их деятельности. Без децентрализации сферы НИОКР реализация лиссабонских критериев невозможна.

Изменения, произошедшие в недавние годы, означают, что региональную политику в начале нового тысячелетия, помимо законов экономического развития и самоорганизации, будут определять два основных фактора. Во-первых, организационные, функциональные и финансовые реформы Европейского союза и его новых восточных членов и, во-вторых, но во многом благодаря значимости предыдущего фактора, новое разделение власти в национальном государстве, т.е. ее децентрализация.

6. Выводы и роль региональной науки

Положительные и отрицательные эффекты процесса оформления социэкономического пространства наблюдаются в XX в. в развитии Центральной и Восточной Европы, а также в других частях континента. Пространственные аспекты, представленные в политике прошлых периодов

характеризовались гетерогенными формами государственной организации. Результаты исследования были полезны для принятия решения, с точки зрения специфики определенного региона. В течение прошедших лет XXI в. результаты исследования различных общественных научных дисциплин были также включены в процессы принятия решений, связанные с пространственным аспектом, однако правящей элите коммунистического периода требовались только поверхностные знания о развитии пространственных процессов. Пространственные исследования проводилось в пределах национальных границ, международное профессиональное сотрудничество оставалось слабым и случайным.

Глубокие региональные преобразования начали зарождаться на основе введения рыночной экономики после 1989 г. и распада Советского Союза. Регулируемость этих изменений естественным образом призывала к тематическому и организационному развитию пространственных исследований. Приготовления к вступлению в ЕС обеспечили импульс для дальнейших исследований и региональных научно-исследовательских школ, возникших во всех Центральных и восточно-европейских странах в начале XXI столетия. Различия касались только объема, установленной системы и пространственного распределения исследований. Вполне достаточным примером, который бы способствовал признанию региональной науки как автономной дисциплины, может быть демонстрация ситуации в двух странах – членах Европейского союза: Польше и Венгрии, а также в России [1, 9, 12].

Пространственное распределение региональных научно-исследовательских структур несколько более децентрализовано, чем в случае других научных дисциплин. Научно-исследовательские мощности в восточно-европейских и центрально-европейских странах имеют высокую степень концентрации в столицах, это может расцениваться как неблагоприятное явление с позиций научного и регионального развития. По сравнению с другими научными дисциплинами в таких странах, как Польша, Венгрия и Румыния, доля столиц с точки зрения численности персонала в региональной науке составляет от половины до одной трети. Региональная наука представляет собой пример для подражания децентрализации общественной деятельности. Эта дисциплина накопила ценный опыт в децентрализации и связях, основанных на организационных системах, ее методы могут быть эффективно переданы другим экономическим и социальным секторам.

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
2. Европейская региональная политика: источник вдохновения для стран, которые не входят в ЕС. Brussels, Office of the Official Publications. 2009.
3. Новая европейская стратегия «Европа 2020».
4. Хорват Д. Региональная неравномерность научно-исследовательских работ в Восточной и Центральной Европе // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 259–277.
5. Enyedi Gy. Applied geography in Central Europe. In Bailly, Antoine – Gibson, Lay James (eds.): Applied Geography. A World Perspective. Dordrech, Kluwer, 2004.
6. Enyedi Gy., Tózsai I. (eds.). The Region. Regional Development Policy, Administration and E-government. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2004.

7. *Horváth Gy.* Regions in the European Union // *European Mirror*. Special Issue. 1999. March. P.58–78.
8. *Horváth Gy., Scully R., Wyn Jones R.* (eds.). Regionalism in a unitary state: the case of Hungary // *Europe, Regions and European Regionalism*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2010. P.184–202.
9. *Horváth Gy., Pálné Kovács I., Scott J., Gál Z.* (eds.). The regional structure and decentralisation of science in Central and Eastern Europe // *Territorial cohesion in Europe*. Pécs, Institute of Regional Studies HAS, 2013. P.196–207.
10. *Keating M., Hughes J.* (eds.) The Regional Challenge in Central and Eastern Europe. Territorial Restructuring and European Integration. Berlin, Peter Lang, 2003.
11. *Loughlin J.* Regional autonomy and state paradigm shifts in Western Europe // *Regional and Federal Studies*. 2000. N 2. P.10–34.
12. *Seliverstov V., Pálné Kovács I., Scott J., Gál Z.* (eds.). Regional development, regional policy and regional studies in post-Soviet Russia // *Territorial cohesion in Europe*. Pécs, Institute of Regional Studies HAS, 2013. P.482–493.

Bibliography

1. *Granberg A.G.* Osnovy regional'noj jekonomiki. M.: GU VShJe, 2000. 495 p.
2. Evropejskaja regional'naja politika: istochnik vdohnovenija dlja stran, kotorye ne vhodjat v ES. Brussels, Office of the Official Publications. 2009.
3. Novaja evropejskaja strategija «Evropa 2020».
4. *Horvat D.* Regonal'naja neravnomernost' nauchno-issledovatel'skih rabot v Vostochnoj i Central'noj Evrope // *Region: jekonomika i sociologija*. 2009. № 4. P.259–277.
5. *Enyedi Gy.* Applied geography in Central Europe. In *Bailly, Antoine – Gibson, Lay James* (eds.): *Applied Geography. A World Perspective*. Dordrech, Kluwer, 2004.
6. *Enyedi Gy., Tózsai I.* (eds.). The Region. Regional Development Policy, Administration and E-government. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2004.
7. *Horváth Gy.* Regions in the European Union // *European Mirror*. Special Issue. 1999. March. P.58–78.
8. *Horváth Gy., Scully R., Wyn Jones R.* (eds.). Regionalism in a unitary state: the case of Hungary // *Europe, Regions and European Regionalism*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2010. P.184–202.
9. *Horváth Gy., Pálné Kovács I., Scott J., Gál Z.* (eds.). The regional structure and decentralisation of science in Central and Eastern Europe // *Territorial cohesion in Europe*. Pécs, Institute of Regional Studies HAS, 2013. P.196–207.
10. *Keating M., Hughes J.* (eds.) The Regional Challenge in Central and Eastern Europe. Territorial Restructuring and European Integration. Berlin, Peter Lang, 2003.
11. *Loughlin J.* Regional autonomy and state paradigm shifts in Western Europe // *Regional and Federal Studies*. 2000. N 2. P.10–34.
12. *Seliverstov V., Pálné Kovács I., Scott J., Gál Z.* (eds.). Regional development, regional policy and regional studies in post-Soviet Russia // *Territorial cohesion in Europe*. Pécs, Institute of Regional Studies HAS, 2013. P.482–493.

УДК 332.14

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН: МЕЖДУ ЖЕЛАНИЯМИ, ВОЗМОЖНОСТЯМИ И ИЛЛЮЗИЯМИ

С. Аджич

Нови-Садский университет, Суботица, Сербия

E-mail: sofija.adzic@gmail.com

Данное исследование сфокусировано на анализе роли регионализации в восстановлении поступательного развития на Западных Балканах. Исследование основывается на предположении, что регионализация (статистическая, административная, политическая или любое их сочетание) имеет смысл только в том случае, если она используется для создания условий для пространственного слияния. Ее миссия состоит в объединении усилий субрегионов и местных правительств по мобилизации ресурсов, обеспечивающих условия для: (1) экспортной деятельности и частных (производственных) инвестиций, (2) труда и (3) жизни вообще. В контексте данной гипотезы работа подразделяется на три части. В первой части рассматривается формирование рамок для реформирования региональной и местной политики, исходя из того, что их главной задачей является ввод всех ресурсов в экономическое развитие и функционирование. Во второй части рассматриваются ключевые вопросы и дискуссии по применению механизма проектирования государственно-частного партнерства (ГЧП) для преодоления последствий региональной, субрегиональной и местной экономической депрессии, вызванной переходным периодом. В третьей части рассматривается роль регионализации в формировании и развитии оптимальной динамичной комбинации трех базовых производственных и организационных моделей современной промышленности (кластеры, промышленные районы, полюсы роста). По мнению автора, ключевой задачей (экономической) регионализации является построение адекватной сети региональных полюсов роста.

Ключевые слова: Западные Балканы, пространственное слияние, регионализация как фактор экономического развития, региональная, субрегиональная и местная политика.

REGIONALIZATION IN THE WESTERN BALKAN COUNTRIES BETWEEN WISHES, OPPORTUNITIES AND ILLUSIONS

S. Adžić

University of Novi Sad, Subotica, Republic of Serbia

E-mail: sofija.adzic@gmail.com

The following study focuses on the analysis of the role of regionalization in restoring propulsive development in the Western Balkans. The following paper is based on the hypothesis that regionalization (statistical, administrative, political or any mix of them) only makes sense if it is put to use creating the conditions for spatial cohesion. Its mission is to unify the efforts of sub-regions and local governments to mobilize the resources providing conditions for: (1) export business and private (productive) investment, (2) labor and (3) life in general. In the context of this hypothesis, the paper is divided into three parts. The first part deals with the constitution of framework for reforming regional and local policies, based on the request that their main task is to put all of their resources into economic and development function. The second part deals with the key issues and controversies of the application of the mechanism of public-private partnership (PPP) projects to overcome the consequences of regional, sub-regional and local transitional depression.

The third section discusses the role of regionalization in the formation and development of optimal dynamic combination of three basic production and organizational models of modern industry (Clusters, Industrial districts, Poles of generic growth). A key result is that the main task of the (economic) regionalization is to constitute adequate network of regional generic growth poles. The development of (regional) generic growth pole growth by creating an internationally competent staff and generating innovation, leads to opening space for rehabilitation development functions of related industrial districts and small and medium industrial centers.

Key words: Western Balkans, spatial cohesion, regionalization as a factor of economic development, regional, sub-regional and local policy.

1. Introduction

The Western Balkans is one of the least developed regions in Europe. In all the countries in this region (Albania, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Croatia, Macedonia, Serbia) we observe various attempts of reforms for creating conditions for the development of the propulsive revitalization and improvement of competitiveness in the global market [3]. Overflow of the first, and, in particular, the second wave of the global financial and economic crisis questioned the objectives and content of the reforms, the results achieved, as well as the methodology and standards for measuring their performance. In this context, the focus is on the analysis of the role of regionalization in creating the conditions for spatial cohesion. In the political, professional and business community circulate different ideas and approaches to the problem [1]. They all have four things in common. The first is to connect the problem of increasing the efficiency of management of spatial development and the strengthening of regionalization in the economic life of the relevant standards, policies and institutional solutions, which propose or implement joint institution of the European Union [6]. The second is the desire for access to the network of structural funds of the European Union [7]. The third is that the allocation of public institutions for the regulation and decision making on the content of the goals and actions appropriate policies should be carried out primarily at the level of regions, sub-regions and local governments. Fourth, the implications of ignoring the fact that the transition of the European system support regional and local development takes place in a manner which: (1) valorizes incite entrepreneurship, innovation and skilled labor, (2) reduces dependence on public subsidies, while (3) simultaneously replaces quantity quality of work, production and life of the product throughout the European space.

In this context, the exposed taxonomy is based on two hypotheses. The first is that regionalization (statistical, administrative, political, or any mix of them) only makes sense if it is put in use to create the conditions for spatial cohesion. Regionalization should unite the efforts of sub-regions and local governments towards mobilizing and concentration incite resources in order to provide good conditions for: (1) export businesses and private (productive) investment, (2) work and (3) life throughout its territory. The second is that the methodology for determining the objectives and actions of regional and local policies must be based on the implementation of creative attributes of the European concept of regional and local endogenous, auto-propulsive and sustainable economic, social, cultural and environmental development.

This paper, in addition to an introduction and conclusion, is divided into three parts. The first deals with a framework for reforms in the constitution of the model of regional and local economic policies in accordance with the criterion that their main task is to putting all of the available incite resources and economic development functions. In the second part, the focus is on the issues and controversies related to the implementation of the mechanism of public-private partnership (PPP) projects to overcome the consequences of regional, sub regional and local transitional depression. The third section discusses the role of regionalization in the constitution of the optimal dynamic combination of three basic production and organizational models of modern industry (Clusters, Industrial Districts, and Poles of generic growth) as the basis for creating the conditions for spatial cohesion.

2. Placing regional and local policies in function of increasing spatial cohesion

First of all, we should mention two limitations in considering the possibility of implementation of European norms and standards for endogenous, auto-propulsive and sustainable regional and local development in the Western Balkans. The first is that this problem, due to the complex of natural, historical, demographic, infrastructure, urban, rural, and economic factors that characterize the individual states and their inner regions, can be seen in a variety of contexts [3]. Second, current approaches to their implementation are burdened by the past, which is embodied in taking actions that are conflicting with the project of building an open market economic structure [8]. In this context, in order to define the attributes of appropriate regional and local policies, the classification of the factors of production and development at the level of each specific region, sub-region, local governments, urban or rural communities should perform in a way that allows a more precise determination of: (1) the structure and content of entrepreneurial component in the political and business culture, (2) the availability and structure of internationally competent workforce, (3) the availability and quality of physical, logistical and IT infrastructure, particularly in terms of opportunities for communication within the region with the neighboring regions, and the regions of outer international environment, (4) share of direct and indirect exports to the formation of added value and profit, (5) the possibility of connection of each business entity (company, craft workshops and commercial farms) into the corresponding segment of the innovation system, and (6) social competence and administrative infrastructure to provide the conditions for regular and dynamic entry of entrepreneurs to new businesses and leaving the old business. The main characteristic of this classification is to focus on (7) the qualitative side of the incite people as entrepreneurs and manufacturers, and (8) the availability of an abstract, physical, logistic, IT, manufacturing, service, social and administrative infrastructure. These are the factors that can be consciously acted upon in context which depends on political action to establish a socioeconomic consensus in the preparation and implementation of specific projects for their improvement.

Accordingly, analysis of the effectiveness of each project spatial decentralization of public regulation and evaluation of its institutions should be made

based on searching for solutions, 'How to integrate preferences of a man as an individual (in terms of entrepreneurs and workers author's note) and its political, social and economic initiations to the global movement of capital, goods and labor in harsh conditions of internal and external and largely unequal political and social competition?'

Therefore, the issue of decentralization of public regulation in the regions, sub-regions and local communities should be viewed in the context of creating the conditions for the full development of socioeconomic relations in the triad: Space Population (in terms of individuals, workers and entrepreneurs) Activities. The role of regional, sub-regional, local, urban or rural socioeconomic structure is to connect the latter three, measuring the total material limit for their implementation. Such a structure represents a unit which develops in the entrepreneurial economy in its widest sense, including individual initiative to engage personal resources and efforts to resolve the basic existential issues: employment, housing, education, health care and social security. The proposed approach marks a high level of abstraction, but it contains a basis for the allocation of newly created value, in the process of functioning of the relevant territorial unit as a public good (in terms of good conditions for (1) export business and private investment, (2) employment and (3) life / author's note) between its makers: (1) people, (2) businesses, (3) noncommercial entities, and (4) national, regional, sub-regional and local authorities. In doing so, one should not have any illusions that this can be done thoroughly and correctly.

As the foundation of the regional, sub-regional and local urban or rural economy is the public good, direct public intervention is much needed. However, practice has shown that every element of public intervention has its own goals, which are, in the case of the Western Balkans, poorly matched to theoretical functioning of the public sector. The result is a distorted and suboptimal allocation of added value and social wealth, which is in itself the biggest barrier to development in the Western Balkans [9]. Therefore, there is a widespread indifference of citizens towards regional and local elections, which is merely a reflection of the political system, which generates the structure of regional and sub-regional authorities, local self-government with elected delegates individuals who are in the distribution of public goods are determined, primarily, by their personal interests.

The presented concept is faced with two problems. The first is to determine the substance of the asymmetric spatial decentralization of public regulation, and the other is recent historical heritage. Their source lies in the fact that the Western Balkan countries and their socioeconomic structures were marked by manipulative and ambiguous transition, followed by chaos created by convoluted political processes, ethnic conflicts but, above all, favoring personal interests in use of public resources. This situation led to the formation and maintenance of the spatial separation of functions of public regulation carried out in accordance with the outdated axioms of their operation, which proved to be suitable for the formation and maintenance of various distribution-oriented coalitions that redistributed wealth, added value and borrowed from foreign factors providing personal and group benefit.

The analysis suggests that in the Western Balkans one should be consistently and actively working on defining new meaning to: (1) sub-region and NUTS

3 units in the current regulations of the European Union (2) cities, (3) Local governments municipalities, and (4) small urban and rural areas. Greater importance should be given to sub-regions as a whole, which would represent: (a) basic poles of economic development (Centers of industrial districts) and (b) the basis for the completion of complex non-production activities: education, health care, scientific research, culture, interior protection, whose activities are largely self-financed or subsidized at this level of territorial organization.

**3. How to increase the role of the mechanism
of public/private partnerships in the regional policy?**

From where to start when determining the role of regional and sub-regional authorities, local self-government in the area of encouraging and coordinating private investment?’ The key elements of a strategy for creating the conditions for spatial cohesion are: (1) programs to improve working and living conditions in underdeveloped sub-regional, local, urban and rural communities, and (2) sub-regional and local programs for attracting domestic and foreign capital on market principles to establish and develop new export industries and jobs in the field of medium and high technology. The initial step is, as noted, the precise identification of (regional, sub-regional, local) comparative strengths and weaknesses, problems and ways of their transformation or elimination and, accordingly, the definition of appropriate strategies, objectives and instruments of institutional reforms, economic, urban, utilities, education and social policy. Solutions should go both ways. The first is the development of incite the manufacturing enterprise. The second is to create conditions for the growth of institutional capacity and increase investment opportunities across the application mechanism of public-private partnership (PPP). In addition, regional policy makers must be aware that PPP is not a universal solution for all situations, but its features and benefits depend on the circumstances and capabilities of both sectors to successfully organize, implement and realize the specific project. The preparation and implementation should start with the advantages, limitations, and cost of implementation of PPP (Table 1).

Table 1

Advantages and limitations of public-private partnership (PPP) to increase regional investment opportunities

Advantages of public/private partnership (PPP)	Limitations of public-private partnership (PPP)
The introduction of private capital. The efficiency of the private sector in management. Promoting competition.	Complex legal framework. The complex structure of projects and documentation. The high initial cost of preparation. A large number of experienced professionals for the preparation and monitoring of the project. Complex decision of choosing private partner for the project. Long lasting and complex structure of monitoring PPP. The risk of unexpected liabilities of public finance. Complicated and expensive way of solving the problem.

Each project requires detailed consideration and determination of the optimal model of cooperation (type of contract, Table 2), and the precise allocation of risk (Yescombe, 2007).

Table 2

Potential opportunities to achieve the conditions for implementing the strategy of spatial cohesion of public-private partnership (PPP)

Type of contract PPP:	Goals:					
	Technical expertise	Managerial expertise	Business efficiency	Investment efficiency	Investments in infrastructure	Investments in inter-connection
Desing-Build	3	2	1	2	3	3
Design — Build — Finance — Operate	3	3	3	3	3	3
Build — Own — Operate	2	3	3	3	3	3
Build — Own — Operate — Transfer	2	3	2	3	3	3
Buy — Build — Operate	2	3	3	3	3	3
Operation licence	1	3	3	1	1	1
Finance only	1	3	1	2	3	3
Operation & Maintenance Contract	3	3	3	1	1	1

1 = poor, 2 = important, 3 = key.

In this context, the basic condition for the wider application of the mechanism of public-private partnerships is to increase the efficiency of public service regulation and production of public goods in a particular framework. The production should be moved from the regime of public administration to the regime of public service. The transition should be implemented in the implicit form through the learning process how to transform the public sector into the active partner while fulfilling the legitimate interests of the population, creating the conditions for (1) new jobs (with the wages that provide at least simple reproduction), (2) the development of an entrepreneurial economy, and (3) establishment the regime of sustainable development.

The proposed approach to interpretation of public service regulation and production of public goods in the regime of public service is based on the axioms of the functioning of each individual organization. A key factor is to precisely define the way it functions and what should be done in order to obtain concrete public sector services, and that the specific regulation of public services and public goods, in which the process of reproduction, along with a system of economic criteria, are specific and explicitly specified social and political objectives, which determine the scope, quality, price, and cost of their production and the dynamics of public investment. Possession and use of: (1) the ability of understanding the problem and to cope in a complex and uncertain circumstances and, in particular, (2) ability to create specific solutions and persist in their implementation, for

successfully developing the vision and implementation strategy of the transition into the public service. The production efficiency of public services and public goods regulation aimed at improving the conditions for the export business and dynamism of private investment is primarily the result of competent (political) governance. We may infer that the essence of the production management of government services and public goods in the regime of public service is to provide requirements for: (1) effective planning and decision making, (2) successful organization, (3) well-motivated employees, (4) effective control of the work process, and (5) the development of a positive culture and the image of the local, sub-regional, regional, national and international public.

The process of planning is an attempt to introduce determinism in the development process (e.g. a good environment for export production business and private investment author's note). However, since not all the relevant elements are available in reality, its implementation has elements of indeterminism. In this context, planning must be treated as an attempt to pursue the goals, starting from both past and the present. Determination of each goal's content should follow such a process which is subject to adjustments in which determinism coincide with stochastic.

Organization of production services of public regulation and public goods should be viewed primarily through the phenomenon that every organizational structure, which is formed with the intention to serve the implementation of a particular strategy, deviates more or less from the normative level and begins to produce its own strategy. Each public institution, its managers and employees act as budget maximizes and seek to cash in their position and role in the process of regulation of public services and public goods. Therefore, it is desirable to reduce the number of institutions and hierarchical levels of individual institutions and to insist on the establishment of missionary organizational structure, which has its base in culture phenomena and in appropriate public image among customers.

In the production of public service regulation and public goods, a special problem is the motivation of employees to improve the efficiency of their work. Relying on the external environment (private investors, local residents and entrepreneurs), each institution should find solutions in response to the triad of issues: (1) 'What is the main purpose of production management services of public regulation and public goods in the function of the export business and dynamism of private investment?' (2) 'How to improve the production efficiency of public service regulation and public goods in the function of the export business and the dynamism of private investment?' and (3) 'How to minimize the social, economic and political conflicts of interest caused by the contradictions of private investors, the population and local entrepreneurs?'

The basic purpose of the control is to determine what encourages, and what limits the achievement of the goals, in order to ensure correction. Evaluation of performance is primarily subjective and comparative process. Subjectivity arises from the fact that any score can be rejected if the norm underlying is abandoned (for example, in the case of political power shifts). The analysis indicates that solutions should be sought in more consistent implementation of the concept of total quality and orientation towards the user satisfaction (private investors, citizens and entrepreneurs incite).

The organizational culture is the basic infrastructure of production management services of public regulation and public goods in the regime of public service. Its main elements are: (1) the method of communication with users (private investors), public and incite entrepreneurs, (2) communication mode with commanding centers at higher levels, (3) the level of knowledge and competence of the staff and relationship with customers (private investors) to public and other entrepreneurs, and (4) the main symbols. The central measure of effectiveness of communication with the environment and command centers is the image, or the idea in public of any particular organization for the production of public services and public goods to function more dynamic private investment.

But this is the technical side of the problem. The basic condition for the sustainability of any public-private partnership is to create rules to which all participants receive, which mean that there has to be provided compensation for those who lose. Accordingly, the process of (practical) specific implementation of a public-private partnership should be treated as a system of cooperation between the various actors in the economic, administrative, political and social fields based on the principle of balancing (of interest). The key to implementation is a search for solution within the development of public-private partnership projects: (1) local economy (2) local population, and (3) the executive power at higher levels.

In this context, the protection of the public interest in public-private partnerships should be sought within the framework of neatly designed institutional and IT support in the development policies which are focused on creation of new jobs and provide balance in the public finances and foreign economic relations. The basis should be the professional offices with the following activities: (1) the preparation, adoption and implementation of spatial and urban planning, (2) preparation of the general conditions for construction, (3) the development and maintenance of spatial information system, (4) the preparation, adoption and implementation of strategies for the use, production, distribution and energy savings, including general guidelines for its alignment with the strategies of development of large energy systems, (5) the preparation, adoption and implementation strategy for the development of transport networks and complexes of macro-logistic basis, including general guidelines for compliance with their development strategies in closer environment, (6) the preparation, adoption and implementation of IT strategy development, education and innovation infrastructure, including general guidelines for compliance with the strategies of their development within the neighboring regions, (7) the preparation, adoption and implementation of strategies for the use and protection of water, construction and maintenance of water infrastructure, including general guidelines for cooperation with neighboring countries in this area, (8) the preparation, adoption and implementation of strategies for protection and improvement of the environment, including the general guidelines for cooperation with its neighbors in this matter, (9) the preparation, adoption and implementation of the strategy of development of administrative infrastructure, including general guidelines for compliance with its development strategies at higher levels, and (10) the preparation, adoption and implementation of the development strategy of non-production infrastructure, including general guidelines for compliance with its development strategies at higher levels.

4. The role of region in structuring the production and organizational system in creating spatial cohesion

The link between regionalization and strategy to create the conditions for spatial cohesion is based on the thesis that the key lies in the constitution of the optimal dynamic combination of three basic production and organizational models of modern industry (Clusters, Industrial districts, Poles of Generic growth) in accordance with the socioeconomic characteristics and resources of specific geographical units (regions, sub-regions, cities, local governments, urban or rural). The main task of clustering policy is improving the competitiveness of the total (in this case, regional, sub-regional, local) production structure from which stems the optimal use of all resources available within the area. The main task of policy development (revitalization) of industrial districts is to create conditions for the implementation of incite the development objectives: (1) a reduction of unemployment, (2) the rehabilitation, modernization and new construction of missing physical, logistics, IT, educational, industrial and business infrastructure, (3) implementation of the concept of endogenous, auto-propulsive and sustainable development based on scientific knowledge, and (4) creation of conditions for domestic and foreign interregional and cross-border cooperation. The main task for policy of development poles of generic growth is to connect research and education with the development of (regional, sub-regional) export production structure strategy.

The methodology for determining the role of regionalization in the context of the stated objectives of structuring organizational production system is defined as a process consisting of activities which, either lead to the improvement of that cannot be changed, or competently act on things that can be controlled. The task of regionalization is to initiate, facilitate, encourage or discourage certain forms of evolutionary transition of production and the organizational system of the present situation in the future. Key mechanisms for implementation are: (1) a model of socioeconomic stratification (in which the focus is on evaluating the success of the involvement in the export business), (2) science (in terms of production innovation for customers in the targeted segments of the European and global markets), (3) education and practical experience, and creation of internationally competent knowledge and skills, (4) market (in terms of efficient allocation of factors of production and the development of export business projects with high potential for growth and profit), etc. What is known is the list of solutions that have been abandoned during the course of regionalization, the solutions that have a priority at the present, and what is needed for their institutional design?

Repercussion is a choice between the three approaches. The first is consciously guided strategy for constituting institutional arrangements for regionalization based on ex-ante set of solutions (normative or the intended strategy). Problems arise when some of the solutions in the future prove wrong or ineffective. The second is based on fine-tuning the institutional architecture of regionalization to the current production and the need for structuring the organizational system. In the case of the Western Balkans, the basic claim is that the future lies in the present of the developed, namely the set of norms and standards marked with

Aquis Communitaire and other recommendations and requirements of the common institutions of the European Union, so that their experiences could be adapted through the selection of specific solutions and structures of institutional regionalization (operational structuring of export-oriented production and organizational systems). The third may be defined as the process of growing (proactive and reactive) strategy, i.e. a strategy that is realized in spite of the lack of intent (policy and institutional reform policies author's note). If mostly relying on this strategy one could create a chaos in the system of public regulation of development of production and the organizational system. However, the main advantage is that in the case of rational behavior of key actors in the development and management under uncertainty can lead unintentionally to the solution state and structuring of production and organizational systems that are better suited to the opportunities and requirements of the overall socioeconomic environment [5].

A key determinant of the presented methodology is that the strategies of structuring export-oriented production and organizational systems in specific geographical areas of the Western Balkans should be defined as a mix of regulatory and growing strategies. Since the Western Balkans has been a scene of growing uncertainty about the possibility of implementing the recommended scientific concepts of socioeconomic development, as well as numerous clashes special interest groups for a long period, the most realistic solution would be that development of the core structure of export-oriented production and organizational system in specific geographical areas should follow the concept of the intended strategies, while other parts, the concept of growing strategy.

From where to start? The proposition is to start from forming a national network of regional poles of generic growth [4]. The development of regional poles of generic growth, in the second step, the formation of an internationally competent staff and generating innovation, opens up space for rehabilitation of function of the corresponding industrial development districts. In the third step, the spillover of human resources, technology and production cooperation to revitalize the adjacent industrial districts and their respective medium and small industrial centers. According to this concept, the basis of regionalization is to develop a combination of (strong) pole of generic growth and the associated industrial district and its boundaries are determined by the influence of the spillover effects of human resources, innovation and the direct productive collaboration (in terms of spatial innovation system).

The basis of the construction of the national network of regional growth poles is a generic system of higher education in the state (public) ownership [2]. Its structure and human resource base enable the implementation of the concept of growing strategy and self-organization in its startup and implementation. Two procedures are needed: The first is the restructuring of existing faculties, to become strong educational institutions, its enrollment policies and the quality of education should stay within the top European (global) standards and the needs of society (in the sense that the state budget colleges enroll only students with clear, transparent, accurate and verifiable criteria in the structure and number, based on historical forecast labor market needs derived from the attributes of the overall strategy for socio-economic development of the 2030/2035 year).

The second is the conversion of each state college in the center of excellence in scientific research. The development of a new dynamic model of financing faculties from four sources. The first is educational funding from national or regional budgets. The second is funding of scientific research from national or regional budgets. The third is revenue gained from research and development work for particular companies. Fourth income source would be ad hoc consulting and other services, including the services of additional education whilst working. The main goal is to obtain the ratio of 1:1:1 (or similar) between the first, second and third sources of 1:1:1 or some such. Income from the fourth source should be allocated to improving the knowledge and skills of lecturers according to their choice. Since it is essential to innovation, comprehensive ex-ante evaluation, in order to transform the particular college into a center of excellence in education and scientific research may take a long time, but its implementation must be carried out consistently and patiently. The task of public regulation is that each state university and college is placed in a position to independently (on the principle of self-organization) find a solution for the transformation the determination of enrollment quotas and funding models in a dynamic context, over the long term (eight to ten years) between the two evaluations.

5. Conclusion

For the successful management of spatial development, regionalization should be put in structuring export-oriented organizational and productive system, whose core is at least one pole of generic growth. Its task is to relying on incite resources, creative potential and working conditions for their efficient evaluation, resource allocation to sectors, businesses, farms and commercial enterprises that have the best chance in the global and European labor market. Necessary conditions for the production and structuring of organizational systems in the Western Balkans according to this concept are in poor condition. In this context, it could be concluded that its restructuring can be implemented in the near term.

The main finding of this study is that the key factors for organizational restructuring of production systems, are in smaller part material in nature (physical possession, logistics, IT and education infrastructure in accordance with the (minimum) standards (infrastructure) for the comfort of private investment in export industries and jobs) and mostly cultural in nature (development of the cultural framework in which priorities are: confidence, accuracy, giving greater importance to knowledge and work as the main sources of income of the individual and the family, and future). Coordinated efforts of public regulation, the system of production of tradable goods, innovation and the education system are combined to achieve excellence, and quickly and directly contribute to improving the competitiveness and development of industries and jobs oriented towards external markets. Institutional reforms and policies for their implementation at all levels of the spatial organization of the Western Balkans should be put into operation: (1) limiting the power of distribution-oriented coalitions and fighting corruption in the public and corporate regulation, and (2) improving the conditions for export business on the principles of self-organization and the interactive effects of key industry players within financial and innovation system.

Литература

1. *Adžić S.* Regionalizacija u Jugo-Istočnoj Evropi — kako dalje? *Ekonomija // Economics*. 2012. N 1. P. 145–207.
2. *Anderson M., Graesjoe U., Carlsson Ch.* The role of higher education and university R&D for industrial R&D location, Collection of works: «Universities, Knowledge Transfer and Regional Development: Geography, Entrepreneurship and Policy». 2009. P. 85–108. Edward Elgar.
3. Collection of works: Regional Transformation Processes in the Western Balkan Countries, Centre for Regional Studies of the Hungarian Academic of Sciences. Pecs. 2011.
4. *Cooke Ph.* Technology clusters, industrial districts and regional innovation systems, Collection of works: «A Handbook of Industrial Districts». 2009. P. 295–306. Edward Elgar.
5. *Domazet T.* New paradigm of SEE countries economic policy: Macroeconomics focusing on managing saving and investment balance — Microeconomins aiming global competition by Triple Helix Model and Innovation System, SEE Management Forum, South-East Europe and European Union. 2011.
6. European Commision, Regional Cooperation in the Western Balkans. A policy prority for the EU, Brusels. 2006.
7. *Lopandić D., Kronja J.* Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu / Regional Initiatives and Multilateral Cooperation an Balkans, Evropski pokret u Srbiji i Friedrich Ebert Stiftung. 2010.
8. *Prokopijević M.* Evropska unija i zemlje Zapadnog Balkana, Collection of works: «Evropa i zapadni Balkan posle velikog proširenja». 2005. P. 133–164.
9. *Uvalić M.* Zašto Zapadni Balkan kasni za Centralnom i Istočnom Evropom? Collection of works: «Kontroverze ekonomskog razvoja u tranziciji: Srbija i Zapadni Balkan». 2011. P. 9–23. Ekonomski fakultet, Beograd.

Bibliography

1. *Adžić S.* Regionalizacija u Jugo-Istočnoj Evropi — kako dalje? *Ekonomija // Economics*. 2012. N 1. P. 145–207.
2. *Anderson M., Graesjoe U., Carlsson Ch.* The role of higher education and university R&D for industrial R&D location, Collection of works: «Universities, Knowledge Transfer and Regional Development: Geography, Entrepreneurship and Policy». 2009. P. 85–108. Edward Elgar.
3. Collection of works: Regional Transformation Processes in the Western Balkan Countries, Centre for Regional Studies of the Hungarian Academic of Sciences. Pecs. 2011.
4. *Cooke Ph.* Technology clusters, industrial districts and regional innovation systems, Collection of works: «A Handbook of Industrial Districts». 2009. P. 295–306. Edward Elgar.
5. *Domazet T.* New paradigm of SEE countries economic policy: Macroeconomics focusing on managing saving and investment balance — Microeconomins aiming global competition by Triple Helix Model and Innovation System, SEE Management Forum, South-East Europe and European Union. 2011.
6. European Commision, Regional Cooperation in the Western Balkans. A policy prority for the EU, Brusels. 2006.
7. *Lopandić D., Kronja J.* Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu / Regional Initiatives and Multilateral Cooperation an Balkans, Evropski pokret u Srbiji i Friedrich Ebert Stiftung. 2010.
8. *Prokopijević M.* Evropska unija i zemlje Zapadnog Balkana, Collection of works: «Evropa i zapadni Balkan posle velikog proširenja». 2005. P. 133–164.
9. *Uvalić M.* Zašto Zapadni Balkan kasni za Centralnom i Istočnom Evropom? Collection of works: «Kontroverze ekonomskog razvoja u tranziciji: Srbija i Zapadni Balkan». 2011. P. 9–23. Ekonomski fakultet, Beograd.

УДК 331.1

ЭКОСИСТЕМА: НОВЫЕ СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОМПАНИИ С РАБОТНИКАМИ, КЛИЕНТАМИ И ШИРОКОЙ ПУБЛИКОЙ

И.Д. Котляров

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)
E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

В статье выполнен анализ современных моделей взаимодействия фирмы с работниками, клиентами и широкой публикой. Показано, что механизм квазиинтернализации и квазиэкстернализации охватывает также сотрудничество компании с физическими лицами, часть которых находится в переходной между внутренней и внешней средой фирмы зоне. Эту категорию физических лиц предлагается назвать экосистемой.

Ключевые слова: работники, клиенты, широкая общественность, экстернализация, интернализация.

ECOSYSTEM: A NEW MODEL OF COMPANY'S INTERACTION WITH EMPLOYEES, CUSTOMERS AND PUBLIC

I.D. Kotliarov

National Research University
Higher School of Economics (St. Petersburg)
E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

The present paper contains an analysis of modern forms of interaction between companies and employees, customers and public. It is demonstrated that quasi-internalization and quasi-externalization also apply to company's cooperation with physical persons. A part of these persons are in transition between internal and external environment. This category of persons can be considered as company's ecosystem.

Key words: employees, customers, public, externalization, internalization.

Введение

В современной экономической науке и теории управления большое внимание уделяется сетевым формам организации бизнеса. Суть их сводится к тому, что предприятие, с одной стороны, дополняет рыночные отношения со своими поставщиками, маркетинговыми посредниками и конкурентами иерархическими (этот феномен носит название квазиинтернализации), а с другой – вносит рыночную составляющую в механизм своего взаимодействия с собственными подразделениями (квазиэкстернализация). Происходит трансформация функций и статуса участников предпринимательской деятельности – из состояния жестко обособленных агентов, нацеленных на максимизацию индивидуальной выгоды, они переходят к состоянию квазиинтегрированных участников единой цепочки создания совместной ценности. Можно говорить, что речь идет о размытии границ между фирмой и ее микросредой, о взаимопроникновении внутренней среды и микросре-

ды фирмы. Причины возникновения таких форм ведения бизнеса, их разновидности, преимущества и недостатки, а также механизмы организации подробно описаны в научной литературе [9, 16, 17, 19, с. 98–100, 328–366, 20–22], поэтому останавливаться мы на них не будем. Однако важно отметить, что анализ сетевых форм, как правило, ограничивается изучением взаимодействия фирм и их подразделений, т.е. бизнес-единиц. С другой стороны, детально анализируется сетевое взаимодействие людей в рамках разного рода социальных сетей [23]. Сетевым аспектам взаимодействия компании и людей (т.е. фирмы со своим персоналом, с клиентами и с общественностью) внимания уделяется гораздо меньше. Хотя существует ряд публикаций, посвященных новым формам работы фирмы с людьми – как потребителями [10, 14, с. 161–189], так и работниками [5] и широкой общественностью [18], однако сетевой аспект этих методов (под которым мы понимаем механизм квазиинтернализации и квазиэкстернализации [20]) в достаточной степени освещен не был. Но анализ рыночной практики, по нашему мнению, показывает, что новые модели взаимодействия фирмы и людей базируются на сетевых эффектах (в приведенном выше понимании), в силу чего происходит трансформация функций и статуса физических лиц, имеющих отношение к фирме, и взаимопроникновение человеческой составляющей внутренней среды предприятия и его микросреды.

В предлагаемой работе мы проанализируем основные модели такой трансформации. Наш анализ, разумеется, ни в коей мере не претендует на полноту – мы стремились лишь выявить основные тенденции во взаимодействии фирмы и людей.

Экстернализация работников

Напомним, что традиционная схема отношений между работником и работодателем при капитализме заключается в том, что первый принимает на себя обязательство в течение срока действия трудового договора выполнять определенные виды работ в соответствии со своей должностью, а второй обязуется эти работы оплачивать по зафиксированным в договоре расценкам. Работник в этой модели минимизирует риски, связанные со спросом на продукцию предприятия и с успешностью коммерческой деятельности работодателя (т.е. его труд оплачивается независимо от того, принес ли результат этого труда прибыль фирме и есть ли у фирмы прибыль в принципе). Задача работника состоит лишь в добросовестном выполнении своих трудовых обязанностей на оборудовании работодателя (напомним, что получить доступ к этому оборудованию и тем самым заработать себе на жизнь работник может, лишь заключив контракт с работодателем). Иными словами, классический тезис Карла Маркса об отчуждении работника от средств производства естественно дополняется тезисом об отчуждении работника от предпринимательских рисков.

Сегодня такая модель отношений в чистом виде не всегда адекватна потребностям сотрудника и работодателя в развитых странах. Это объясняется следующими причинами:

– для этих государств типична сравнительно высокая степень социальной защиты работника, из-за чего фирме затруднительно разрывать отно-

шения с малоэффективными сотрудниками. В силу этого фирма стремится к большей гибкости трудовых отношений;

- острая конкурентная борьба на рынках товаров и услуг, успех в которой во многом зависит от нацеленности персонала фирмы на достижение стоящих перед ней целей и в первую очередь требуемого финансового результата. Фирме необходимо, чтобы сотрудник не просто работал за зарплату, а чтобы его личный успех был тесно связан с успехом компании;

- происходит опережающий рост доли сектора услуг, где большое значение имеет личное взаимодействие исполнителя и потребителя, не опосредованное, в отличие от производства традиционных осязаемых товаров, собственником средств производства. Это обуславливает необходимость высокой мотивации работника;

- достаточно высокий уровень доходов людей, при котором базовые потребности удовлетворены и нарастает значимость профессионального развития, самореализации и независимости;

- средства производства стали более доступными для людей как вследствие технологического прогресса (современный компьютер легко помещается в доме), так и благодаря росту благосостояния населения и возможности использования людьми кредитных ресурсов. Это частично устраняет потребность в постоянном трудоустройстве к собственнику средств производства [8, с. 59–60]. Иными словами, ослабляется отчуждение работников от средств производства и взамен нарастает готовность людей к принятию на себя предпринимательских рисков;

- нежелание фирм финансировать приобретение в собственность производственного оборудования, особенно в том случае, если в соответствии со спецификой деятельности фирмы используемое ею оборудование может также закупаться частными лицами для удовлетворения своих личных потребностей;

- благодаря развитию технологий в ряде сфер деятельности отпадает необходимость в постоянном присутствии сотрудника на рабочем месте [2; 12, с. 6].

В силу этого фирма заинтересована в снижении своих обязательств по оплате труда и в создании у работников мотивации к обеспечению финансового результата, иными словами, в частичном переносе на работников рисков своей предпринимательской деятельности. В свою очередь, у работников есть желание повысить свой уровень дохода, расширить возможности профессиональной самореализации, обрести некоторую независимость от жестких внутрифирменных регламентов и иерархии [8, с. 57–64]. Они готовы расплачиваться за эти преимущества некоторым снижением социальных и корпоративных гарантий (т.е. принятием на себя дополнительных рисков), однако, как правило, не желают утрачивать их полностью.

В этой ситуации трудовые отношения между работником и работодателем частично замещаются рыночными, предпринимательскими отношениями. Работник в определенной степени выводится за пределы предприятия. Возможными способами реализации такого подхода являются арендная и франчайзинговая (разновидность «франшиза – рабочее место» [13, с. 22]) формы сотрудничества.

В случае аренды сотрудник арендует у фирмы свое рабочее место (т.е. выплачивает фиксированную сумму за право использовать это рабочее время в течение определенного промежутка времени) и по установленным фирмой расценкам оказывает конечным потребителям определенный комплекс услуг. Задача сотрудника состоит в том, чтобы величина полученных от клиентов платежей за этот период времени была больше величины арендной платы (иначе ему придется компенсировать разницу из собственных средств). Классическим примером такой схемы отношений между работником и работодателем являются маршрутные такси и парикмахерские.

Благодаря этой модели работник получает возможность максимизировать свой доход, а в ряде случаев (хотя и не всегда) – самостоятельно устанавливать график своего выхода на работу. В свою очередь, работодатель сводит к минимуму риски своей коммерческой деятельности (поскольку перекладывает их на работника) и получает регулярный гарантированный доход от сдачи в аренду своего производственного оборудования. Такие отношения между работником и работодателем регулируются не трудовым договором, а договором аренды, причем работник выступает в этом договоре в качестве индивидуального предпринимателя, а не физического лица.

Статус работника в этом случае размывается. Оказывая потребителям услуги в соответствии с ассортиментом, прейскурантом и стандартами качества работодателя (при всей условности использования этого термина в данной ситуации), на предоставленном им рабочем месте и под его торговой маркой, т.е. обладая всеми внешними признаками наемного сотрудника, он формально связан со своим работодателем не трудовыми, а предпринимательскими отношениями. Иными словами, в его взаимодействии с собственником предоставляемого в аренду оборудования явно прослеживаются как предпринимательская, так и трудовая составляющие. Работник частично вытесняется во внешнюю среду, и на него переносятся предпринимательские риски. Работодатель предоставляет ему гарантию не занятости и оплаты, а долгосрочного заказа на его услуги.

При франчайзинговой модели функции сотрудника становятся еще шире: он предоставляет фирме необходимое для ее деятельности производственное оборудование (или, как вариант, финансирует его закупку), и в дальнейшем самостоятельно работает на нем, оказывая конечным клиентам определенный перечень услуг в соответствии с прейскурантом и стандартами качества работодателя. В отличие от арендной модели, сотрудник выплачивает фирме фиксированный процент от выручки, а не строго установленную сумму. Такой сотрудник служит для фирмы источником не только рабочей силы, но и капитала.

Мы говорим о специфической форме реализации франчайзинга, при которой сотрудник-франчайзи (зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя) взаимодействует с конечными потребителями не самостоятельно, а через посредничество работодателя (франчайзера), и работает на этом оборудовании в одиночку, без привлечения собственных наемных работников. Только при выполнении этих условий можно говорить о том, что франчайзинговые отношения дополняются трудовыми. Примером могут служить таксопарки: широкую популярность получило привлечение

в них на работу водителей со своими автомобилями. Перевозкой клиентов такие водители занимаются самостоятельно, однако заказы им предоставляет таксопарк, выступающий в качестве диспетчера. Для клиентов такие водители выглядят не филиалами франчайзера (как это происходит при классическом франчайзинге, где франчайзи ведут самостоятельный бизнес отдельно от франчайзера, хотя и под его торговой маркой), а его сотрудниками. Юридически отношения между работником и работодателем могут быть оформлены договором франчайзинга или договором оказания услуг.

В такой модели сотрудник еще более вытесняется во внешнюю среду фирмы. Он получает возможность максимизировать доход, работать по удобному для себя графику и обладать юридической независимостью от своего работодателя-франчайзера. Последний же, в свою очередь, хотя и несет операционные риски хозяйственной деятельности (получаемый им доход является не постоянной, а переменной величиной, зависящей от выручки сотрудников-франчайзи), однако освобождается от финансовых обязательств перед работниками и перекладывает на них бремя затрат на закупку оборудования и проблему его окупаемости.

Существуют и промежуточные модели, когда работник арендует рабочее место, но вносит за него не фиксированную плату, а определенную долю своего дохода от использования рабочего места. Такая схема практикуется в отдельных фитнес-клубах, где инструкторы самостоятельно оказывают услуги с использованием имущества клуба и по установленным им расценкам, выплачивая ему своего рода роялти. Преимущество для тренеров, по сравнению с чисто арендной моделью, заключается в разделении рисков с клубом, а по сравнению с франчайзинговой моделью – в отсутствии необходимости инвестировать в приобретение рабочего места (именно этими факторами объясняется то, что мы рассматриваем данную модель как промежуточную между арендной и франчайзинговой). Что же касается работодателя, то понимание преимуществ для него этой модели связано с пониманием специфики тех видов деятельности, где она применяется. В случае такси (франчайзинговая модель) потребление услуг носит разовый характер, привязанность клиента к исполнителю большого значения не имеет и зачастую не возникает – иначе говоря, клиент обращается не к водителю, а в таксопарк. Клиент не требует высокого уровня качества обслуживания – для повторного обращения в ту же фирму ему достаточно, чтобы качество не было слишком низким. Что касается маршрутных такси, то хотя потребление услуг и является регулярным, однако у клиента нет возможности сменить провайдера – каждый маршрут обычно монопольно используется одним автопарком, т.е. конкуренция отсутствует, и клиент волей-неволей будет повторно прибегать к услугам провайдера. Напротив, фитнес-клубы работают на высококонкурентном рынке, и продают не разовые услуги, а абонементы. Для их рыночного успеха большое значение имеет качество взаимодействия инструкторов с клиентами – именно оно в случае его достаточно высокого уровня позволяет привлекать и удерживать посетителей и, что немаловажно, побуждает клиентов рекомендовать услуги фитнес-клуба своим знакомым. За счет этого растет объем продаж, увеличивается загрузка спортивного оборудования и повышается известность бренда клу-

ба. Для достижения этой цели клубу важно создать у тренера мотивацию к сотрудничеству с клиентами, а наиболее эффективный путь заключается в создании предпринимательской мотивации, чтобы качественная работа тренера вела бы к увеличению его собственного дохода и к продвижению его личного бренда. При этом важно избавить тренера от риска убытков и от необходимости инвестировать в покупку рабочего места – иначе есть вероятность, что он попытается максимизировать свой доход в ущерб качеству, что у него может получиться на первых порах, но в долгосрочной перспективе чревато падением доходов клуба и ухудшением его имиджа. Именно поэтому, чтобы дать тренеру большие гарантии, предпринимательские риски переносятся на него только частично (он может получить нулевой, но не отрицательный доход), а не полностью, как при арендной модели, а переноса инвестиционных рисков, в отличие от франчайзинговой модели, не происходит вовсе. Отметим, что отсутствие фиксированной выплаты обладает для работодателя тем преимуществом, что позволяет ему участвовать в сверхприбылях тренера от оказания им услуг на имуществе клуба.

Крайним случаем таких моделей является официант, работающий без фиксированной оплаты, только за чаевые. Твердые расценки на его услуги отсутствуют, как и обязательства посетителей ресторана по их оплате (ресторан может лишь сообщить, что стоимость обслуживания не включена в цену блюд, и рекомендовать размер чаевых). Обязательства ресторана по оплате труда официанта также отсутствуют. Фактически отношения между рестораном и официантом уже не являются трудовыми – ресторан просто позволяет официанту обслуживать посетителей, т. е. по сути дела дает официанту доступ к своим клиентам, не взимая с него за это никакой платы (хотя, теоретически, допустима модель, в рамках которой официант будет платить ресторану за право обслуживать посетителей). Это сотрудничество двух независимых предпринимателей, а не работника и работодателя.

Может показаться, что эта модель является частным случаем арендной схемы (как в описанном выше примере с маршрутными такси) – с той разницей, что с официанта не взимается плата за право использования рабочего места. Однако ключевое отличие состоит в том, что труд официанта отделен от услуги ресторана, тогда как в случае маршрутки труд водителя входит неотъемлемой составляющей в услугу перевозки. Платя за проезд, пассажиры постепенно помогают водителю набрать необходимую сумму для оплаты аренды автобуса и получить доход, тогда как посетители ресторана, заплатив за съеденные блюда, не приносят официанту никакого дохода. По этой причине отнесение данной модели к арендной схеме неправомерно. Отметим, что, хотя в отличие от водителя, доход официанта не может быть отрицательным, однако в течение длительного времени он может получать нулевой или низкий доход (но есть возможность и получения сверхдохода, делиться которым официант с рестораном не обязан).

Эта схема удобна при наборе низкоквалифицированных сотрудников, не приносящих работодателю ни специфических компетенций (как в случае с тренерами в фитнес-зале), ни значимых производственных активов (как водители такси со своими автомобилями). Работодатель должен быть готов согласиться с высоким уровнем текучки. Однако важным преимуществом

этой модели служит отсутствие каких-либо материальных обязательств перед работником. При этом приемлемый уровень качества исполнения работником своих обязанностей обеспечивается его заинтересованностью в получении чаевых.

Рассмотренные выше модели позволяют утверждать, что организация взаимодействия работодателя с работниками не ограничивается традиционными трудовыми отношениями, а может принимать множество разных форм, основанных на той или иной степени вытеснения работника во внешнюю среду (или, что во многом равнозначно, на той или иной степени вовлечения участников рынка труда во внутреннюю среду фирмы). Благодаря этому фирма снижает свои финансовые обязательства перед сотрудниками (т. е. уменьшает риски путем частичного переноса их на работников) и создает своему персоналу возможность получить дополнительный доход, а также обеспечивает более комфортабельные условия ведения трудовой деятельности и самореализации.

По этой причине термины «работник» и «работодатель» в наше время несколько меняют свой смысл и охватывают широкий комплекс вариантов отношений от чисто трудовых до чисто партнерских. Этот комплекс представляет собой континуум способов привлечения рабочей силы. Задача фирмы – выбрать из этого континуума ту форму (или, скорее, ту совокупность форм), которая наилучшим способом соответствует специфике ее деятельности, имеющемуся ресурсному потенциалу и запросам целевой аудитории.

Это вытеснение сотрудников во внешнюю среду ни в коей мере не противоречит восприятию персонала фирмы как человеческого капитала. Речь идет лишь о том, что предприятие стремится минимизировать риски и издержки, связанные с привлечением и использованием этого капитала.

Важно отметить, что эта тенденция к экстернализации сотрудников сама по себе не является ни положительной, ни отрицательной – она всего лишь направлена на повышение эффективности работы компании через повышение эффективности использования человеческих ресурсов. Однако реализовываться она может в двух формах – как позитивной, так и негативной. О позитивной форме правомерно говорить в тех ситуациях, когда сотрудник, благодаря более гибким отношениям с компанией, может полнее реализовать свой человеческий и профессиональный потенциал и максимизировать личный доход. Эту форму можно назвать интрапренеризацией труда, т. е. усилением в нем предпринимательской составляющей. В своем крайнем воплощении эта форма реализуется путем превращения работника в свободного агента, т. е. в мини-предпринимателя, фрилансера [8]. Негативная форма состоит в минимизации социальных гарантий работника, в усилении его эксплуатации и снижении дохода. Она получила название прекаризации труда [1].

То, в какой форме – позитивной или негативной – будет реализована экстернализация труда, зависит от индивидуальных особенностей сотрудника, специфики выполняемой работы и содержания контракта, заключенного между ним и работодателем. По этой причине переход к экстернализации персонала требует тщательной предварительной оценки возможных

последствий. Для ряда сфер деятельности экстернализация нежелательна (поскольку предпочтительными являются традиционные трудовые отношения), а ее проведение будет иметь результатом не интрапренеризацию, а прекаризацию труда.

Интернализация клиентов

Сходное явление, но противоположное по направлению наблюдается в области отношений фирмы со своими клиентами. Классический подход к взаимодействию фирмы со своими покупателями предполагает, что оно носит неорганизованный характер: клиентам все равно, у кого приобретать товар, и они с легкостью готовы менять поставщика, а фирма готова продавать свою продукцию всем желающим, способным уплатить установленную цену, и не беспокоиться об удержании клиентов. В такой модели фирма лишена какого-либо контроля над покупателями и не имеет никакой гарантии продаж своей продукции, или, что равнозначно, покупатели полностью находятся во внешней среде фирмы.

Такая ситуация не соответствует интересам фирмы, которая стремится обеспечить себе гарантированный объем продаж. Способом достижения этой цели служит создание у конечных потребителей долгосрочных стимулов к приобретению продукции компании. Если первоначально такие стимулы носили экономический характер (разного рода программы предоставления скидок), то затем они приобрели эмоциональную форму благодаря использованию брендинга (как инструмента обеспечения соответствия ценностей фирмы и ценностей клиента) [4] и маркетинга отношений (в котором во главу угла ставится долгосрочное партнерство фирмы и потребителя на основе взаимной привязанности) [15]. Конечным итогом применения этих инструментов выступает создание у потребителя лояльности к компании, т. е. сознательного предпочтения к приобретению ее товаров и услуг при наличии возможности приобретать аналогичные продукты у других фирм [6].

Благодаря лояльности потребитель отчасти утрачивает свою независимость (т.е. добровольно отказывается покупать продукты конкурентов) и фактически становится звеном канала распределения, интегрируется в этот канал. Клиент не просто приобретает товар фирмы – он сотрудничает с фирмой в области создания спроса на ее продукцию.

В традиционной модели спрос на продукцию фирмы носит размытый, неконкретный характер, это абстрактный общерыночный обезличенный спрос на товар, способный удовлетворить усредненную человеческую потребность. Иными словами, существует спрос не на товар данной конкретной компании, а абстрактный спрос на товар с определенным диапазоном характеристик, и спрос этот генерируется не определенной группой потребителей, а рынком в целом. Образно выражаясь, клиентами фирмы здесь выступают случайные люди, проходившие мимо ее магазина и решившие зайти в него, и которым все равно, в каком магазине приобретать товар, при условии, что его характеристики и цена примерно соответствуют их ожиданиям. Напротив, в модели, опирающейся на лояльность, спрос конкретен, а товар адаптирован под специфические запросы четко очерченной

целевой аудитории, готовой его приобретать. Фирма в неявной форме обязуется соответствовать запросам своей целевой аудитории (а не абстрактному рыночному спросу), а клиент в неявной форме обязуется приобретать этот товар. По сути дела, из двух независимых рыночных агентов фирма и лояльный ей клиент трансформируются в единую систему по созданию потребительской ценности [7, с. 151; 14, с. 161–189]. При этом участие лояльного клиента в создании ценности продукта не ограничивается его приобретением. В современных условиях клиент все активнее привлекается к разработке характеристик продукта, к соучастию в его создании. Этим достигается большее соответствие продукта требованиям клиентов (что в интересах самих клиентов) и неявная гарантия со стороны клиентов приобретать адаптированный к их запросам продукт (что минимизирует риски компании).

Кроме того, клиент может принимать участие в софинансировании коммерческого продукта до его выпуска (модель, активно применяемая при создании игр для смартфонов и планшетов), т.е. еще активнее сотрудничает с компанией в области создания потребительской ценности. В качестве вознаграждения потребитель может получить, например, коллекционное издание игры.

Это позволяет утверждать, что клиент отчасти вовлекается во внутреннюю среду фирмы и, продолжая служить для нее источником дохода, повышает степень гарантированности этого дохода. Кроме того, он может стать поставщиком интеллектуальных и финансовых ресурсов. В силу этого клиентская лояльность может рассматриваться как одна из форм нематериальных активов компании [3].

Разумеется, это вовлечение не состоит в подчинении клиента фирме. Покупатель по-прежнему остается вне прямого контроля компании, которая не может приказывать ему приобретать свой товар. Речь идет о достигаемом за счет применения рыночных (возможность получения дополнительных скидок при повторных покупках товара), технических (качество товара или услуги, соответствующее запросам клиента), эмоциональных (совпадение ценностей потребителя с ценностями бренда) и отношенческих (выстраивание отношений с потребителем) факторов добровольном частичном отказе клиента от своей свободы взаимодействовать с другими поставщиками. Этот отказ не формализован и не носит абсолютного характера (например, если нужный потребителю товар будет отсутствовать у выбранного им поставщика в какой-то момент времени, то он может в порядке исключения обратиться к другому поставщику, но сразу же вернется к своему традиционному партнеру, как только у него появится необходимый товар), однако он обеспечивает привязанность потребителей к данной фирме. Это позволяет предприятию нарастить свой контроль над элементами микросреды и снизить риски своей деятельности.

Помимо того, что лояльные клиенты генерируют спрос на продукцию фирмы сами, они также могут способствовать продвижению бренда компании в обществе, в том числе и среди потенциальных клиентов. Делясь со своим кругом общения об удовлетворенности товарами фирмы, качеством ее сервиса и эмоциональными характеристиками бренда, они побуждают этих людей приобретать товары фирмы. Не будучи связаны с фирмой ни-

какими формальными обязательствами, такие клиенты-промоутеры добровольно участвуют в ее продвижении, что указывает на их еще более тесное сращивание с компанией.

Очевидно, что степень вовлечения клиентов, даже лояльных и продвигающих компанию, во внутреннюю среду фирмы невелика, и не может сравниться с уровнем вовлечения долгосрочных партнеров компании по аутсорсинговым соглашениям, каналам распределения и т. д. У фирмы все равно отсутствуют прямые административные рычаги управления такими клиентами. Еще раз уточним, что вовлеченность клиентов во внутреннюю среду компании следует трактовать не как их вовлечение во внутрикорпоративную иерархическую пирамиду, а как добровольное принятие клиентами на себя неформальных обязательств перед фирмой и добровольное же ограничение своей рыночной свободы.

Наконец, компания может формализовать отношения со своими конечными покупателями и привлечь их к распространению своей продукции. Примерами такой модели могут быть производители косметики Mary Kay, Avon и т. д. Интересно отметить, что, несмотря на два направления вовлечения людей во внутреннюю среду фирмы в этой модели (как лояльных покупателей, т. е. источников дохода, и как распространителей, т. е. фактически сотрудников), это вовлечение в обоих случаях носит частичный характер. Как покупатели они не принимают на себя обязательства закупать определенный минимальный объем товаров (как это могут делать официальные дилеры, и тем более – собственные сбытовые подразделения компании), предполагается лишь, что они продолжают приобретать товары для своих нужд (при неявном условии, что продукция фирмы будет продолжать соответствовать их ожиданиям). Как распространители они не становятся наемными работниками, а производитель не несет перед ними никаких обязательств по выплате заработной платы. Их доход состоит в определенной доле от объема продаж (такая схема отношений фирмы со своими сотрудниками называется дилерской).

Таким образом, эти распространители, хотя и содействуют достижению целей фирмы (так как обеспечивают спрос на ее продукцию и занимаются продвижением торговой марки), однако ни как работники, ни как покупатели они не включены целиком во внутреннюю среду компании, а находятся в переходной зоне между внутренней и внешней средами. Для фирмы они служат привлеченными партнерами.

Эта модель позволяет фирме максимизировать эффект от сотрудничества со своими покупателями, поскольку она продолжает получать выгоду от их лояльности, а также привлекает их к продажам своих товаров, не неся при этом перед ними никаких дополнительных обязательств (которые она должна была бы принять на себя, если бы привлекла этих людей в качестве штатных распространителей). В свою очередь, покупателям эта модель сотрудничества также выгодна, поскольку они могут извлекать доход из своей привязанности к бренду. Иными словами, фирма дает таким покупателям возможность не только потребительской, но и предпринимательской самореализации (работы на себя и по собственному графику и с минимальными рисками неудачи – поскольку инвестиций в свой микробизнес не требуется, а известная торговая марка компании служит гарантией того, что

товар будет продаваться). В этом случае в источник дохода превращается не хобби, а потребление, которое, как и хобби, является приятным занятием (источник дохода состоит в том, что распространитель подключает к потреблению продукта других людей). Клиент же трансформируется в свободного агента, работающего на основе бренда, которому он лоялен.

Отметим, что между клиентами, безвозмездно распространяющими позитивную информацию о компании, и клиентами, извлекающими доход из распространения ее продукции, есть переходный слой – клиенты, распространяющие позитивную информацию за вознаграждение. Это вознаграждение обычно имеет форму не прямых денежных выплат, а создания для покупателя более выгодных условий приобретения продукта. Такая практика, например, широко распространена на курсах иностранного языка, где учащийся, приведший на занятия знакомого или родственника, получает скидку по оплате следующего уровня обучения.

Сказанное выше позволяет утверждать, что сегодня компании стремятся максимизировать экономический эффект, получаемый ими от своих потребителей. Доход от продажи продукта клиенту перестал быть единственным способом использования клиентского ресурса. Потребители активно привлекаются к созданию продукта, к его продвижению и сбыту, и происходит это за счет их частичного вовлечения во внутреннюю среду компании. В этой связи можно говорить об интернализации клиента.

Отметим, что такой подход к клиентам таит в себе как положительные, так и отрицательные стороны. Клиенты получают возможность приобретать более соответствующий их запросам товар, а фирмы – гарантии сбыта произведенной продукции. Однако компании могут пожелать увеличить свой доход путем снижения качества товара, предполагая при этом, что клиенты не захотят сменить поставщика [11]. Это означает, что в условиях нарастания привязанности клиентов к компаниям особое значение приобретает защита прав потребителей и деловая этика.

Интернализация общественности

Последний аспект, который мы хотели бы осветить, заключается в использовании широкой общественности для решения задач компании. Если предельно упростить ситуацию, к широкой общественности можно отнести те категории населения, которые не входят в целевую аудиторию компании и не являются ее потенциальными работниками. Традиционно фирмы не привлекали эти категории населения для решения своих задач, однако в современных условиях, когда для повышения эффективности компании активно используются ресурсы внешней среды, ситуация изменилась. Широкая общественность также стала для фирмы поставщиком ресурсов.

Речь идет о краудсорсинге – когда представители общественности откликаются на предложение компании добровольно реализовать в ее интересах какой-либо проект. В самом упрощенном виде эта модель функционирует следующим образом: на своем сайте компания размещает задание (например, придумать рисунок для футболки) и приглашает всех желающих принять участие в его выполнении. Лучший вариант отбирается по итогам голосования на сайте и запускается в производство, а победитель получа-

ет денежную премию или подарок [18, с. 29–30]. В данном случае широкая публика может выступать для компании поставщиком интеллектуальных ресурсов (причем в двоякой форме – в виде выполненного задания и в виде экспертной оценки предоставленных вариантов; может использоваться только одна из форм [18, с. 29–30]). Издержки компании, даже с учетом выдачи приза победителю, обычно значительно меньше той суммы, которую бы пришлось заплатить за профессиональное выполнение задания. Кроме того, при краудсорсинге на выбор предоставляется существенно большее число вариантов.

При краудфандинге представители общественности вносят средства для поддержания деятельности компании [18, с. 231–241]. Краудфандинг может осуществляться как на коммерческой основе (например, жертвователи получают долю в собственности компании), так и на некоммерческой (когда взнос осуществляется безвозмездно или за символическое вознаграждение, например, в обмен на футболку с логотипом компании). Эти модели очень удобны для привлечения финансирования в начинающие компании;

Предоставление капитала – общественность служит для фирмы поставщиком капитала в физической форме. Хорошим примером может быть предоставление частным лицом временно неиспользуемого им автомобиля в службу проката авто. Эта схема позволяет фирме минимизировать затраты на формирование основных фондов, тогда как лица, предоставляющие оборудование, получают доход от его использования.

Применение этих моделей дает возможность фирме привлечь избыточные (временно неиспользуемые) ресурсы общества для достижения своих целей. Привлечение этих ресурсов осуществляется с минимальными затратами, поскольку лица, их предоставляющие, как правило, не стремятся к получению прибыли или к ее максимизации. Это связано с тем, что такие индивидуальные поставщики ресурсов заинтересованы не столько в прибыли, сколько в создании своей репутации в профессиональном сообществе (за счет победы в конкурсах на выполнение заданий), личностной и профессиональной самореализации за пределами основной деятельности, участия в проектах, которые по какой-либо причине являются для них значимыми, или же просто в сокращении издержек на содержание имущества (как это происходит при предоставлении автомобилей прокатным компаниям).

Благодаря этим схемам широкая публика также отчасти приобщается к компании и в меньшей или большей степени вовлекается в ее внутреннюю среду (на разовой или долгосрочной основе). Фирма становится для таких людей источником самореализации и повышения качества жизни. Краудсорсинг в данном случае выступает инструментом, позволяющим фирме получать прибыль от удовлетворения человеческих потребностей не только путем продажи товаров и оказания услуг.

Укажем, что участвовать в краудсорсинге могут и общественность, и работники компании [5], ее клиенты и т.д. Это позволяет им теснее сотрудничать с компанией и повышать личное удовлетворение от сотрудничества. Кроме того, это глубже интегрирует работника и клиента во внутреннюю среду фирмы.

Существует и обратная тенденция – профессионализация краудсорсинга, когда человек, изначально сотрудничавший с компанией на краудсор-

синговых принципах, постепенно становится ее сотрудником или клиентом. Таким образом, краудсорсинг дает возможность не только вовлечь широкую публику в деятельность фирмы, но и перевести часть этой публики в категорию клиентов или сотрудников, а также повысить эффективность использования потенциала существующих потребителей или работников компании.

Заключение

Анализ современных форм взаимодействия фирмы с клиентами, работниками и широкой публикой позволяет сделать вывод, что в наши дни существенные изменения претерпела не только модель взаимодействия фирмы с конкурентами, поставщиками и маркетинговыми посредниками (благодаря чему обособленная фирма оказалась замещена метафирмой), но и с физическими лицами, которые также подверглись частичной экстернализации (работники) или частичной интернализации (клиенты и широкая общественность). По этой причине мы считаем правомерным говорить, что фирма (а точнее – метафирма) в современных условиях формирует вокруг себя своего рода экосистему (состоящую из экстернализованных работников, интернализованных клиентов и части широкой общественности), которая тесно связана с этой метафирмой и служит для нее источником дохода и поставщиком разного рода ресурсов. Экосистема находится в переходной зоне между внешней и внутренней средой фирмы.

Это, в частности, означает, что границы между работниками, широкой публикой и клиентами становятся все более размытыми.

Эффективность работы фирмы в рамках данного подхода будет определяться ее умением формировать экосистему (т.е. привлекать в нее участников из внешней среды и правильно выводить в нее участников из своей внутренней среды), а также качеством этой экосистемы (человеческим капиталом ее элементов, степенью их привязанности к фирме и т.д.). Следовательно, большое значение приобретает разработка инструментов управления экосистемой и методик их применения.

Литература

1. Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т., Курильченко Е.И. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5. С. 13–26.
2. Бугорский В.Н. Сетевая экономика. М.: Финансы и статистика. 2008. 256 с.
3. Гасанов Т.Э. Потребительская лояльность как вид интеллектуального капитала организации // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 260–267.
4. Гэд Т. 4D брэндинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001. 230 с.
5. Долженко Р.А. Краудсорсинг – новая форма организации трудовой деятельности в коммерческом банке // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 5. С. 98–103.
6. Лисафьева Д.В., Нижегородцев Р.М., Секерин В.Д. Отличие лояльности потребителей от удовлетворенности и приверженности // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2012. Т. 2, № 22. С. 41–46.

7. *Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2008. 328 с.
8. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Секрет фирмы, 2005. 328 с.
9. *Попов Е.В., Симонова В.Л.* Межфирменные сетевые формы организации в системе корпоративного управления // Экономика региона. 2009. № 3. С. 146–153.
10. *Прахлад К.К., Рамасвами В.* Будущее конкуренции. Создание уникальной ценности вместе с потребителями. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 352 с.
11. *Розмаинский И.В.* Почему «развитие капитализма» сопровождается ухудшением качества товаров? // Тетра Economicus. 2011. Т. 9, № 1. С. 8–16.
12. *Стрелец И.А.* Сетевая экономика. М.: Эксмо, 2006. 208 с.
13. *Стэнворт Дж., Смит Б.* Франчайзинг в малом бизнесе. М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996. 200 с.
14. *Тапскотт Д., Уильямс Э.Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М.: BestBusinessBooks, 2009. 392 с.
15. *Третьяк О.А.* Отношенческая парадигма современного маркетинга // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11, № 1. С. 41–62.
16. *Уильямсон О.И.* Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка // Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 33–53.
17. *Уильямсон О.И.* Логика экономической организации // Природа фирмы / под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М.: Дело, 2001. С. 135–174.
18. *Хау Дж.* Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
19. *Холленсен С.* Глобальный маркетинг. Минск: Новое знание, 2004. 832 с.
20. *Шерешева М.Ю.* Формы сетевого взаимодействия компаний. М.: Изд. Дом Гос. унта – Высшей школы экономики, 2010. 339 с.
21. *Blair Roger D., Lafontaine Francine.* The Economics of Franchising. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 338 p.
22. *Ménard Claude.* The Economics of Hybrid Organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. V. 160. P. 345–376.
23. *Wasserman S., Faust K.* Social Network Analysis: Methods and Application. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 825 p.

Bibliography

1. *Bobkov V.N., Chernyh E.A., Aliev U.T., Kuril'chenko E.I.* Neustojchivost' zanjatosti: negativnye storony sovremennyh social'no-trudovyh otnoshenij // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2011. № 5. P. 13–26.
2. *Bugorskiy V.N.* Setevaja jekonomika. M.: Finansy i statistika. 2008. 256 p.
3. *Gasarov T.Je.* Potrebitel'skaja lojal'nost' kak vid intellektual'nogo kapitala organizacii // Vestnik NGUJeU. 2011. № 2. P. 260–267.
4. *Gjed T.* 4D brjending: vzlamyvaja korporativnyj kod setevoj jekonomiki. SPb.: Stokgol'mskaja shkola jekonomiki v Sankt-Peterburge, 2001. 230 p.
5. *Dolzhenko R.A.* Kraudsorsing – novaja forma organizacii trudovoj dejatel'nosti v kommercheskom banke // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2012. № 5. P. 98–103.
6. *Lisaf'eva D.V., Nizhegorodcev R.M., Sekerin V.D.* Otlichie lojal'nosti potrebitelej ot udovletvorennosti i priverzhennosti // Vestnik Instituta družby narodov Kavkaza. Teorija jekonomiki i upravlenija narodnym hozjajstvom. 2012. T. 2, № 22. P. 41–46.
7. *Nordstrem K., Ridderstrale J.* Biznes v stile fank navsegda: Kapitalizm v udovol'stvie. M.: Mann, Ivanov i Farber, 2008. 328 p.
8. *Pink D.* Nacija svobodnyh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menjajut zhizn' Ameriki. M.: Sekret firmy, 2005. 328 p.

9. *Popov E.V., Simonova V.L.* Mezhfirменные сетевые формы организации в системе корпоративного управления // *Jekonomika regiona*. 2009. № 3. P. 146–153.
10. *Prahalad K.K., Ramasvami V.* Budushhee konkurencii. Sozdanie unikal'noj cennosti vmeste s potrebiteljami. M.: Olimp-Biznes, 2006. 352 p.
11. *Rozmainskij I.V.* Pochemu «razvitie kapitalizma» soprovozhdaetsja uhudsheniem kachestva tovarov? // *Terra Economicus*. 2011. T. 9, № 1. P. 8–16.
12. *Strelec I.A.* Setevaja jekonomika. M.: Jeksmo, 2006. 208 p.
13. *Stjenvort Dzh., Smit B.* Franchajzing v malom biznese. M.: Audit, JuNITI, 1996. 200 p.
14. *Tapskott D., Uil'jams Je.D.* Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenjaet vse. M.: BestBusinessBooks, 2009. 392 p.
15. *Tret'jak O.A.* Otnoshencheskaja paradigma sovremennogo marketinga // *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. 2013. T. 11, № 1. P. 41–62.
16. *Uil'jamson O.I.* Vertikal'naja integracija proizvodstva: soobrazhenija po povodu neudach rynka // *Teorija firmy / pod red. V.M. Gal'perina*. SPb.: Jekonomicheskaja shkola, 1995. P. 33–53.
17. *Uil'jamson O.I.* Logika jekonomicheskoi organizacii // *Priroda firmy / pod red. O.I. Uil'jamsona i S. Dzh. Uintera*. M.: Delo, 2001. P. 135–174.
18. *Hau Dzh.* Kraudsorsing: Kollektivnyj razum kak instrument razvitija biznesa. M.: Al'pina Publisher, 2012. 288 p.
19. *Hollensen S.* Global'nyj marketing. Minsk: Novoe znanie, 2004. 832 p.
20. *Sheresheva M.Ju.* Formy setevogo vzaimodejstvija kompanij. M.: Izd. Dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly jekonomiki, 2010. 339 p.
21. *Blair Roger D., Lafontaine Francine.* The Economics of Franchising. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 338 p.
22. *Ménard Claude.* The Economics of Hybrid Organizations // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2004. V. 160. P. 345–376.
23. *Wasserman S., Faust K.* Social Network Analysis: Methods and Application. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 825 p.

УДК 378.22

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВОЙ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

С.С. Малина

Министерство образования, науки и инновационной политики
Новосибирской области
E-mail: malinasveta2012@gmail.com

В статье обсуждаются вопросы обеспечения инновационной экономики кадрами высшей квалификации, формы государственной поддержки учреждений высшего профессионального образования, механизмы реализации государственного заказа. В работе представлен опыт региона в части реализации межвузовского взаимодействия при разработке и реализации магистерских программ, обсуждаются ключевые аспекты программ целевой контрактной подготовки магистров; представлены результаты анкетирования организаций-работодателей, участвующих в реализации целевой контрактной подготовки магистров, проведен анализ и сделаны выводы.

Ключевые слова: целевая подготовка, сетевая форма, экономика знаний, межвузовское взаимодействие, государственный заказ.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS OF REALIZATION OF MASTER TARGET TRAINING FOR INNOVATION ECONOMICS

S.S. Malina

Ministry of Education, Science and Innovation Policy
of the Novosibirsk Region
E-mail: malinasveta2012@gmail.com

The paper is devoted to questions of providing innovation economics with high-qualified specialists, to forms of the state support to the higher school, to mechanisms of the state order. The Region's experience in realization of inter-university interaction in developing and implementation of Master programs is observed. The key aspects of the programs of target contractual training of masters are discussed in the paper. The results of the survey of the employers, engaged in implementation of the target contractual master training program, are presented and analyzed. The paper contains conclusions.

Key words: target training, network form, knowledge economy, inter-university interaction, state order.

Введение

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, предусматривает в целях укрепления позиций России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг переход к инновационному типу развития экономики. «Стратегия экономического развития Сибири», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.07.2010 г. № 1120-р, также предусматривает активный сценарий развития региона, переход базовых отраслей экономики на инновацион-

ный путь развития и производство продукции с высокой добавленной стоимостью.

Следовательно, необходимы меры, направленные на создание профессионального образования, соответствующего запросам инновационной экономики, поскольку проблема обеспечения квалифицированным персоналом субъектов «новой экономики» требует существенной модернизации всех уровней профессионального и общего образования.

Новосибирские университеты ведут подготовку специалистов более чем по 300 специальностям, 60 из которых связаны с приоритетными направлениями модернизации и технологического развития России. В образовательных учреждениях высшего профессионального образования работает более 20 тыс. человек, из них свыше 6 200 человек профессорско-преподавательского состава. Совокупный доход вузов превышает 13,5 млрд руб., из которых около 1,7 млрд руб. приходится на научную деятельность.

Тем не менее вопросы кадрового обеспечения экономики и социальной сферы, модернизации образовательных программ высшего образования, повышения конкурентоспособности вузов региона остаются актуальными.

1. Целевая контрактная подготовка

Одним из действующих механизмов формирования кадрового потенциала региона является целевая контрактная подготовка. Новосибирская область уже с 2000 г. начала осуществлять целевую контрактную подготовку (далее – ЦКП) специалистов с высшим и средним профессиональным образованием из числа выпускников образовательных учреждений сельской местности, городов областного и районного подчинения. Основными задачами ЦКП являются обеспечение региона кадрами с высшим профессиональным образованием и содействие молодежи в получении высшего профессионального образования.

Для юридического оформления отношений сторон заключается контракт. В контрактах оговариваются права, обязанности и виды ответственности договаривающихся сторон: студента, высшего учебного заведения, работодателя, органов исполнительной власти и местного самоуправления муниципальных образований. Заключивший контракт студент обязан освоить образовательную профессиональную программу по избранной специальности или направлению в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом. Образовательная программа может быть скорректирована либо дополнена с учетом договоренностей студента, работодателя и учебного заведения. Затем по предложению ректора студент обязан заключить контракт с работодателем на срок до трех лет после окончания вуза при условии предоставления работы, соответствующей уровню и профилю профессиональной подготовки [1, с. 16].

ЦКП в Новосибирской области осуществлялась в соответствии с постановлением [4, с. 1], однако заложенный в данном документе механизм реализации ЦКП имел ряд недостатков:

– отсутствие должной связи с программами социально-экономического развития районов и формированием кадрового резерва через направление на ЦКП;

– несовершенство отбора кандидатов на обучение в рамках ЦКП (низкие баллы единого государственного экзамена) и как следствие невысокая успеваемость студентов – целевиков;

– отсутствие системы формирования перспективной потребности в кадрах;

– отсутствие обязательств у муниципальных образований Новосибирской области, их участие только в качестве направляющей стороны;

– отсутствие необходимой социальной поддержки выпускников, направленных на отработку в районы.

Соответственно, с учетом указанных недостатков был разработан и принят новый документ, регулирующий ЦКП в Новосибирской области [5, с. 2]. Особенности нового проекта:

1. В документ включены положения, определяющие субъектов правоотношений, а также условия реализации ЦКП.

2. Обозначены основные задачи ЦКП и форма финансирования – обеспечение Новосибирской области кадрами с высшим профессиональным образованием и содействие молодежи в получении высшего профессионального образования, путем оказания государственной поддержки в виде возмещения части расходов вузов по профессиональному обучению студентов.

3. Введены новые формы контрактов для кандидатов, не имеющих работодателя на момент поступления (т.е. вопрос трудоустройства может быть решен непосредственно на выпускном курсе).

4. Изменены требования к кандидатам на обучение:

– определена разница не более 20 % между общим баллом, установленным вузом как проходной на бюджетные места, и общим баллом по результатам ЕГЭ кандидата (в случае, если балл по результатам ЕГЭ меньше проходного балла).

Преимущественное право на обучение на условиях ЦКП получили:

– дети из малоимущих и многодетных семей при условии успешной сдачи вступительных экзаменов (социальный лифт);

– кандидаты, имеющие ходатайство работодателя на момент поступления.

Таким образом, в настоящее время акцент целевой контрактной подготовки сместился от подготовки кадров для села в область подготовки кадров для предприятий и инновационных фирм, поддержки малообеспеченных семей, обеспечения «социального лифта», что обусловлено проблемами при трудоустройстве выпускников, их низкой мотивацией при обучении и выполнении ими условий контракта.

2. Целевая контрактная подготовка магистров

Активное участие работодателей в совершенствовании учебного процесса является одним из факторов повышения качества инженерного образования. Для катализации этого процесса в Новосибирской области реализуется пилотный проект магистерской целевой подготовки кадров по заказу организаций, работающих в сфере высокотехнологичной промышленности.

В соответствии с распоряжением Правительства Новосибирской области от 06.06.2011 № 225-рп «О межвузовских магистерских центрах инженеринговой подготовки в Новосибирской области» для обеспечения высококвалифицированными кадрами экономики региона, повышения уровня подготовки специалистов инженерно-технического профиля поддержано создание межвузовских магистерских центров инженеринговой подготовки на базе Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Новосибирского государственного технического университета.

В рамках данной программы заключается контракт между магистрантом, работодателем, вузом и министерством образования, науки и инновационной политики Новосибирской области (далее – министерство). Обучение оплачивает министерство, вуз разрабатывает индивидуальные учебные планы подготовки магистров, работодатель согласовывает учебные планы, платит стипендию, выделяет куратора и предоставляет место практики, магистр обязуется по окончании обучения отработать один год по контракту [2].

За год реализации данного проекта вузами разработано более 80 новых курсов, которые ведут высококвалифицированные преподаватели. Студенты работают на дорогах уникальных научно-исследовательских установках (в обучении задействовано более 30 установок). Каждый студент имеет научного руководителя, как правило, доктора наук, а также наставника из высокотехнологичной компании. В рамках данного проекта созданы механизмы постоянного оперативного взаимодействия с рынком работодателей. В целях заблаговременного привлечения интереса работодателей и студентов к инженеринговой магистратуре вузами и министерством проводится постоянная работа с предприятиями и со студентами по разъяснению преимуществ и механизмов такого целевого обучения.

Обучение в межвузовской магистратуре направлено, прежде всего, на подготовку специалистов, способных к решению наиболее сложных профессиональных задач, к организации новых областей деятельности, к проектной инженерии, к исследованиям и управлению как основополагающим сферам, обеспечивающим общественное и экономическое развитие региона. Использование в образовательном процессе активных форм и современных технологий обучения, таких как решение реальных научно-исследовательских и проектных задач, анализ конкретных ситуаций, моделирование технологических и/или управленческих процессов на базе информационных систем позволяет реализовать в магистратуре концепцию практико-ориентированного образования, включая подготовку современного корпуса исследователей.

Тем не менее при реализации проекта межвузовской магистратуры возникает ряд сложностей. Например, не всегда работодатели могут сформулировать четкие требования к необходимым компетенциям магистра, сложно проходит процесс согласования учебных планов как в вузе, так и с работодателем, высокая стоимость обучения (300,0 тыс. руб. в год за одного магистра), недостаточный уровень подготовки бакалавров.

Одним из актуальных вопросов при реализации проекта межвузовской магистратуры является задача организации межвузовского взаимодействия и сетевой формы обучения.

Развитие межвузовского взаимодействия является необходимым условием для сохранения и повышения конкурентоспособности вузов, эффективности их деятельности за счет интеллектуального обмена, внедрения современных форм обучения. В то же время существование определенных рисков межвузовского взаимодействия таких как, протекционизм на рынке образовательных услуг, недостаточная инициативность педагогических коллективов, неравенство ресурсов и возможностей вузов, законодательные и финансовые ограничения, приводит к стагнационным процессам в вузах.

В настоящее время одной из самых распространенных форм реализации сетевого обучения является практика «двойных дипломов», которая не в полной мере отражает потребности современного образования и межвузовского взаимодействия. По данным директора Национального офиса программы Tempus в России О.Н. Олейниковой всего в России программ двойных дипломов около 2 % (от общего числа реализуемых программ), программы двойных дипломов уровня бакалавра и магистра составляют только 23 % программ международного сотрудничества вузов – участников Tempus [3, с. 1].

Следовательно, следующей задачей, требующей решения при реализации проекта межвузовской магистратуры, должна стать отработка методических, нормативно-правовых документов и программ, обеспечивающих безбарьерное сетевое межвузовское взаимодействие.

3. Анализ и результаты анкетирования организаций-работодателей, участвующих в реализации целевой контрактной подготовки магистров

Для анализа эффективности реализации пилотного проекта межвузовской магистратуры министерством было проведено анкетирование организаций-заказчиков, заключивших контракт на подготовку магистров. Сведения по результатам анкетирования были предоставлены 38 предприятиями (данные по 76 студентам), репрезентативная выборка составила 86 %.

Результаты анкетирования:

1. Участвовало ли предприятие совместно с вузом в разработке программы для обучения студента?

«Да» – 47 ответов (69 %),

«Нет» – 21 ответ (31 %).

2. Все ли разделы (фундаментальный, инженерный, управленческий) включены в программу обучения?

«Да» – 59 ответов (87 %),

«Нет» – 8 ответов (12 %).

3. Участвует ли Ваше предприятие в образовательном процессе?

«Да» – 55 ответов (81 %),

«Нет» – 13 ответов (19 %).

4. Удовлетворены ли Вы качеством и полнотой программы подготовки студента?

«Да» – 57 ответов (84 %),

«Нет» – 9 ответов (13 %).

Два респондента (3 %) затруднились ответить.

5. Удовлетворены ли Вы уровнем сотрудничества с вузом?

«Да» – 64 ответа (94 %),

«Нет» – 4 ответа (6 %).

6. Участвует ли студент в разработках новой продукции или технологии на Вашем предприятии?

«Да» – 52 ответа (76 %),

«Нет» – 15 ответов (22 %).

Один респондент (1 %) на вопрос не ответил.

7. Выполняет ли студент производственные задачи (работает ли) на Вашем предприятии?

«Да» – 59 ответов (87 %),

«Нет» – 9 ответов (13 %).

8. Заказчики оценили работу студента на предприятии следующим образом:

«Отлично» – 37 ответов (54,4 %),

«Хорошо» – 23 ответа (33,8 %).

«Удовлетворительно» – 7 ответов (10,3 %).

Один респондент (1,5 %) затруднился ответить.

Таким образом, можно сделать вывод, что 50 % заказчиков полностью удовлетворены предложенной формой обучения магистрантов, 31 % заказчиков не участвовал в составлении программы обучения магистрантов, следовательно, эти предприятия полностью приняли программу, предложенную вузом. В дальнейшей работе по заключению контрактов будет проработан вопрос по повышению активности предприятий в составлении программ для обучения студентов.

Заключение

Фундаментальность университетского образования, углубленное знакомство студентов с актуальными научными проблемами, освоение принципов и методов учебной и научно-исследовательской работы дают выпускникам университетов значительные преимущества для качественной реализации идей обновляющейся экономики.

Однако в настоящее время многие вузы, в том числе и технические, существуют в замкнутом пространстве. И не последнюю роль в этом играют установки самих вузов, часто занимающих пассивную позицию. Вузы медленно формируют среду, необходимую для получения образовательного опыта, способствующего развитию инновационных компетенций.

Мировой опыт показывает, что основой современной подготовки специалистов является проектное обучение. Вызовы времени требуют модернизации и самой модели образования – переходы к комплексным междисциплинарным проектам, в которых участвуют студенты различных факультетов и различных ступеней подготовки. Современный университет должен объединить в себе подготовку исследователей, инженеров и управленцев.

Однако для реализации функции кадрового обеспечения региона необходимо активное участие, прежде всего, организаций реального сектора экономики, формирующих требования к компетенциям выпускников

и профессиональные стандарты. На основе профессиональных стандартов могут быть разработаны новые современные программы подготовки кадров.

Литература

1. Бакулина С.С., Музыченко Е.А., Чернокутов В.Е. Целевой прием в современных условиях // Высшее образование в России. 2011. № 8-9. С. 14–22.
2. Малина С.С. Новые направления в профессиональном образовании Новосибирской области для формирования инновационной экономики / Новая экономика. Инновационный портрет России. М.: НП «Центр стратегического партнерства», 2012. 400 с.
3. Олейникова О.Н. Программы двойных дипломов как средство формирования европейского пространства высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tempus-russia.ru/C002B4EB-738A-4061-98CB-655D5936B803/FinalDownload/DownloadId-1F1ABC9C2226C9407F310F422B5F0C3B/C002B4EB-738A-4061-98CB-655D5936B803/MIIT-seminar/DD-Oleynikova.pdf> (дата обращения: 17.07.2013).
4. Постановление главы администрации (губернатора) Новосибирской области от 23.04.2004 № 259 (ред. от 30.03.2009) «Об организации целевой контрактной подготовки специалистов из числа выпускников образовательных учреждений сельской местности и городов областного и районного значения в высших и средних профессиональных учебных заведениях Новосибирской области за счет средств областного бюджета» (КонсультантПлюс).
5. Постановление Правительства Новосибирской области от 19.07.2013 № 312-п «О Порядке организации целевой контрактной подготовки специалистов в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования на территории Новосибирской области за счет средств областного бюджета Новосибирской области» (КонсультантПлюс).

Bibliography

1. Bakulina S.S., Muzychenko E.A., Chernoskutov V.E. Celevoj priem v sovremennyh usloviyah // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2011. № 8-9. P. 14–22.
2. Malina S.S. Novye napravleniya v professional'nom obrazovanii Novosibirskoj oblasti dlja formirovaniya innovacionnoj jekonomiki / Novaja jekonomika. Innovacionnyj portret Rossii. M.: NP «Centr strategicheskogo partnerstva», 2012. 400 p.
3. Olejnikova O.N. Programmy dvojnyh diplomov kak sredstvo formirovaniya evropejskogo prostranstva vysshego obrazovaniya [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.tempus-russia.ru/C002B4EB-738A-4061-98CB-655D5936B803/FinalDownload/DownloadId-1F1ABC9C2226C9407F310F422B5F0C3B/C002B4EB-738A-4061-98CB-655D5936B803/MIIT-seminar/DD-Oleynikova.pdf> (data obrashheniya: 17.07.2013).
4. Postanovlenie glavy administracii (gubernatora) Novosibirskoj oblasti ot 23.04.2004 N 259 (red. ot 30.03.2009) «Ob organizacii celevoj kontraktnoj podgotovki specialistov iz chisla vypusknikov obrazovatel'nyh uchrezhdenij sel'skoj mestnosti i gorodov oblastnogo i rajonnogo znachenija v vysshih i srednih professional'nyh uchebnyh zavedenijah Novosibirskoj oblasti za schet sredstv oblastnogo bjudzhet» (Konsul'tantPljus).
5. Postanovlenie Pravitel'stva Novosibirskoj oblasti ot 19.07.2013 № 312-p «O Porjadke organizacii celevoj kontraktnoj podgotovki specialistov v federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh uchrezhdenijah vysshego professional'nogo obrazovaniya na territorii Novosibirskoj oblasti za schet sredstv oblastnogo bjudzhet» (Konsul'tantPljus).

УДК 330.16

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЫБОР ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭГОИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС

А.С. Лихоносова

Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля

E-mail: lihonosova_anna@mail.ru

В исследовании представлено авторское видение национального эгоизма, как фактора, стимулирующего национальное сознание, и, соответственно, развитие патриотического отношения к проблемам и перспективам нации. Охарактеризованы положительные и негативные проявления национального эгоизма и его последствий. Проанализировано поведение современного правительства Украины относительно внедрения «политики национального эгоизма». Обоснована потребность Украины в новых стандартах экономического поведения на принципах нравственного сопоставления личностных интересов и общественных ценностей. Исследованы основные экономические последствия для Украины активного внедрения эгоистических принципов поведения на мировой арене.

Ключевые слова: лидерство, личностная выгода, национальные интересы, общественные ценности, последствия, приоритет, рациональность, устойчивое развитие, эгоизм.

ALTERNATIVE CHOICE POLICY OF NATIONAL EGOISM: SOCIO-ECONOMIC CONSENSUS

A.S. Likhonosova

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University

E-mail: lihonosova_anna@mail.ru

The study is the author's vision of national self-interest as a catalyst for national consciousness and, therefore, the development of patriotic attitude to the problems and prospects of the nation. Characterized by positive and negative aspects of national egoism and its consequences. The behavior of the modern Ukrainian government on the introduction of "policy of national self-interest". Substantiates the need for Ukraine to new standards of economic behavior on the principles of moral comparison of personal interests and social values. The basic economic consequences for Ukraine's active implementation of the principles of selfish behavior in the international arena.

Key words: leadership, personal benefit, national interests, social values, the impact, priority, rational, sustainable development, selfishness.

В современном понимании понятие «эгоизм» вызывает, как правило, негативные ассоциации, связанные с обособлением личности, неучитыванием мнения других, преподношением собственных интересов приоритетными по отношению к любым другим. Но всегда ли достижение целей такими методами является негативным фактором, каких сфер деятельности или отраслей производства это касается и каким образом в итоге влияет на полученный результат?

Выражение «национальный эгоизм» принадлежит немецкому публицисту и критику Карлу Людвигу Берне, который употребил его впервые в

1845 г. [4]. Современный словарь социолингвистических терминов трактует национальный эгоизм как оправдание приоритетного удовлетворения интересов своей нации (народа) при игнорировании интересов других наций (народов) [5, с. 148]. Чем же опасна такая разновидность патриотизма и не несет ли в себе это скрытый национализм?

Национальный эгоизм имеет и отрицательные, и положительные последствия. Французский энциклопедист К.А. Гельвеций указывает, что эгоизм присущ человеку, выступает его естественным свойством и главным фактором общественного развития. Но веком ранее Б. Паскаль отмечал: «Люди ненавидят друг друга, – такая их природа. И пусть они пытаются поставить своекорыстие на службу общественному благу, – эти попытки только лицемерие, подделка под милосердие, потому что в основе основ все равно лежит ненависть» [4].

В определенной степени вопросы национального эгоизма относительно экономических последствий затрагивают структурные изменения национальной экономики. Подобные структурные трансформации в национальной экономике выражаются в коренных изменениях самих элементов национальной экономической системы или их доли и формы участия в национальном производственном процессе, а также пропорционального соотношения в количественных характеристиках мирового позиционирования страны.

Современные вызовы глобализации и унификации производственной деятельности дают основание говорить о необходимости возникновения новых видов экономической и социально-гуманитарной деятельности. В данном аспекте следует подчеркнуть, что анализируются не отдельно взятые тенденции, которые прослеживаются в национальной экономике или обществе, и даже не просто взаимосвязь между ними, а более сложные механизмы, которые, во-первых, порождают, а во-вторых, сами же и регулируют эти взаимосвязи. Например, национальные распределительные отношения – это, безусловно, экономическая категория, но в основе их функционирования лежит соответственный, регулирующий их социальный механизм, т.е. взаимодействие разных социальных групп, их внутригрупповое поведение, от которых зависит процесс конечного распределения любых экономических благ. Все эти вопросы тесно переплетены между собой и представляют предпосылки зарождения эгоизма в его социальном проявлении.

Элементы национального эгоизма зарождаются на этапе взаимодействия отдельных функциональных систем подсистем экономики и общества. Реализация данного взаимодействия возможна тремя отдельными путями: во-первых, через частичное переплетение функциональных обязанностей институтов экономической и социальной систем, во-вторых, через частичное дублирование выполняемых функций, в-третьих, через взаимодействие их формальных организаций (министерств, ведомств, ассоциаций и т.д.). Другими словами, правительство, устанавливая определенные социальные стандарты, нормативы, регулирует социальные отношения в стране и тем самым дает предпосылки возникновения эгоистических принципов поведения отдельных социальных групп.

Доминантная цель государственного социально-экономического регулирования – оптимизация соответствия результатов экономической дея-

тельности социальным целям общества. При этом важной особенностью такого регулирования является то, что в основном предметом влияния государственного регулирования является механизм распределения, перераспределения и потребления общественных благ, в первую очередь – национального дохода, что реализуется инструментами бюджетной и налоговой систем. Средствами бюджетной и налоговой политики осуществляются инвестиции в развитие социальной инфраструктуры, в том числе в человеческий капитал, выплаты социальных трансфертов, а также рационализация структуры и динамики доходов разных слоев населения.

Уже на этом этапе могут возникать определенные диспропорции, вызванные и эгоистическими проявлениями в том числе. На сегодняшний день, определенная часть территорий Украины имеет депрессивные направления развития, что отображается в тенденциях деградации социального и экономического уклада данных территорий. Все это приводит к необратимой национальной структурной деформации экономической, социальной и производных от них сфер.

В условиях современной открытости национальной экономико-социальной сферы и влияния на нее зарубежных норм и тенденций поведения, не всегда позитивных и приемлемых в нашем понимании, отправной точкой эффективного функционирования как экономической, так и социальной сферы является их национальное культурное и инновационное технологическое обеспечение. Сегодня украинское правительство предпринимает все возможные попытки окультуривания общества национальными традициями и обычаями. Однако часто это имеет субъективный и гипертрофированный характер, что выражается, например, во введении в нормативную программу учеников школ информации о подчеркивании роли определенных личностей в истории и нивелирования участия каких-то других персон в этом же вопросе, что общепризнано на мировом уровне. Это и есть проявление эгоистических принципов поведения, которые впоследствии становятся проблемой национального характера.

Еще одной проблемой национальной трансформации, которая требует особого внимания, является соотношение между элементами региональной социально-экономической системы, что выражается в необходимости формирования оптимальных межотраслевых пропорций и упорядочивания секторальной социально-экономической системы. Все эти вопросы позволяет охватить структурно-системный подход к трансформации национальной социально-экономической сферы, основные задачи которого – уменьшение диспропорций в формировании и использовании составляющих социально-экономического потенциала отдельных территорий, обеспечение устойчивого развития отдельных регионов на условиях упорядочения структурных компонентов региональной экономики.

Прогнозы мировых аналитических агентств относительно возможной новой волны экономического кризиса стимулируют правительство Украины искать новые способы и возможности предупреждения его в нашей стране и предотвращения влияния последствий из других стран. Решение таких задач обостряется рядом обстоятельств и факторов, что становится основой возникновения все новых и новых вызовов перед нашим государ-

ством. Поэтому целесообразным представляется объективный анализ того, что происходит и какие перспективы в дальнейшем ожидают Украину.

Недавний визит Президента Виктора Януковича в Ашхабад [10] внес новые коррективы в понимание современных экономических интеграционных процессов Украины. Так, заявление украинского Президента о том, что если сегодня не найти инструмента сотрудничества с Таможенным союзом, Украина может много потерять, а это недопустимо для экономики государства, экономисты расценивают как взвешенный шаг государственного деятеля [10]. С другой стороны, остается вопрос о подписании соглашения об ассоциации Украины и Европейского союза, – одного из ведущих направлений интеграционной политики Украины, который в то же время диктует Украине пути и способы ее дальнейшего поведения на мировой арене.

Эксперты отмечают [3, с. 5], что современные реалии сами указывают на то, что без сотрудничества и с Востоком, и с Западом Украина просто не выживет. Таким образом, по мнению специалистов, политика Президента Украины не лишена здравого смысла и экономического прагматизма. И действительно, было бы ошибочно отказываться от сотрудничества со странами Таможенного союза, ведь только один товарооборот нашего государства со странами – членами данного образования за последний год превышает 60 млрд долл. США. В свою очередь, товарооборот со странами ЕС за 2012 г. приближается к цифре 30 млрд долл. [3, с. 6]. Исходя из этого и в первую очередь беря во внимание каждого украинского гражданина и конечного потребителя, не следует прекращать любое из этих направлений сотрудничества. Нужно балансировать между двумя могущественными аттракторами мировой системы, при этом всегда помня о сугубо собственном – национальном украинском интересе.

Однако, беря во внимание 22-летний опыт своей независимости, Украина должна иметь возможность защищать собственные интересы. Геополитическое положение страны дает нам большое преимущество, так как и Брюссель, и Москва понимают, что в случае не достижения консенсуса с нашей страной в первую очередь теряем не мы, а те, кто использует территории нашей страны в качестве транзитного проводника.

По словам ряда финансовых аналитиков, В. Янукович понимает, что только политика так называемого «национального эгоизма» дает Украине шанс быть равной среди равных. И действительно, во времена президентства Л. Кучмы Украина вектором своего развития считала именно Восточное направление, президент В. Ющенко внедряемыми модернистскими мероприятиями несколько усложнил возможные отношения с Россией. Таким образом, может, пора задуматься, что пора рассчитывать только на собственную социально-экономическую политику и предпринимать меры по ее должному развитию и институциональному обеспечению?

На днях было объявлено об окончании разработки Национального плана действий Украины на 2014 г. [11]. Он полностью базируется на вышеупомянутом принципе «национального эгоизма». Значит это для Украины следующее: пока наши партнеры не поймут, что им придется считаться с интересами Украины и уважать их, до тех пор не будет никаких уступок с нашей стороны.

Такую позицию Президента Украины можно назвать реальным шагом по укреплению не только международного имиджа нашего государства, но и наращивание ее собственных экономических мощностей. Вполне вероятно, что право на существование «украинского национального эгоизма» уже очень в скором времени признают все государства. Некоторые из наших иностранных партнеров это уже сделали – и в выигрыше остаются и они, и Украина.

Позиционирование государства в определенной степени зависит от общественного воспринимания роли государственного лидера как внутри данной страны, так и на мировой арене. Поэтому более детально стоит остановиться на категоризации государственного лидера и его социальной самоактуализации, а также тактиках влияния на окружающий его социум. Одним из центральных аспектов отношений любого человека, в том числе и государственного лидера, с другими людьми – это самоопределение человека в проводимых им взаимоотношениях. Человек может воспринимать свое собственное «Я» в своих личных терминах, вне зависимости от другого участника отношений, или же он может интерпретировать свое «Я», в большей степени принимая во внимание факторы взаимоотношений и взаимозависимостей, в некотором смысле «включая» другого участника в свое «Я». Такие самоинтерпретации – самоидентичности и саморепрезентативности существуют как шаблоны для развития когнитивных, аффективных и поведенческих реакций [1, с. 220].

Персональная форма самоинтерпретации активируется, когда основой для самоопределения служит ощущение уникальной идентичности, отличающейся от других. Именно на этом уровне и зарождаются мотивы поведения лидера, которые имеют эгоистический характер проявления. Когда же самость («Я») интерпретируется на основе чувства привязанности и взаимоподдержки человека с окружающим его миром, людьми и социальными группами, она может быть адаптирована для межличностного и коллективного уровня самоопределения, в зависимости от того, насколько персонализированы чувства привязанности и зависимости.

Различные уровни саморепрезентации параллельно «сосуществуют» в одном и том же человеке, но могут быть более или менее выражены, в зависимости от ситуационных, индивидуальных или культурных различий. Как утверждает теория самокатегоризации [1, с. 221], такие контекстуальные факторы, как присутствие релевантных аутгрупп для сравнения и относительный размер группы, могут воздействовать на значимость членства в группе и тем самым на значимость коллективной самости.

В этом отношении государству, как представителю национальных интересов и приоритетов населения, целесообразнее придерживаться модели поведения, основанной на качестве обмена – обмена между другими государствами. Данная модель межличностного общения предложена Грээном [8, с. 26] и названа моделью вертикальной диадной связи. В ней представлены отношения диадного обмена между лидером и отдельными последователями. Характер этих отношений может сильно варьироваться, устанавливая ингрупповые и аутгрупповые отношения. Однако ключевым фактором выступают именно показатели обмена и его качества. Также и государственные показатели развития в большой степени зависят от вос-

принимания страны на мировых рынках и итоговых показателях ее взаимодействия в межстрановом пространстве, будут ли проявлены лидерские и даже эгоистические наклонности в тактике позиционирования, либо же страна будет следовать устоявшимся стереотипам коллективного выживания.

Комплексными показателями достижения результативности политики национального эгоизма в социальной сфере есть социальная справедливость, социальная защищенность каждой личности и стабильность в обществе, а также наличие реальных возможностей у личности раскрыть и реализовать свои способности. Все эти показатели подтверждаются реальными экономическими результатами путем роста общественной производительности труда и эффективности всей социально-полезной экономической деятельности. Таким образом, экономический механизм реализации государственного социального регулирования представляет собой органическое единство процессов обеспечения эффективного функционирования всех факторов производства и оптимального распределения полученных результатов от них на всех уровнях.

К сожалению, проявления существенной экономической, социальной, политической апатии, потеря доверия и безнадежность, отчаяние и растерянность, которые имели место в 90-х гг. прошлого столетия в массовом сознании значительной части украинских граждан, являются следствием того, что длительное время реальные процессы, происходящие на территории Украины, противоположны формированию национальной политики благосостояния, национальной безопасности и справедливой гордости за страну в целом. Однако современное поколение, выросшее уже в независимой Украине, видит пути дальнейшего развития Украины и на сегодняшний день способны вывести ее на мировую арену на должном высококачественном уровне конкурентного производителя товаров и услуг.

Заключение. Глобальный мир диктует всем государствам свои жесткие условия. На мировую арену выходит взаимопонимание, доверие и конструктивное сотрудничество. Сейчас Украина готова к такой политике. А время покажет, готовы ли к ней ее соседи по общему европейскому дому, что не заканчивается на границах Польши, а идет дальше на восток.

Отметим еще одну вещь: нации, которые имеют здоровый национальный эгоизм, являются двигателями этого мира. Например, американцы убеждены в своей мессианской роли и в их лучшем государстве для раскрытия человеческого потенциала. Норвежцы, евреи, японцы ... такие же. Вот и украинцам стоит быть такими!

Таким образом, преобразования в социально-экономических сферах Украины должны носить комплексный, системный характер, затрагивая не только производственные и распределительные отношения, но и внутригрупповые аспекты поведения разных социальных групп. Поскольку именно оттуда начинают зарождаться процессы эгоистического поведения. Задача правительства – путем инструментов государственного социального регулирования направить эти проявления эгоизма в «правильное» русло на благо национального интереса, а не лоббирования личностных приоритетов отдельных членов общества.

Литература

1. *Книппенберг Д.А., Хогг М.А.* Лидерство и власть. Процессы идентичности в группах и организациях / пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2012. 408 с.
2. *Лихоносова А.С.* Система налоговых рычагов воспроизведения и развития славянского населения // Современное состояние, тенденции и перспективы развития стран СНГ: экономический, социальный и экологический аспекты (Серия: Экономическое славяноведение): колл. монография / под науч. ред. К.В. Павлова, И.З. Юсупова. Ижевск: Институт компьютерных технологий, 2013. С. 397–409.
3. *Орел А.* Украина между Западом и Востоком: начало пути // Зеркало недели. 2011. С. 5–6.
4. *Паскаль Б.* Мысли / Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1974. С. 182.
5. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. докт. филол. наук В.Ю. Михальченко. М.: РАН, Институт языкознания, 2006. 312 с.
6. *Бебело А.С., Бебело С.А., Коровський А.В.* Соціалізація і гуманізація економічних відносин: навч. посібн. / за заг. ред. канд. екон. наук, доц. А.С. Бебело. Київ: КНЕУ, 2007. 240 с.
7. Структурні трансформації економіки: проблеми діагностики та інституційного забезпечення: моногр. / за ред. д-ра екон. наук А.Ф. Мельник. Тернопіль: ТНЕУ, 2012. 532 с.
8. *Graen G.B.* Rolemaking processes within complex organizations. Chicago. IL.: Rand McNally, 1976. 1201 p.
9. Глава Всемирного банка Р. Зеллик высказался за возвращение мировой финансовой системы к «золотому стандарту» РИА Новости. Агентство экономической безопасности. [Электронный ресурс]. URL: <http://commerce.1prime.ru/news>
10. Государственный визит Президента Украины Виктора Януковича в Туркменистан, февраль 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: http://lb.ua/news/2013/02/14/189284_yanukovich_turkmenistane.html
11. Национальный план действий по внедрению Программы экономических реформ на 2010 – 2014 годы «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство». [Электронный ресурс]. URL: <http://rga-kr.gov.ua/index.php/novosti/sudarstvo>

Bibliography

1. *Knippenberg D.A., Hogg M.A.* Liderstvo i vlast' Processy identichnosti v gruppah i organizacijah / per. s angl. Har'kov: Izd-vo «Gumanitarnyj centr», 2012. 408 p.
2. *Lihonosova A.S.* Sistema nalogovyh rychagov vosproizvedenija i razvitija slavjanskogo naselenija // Sovremennoe sostojanie, tendencii i perspektivy razvitija stran SNG: jekonomicheskij, social'nyj i jekologicheskij aspekty (Serija: Jekonomicheskoe slavjanovedenie): koll. monografija / pod nach. red. K.V. Pavlova, I.Z. Jusupova. Izhevsk: Institut komp'juternyh tehnologij, 2013. P. 397–409.
3. *Orel A.* Ukraina mezhdz Zapadom i Vostokom: nachalo puti // Zerkalo nedeli. 2011. P. 5–6.
4. *Paskal' B.* Mysli / Biblioteka vseмирnoj literatury. Serija pervaja. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1974. P. 182.
5. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov / отв. ред. докт. фил. наук В.Ю. Михальченко. М.: РАН, Институт языкознания, 2006. 312 p.
6. *Bebelo A.S., Bebelo S.A., Korovs'kij A.V.* Socializacija i humanizacija ekonomichnih vidnosin: navch. posibn. / za zag. red. kand. ekon. nauk, doc. A.S. Bebelo. Kiiv: KNEU, 2007. 240 p.
7. Strukturni transformacii ekonomici: problemi diagnostiki ta institucijnogo zabezpechennja: monogr. / za red. d-ra ekon. nauk A.F. Mel'nik. Ternopil': TNEU, 2012. 532 p.

8. *Graen G.B.* Rolemaking processes within complex organizations. Chicago. IL.: Rand McNally, 1976. 1201 p.
9. Glava Vsemirnogo banka R. Zellik vyskazalsja za vozvrashhenie mirovoj finansovoj sistemy k «zolotomu standartu» RIA Novosti. Agentstvo jekonomicheskoy bezopasnosti. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://commerce.1prime.ru/news>
10. Gosudarstvennyj vizit Prezidenta Ukrainy Viktora Janukovicha v Turkmenistan, fevral' 2013 goda. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://lb.ua/news/2013/02/14/189284_yanukovich_turkmenistane.html
11. Nacional'nyj plan dejstvij po vnedreniju Programmy jekonomicheskikh reform na 2010–2014 gody «Zazhitichnoe obshhestvo, konkurentosposobnaja jekonomika, jeffektivnoe gosudarstvo». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://rga-kr.gov.ua/index.php/novosti/sudarstvo>

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

УДК 657.6

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ АУДИТА

П.П. Баранов

Сибирский государственный индустриальный университет

E-mail: bpavel@ngs.ru

В статье формулируется и обосновывается гипотеза о том, что отсутствие академически оформленной научной теории аудита является фактором, провоцирующим сомнения в институциональной состоятельности аудиторской деятельности. Приводятся аргументы, доказывающие несбалансированность и разрозненный характер существующих положений науки об аудите как системы научного знания. Делается вывод о необходимости проведения комплексных, в том числе междисциплинарных исследований, направленных на культивирование научной теории аудита как организованной области экономической науки. Формулируются базовые системные задачи теоретического проектирования науки об аудите, раскрываются ключевые проблемы, препятствующие ее формированию. Характеризуются и критически оцениваются точки зрения различных научных школ на состав, взаимное соотношение и содержание основных атрибутов научной теории аудита; на основе анализа опыта зарубежных и отечественных исследований предлагаются направления преодоления накопленных внутренних и внешних противоречий аудиторской науки и практики.

Ключевые слова: вопрос о существовании аудиторской науки, историко-экономические предпосылки возникновения аудита, ключевые проблемы теоретического проектирования аудиторского научного знания, междисциплинарные связи аудита, предмет и метод аудита, причины институциональной несостоятельности аудита, форма и структура научного знания.

TO THE QUESTION OF NEED OF FORMATION OF THE SCIENTIFIC THEORY OF AUDIT

P.P. Baranov

Siberian State Industrial University

E-mail: bpavel@ngs.ru

The hypothesis is formulated and locates in article that absence of academically issued scientific theory of audit is a factor provoking doubts in an institutional solvency of auditor activity. The arguments proving imbalance and separate nature of existing provisions of science about audit as systems of scientific knowledge are adduced. The conclusion about need of carrying out complex, including the interdisciplinary researches directed on culti-

vation of the scientific theory of audit as to organized area of economic science is drawn. Basic system problems of theoretical design of auditor science are formulated, the key problems interfering its formation reveal. The points of view of various schools of sciences on structure, mutual correlation and the content of the main attributes of the scientific theory of audit are characterized and are critically estimated; on the basis of the analysis of experience of foreign and domestic researches the directions of overcoming of the saved-up internal and external contradictions of auditor science and practice are offered.

Key words: historical and economic preconditions of emergence of audit, interdisciplinary communications of audit, key problems of theoretical design of auditor scientific knowledge, question of existence of auditor science, reason of institutional insolvency of audit, subject and method of audit, form and structure of scientific knowledge.

Введение

Аудиторская деятельность по историческим меркам является одним из самых молодых видов экономической активности, введенным в правовое поле в середине XIX в. британским Актом о компаниях (Companies Act). В Российской Федерации аудиторская практика получила официальное юридическое признание в 1993 г., когда был издан Указ Президента РФ № 2263 «О временных правилах аудиторской деятельности». Анализ положения дел в экономиках различных стран в периоды зарождения аудита дает возможность однозначно усмотреть причины возникновения и активизации аудиторской практики в явлениях, сопровождающихся повышением турбулентности экономического пространства и ростом информационного риска в принятии экономических и управленческих решений.

Так, появление и интенсивная экспансия аудиторской деятельности в Западной Европе в XIX в. стали следствием так называемой четвертой управленческой революции [10], в рамках которой произошло отделение менеджмента от собственности и формирование сообщества профессиональных управленцев. Отдаление собственников бизнеса от собственно бизнеса и процессов формирования информации, характеризующей эффективность последнего, породило объективное противоречие интересов собственника и менеджера, обусловленное традиционным подходом к мотивации управленцев, увязывающим эффективность управленческого труда с эффективностью деятельности объекта управления. Эксплуатация подобной модели мотивации, с одной стороны, практически неизбежна, но, с другой – она создает благодатную почву для вуалирования и фальсификации бухгалтерской финансовой отчетности, анализируя которую собственник делает выводы о финансовом и имущественном положении принадлежащей ему бизнес-единицы, результатах ее хозяйственной деятельности и принимает в числе прочих важнейшее для менеджера решение – решение о размере и форме его вознаграждения. Преодоление данного противоречия было невозможно без появления в связке «собственник – менеджер» третьего субъекта – независимого аудитора, призванного с помощью специальных методов давать оценку достоверности экономической информации, облакаемой менеджментом в форму бухгалтерской финансовой отчетности и используемой собственниками при формировании своей линии поведения в отношении обладаемого ими бизнеса.

Аналогичные причины пробудили к жизни аудиторскую деятельность и в новой России. Наиболее распространенный вариант приватизации государственных предприятий, предполагавший их преимущественную трансформацию в открытые акционерные общества с огромной армией акционеров, появление первых совместных компаний, – все это имело для отечественной экономики конца XX в. ровно те же последствия, что и четвертая управленческая революция XVIII в. для стран Западной Европы. В частности, размытая на начальном постприватизационном этапе структура собственности, когда акционерный капитал был формально распределен между членами зачастую многотысячных трудовых коллективов, обусловила норму Указа Президента РФ «О временных правилах аудиторской деятельности» об обязательном аудите открытых акционерных обществ. Фактически, введение данной нормы явилось признанием роста информационного риска в новой экономике России и было призвано обеспечить защиту интересов новых собственников от возможных проявлений этого риска.

Однако уже в конце XX – начале XXI в. как в мировой, так и в отечественной экономике стал все чаще подниматься вопрос об институциональной несостоятельности аудиторской деятельности. Крах ряда транснациональных компаний, причины которого, и небезосновательно, усматривались в некачественном аудите, распространение в России так называемого «черного аудита» – все это привело к сомнениям в способности института аудита выполнять свою высокую миссию охранения экономики, общества и в целом государства от риска, обусловленного недостоверными данными, проникающими в информационное поле принятия решений пользователями бухгалтерской финансовой отчетности. Во многом благодаря этим сомнениям к аудиту было привлечено повышенное внимание как регулирующих органов, так и профессионального сообщества, в том числе и его научной составляющей – ученых, занимающихся проблемами бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита. Именно вследствие этого сомнения в несостоятельности практического аудита переросли в острую дискуссию о существовании аудиторской науки как таковой. Если существование научных теорий бухгалтерского учета и экономического анализа признается безапелляционно, поскольку все признаки науки здесь (пусть и не без плюрализма мнений об их составе и содержании) налицо, то в отношении научной теории аудита этого сказать нельзя. Косвенным подтверждением этому служит содержание Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 080109 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», в котором в качестве отдельных дисциплин федерального компонента выделены «Теория бухгалтерского учета» и «Теория экономического анализа», однако теория аудита в данном стандарте отсутствует даже в качестве дидактического элемента содержания дисциплины «Аудит». Констатируя подобное положение дел, сложно не согласиться с американскими учеными Р. Маутцем и Х. Шарафом, еще в 1960-е гг. написавшими в своей знаменитой монографии «Философия аудита»: «Действительно, есть что-то неуклюжее в профессии, не имеющей осязаемой основы в форме обстоятельной теории, характеризующейся

единой структурой» [16]. Аналогичные оценки состоянию научной теории аудита, правда с опозданием практически на 50 лет, дали и отечественные ученые д-ра экон. наук Е.М. Гутцайт [7] и А.Д. Шеремет [14], публикации которых положили начало обсуждению вопроса об идентификации аудита как науки в российском научном сообществе. Однако данная проблема оказалась настолько сложной, что ни первая, ни начавшаяся вторая декада XXI столетия не были ознаменованы ни одной хоть сколько-нибудь стройной точкой зрения, предлагающей видение аудиторской науки. За неполные 13 лет нового тысячелетия в России не защищено ни одной докторской диссертации, в которой указанная проблема была бы комплексно проанализирована и оценена, некоторое исключение, пожалуй, составляют весьма серьезные и глубокие диссертационные исследования Е.М. Гутцайта «Актуальные проблемы аудита (базовая концепция, методология решения)» и М.А. Азарской «Теория и методология обеспечения качества аудита», но и в них нет ответа на вопрос о форме, составе, структуре и содержании теории аудита как системы научного знания. Закономерным в сложившихся условиях представляется отсутствие и заслуживающей серьезного внимания учебной литературы по теории аудита – раздел с таким названием до последнего времени присутствовал лишь в учебнике д-ра экон. наук В.И. Подольского (при этом, как справедливо заметил в [14] А.Д. Шеремет, как раз теории аудита в данном разделе нет). Некоторые надежды, возникшие после анонса учебного пособия с многообещающим названием «Теория аудита» авторов С.И. Жминько, О.И. Швыревой, М.Ф. Сафоновой и И.Н. Калининой [13], также, к сожалению, не оправдались: книга представляет собой достаточно добротную интерпретацию действующих стандартов аудита с очень неплохими контрольно-измерительными материалами и интересными вкраплениями исторических сведений, однако, именно теория аудита (если не считать упоминания о принципах аудита и общеизвестного варианта его позиционирования в поле форм контроля) в содержании пособия не просматривается.

Таким образом, проблема существования аудиторской науки остается открытой, поскольку в научном сообществе, причем не только в России, но и за рубежом, данная наука как система знаний не описана, не сконструированы ее состав и структура, не детализировано содержание ее элементов. Все это дает представительной когорте критиков аудита веские основания для отрицания научного базиса аудиторской практики и отнесения многих де-факто существующих положений аудита к области «научного шаманизма».

В сложившейся ситуации представляется необходимой и крайне своевременной активизация научных кругов в направлении «собрания», интеграции и систематизации уже существующих элементов аудиторской науки, выстраивании ее структуры, внутренних и внешних связей, определении и заполнении наличествующих в ней лакун и брешей. Исследования развития истории счетоведения и аудита в России и за рубежом, результаты которых изложены, в частности, в публикациях автора настоящей статьи [1, 2], позволяют судить о потенциальной успешности подобной работы в случае соблюдения ряда принципиальных условий и требований.

2. Ключевые проблемы и направления формирования научной теории аудита

В основе организации и проведения научных исследований в области формирования науки об аудите должен, как представляется автору, лежать общий науковедческий подход, применение которого позволяет осуществить постановку и определить направления решения ключевых задач исследования, к числу которых целесообразно отнести следующие:

1. Формирование общего видения науки об аудите и ее связях с другими науками.
2. Разработка альтернативных вариантов организации аудиторской науки.
3. Обоснование и описание структуры научного знания об аудите.
4. Разработка и аргументация критериев научности знания в аудите.
5. Определение форм научного знания, в которых будут выражаться результаты исследования науки об аудите.

Перечисленные задачи являются базовыми задачами исследования, и решение каждой из них уже в первом приближении закономерно обусловит возникновение задач второго порядка, причем некоторые из этих задач могут быть сформулированы в общем виде уже сейчас.

Решение первой системной задачи – формирования общего видения науки об аудите – должно дать ответ на вопрос о том, что представляет собой данная наука как организованная область научного знания, каков ее предмет и каковы ее связи с другими науками. Отрадно отметить, что определенные подходы к видению данных аспектов уже предложены как зарубежными, так и отечественными учеными, однако прежде чем давать их взглядам краткую характеристику, следует остановиться на одном из самых, по мнению автора, болевых принципиальных моментов становления любой науки – корректном использовании научной терминологии. К сожалению, эта достаточно распространенная «болезнь научного роста» хронически преследует аудит и демонстрирует свои симптомы даже при самом поверхностном рассмотрении. Речь, в частности, идет о равноправном употреблении в научном и профессиональном обороте таких терминов, как «наука об аудите», «теория аудита», «концепция аудита» (к которым можно для полноты картины добавить еще и «парадигму аудита»). Совершенно очевидно, что издержки словоупотребления отчасти обусловлены желанием косметически придать наукообразный характер существующим положениям аудита, но последствия столь вольного использования классической терминологии философии науки лишь стимулируют энтропию, порождая герменевтические противоречия в научном сообществе.

Гносеологический подход предполагает, что наука определяется методом, который она изучает, и пытается объяснить, как в ее контексте, так и за ее пределами могут существовать, конфликтуя или, напротив, дополняя друг друга, различные теории, неодинаково объясняющие законы развития предмета. Термин «концепция» в принципе представляется очень дискуссионным, поскольку по своей этимологии «концепция», в основном варианте интерпретации, характеризуется как определенный способ понимания, трактовки исследуемых явлений [6], что существенно сближает «концеп-

цию» с «теорией». При этом необходимо отметить, что в реалиях научной жизни довольно часто концепция являет собой лишь составляющую научной теории, которая охватывает только одну определенную подсистему или элемент предмета науки и предлагает один из возможных вариантов объяснения природы данной подсистемы, ее связей с другими подсистемами и субъектами внешнего окружения. Не менее проблематичным представляется и использование в системе научного знания об аудите термина «парадигма». Данная проблематика привлекала пристальное внимание известного отечественного ученого Я.В. Соколова [11], эволюция воззрений которого на позиционирование и интерпретацию категории «парадигма» в счетоведении отталкивалась от признания трактовки рассматриваемого понятия, которую дал автор «Структуры научных революций» Томас Кун [9], понимавший под парадигмой «совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т.д., которая характерна для членов данного сообщества». Как отмечают исследователи научного наследия профессора Я.В. Соколова, в процессе создания своей теории смены парадигм бухгалтерского учета он «постоянно изменял толкование понятия «парадигма», пытаясь как бы приспособить определение Т. Куна к бухгалтерскому учету» [8], и в конечном итоге остановился на двух трактовках, первая из которых – научно-ориентированная – рассматривает парадигму как признаваемое всеми понятие, «...которое в течение определенного времени дает модель постановки проблем и их решений научному сообществу», а вторая – практико-ориентированная – характеризует рассматриваемое понятие как «те общие положения, в которые верит определенное сообщество людей» [8]. В отличие от области теории учета, в аудите никто до настоящего времени не занимался серьезным исследованием категории «парадигма», хотя используется данное понятие «регулярно и с удовольствием».

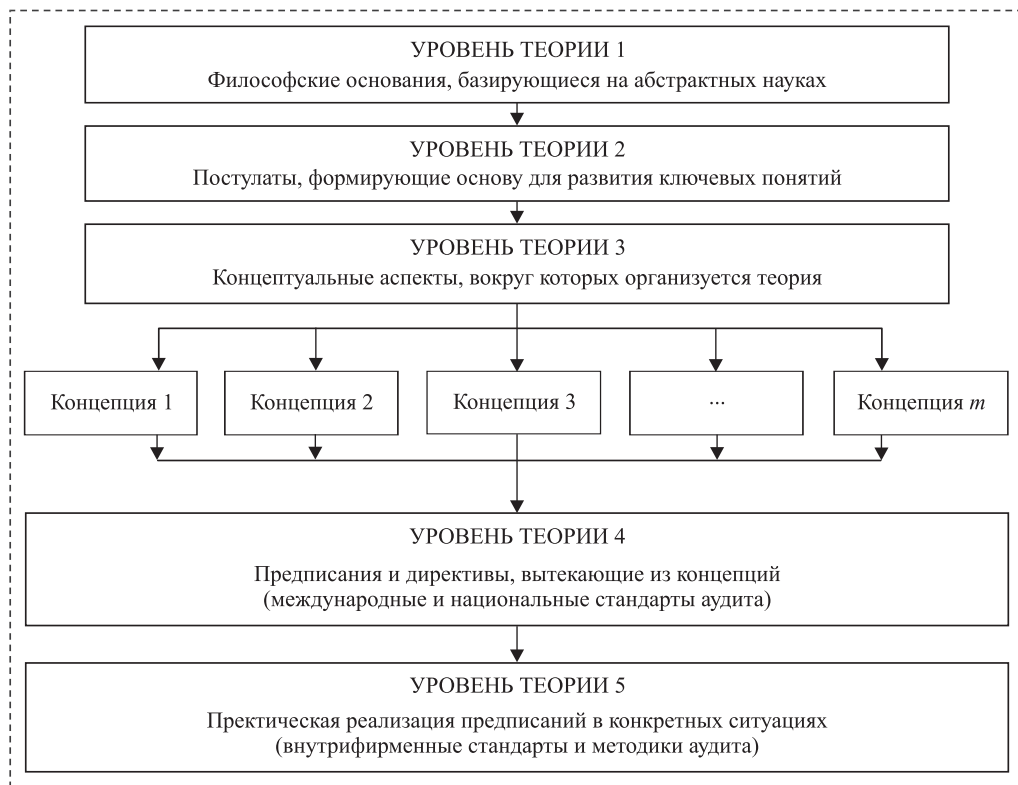
Несложно заметить, что даже столь поверхностный анализ базового категориального аппарата аудита демонстрирует аномальную терминологическую энтропию, без снижения которой совершенно неизбежны конфликты интерпретаций, обуславливающие «пробуксовку» развития научных основ аудиторской деятельности. По мнению автора, решение задачи упорядочения содержания и определения соподчиненности основных категорий аудита должно осуществляться учеными-аудиторами в тесной связке со специалистами в области философии и методологии науки – только такой тандем способен в настоящее время с минимальными издержками выдать логически стройный и непротиворечивый результат.

Возвращаясь к проблеме формирования общего видения науки об аудите и ее связях с другими науками, нельзя не отметить работы отечественных ученых А.Д. Шеремета [14] и Е.М. Гутцайта [7], давшие импульс процессу интеграции научных знаний об аудите. Пожалуй, впервые актуальность данного процесса для России была всесторонне обоснована в 2006 г. профессором А.Д. Шереметом в докладе «Проблемы теории аудита» на Международной научно-практической конференции «Татуровские чтения» на тему «Реформирование бухгалтерского учета, аудита и бухгалтерского образования в соответствии с международными стандартами» [14]. Фактически в указанном докладе обозначен целый комплекс проблем поиска и теоретического описания эндемичных (присущих только аудиту) черт,

определения его природы, сущности, содержания, предмета, объекта и метода, т.е. признаков науки об аудите, без которых невозможна демаркация теории аудита и понимание его связей с другими науками. Следует согласиться с оценкой отечественного ученого, отметившего, что к началу нового века «разработаны общие принципы и достаточно подробные правила аудита, международные и отечественные стандарты аудита и некоторых аудиторских услуг». Обращает на себя внимание категоричность постановки А.Д. Шереметом вопроса об основаниях для выделения и рассмотрения аудита как самостоятельной науки и практики, как это принято в отношении бухгалтерского учета, экономического анализа, контроля и ревизии. Дальнейшая логика рассматриваемого доклада фактически декларирует крайне низкий уровень научной формализации теории аудита: тезисы доклада констатируют необходимость определения места аудита в системе экономических, управленческих, функциональных наук, в системе контроля вообще и финансового контроля, в частности. Профессор А.Д. Шеремет подчеркивает актуальность определения аудита как науки и практики, обоснования предмета и метода аудита как науки, описания сущности аудита и аудиторской деятельности, определения связи аудита с оценкой эффективности хозяйственной деятельности и решения других общепринятых вопросов для характеристики теории наук.

Безусловно, процесс структурного проектирования аудиторского научного знания – процесс длительный и сложный, предполагающий многоитерационный критический анализ, постоянный возврат к основам и оценку соответствия получаемых результатов критериям научного целеполагания. В сложившейся ситуации представляется важным сформировать некоторую исходную теоретическую конструкцию науки об аудите, с которой процесс проектирования может быть начат. Анализ развития научных основ аудита позволяет в качестве такой конструкции рассматривать пятиуровневую структуру науки об аудите, предложенную во второй половине XX в. американскими учеными Р. Маутцем и Х. Шарафом. Графически данная структура может быть охарактеризована в форме иерархической структурно-логической схемы, представленной на рисунке. Для пояснения предложенной американскими специалистами конструкции целесообразно привести некоторые цитаты из монографии «Философия аудита», раскрывающие сущность подхода, используемого при теоретическом проектировании научного знания.

«Аудит связан с абстрактными идеями... Его основания восходят к наиболее общим типам познания... Он имеет рациональную структуру постулатов, концептуальных элементов (концептов), техник и предписаний, представляя собой строгую интеллектуальную область исследований, достойную быть названной “дисциплиной” в современном понимании данного термина... Таким образом, аудит создает необходимые предпосылки и даже требует напряженных интеллектуальных усилий. Именно такими усилиями его основная теория может быть обнаружена, постигнута (познана) и использована для совершенствования профессии» [16, с. 16]. Как следует из приведенной цитаты, первой в числе заслуг авторов изучаемой монографии является обоснование причин того, почему аудит может рассматриваться как наука. Развивая свою «философию аудита», ученые отталкиваются от



Структура научной теории аудита по Р. Маутцу и Х. Шарафу

методологии науки, что позволяет им описать теорию аудита настолько системно, что подобное описание (как будет показано далее) формирует прочные основания для развития научных исследований аудиторской проблематики в будущем.

Аудит, по мнению Р.К. Маутца и Х.А. Шарафа, может быть охарактеризован как пятиуровневая структура, в которую входят:

- философские основания, которые в свою очередь, базируются на абстрактных науках;
- постулаты, формирующие основу для развития существенных понятий;
- концептуальные аспекты, вокруг которых организуется теория;
- предписания, представляющие собой более или менее четкие практические директивы, вытекающие из концепций;
- практическая реализация предписаний в конкретных ситуациях.

Очевидно, что первые три уровня данной иерархической конструкции описывают не что иное, как теорию аудита, а четвертый и пятый уровни охватывают аудиторскую практику. Нельзя не обратить внимания на аналогию, возникающую при сравнении данного подхода к рассмотрению аудита с интерпретацией бухгалтерского учета, в частности, профессором Я.В. Соколовым, выделявшим два среза бухгалтерии – счетоведение (теорию) и счетоводство (практику).

Р. Маутц и Х. Шараф видели основную задачу теории аудита в создании основы для решений, или, иначе говоря, «ключей» к решению существующих практических проблем. Весьма интересными и важными представляются

их рассуждения о научной природе аудита, в связи с чем, несмотря на громоздкость отражающей данные рассуждения цитаты, целесообразно привести ее полностью: «Аудит – это прикладная наука, а поскольку прикладная наука заимствует свои принципы и основные теории из многих других областей, часть из которых является фундаментальными, а часть – прикладными, всегда существует вероятность утраты связи аудита с наиболее общими, абстрактными науками. Таким образом, возникает возможность пренебрежения теорией и уделения непропорционально большого внимания частным текущим проблемам. Реализация этой возможности – путь к неуспеху, поскольку сила любой науки – в ее фундаменте. Аудит вряд ли может быть обвинен в пренебрежении собственной теорией, однако, в силу своей молодости, ему просто могло пока не представиться случая для разрыва отношений с фундаментальными дисциплинами.

Однако, тем не менее, такая опасность существует. У нас наблюдается сильная тенденция к принятию в аудите прагматического подхода. То, что хорошо работает (на практике – **Прим. автора**) – принимается и защищается, то, что еще практикой не подтверждено – применяется от случая к случаю. До некоторой степени это – естественное стремление, однако мы должны ограничивать его. Мы должны непрерывно проверять наши методы не только на практике, но и на уровне теории аудита. И нам следует непрерывно исследовать теорию, развивая возможные подходы к решению как известных, так и новых проблем. Если мы забудем теоретические основания аудита и позволим им истощиться до простого набора механических процедур и методов, возвращающих к ранней истории аудита, это приведет не только к потере его высокого статуса в мире, но и к утрате лучших из разработанных методов решения его наиболее сложных проблем» [16, с. 17]. Приведенные рассуждения, как представляется автору, убедительно доказывают, что именно Р.К. Маутц и Х.А. Шараф впервые озвучили проблему формирования теории аудита как важнейшую научную задачу, акцентировали внимание на специфике связи аудита с другими науками и охарактеризовали последствия различных сценариев его развития.

3. Философские основания аудита и его связь с другими науками

Рассматривая первый уровень иерархии научной теории аудита – философские основания – американские исследователи полагали, что в его рамках определяется цель науки, характеризуются природа имманентного научного знания и сущность методологии. Признавая критический, исследовательский характер аудита, а также его связь с основами бухгалтерской оценки и отражения операций, Р. Маутц и Х. Шараф тем не менее видели корни аудита не в бухгалтерском учете, а в логике: «Логика касается того, как мы устанавливаем факты, делаем выводы, признаем достоверность или недостоверность. Аудит, как и любая дисциплина, в большой степени опирающаяся на доказательства, базируется на логике. Он представляет собой приложение логики к реальным ситуациям. Несмотря на существующие различия, очевидна и связь между методологическими походами в научном исследовании и аудите. Как первое, так и второе предполагает постановку задач, сбор доказательств и формирование выводов» [16, с. 20].

Весьма значимым может быть признан вклад Р. Маутца и Х. Шарафа в определение координат науки об аудите в общем научном поле, описание, анализ и оценку характера связей аудита с другими науками. Именно эти аспекты научной стороны аудита поднимаются в настоящее время современными российскими учеными А.Д. Шереметом [14] и Е.М. Гутцайтом [7], к сожалению, без «оглядки» на точку зрения американских авторов, сформулированную и обоснованную 50 лет назад. В то же время упомянутая точка зрения отражает достаточно стройную логическую конструкцию. Р. Маутц и Х. Шараф исходят в обосновании своей позиции из того, что развитие теории аудита во многом опирается на методологию смежных научных областей. Однако «...теории из других научных сфер нуждаются в модификации и адаптации к решению проблем аудита» [16, с. 21]. По мнению американских исследователей, современная интерпретация аудита предполагает, что его важнейшими аспектами, наряду с характеристиками аудитора, являются сбор доказательств (процесс аудита) и формирование заключения (суждение аудитора). Характеризуя философские основания науки об аудите, американские авторы отмечают, что обоснование подходов к поиску аудиторских доказательств и генерированию выводов лежит в русле связей теории аудита с философией науки, философией математики и философией логики. Что же касается характеристик аудитора, то формирование системы требований к ним, а также подходы к оценке их влияния на процесс аудита и разработку заключения Р. Маутц и Х. Шараф предлагают искать в связях теории аудита с философией ценностей (этикой) и бихейвиоральными (поведенческими) науками, в частности, со специальной психологией. Философия этики важна также, по мнению американских ученых, для выбора критериев аудита, используемых при оценке его предмета. Кроме того, теория аудита связана с теорией коммуникации, позволяющей охарактеризовать коммуникации между участниками аудита как в рамках непосредственно проверки, так и при раскрытии и трансляции профессионального суждения аудитора о достоверности проверенной бухгалтерской финансовой отчетности. Таким образом, анализируя первый уровень теоретической конструкции аудита – его философские основания – Р. Маутц и Х. Шараф доказывают, что аудит представляет собой науку, опирающуюся в развитии собственной теории на «мультидисциплинарные» исследования.

Развивая подход американских исследователей, профессор А.Д. Шеремет в [14] дополняет перечень наук, с которыми связан аудит, теорией управления, логически выводя данную связь из рассмотрения аудита как системы знаний о методах и приемах независимого финансового контроля. Е.М. Гутцайт акцентирует внимание на связях аудита с экономической теорией, отмечая, что эксплуатация положений экономической теории с использованием методологии позитивного и нормативного подходов способна облегчить решение проблем, обусловленных проявлением в аудите общеэкономических механизмов регулирования, конкуренции и ценообразования [7]. Исследования автора настоящей статьи вводят в круг смежных с аудитом теорий философскую теорию отражения, концепцию достоверного и добросовестного взгляда и парадигму информационной асимметрии [3, 4].

Совершенно очевидно, что связи аудита с другими науками определяются содержанием предмета и метода аудита, однако существующие интерпретации данных системообразующих аспектов научного знания представляются достаточно дискуссионными. Так, А.Д. Шеремет считает предметом аудита как науки одну из основных функций управления, обеспечивающую независимый контроль достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности аудируемого лица для принятия решений пользователями этой отчетности. При этом отечественный ученый предостерегает от отождествления предмета науки и объекта (объектов) изучения на практике. Отмечая, что хозяйственная (экономическая) деятельность организаций на практике является объектом изучения многих наук, А.Д. Шеремет также рассматривает в качестве объекта аудита хозяйственную деятельность организаций, т.е. совокупность производственных отношений, рассматриваемую во взаимодействии с техническими, социальными и природными ее условиями. Учитывая то, что хозяйственная деятельность отражается в рыночной экономике в финансовой (бухгалтерской) отчетности, профессор А.Д. Шеремет предлагает рассматривать бухгалтерскую финансовую отчетность в качестве непосредственного объекта аудита.

Данная точка зрения на предмет и объект аудита как науки, безусловно, имеющая право на существование, все же далеко не бесспорна. Классические представления об объекте и предмете научного исследования позволяют сформулировать альтернативную точку зрения, в рамках которой объектом аудита выступает достоверность информации, содержащейся в бухгалтерской (финансовой) отчетности, а предмет охватывает методы и приемы оценки достоверности этой информации. Предлагаемое суждение об объекте аудита вносит ясность и логику в увязку аудита и бухгалтерского учета посредством связующего звена – концепции достоверного и добросовестного взгляда, которая предопределяет необходимость рассмотрения процессов формирования и оценки достоверной бухгалтерской отчетности через призму философской теории отражения и экономической теории. В свою очередь, предлагаемая трактовка предмета науки об аудите дает веские основания для увязки аудита с наукой логики, поскольку верификация данных бухгалтерской отчетности зиждется на логических доказательствах.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении идентификации и описания метода аудита. Не давая методу (впрочем, как и предмету) аудита конкретного названия, А.Д. Шеремет отмечает, что «Метод аудита как общий подход к исследованию базируется, как и в других науках, на диалектике. Ее основные черты... как нельзя лучше подходят к аудиту и определяют его методологию и методику. Метод как общий подход к изучению определяет методологию аудита, т.е. философию методики» [14]. Этот очень интересный и содержательный с позиций формирования теории смысловой узел, к сожалению, не позволяет понять сущности, специфических черт и целевых ориентиров метода как общего подхода аудита. В то же время обращение к трудам профессора Я.В. Соколова, в частности, к его работе «Бухгалтерский учет от истоков до наших дней» [12, с. 563] дает возможность сформулировать гипотезу о том, что методом аудита, как и методом счетоведения, является моделирование.

Следует отметить, что такая гипотеза не противоречит вышеизложенной точке зрения профессора А.Д. Шеремета, поскольку в моделировании воплощены все отмеченные им основные черты диалектики – единство анализа и синтеза, изучение показателей в их взаимосвязи, в развитии и др.

Кроме того, в пользу рассмотрения моделирования в качестве метода аудита свидетельствует его (аудита) теоретическая платформа – концепция достоверности бухгалтерской финансовой отчетности, формулировка которой по малопонятным причинам в течение последних лет исчезла (!) из нормативно-правовой базы аудита в процессе ее модернизации. Тем не менее нет оснований полагать, что концепция достоверности отчетности дезавуирована, а, следовательно, реализация лежащей в ее основе идеи оценки истинности финансовой информации через призму влияния этой информации на экономические и управленческие решения ее пользователей невозможна без моделирования аудитором круга таких пользователей, процедур принятия ими решений на основе аудируемой отчетности, а также системы критериев и ограничений, в рамках которой осуществляется принятие таких решений.

Не менее важный аргумент, определяющий целесообразность трактовки моделирования как метода аудиторской науки, связан с важнейшей категорией аудита – категорией профессионального суждения, упоминаемой в тексте действующих международных регулятивов аудита более 150 раз. Необходимо отметить, что выдвинутый тезис о важности данной категории базируется даже не столько на результатах оценки частоты использования термина «профессиональное суждение» в тексте стандартов, сколько на результатах их контекстного анализа. Проведенный анализ показывает, что данное понятие применяется далеко не в «титульном», формальном контексте, а именно в тех положениях стандартов, которые раскрывают сущность и логику подходов к принятию аудитором решения о признании достоверности (недостоверности) проверенной информации.

Исследование причин и мест возникновения, предпосылок формирования, областей реализации профессионального суждения, регламентируемых международными и отечественными стандартами аудиторской деятельности, дает возможность определить профессиональное суждение в аудите как сложный категориальный феномен, отражающий во всем многообразии отношения создателей, пользователей и верификаторов (аудиторов) финансовой отчетности экономического субъекта по поводу достоверности содержащейся в ней информации. Действительно, опираясь на концепцию учетного реализма [12], несложно сделать вывод о том, что в процессе формирования аудиторского заключения перед аудитором возникают, как минимум, три сложнейшие задачи:

- моделирование системы интересов бухгалтерской службы аудируемого лица;
- моделирование системы принятия решений пользователями аудируемой отчетности на основе ее данных (о чем уже говорилось выше);
- моделирование собственно решения аудитора о характере аудиторского заключения, базирующееся на основных положениях научной теории, а также на нормах аудиторской практики.

Необходимо отметить, что в результате решения первой из указанных задач формируется профессиональное суждение о потенциальных зонах значимого риска, являющееся базой для оценки риска существенных искажений и определения стратегии и тактики управления общим аудиторским риском. Результатом решения второй задачи является профессиональное суждение аудитора о существенности, процесс формирования которого в общем виде определен в Федеральном правиле (стандарте) аудиторской деятельности № 4 «Существенность в аудите». Методология и методика верификации аудируемой отчетности, нашедшие свое отражение во вновь принятых Федеральных стандартах аудиторской деятельности 1/2010, 2/2010, 3/2010 и детально охарактеризованные автором в [5], рассматривают существенность и аудиторский риск как базовые категории аудита, лежащие в основе решения третьей из обозначенных задач, а именно задачи моделирования суждения аудитора о достоверности бухгалтерской финансовой отчетности.

Третья же задача, по существу, прямо связана с реализацией главной цели аудита – выражением мнения о достоверности отчетности аудируемого лица, таким образом, моделирование, используемое для решения фундаментальных задач аудита, определяющих достижение его основной цели, может на полных основаниях рассматриваться как метод науки об аудите.

Завершая обзор мультидисциплинарных основ аудита, целесообразно обратить внимание на то, что теоретическое исследование признаков аудита как науки через призму моделирования дает возможность определить вектор развития теории аудита, логически обосновать постулаты аудита и объяснить его гносеологическую природу.

4. Постулаты аудита: состав и содержание

Раскрывая второй уровень предложенной иерархической структуры теории аудита, Р. Маутц и Х. Шараф формулируют восемь «пробных» (tentative) постулатов, определяющих, по их мнению, основу познания проблем аудита и поиска их решений. Учитывая наличие в отечественной научной литературе множества различных трактовок данных постулатов, представляется целесообразным привести их в максимально приближенном к тексту первоисточника переводе:

1. Финансовая отчетность и финансовые данные поддаются проверке.
2. В рамках аудита между аудитором и руководством аудируемого лица нет никакого неизбежного конфликта интересов.
3. Финансовая отчетность и прочая информация, представленная для проверки, не связана со сговором и иными необычными отклонениями.
4. Существование удовлетворительной системы внутреннего контроля устраняет *вероятность* (которая не является возможностью) некорrekтностей.
5. Последовательное применение общепринятых принципов бухгалтерского учета приводит к достоверному представлению финансового положения и результатов деятельности.
6. То, справедливость чего была доказана при проверке в прошлом, будет оставаться справедливым и в будущем, если не доказано обратное.

7. Исследуя финансовые данные с целью выражения независимого мнения, аудитор действует исключительно от своего лица.

8. Профессиональный статус независимого аудитора налагает на него соразмерные профессиональные обязательства.

Как уже было отмечено ранее, в отечественном (как, впрочем, и в зарубежном) научном сообществе представленный свод постулатов вызвал острые дискуссии, сфокусированные на проблемах количества и постоянства состава данного перечня. Не вступая в широкую полемику с участниками дискуссионного процесса (поскольку это слабо согласуется с целями настоящего исследования), отметим лишь некоторые представляющиеся автору значимыми моменты, не нашедшие отражения в научных трудах отечественных ученых (выделены курсивом в списке постулатов).

Во-первых, практически все российские авторы, раскрывая содержание второго постулата аудита, говорят о «необходимом» конфликте интересов аудитора и руководства аудируемого лица. При этом совершенно не ясна природа «необходимости» данного конфликта, который в общем-то всегда присутствует в силу объективной противоречивости экономических интересов субъектов рыночной экономики. Использование отечественными учеными эпитета «необходимый» наряду с аксиоматическим отрицанием конфликта интересов, как минимум, вызывает не(до)понимание смысла рассматриваемого постулата. Есть основания полагать, что Р. Маутц и Х. Шараф употребили слово *necessary* в редко используемом значении – а именно как «неизбежный». Предлагаемая трактовка, по мнению автора, устраняет алогичность анализируемого постулата и делает его смысл предельно ясным и адекватным действительности. Эпитет «неизбежный» несет смысловую нагрузку объективного существования конфликта интересов участников аудиторской проверки, а его отрицание в контексте постулата вскрывает возможности и возлагает на участников проверки обязательства стремиться к преодолению данного конфликта.

В рамках четвертого постулата противопоставляются термины вероятность и возможность, весьма близкие по смыслу в русском языке. Для устранения данного казуса следует обратиться к первоисточнику, на страницах [16, с. 25] которого авторы, комментируя данный постулат, оговаривают невозможность абсолютного устранения (сведения к нулю) искажений и ошибок вследствие человеческого фактора, однако акцентируют внимание на существенном потенциале системы внутреннего контроля в части «подавления» вероятности их возникновения и сохранения в отчетности.

Что же касается собственно проблемного «ядра» научной дискуссии, ведущейся вокруг свода постулатов аудита, – их количества и постоянства состава, то и в этой части, как представляется автору, отечественные ученые не обратили внимания на одну, многое объясняющую, деталь. Р. Маутц и Х. Шараф, говоря о постулатах, использовали устойчивое словосочетание «tentative postulates», и эпитет «tentative» (предварительный, испытательный, пробный) в данном контексте, видимо, не случаен, а применен как характеризующий объективную возможность качественной и количественной трансформации системы постулатов аудита. Кроме того, классическая трактовка постулата как «...положения, принимаемого как

истинное до тех пор, пока не будет доказано иное» [12], сама по себе подтверждает возможность объективного изменения постулатов, которое до настоящего времени наблюдается в формируемой теории аудита под влиянием аудиторской практики.

5. Концептуальные аспекты научной теории аудита

Характеризуя пятиуровневую структуру теории аудита, на третьем уровне иерархии Р. Маутц и Х. Шараф разместили так называемые «концепты», к числу которых отнесены:

- доказательства;
- надлежащая осторожность;
- добросовестное представление;
- независимость;
- этическое поведение.

Необходимо отметить, что представленные концептуальные аспекты в определенной степени перекликаются с положениями теории Т. Лимперга [15], однако, в отличие от основателя амстердамской школы учета, американские исследователи не ограничились их простым упоминанием, а представили в своей работе [16] результаты детальной проработки их содержания, что позволило рассматривать данные концепты как «центры кристаллизации» теории аудита. Отмечая важность реализации данных традиционных концепций в аудиторской практике, нельзя, однако, не обратить внимания на то, что в течение XX в. были разработаны и другие элементы теории, которые с полным правом могут претендовать на концептуальный статус – это концепция существенности, концепция аудиторского риска, концепция аудиторской выборки, концепция профессионального суждения аудитора и др.

Кроме того, развитие аудиторской практики и расширение предметной области привело к формированию концепций аудита, под которыми понимается особый подход к организации и проведению аудиторской проверки, определяемый спецификой целевой ориентации или технологии реализации аудиторских процедур. К числу таких концепций могут быть отнесены: концепция непрерывного аудита, концепция повторяющегося аудита, концепция советующего аудита и т.д.

Таким образом, с одной стороны, налицо существование концептуальных элементов научной теории аудита, но с другой – очевидна их содержательная, смысловая и формальная несопоставимость, требующая привлечения специалистов по методологии науки для определения признаков концепции как элемента научной теории аудита и ее (концепции) позиционирования в структуре аудиторского научного знания.

Заключение

Проведенный анализ показал, что тезисы об отсутствии научной теории аудита далеки от истины. Верно лишь то, что разработанные и используемые на практике элементы аудиторской науки дезинтегрированы и слабо

обоснованы. Их дезинтеграция, в первую очередь, не дает возможности судить о существовании аудита как полноценной науки, а слабость научной аргументации их содержания провоцирует сомнения в «научности» аудиторского знания. В то же время, как было показано в статье, результаты работы зарубежных и отечественных научных школ позволяют упорядочить терминологический аппарат, определить и описать формат научной теории аудита, ее состав и структуру, содержание, а также связи составляющих данную теорию компонентов. При условии привлечения к решению указанных проблем как специалистов в области непосредственно аудита, так и специалистов в области философии и методологии науки, экономической теории, логики и теории принятия решений, а также при условии широкой публикации и обсуждения результатов их совместных исследований серьезнейшая проблема – проблема признания аудиторской науки – может быть решена уже в обозримом будущем.

Литература

1. Баранов П.П. Угроза утраты институционального статуса аудиторской деятельности в условиях стагнации теории аудита // Сибирская финансовая школа. 2012. № 6. С. 144–150.
2. Баранов П.П. Генезис теории аудита: предпосылки зарождения, проблемы развития, современное состояние // Инновационное развитие экономики. 2013. № 2. С. 85–101.
3. Баранов П.П. Позитивный и нормативный подходы к исследованию проблем формирования профессионального суждения в аудите: альтернатива или симбиоз? // Управленческий учет. 2012. № 11. С. 79–85.
4. Баранов П.П. Аудиторская наука на фоне кризисных явлений в экономике: приоритетные направления развития и предметные области исследований // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 20. С. 35–42.
5. Баранов П.П. Причины модификации аудиторского заключения // Аудитор. 2004. № 1. С. 25–28.
6. Большой энциклопедический словарь / И. Лапина, Е. Маталина. М.: АСТ, Астрель. 2008. 1247 с.
7. Гутцайт Е.М. Аудит и другие науки // Аудитор. 2010. № 10. С. 15–26.
8. Карельская С.Н., Зуга Е.И. Определение парадигм бухгалтерского учета в работах Я.В. Соколова // Финансы и бизнес. 2012. № 4. С. 174–185.
9. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
10. Менеджмент организации: учеб. пособие / З.П. Румянцева, Н.А. Саломатин, Р.З. Акбердин и др. М.: ИНФРА-М, 1995. 432 с.
11. Соколов Я.В. Три парадигмы двойной бухгалтерии // Бухгалтерский учет. 2005. № 15. С. 49–53.
12. Соколов Я.В. Бухгалтерский учет от истоков до наших дней: учеб. пособие для вузов. М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996. 638 с.
13. Теория аудита: учеб. пособие / С.И. Жминько, О.И. Швырева, М.Ф. Сафонова, И.Н. Калинина. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 443 с.
14. Шермет А.Д. Реформирование бухгалтерского учета и аудита в соответствии с международными стандартами // Аудиторские ведомости. 2006. № 8. С. 4–12.
15. Limpert Th. De beteekenis van de accountantsverklaring in verband met de verantwoordelijkheid van den accountant, Muuses, Purmerend. 1926.
16. Mautz R.K., Sharaf H. The Philosophy of Auditing: Sarasota, Fl.: American Accounting Association, 1961. 299 p.

Bibliography

1. *Baranov P.P.* Ugroza utraty institucional'nogo statusa auditorskoj deya-tel'nosti v usloviyah stagnacii teorii audita // Sibirskaja finansovaja shkola. 2012. № 6. P. 144–150.
2. *Baranov P.P.* Genezis teorii audita: predposylki zarozhdenija, problemy razvitija, sovremennoe sostojanie // Innovacionnoe razvitie jekonomiki. 2013. № 2. P. 85–101.
3. *Baranov P.P.* Pozitivnyj i normativnyj podhody k issledovaniju problem formirovanija professional'nogo suzhenija v audite: al'ternativa ili simbioz? // Upravlencheskij uchet. 2012. № 11. P. 79–85.
4. *Baranov P.P.* Auditorskaja nauka na fone krizisnyh javlenij v jekonomike: prioritetnye napravlenija razvitija i predmetnye oblasti issledovanij // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchjot. 2012. № 20. P. 35–42.
5. *Baranov P.P.* Prichiny modifikacii auditorskogo zakljuchenija // Auditor. 2004. № 1. P. 25–28.
6. *Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / I. Lapina, E. Matalina.* M.: AST, Astrel'. 2008. 1247 p.
7. *Gutcajt E.M.* Audit i drugie nauki // Auditor. 2010. № 10. P. 15–26.
8. *Karel'skaja S.N, Zuga E.I.* Opredelenie paradigm buhgalterskogo uchjota v rabotah Ja.V.Sokolova // Finansy i biznes. 2012. № 4. P. 174–185.
9. *Kun T.* Struktura nauchnyh revoljucij. M., 2003.
10. Menedzhment organizacii: ucheb. posobie / Z.P. Rumjanceva, N.A. Salomatin, R.Z. Akberdin i dr. M.: INFRA-M, 1995. 432 p.
11. *Sokolov Ja.V.* Tri paradigmy dvojnoj buhgalterii // Buhgalterskij uchet. 2005. № 15. P. 49–53.
12. *Sokolov Ja.V.* Buhgalterskij uchjot ot istokov do nashih dnei: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Audit, JuNITI, 1996. 638 p.
13. Teorija audita: ucheb. Posobie / S.I. Zhmin'ko, O.I. Shvyreva, M.F. Safonova, I.N. Kalinina. Rostov-na-Donu: Feniks, 2013. 443 p.
14. *Sheremet A.D.* Reformirovanie buhgalterskogo ucheta i audita v sootvetstvii s mezhdunarodnymi standartami // Auditorskie vedomosti. 2006. № 8. P. 4–12.
15. *Limperg Th.* De beteekeenis van de accountantsverklaring in verband met de verantwoordelijkheid van den accountant, Muuses, Purmerend. 1926.
16. *Mautz R.K., Sharaf H.* The Philosophy of Auditing: Sarasota, Fl.: American Accounting Association, 1961. 299 p.

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 311.31

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИКИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Н. Афанасьев

Оренбургский государственный университет
E-mail: Afanassiev@rambler.ru

В работе представлены теоретические и методологические основы исследования цикличности экономики; основные классификации экономических циклов; результаты анализа цикличности социально-экономических индикаторов Оренбургской области различными статистическими методами. Исследование проводилось по временным рядам, очищенным от сезонных колебаний и от нерегулярной составляющей. Исследование циклов в экономике Оренбургской области с учетом тренда выполнено впервые. Статистической базой исследования послужили официальные ежемесячные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области за период 1995–2012 гг.

Ключевые слова: циклы, индикаторы экономики, статистические методы анализа циклов, устойчивость циклов, статистическая методология исследования цикличности экономики.

STATISTICAL ANALYSIS OF MAIN SOCIAL-ECONOMIC INDICATORS OF THE ORENBURG REGION

V.N. Afanasjev

Orenburg State University
E-mail: Afanassiev@rambler.ru

The work presents the theoretical and methodological research basics of economic cyclicity, main classifications of economic cycles, research findings of cyclicity of social-economic indicators of Orenburg region economics by way of different statistical methods. The study was conducted with time series free from seasonal fluctuations and irregular component. Research of cycles in economics of the Orenburg region with regard to the trend has been done for the first time. Statistic basis of the research has been made up of official monthly data of Territorial body of Federal Agency of State Statistics in the Orenburg region in 1995–2012.

Key words: cycles, economic indicators, statistical methods of cycle analysis, cycle stability, statistical methodology of economic cyclicity research.

Введение

С возникновением рыночных отношений в экономике России начинают проявляться и циклические колебания, принципиально отличные от циклических колебаний плановой экономики, имеющие уже в какой-то мере рыночное происхождение и природу. Но условия возникновения и развития рыночных отношений оказались настолько деформированными, что к общему кризису плановой модели развития добавился трансформационный спад. И такими же деформированными стали циклические колебания макроэкономической динамики.

Своевременное регулирование циклического развития рыночной экономики является одной из центральных задач макроэкономической политики любого государства. Дальнейший трансформационный кризис, охвативший российскую экономику в период с 1992 по 1997 г., неустойчивость темпов роста после дефолта 1998 г., финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. делают решение этой проблемы не просто актуальной, но и жизненно необходимой.

Совершенствование статистического анализа индикаторов циклическости экономики, позволит более эффективному поиску управленческих решений по снижению рисков жизнеобеспечения населения.

1. Статистические методы в анализе цикличности индикаторов экономики

В качестве индикаторов, характеризующих циклические процессы в экономике Оренбургской области, были выбраны цепные индексы основных социально-экономических показателей.

Общая схема выявления и оценки циклическости состояла из трех этапов.

На первом этапе исследования для каждого временного ряда социально-экономического показателя построили адаптивные модели с четырьмя видами трендов: стационарный, линейный, экспоненциальный, демпфирующий.

В качестве инструмента построения адаптивной модели использовалось экспоненциальное сглаживание.

Экспоненциальное сглаживание позволяет строить приемлемые прогнозы наблюдаемых временных рядов. Суть метода в том, что исходящий ряд $x(t)$ сглаживается с некоторыми экспоненциальными весами, образуется новый временной ряд (с меньшим уровнем шума), поведение которого можно прогнозировать [4].

Для построения модели необходимо задать значение параметра сглаживания α . Точных рекомендаций для выбора оптимальной величины параметра сглаживания пока нет, его можно определить, например, перебирая возможные значения на сетке значений с помощью пакета прикладных программ Statistica [2].

Продemonстрируем этапы экспоненциального сглаживания на примере индекса промышленного производства (ИПП) в Оренбургской области.

Выберем значение параметра адаптации, α используя перебор по сетке значений (рис. 1). По умолчанию перебор осуществляется с начального

Модель Номер	Поиск параметров на сетке (наименьшие абс.ошибки выделяются) (эмпирический анализ) Модель: Без тр., нет сезон. ; SO=104,2 ИПП,% к месяцу предыдущего года							
	Альфа	Средняя ошибка	Ср. абс. ошибка	Сумма квадрат.	Средние квадраты	Средн. % ошибка	Ср. абс. % ошиб.	
9	0,900000	-0,038165	4,693455	17263,57	79,92395	-0,351523	4,334471	
8	0,800000	-0,041444	4,643800	17448,66	80,78084	-0,387992	4,286900	
7	0,700000	-0,045739	4,648249	17722,93	82,05061	-0,428626	4,297085	
6	0,600000	-0,051418	4,694994	18084,36	83,72388	-0,474399	4,352109	
5	0,500000	-0,059041	4,770500	18531,37	85,79337	-0,526535	4,437449	
4	0,400000	-0,069610	4,901652	19055,41	88,21947	-0,586644	4,565469	
3	0,300000	-0,085451	5,134846	19643,56	90,94241	-0,657835	4,788720	
2	0,200000	-0,114169	5,432331	20327,42	94,10842	-0,750534	5,082423	
1	0,100000	-0,193545	5,896449	21276,54	98,50251	-0,910712	5,549540	

Рис. 1. Сетка значений для выбора α

значения $\alpha = 0,1$ до $\alpha = 0,9$ с шагом 0,1 (данные значения можно менять). В результате выводится 10 наилучших значений α .

По анализируемым данным наилучшим значением для параметра адаптации является $\alpha = 0,9$, при нем наблюдаются наименьшие значения суммы квадратов отклонений.

При высоком значении α дисперсия экспоненциальной средней незначительно отличается от дисперсии ряда x . Чем меньше α , тем в большей степени сокращается дисперсия экспоненциальной средней. Следовательно, экспоненциальное сглаживание можно представить как фильтр, на вход которого в виде потока последовательно поступают члены исходного ряда, а на выходе формируются текущие значения экспоненциальной средней. И чем меньше α , тем в большей степени фильтруются, подавляются колебания исходного ряда [9].

В качестве начального значения экспоненциальной средней берется средняя арифметическая простая из всех уровней временного ряда, которая для анализируемого ряда составила $S_0 = 104,2$. Адаптивная модель примет вид:

$$S_t = 0,9 \cdot y_t + 0,1 \cdot S_{t-1}.$$

(1)

Далее были построены адаптивные модели с четырьмя видами трендов. Итоговая среднеквадратическая ошибка (S_c) по каждой модели для индекса промышленного производства в Оренбургской области, а также для остальных индикаторов представлена в табл. 1.

Наилучшей признается адаптивная модель с включением демпфированного тренда, так как среднеквадратическая ошибка минимальна, она и будет использоваться в следующих этапах исследования.

На втором этапе исследования по выбранному виду тренда апробировались модели с аддитивным и мультипликативным вхождением циклической составляющей. Таким образом, для каждого социально-экономического индикатора строилось шесть моделей. Выбор подходящей модели также осуществлялся на основе критерия минимизации среднеквадратической ошибки. Положительная разница между ошибками модели с циклической компонентой и модели без циклической компоненты однозначно свидетельствует об отсутствии краткосрочного цикла.

Таблица 1

Среднеквадратические ошибки адаптивных моделей

Наименование индикатора	Среднеквадратическая ошибка S_c			
	Без тренда	Линейный тренд	Экспоненциальный тренд	Демпфированный тренд
Индекс промышленного производства	79,9	87,5	92,8	79,7
Индекс цен производителей промышленной продукции	36,3	41,6	168,1	40,8
Сводный индекс цен на строительную продукцию	7,9	8,9	260,6	9,8
Индекс тарифов на грузовые перевозки	156,1	253,4	796,7	270,8
ИПЦ	5,4	4,3	6,7	4,2
ИПЦ на продовольственные товары	9,4	9,9	25,6	9,5
ИПЦ на непродовольственные товары	6,8	6,7	6,9	6,2
ИПЦ на услуги	10,7	10,5	64,3	11,6
Индекс оборота розничной торговли	67,4	70,2	158,6	64,3
Индекс объема платных услуг населению	172,2	287,8	727,4	283,3
Индекс товарных запасов в организациях розничной торговли	41,8	44,9	276,2	43,8
Индекс ввода в действие жилых домов	51874,1	55110,6	55126,2	53261,0
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	32,8	35,9	36,7	32,8
Индекс среднедушевых денежных доходов населения	322,4	349,2	740000,0	344,8

По выбранному демпфированному тренду для ИПП в Оренбургской области среднеквадратическая ошибка S_c с аддитивным вхождением циклической составляющей равна 75,3, а с мультипликативным вхождением 74,9. Таким образом, лучшей признается адаптивная модель с мультипликативным вхождением циклической составляющей.

Итоги данного этапа для остальных индикаторов представлены в табл. 2.

На третьем этапе моделирования проводилось статистическое подтверждение наличия цикличности в динамике, каждого отобранного показателя на основе проверки гипотезы о равенстве дисперсий случайных остатков, для моделей с циклической компонентой и без нее.

Проверка гипотезы осуществлялась по критерию Фишера, наблюдаемое значение которого определялось отношением дисперсии S_t^2 случайных остатков модели без циклической составляющей к дисперсии S_{tc}^2 модели с циклической составляющей:

$$F = \frac{S_t^2}{S_{tc}^2}. \quad (2)$$

Критическое значение определяли по формуле:

$$F_{кр} = F(\alpha; k; n - k), \quad (3)$$

где α – уровень значимости; k – число параметров модели; n – длина временного ряда.

Таблица 2

Итоги второго этапа исследования

Наименование индикатора	Модель с циклической компонентой		
	Вид модели		S_c
ИПП	Мульти-пликативная	Демпфированный тренд	74,9
ИЦП промышленной продукции	Аддитивная	Без тренда	36,1
Сводный индекс цен на строительную продукцию	Аддитивная	Без тренда	6,8
Индекс тарифов на грузовые перевозки	Мульти-пликативная	Без тренда	162,3
ИПЦ	Аддитивная	Демпфированный тренд	4,4
ИПЦ на продовольственные товары	Аддитивная	Без тренда	8,9
ИПЦ на непродовольственные товары	Аддитивная	Демпфированный тренд	6,2
ИПЦ на услуги	Мульти-пликативная	Линейный	5,8
Индекс оборота розничной торговли	Мульти-пликативная	Демпфированный тренд	50,4
Индекс объема платных услуг населению	Мульти-пликативная	Без тренда	99,1
Индекс товарных запасов в организациях розничной торговли	Аддитивная	Без тренда	35,7
Индекс ввода в действие жилых домов	Мульти-пликативная	Линейный	44271,1
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	Мульти-пликативная	Демпфированный тренд	18,3
Индекс среднедушевых денежных доходов населения	Аддитивная	Без тренда	62,8

Для рассматриваемого ИПП наблюдаемое значение:

$$F = \frac{80,098}{75,268} = 1,064171.$$

Критическое значение на уровне значимости 5 %

$$F_{кр} = (0,05,3,216 - 3) = 2,647.$$

Наблюдаемое значение не превышает критическое, что подтверждает наличие цикличности в рассматриваемом ряду.

Рассчитанные значения для остальных индикаторов представлены в табл. 3.

Во временном ряду индекса среднедушевых денежных доходов населения цикличность не обнаружилась, поэтому данный индикатор исключен из дальнейшего рассмотрения.

Одной из задач данного этапа является определение продолжительности циклов. Для выделения регулярных циклов наиболее популярным является использование классических методов спектрального анализа, состоящих в последовательном выделении с помощью исследования псевдо-

Таблица 3

**Необходимые значения для проверки гипотезы о наличии цикличности
во временных рядах**

Показатель	F_n	$F_{кр}$
ИЦП промышленной продукции	1,0593	3,885
Сводный индекс цен на строительную продукцию	1,3355	3,885
Индекс тарифов на грузовые перевозки	0,9473	3,885
ИПЦ	0,9445	2,647
ИПЦ на продовольственные товары	1,0556	3,885
ИПЦ на непродовольственные товары	0,9987	2,647
ИПЦ на услуги	1,8265	3,038
Индекс оборота розничной торговли	1,3357	2,647
Индекс объема платных услуг населению	1,7374	3,885
Индекс товарных запасов в организациях розничной торговли	1,1576	3,885
Индекс ввода в действие жилых домов	1,2448	3,038
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	1,7915	2,647
Индекс среднедушевых денежных доходов населения	5,1329	3,885

спектральной функции гармонических колебаний, объясняющих максимум дисперсии ряда, получающегося после отделения предыдущих циклов [8].

Для определения продолжительности цикла в рассматриваемых рядах предварительно необходимо провести процедуру выделения тренд-циклической составляющей методом классической сезонной декомпозиции – Census I.

Цель сезонной декомпозиции состоит в том, чтобы разложить ряд на составляющую тренда, сезонную компоненту и оставшуюся нерегулярную составляющую [7]. Процедуре сезонной декомпозиции были подвержены все исходные индикаторы.

Спектральный анализ применим только для стационарных процессов. Для некоторых показателей характерно изменение некоторых характеристик во времени, поэтому с помощью дополнительных операций временные ряды были приведены к стационарному виду.

Тренд-циклические уровни временных рядов (ИПП, ИПЦ, ИПЦ на непродовольственные товары, индекс оборота розничной торговли, индекс числа официально зарегистрированных безработных), в которых ранее было подтверждено наличие демпфированного тренда, были прологарифмированы. Далее, ИПП и индекс оборота розничной торговли были приведены к стационарному виду с помощью процедуры взятия первых разностей, ИПЦ на непродовольственные товары и индекс числа официально зарегистрированных безработных – после взятия вторых разностей, ИПЦ – после взятия третьих разностей.

Временные ряды, в которых ранее было подтверждено наличие линейного тренда к стационарному виду, приводятся автоматически, подвергаясь спектральному анализу в ППП Statistica.

Спектральный анализ основан на использовании функции, которая характеризует распределение доли дисперсии временного ряда, вносимой ци-

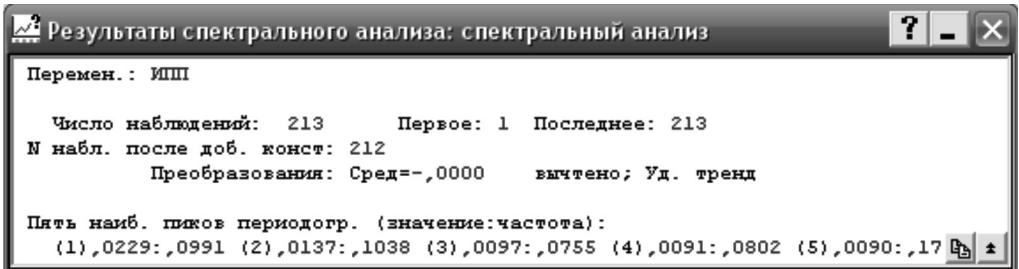


Рис. 2. Результаты спектрального анализа ИПП в Оренбургской области

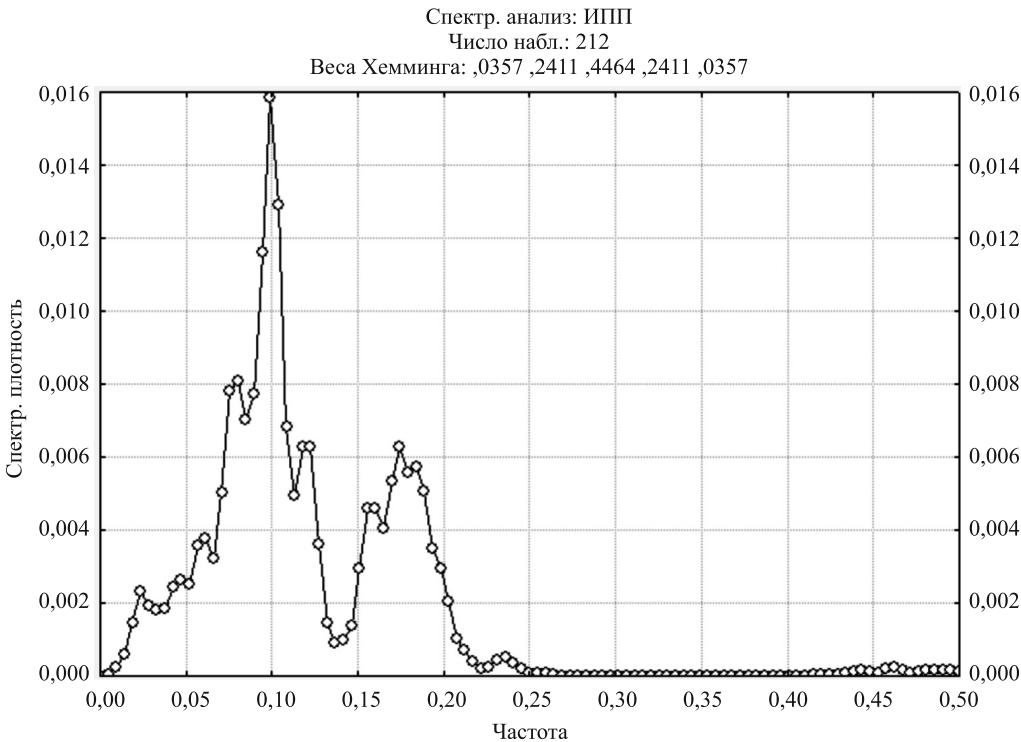


Рис. 3. Функция спектральной плотности индекса промышленного производства в Оренбургской области

клической составляющей, по частотам ее гармоник. Частота – величина, обратная периоду колебаний [10].

Результаты спектрального анализа на примере ИПП в Оренбургской области представлены на рис. 2.

На рис. 3 приведен график функции спектральной плотности ИПП в Оренбургской области. Наибольшая спектральная плотность сосредоточена в частоте 0,99057, что подтверждает наличие цикла продолжительностью 10,1 месяцев.

Распределение индикаторов по продолжительности циклов на основе рассмотренных спектральных плотностей представим в табл. 4.

Период цикла для индекса тарифов на грузовые перевозки и для индекса ввода в действие жилых домов равен периоду исследования, это гово-

Таблица 4

**Продолжительность циклов социально-экономических индикаторов
Оренбургской области**

Наименование индикатора	Продолжительность цикла
ИПП	10,1 мес
ИЦП промышленной продукции	5 мес
Сводный индекс цен на строительную продукцию	7 мес
Индекс тарифов на грузовые перевозки	17 лет 8 мес
ИПЦ	9,6 мес
ИПЦ на продовольственные товары	2 года 11 мес
ИПЦ на непродовольственные товары	5,9 мес
ИПЦ на услуги	1 год 9 мес
Индекс оборота розничной торговли	1 год 3 мес
Индекс объема платных услуг населению	11 мес
Индекс товарных запасов в организациях розничной торговли	1 год 9 мес
Индекс ввода в действие жилых домов	17 лет 8 мес
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	5,7 мес

рит о том, что вариация признаков объясняется сезонными колебаниями, а подтверждение продолжительности долгопериодических колебаний невозможно вследствие недостаточности наблюдений.

2. Построение сводного опережающего индикатора цикличности экономики Оренбургской области

Низшая точка глобального экономического кризиса пройдена и ближайшая экономическая перспектива – это стадия восстановления с чередованием спадов и подъемов краткосрочного характера. На данном этапе требуется решение взаимоувязанных задач: построение системы опережающих индикаторов, расчет сводного опережающего индикатора (СОИ) как средневзвешенной величины из исходных рядов [5].

Исходная система социально-экономических индикаторов для целей исследования была изменена. На данном этапе исследования система показателей охватывает промежуток времени с января 2005 г. по декабрь 2012 г., поскольку построенный СОИ будет характеризовать краткосрочную цикличность в экономике Оренбургской области.

Непосредственно перед построением системы опережающих индикаторов цикличности была проанализирована динамика индекса физического объема промышленного производства по Оренбургской области как основного совпадающего индикатора.

Рассмотрим график цепных коэффициентов роста ИФО промышленного производства в Оренбургской области и по России в целом (рис. 4).

По рис. 4 видно, что рассматриваемые динамические ряды имеют схожее поведение на всем исследуемом промежутке времени, соответственно, полученные результаты могут быть распространены с определенной вероятностью и на экономику РФ.

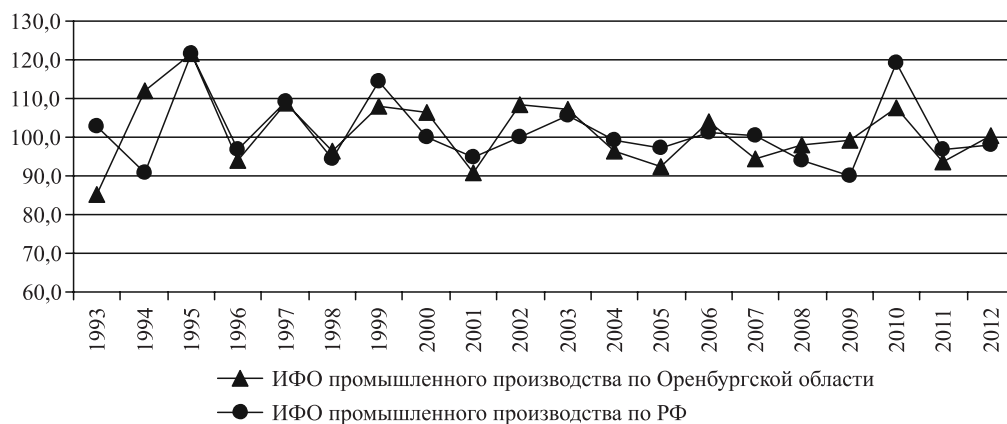


Рис. 4. Динамика коэффициентов роста ИФО промышленного производства в Оренбургской области и по России в целом

Теоретической основой для построения сводного опережающего индикатора стала методика, разработанная в Самарском государственном университете [5].

Для выделения опережающих индикаторов из общей системы индикаторов, необходимо подвергнуть исходные данные процедуре сезонной декомпозиции *Census I* и использовать тренд-циклические уровни для дальнейшего анализа.

Выделенная тренд-циклическая составляющая в составе исходных динамических рядов позволяет на основе месячных данных исследовать элементы морфологической структуры экономических циклов экономики Оренбургской области, а также сопоставить выделенные элементы морфологической структуры экономических циклов.

Циклические индикаторы подразделяются на три группы показателей:

- «запаздывающие»;
- «совпадающие»;
- «опережающие».

В качестве «совпадающего» индикатора цикличности экономики Оренбургской области мы выбрали ИПП.

Примером «запаздывающих» индикаторов может послужить индекс ввода в действие жилых домов (рис. 5) и индекс товарных запасов в организациях розничной торговли (рис. 6).

ИПП – совпадающий индикатор, темп роста ввода в действие жилых домов – запаздывающий. Локальный минимум последнего показателя – декабрь 2009 г.

ИПП – совпадающий индикатор, индекс товарных запасов в организациях розничной торговли – запаздывающий. Локальный максимум последнего показателя – февраль 2010 г.

В рамках данного исследования больший интерес представляет динамика опережающих индикаторов. Примером могут послужить ИЦП промышленной продукции (рис. 7) и индекса числа безработных по методологии МОТ (рис. 8)

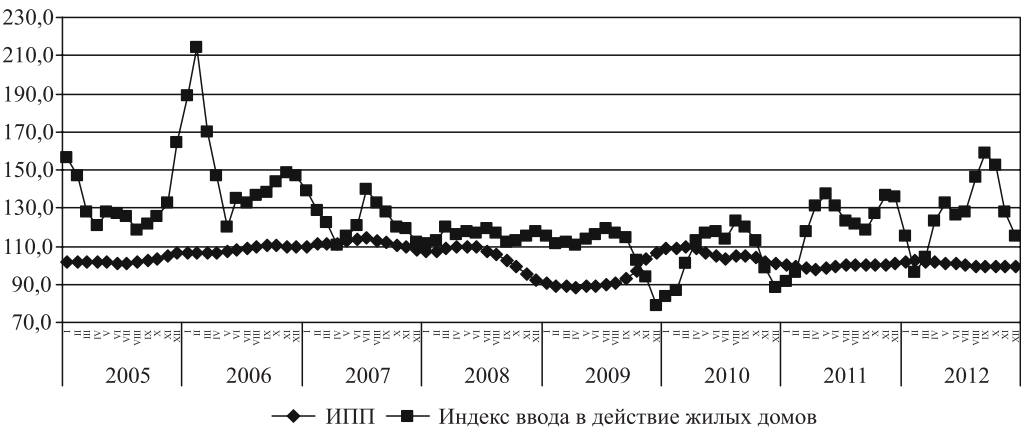


Рис. 5. Тренд-циклические уровни динамических рядов ИПП и индекса ввода в действие жилых домов, %



Рис. 6. Тренд-циклические уровни динамических рядов ИПП и индекса товарных запасов в организациях розничной торговли, %

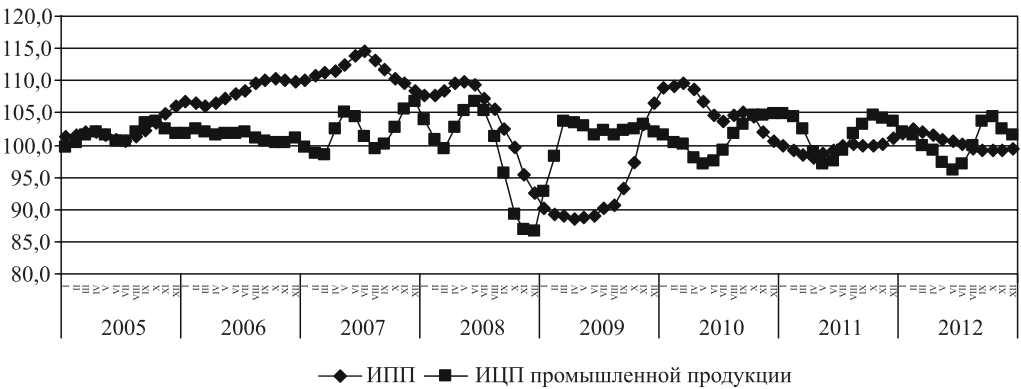


Рис. 7. Тренд-циклические уровни динамических рядов ИПП и ИЦП промышленной продукции, %



Рис. 8.Тренд-циклические уровни динамических рядов ИИП и индекса числа безработных по методологии МОТ, %

Локальный минимум ИИП промышленной продукции наступил на 4 мес ранее, чем у совпадающего индикатора – в декабре 2008 г.

Локальный максимум индекса числа безработных наступил на 3 мес ранее, чем локальный минимум совпадающего индикатора – в январе 2009 г.

Аналогично было исследовано графическое представление сопоставления морфологической структуры остальных индикаторов.

Для построения системы опережающих индикаторов необходимо подобрать такие показатели, у которых поворотные точки наступают раньше, чем у совпадающего индикатора. Тогда достижение пика или впадины опережающим индикатором позволило бы говорить о вероятном приближении пика или впадины в экономической динамике.

Период времени, на который приходится максимальные последствия кризиса для каждого показателя, представлен в табл. 5.

Ввиду того, что разработанные опережающие индикаторы показывают экономические циклы, но каждый по-своему, необходимо сконструировать из нескольких индикаторов один, который благодаря обобщению (усреднению) будет лучше предсказывать циклы, чем каждый в отдельности [5].

СОИ формируется как агрегат частных опережающих индикаторов, которые были отобраны на основе оценки парных коэффициентов корреляции.

Таблица 5

Локальные минимумы/максимумы индикаторов экономики

Показатель	Локальный минимум/максимум
ИИП промышленной продукции	Декабрь 2008 г.
ИИП на сельскохозяйственную продукцию	Декабрь 2009 г.
ИИП на услуги	Январь 2009 г.
Индекс оборота розничной торговли	Март 2009 г.
Индекс оборота общественного питания	Май 2008 г.
Индекс объема услуг населению	Февраль 2009 г.
Индекс числа безработных по методологии МОТ	Январь 2009 г.
Индекс стоимости минимального набора продуктов питания	Июль 2008 г.

Корреляции (сои) Отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05000$ N=96 (Построчное удаление ПД)								
Переменная	ИЦП промышленной производства	ИЦП на с/х продукцию	ИПЦ на услуги	Индекс оборота розничной торговли	Индекс оборота общественного питания	Индекс объёма платных услуг населению	Индекс числа безработных по методологии МОТ	Индекс стоимости минимального набора продуктов питания
ИПП	0,22	0,35	0,07	0,35	0,02	0,28	-0,54	0,36

Рис. 9. Матрица парных коэффициентов корреляции эталонного индекса краткосрочных экономических циклов и частных опережающих индикаторов в Оренбургской области за период с января 2005 г. по декабрь 2012 г.

Все парные коэффициенты корреляции значимы по t -критерию Стьюдента.

Данные рис. 9 показывают, что из всех частных опережающих индикаторов цикличность ИПП в Оренбургской области не предопределяется ИПЦ на услуги и индексом оборота общественного питания, они будут исключены из дальнейшего рассмотрения.

Далее перейдем к построению сводного индикатора. Предусматривается реализация семи последовательных этапов [11].

1. Для всех подобранных опережающих индикаторов X^i (i – номер ряда) вычисляются симметричные приросты (t – текущий момент времени):

$$x_t^i = 200 \cdot (X_t^i - X_{t-1}^i) / (X_t^i + X_{t-1}^i). \quad (4)$$

2. Оцениваются средние x_n^i значения и стандартные отклонения s^i полученных приростных рядов (n – число месяцев в периоде):

$$x_n^i = \sum x_t^i / n, \quad (5)$$

$$s^i = \sqrt{\sum (x_t^i - x_{cp}^i)^2 / (n-1)}. \quad (6)$$

Результаты расчета среднего значения и стандартных отклонений для каждого индикатора представлены в табл. 6.

3. Для каждого t рассчитываются «усредненный» прирост q^t и среднее и стандартное отклонение ряда q (m – число исходных индикаторов):

$$q_t = \sum (x_t^i / s^i) / m, \quad (7)$$

$$q_n = \sum q_t / n, \quad (8)$$

$$s^q = \sqrt{\sum (q_t - q_n)^2 / (n-1)}. \quad (9)$$

Общий усредненный прирост и стандартное отклонение ряда q составили:

$$q_n = -0,07594/96 = -0,00079,$$

$$s^q = \sqrt{0,17171/95} = 0,41437.$$

4. Шаги 1-2 выполняются для ИПП. Результат – среднее $Y_{(n)}$ и стандартное отклонение s^y прироста ряда (табл. 6).

Таблица 6

Средние значения и стандартные отклонения приростных рядов

Показатель	x_n^i	s^i
ИПП	-0,021	1,39348
ИЦП промышленной продукции	0,018	2,08337
ИЦП на сельскохозяйственную продукцию	0,027	0,6635
Индекс оборота розничной торговли	0,050	1,20826
Индекс объема платных услуг населению	-0,089	1,27599
Индекс числа безработных по методологии МОТ	-0,036	1,59832
Индекс стоимости минимального набора продуктов питания	-0,002	0,49288

5. Показатель q корректируется так, чтобы его волатильность была равна волатильности приростов ИПП:

$$G_t = q_t \cdot (s^y/s^q).$$
 (10)

6. По рекурсивной формуле рассчитываются значения сводного опережающего индикатора Z_t

$$Z_1 = (200 + G_1)/(200 - G_1),$$
 (11)

$$Z_t = Z_{t-1} \cdot (200 + G_t)/(200 - G_t).$$
 (12)

7. Полученный индекс приводится к той же базе, что и ИПП (2005=100). Для этого все значения Z_t делятся на среднемесячный уровень 2005 г. и умножаются на 100. В итоге получается, что сводный опережающий индикатор имеет ту же базу, что и ИПП.

Рассмотрим динамику ИПП и рассчитанного СОИ краткосрочных циклов экономики Оренбургской области (рис. 10).

Рассчитанный сводный индикатор на шесть месяцев предопределяет развитие промышленного производства. Согласно СОИ краткосрочных

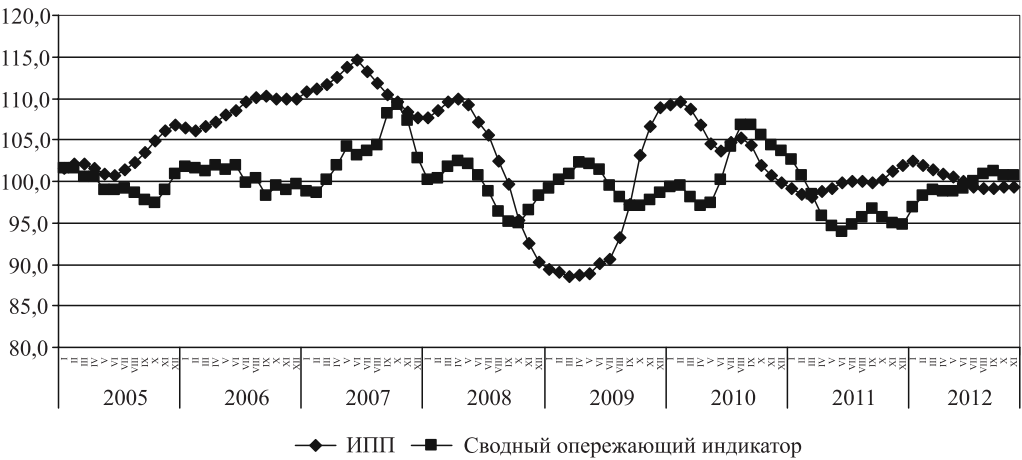


Рис. 10. Динамика тренд-циклического уровня динамического ряда ИПП и расчетного СОИ краткосрочных экономических циклов в Оренбургской области

циклов, вплоть до мая 2013 г. будет наблюдаться сохранение тенденции в среднем к постепенному росту промышленного производства, формирующейся на протяжении последних двух лет.

3. Анализ устойчивости тренд-циклических уровней индикаторов цикличности экономики

Устойчивость нами рассматривается с двух позиций:

1. Устойчивость уровней временного ряда.
2. Устойчивость тенденции (тренда).

Устойчивость временного ряда – это наличие необходимой тенденции изучаемого статистического показателя с минимальным влиянием на него неблагоприятных условий.

Отсюда возникают основные требования к устойчивости:

- минимизация колебаний уровней временного ряда;
- наличие определенной, необходимой для общества тенденции изменения [12].

Для характеристики устойчивости (неустойчивости) Д. Бланфорд и С. Оффат рекомендуют следующие показатели [3]:

Процентный размах (Percentage Range) – PR:

$$PR = W_M - W_m, \quad (13)$$

где $W_M = \max(W_2, \dots, W_{t-1})$; $W_m = \min(W_2, \dots, W_{t-1})$;

$$W_t = \frac{|X_t - X_{t-1}|}{X_{t-1}} \cdot 100, \quad (14)$$

где $t = 1, \dots, n$.

PR оценивает разность между максимальным и минимальным относительными приростами в процентах.

Показатель скользящие средние (Moving Average) – МА оценивает величину среднего отклонения от уровня скользящих средних:

$$MA = \frac{\sum_{i=t-r+1}^{t+r} \left[\frac{x_i - x_t}{x_t} \right]}{n + 1 - m}, \quad (15)$$

$$X_t = \frac{\sum_{i=t-r}^{t+r} x_i}{m}, \quad (16)$$

где $r = (m - 1)/2$; m – период скользящей средней.

В качестве периода скользящей средней выбрали период, равный 12 месяцам. Поскольку период является четным числом, проводили процедуру двойного сглаживания, называемую центрированием [12].

Среднее процентное изменение (Average Percentage Change) – APC, которое оценивает среднее значение абсолютных величин относительных приростов и квадратов относительных приростов:

$$APC = \frac{\sum_{t=2}^n \left[\frac{X_t - X_{t-1}}{\max(X_t - X_{t-1})} \right]}{n - 1} \cdot 100. \quad (17)$$

Результат расчета перечисленных показателей представлен в табл. 7.

Таблица 7

Показатели устойчивости индикаторов цикличности экономики Оренбургской области, предложенные Д. Бланфордом и С. Оффатом

Наименование индикатора	PR	MA	APC
ИПП	16,9	0,00113	3,2
ИЦП промышленной продукции	1,8	0,00014	11,1
Сводный индекс цен на строительную продукцию	0,8	0,00014	3,5
Индекс тарифов на грузовые перевозки	3,9	0,00033	1,6
ИПЦ	3,8	-0,00028	2,4
ИПЦ на продовольственные товары	2,6	-0,00016	3,3
ИПЦ на непродовольственные товары	4,8	-0,00018	1,8
ИПЦ на услуги	1,4	-0,00043	15,1
Индекс оборота розничной торговли	4,0	0,00013	4,4
Индекс объема платных услуг населению	3,4	-0,00044	8,2
Индекс товарных запасов в организациях розничной торговли	1,5	-0,00009	12,5
Индекс ввода в действие жилых домов	22,3	-0,00031	2,2
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	8,8	0,00004	2,6

Разность между максимальным и минимальным приростами для показателей индексов промышленного производства и ввода в действие жилых домов принимает наибольшие значения. Наибольший относительный прирост в уровнях наблюдается у временных рядов индекса цен производителей промышленной продукции, ИПЦ на услуги и индекса ввода в действие жилых домов. Колеблемость уровней данных показателей выше, соответственно устойчивость ниже, по сравнению с остальными.

При измерении колеблемости уровней исчисляются обобщающие показатели отклонений уровней от тренда за исследуемый период.

Основными абсолютными показателями являются среднее линейное и среднее квадратическое отклонения [6]:

1) среднее линейное отклонение

$$a(t) = \frac{\sum_{i=1}^n |y_i - \tilde{y}_i|}{n - p}, \quad (18)$$

2) среднее квадратическое отклонение

$$S_y(t) = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_i - \tilde{y}_i)^2}{n - p}}, \quad (19)$$

где y_i – фактический уровень; $\tilde{y}_i$ – выравненный уровень; n – число уровней; p – число параметров тренда; t – номера лет (знак отклонения от тренда).

Относительные показатели колеблемости, чаще всего используемые в статистике, вычисляются делением абсолютных показателей на средний уровень за весь изучаемый период [12].

1. Коэффициент линейной колеблемости

$$V_y^d(t) = \frac{d_y(t)}{\bar{y}}. \quad (20)$$

2. Коэффициент колеблемости

$$V_y(t) = \frac{S_y(t)}{\bar{y}}, \quad (21)$$

где $\bar{y}$ – средний уровень ряда.

Эти показатели отражают величину колеблемости в сравнении со средним уровнем ряда.

3. Величина, обратная коэффициенту колеблемости, называется коэффициентом устойчивости

$$K_y = 100 - V_y(t). \quad (22)$$

Такое определение коэффициента устойчивости интерпретируется как обеспечение устойчивости уровней ряда относительно тренда лишь в $(100 - V_y(t))$ случаях.

Описанные выше показатели, были рассчитаны по временным рядам, имеющим тенденцию (см. табл. 2).

Уравнения тренда для нестационарных индикаторов представлены в табл. 8.

Таблица 8

Уравнение тренда социально-экономических индикаторов

Наименование индикатора	Тренд
ИПП	$y = -0,0115 \cdot t + 105,47$
ИПЦ	$y = -0,000003 \cdot t^3 + 0,0011 \cdot t^2 - 0,1461 \cdot t + 107,03$
ИПЦ на непродовольственные товары	$y = 0,0002 \cdot t^2 - 0,0657 \cdot t + 105,42$
ИПЦ на услуги	$y = 0,0277 \cdot t + 105,33$
Индекс оборота розничной торговли	$y = 0,0065 \cdot t + 100,13$
Индекс ввода в действие жилых домов	$y = -0,3984 \cdot t + 201,44$
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	$y = -0,0001 \cdot t^2 - 0,0286 \cdot t + 99,15$

Результаты расчета показателей устойчивости уровней ряда представлены в табл. 9.

В целом уровни рассматриваемых показателей устойчивы во времени, а, следовательно, циклы, которые они описывают, тоже устойчивы. На основе разработанной нами и рассчитанной системы показателей, в частности, коэффициента устойчивости, представленной в табл. 9, была выявлена высокая устойчивость уровней преобладающего числа индикаторов. А этот вывод сделан нами в печати впервые, его можно назвать: «Закон устойчивости цикла» – «Если уровни показателей устойчивы во времени внутри цикла, описанного любой формой тренда, то и циклы, которые они описывают, – устойчивы».

Однако устойчивость уровней временного ряда индекса ввода в действие жилых домов относительно тренда наблюдается лишь в 53,7 % случаях, что не является удовлетворительным. Данный индикатор неустойчив.

Таблица 9

Результаты расчета показателей устойчивости уровней временных рядов, содержащих тенденцию, %

Наименование индикатора	$a(t)$	$S_y(t)$	$V_y^d(t)$	$V_y(t) = S_y(t) / \bar{y}$	K_y
ИПП	5,898	7,669	5,7	7,4	92,6
ИПЦ	11,499	15,805	11,3	15,5	84,5
ИПЦ на непродовольственные товары	6,188	7,452	6,1	7,3	92,7
ИПЦ на услуги	4,419	5,211	4,3	5,1	94,9
Индекс оборота розничной торговли	1,487	1,959	1,5	1,9	98,1
Индекс ввода в действие жилых домов	66,643	73,210	42,1	46,3	53,7
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	3,233	4,657	3,2	4,6	95,4

Рассмотрим показатели измерения устойчивости тенденции динамики [3]. В качестве характеристики устойчивости изменения применяют индекс корреляции:

$$J_r = \sqrt{1 - \frac{\sum (y_i - \tilde{y}_i)^2}{\sum (y_i - \bar{y}_i)^2}}, \tag{23}$$

где y_i – уровни динамического ряда; $\bar{y}$ – средний уровень ряда; $\tilde{y}_i$ – теоретические уровни ряда.

Рассчитанные значения индекса корреляции представлены в табл. 10.

Таблица 10

Результаты расчета индекса корреляции

Наименование индикатора	Индекс корреляции
ИПП	0,998
ИПЦ	0,905
ИПЦ на непродовольственные товары	0,98
ИПЦ на услуги	0,993
Индекс оборота розничной торговли	0,997
Индекс ввода в действие жилых домов	0,992
Индекс числа официально зарегистрированных безработных	0,997

Индекс корреляции показывает степень сопряженности колебаний исследуемых показателей с совокупностью факторов, изменяющих их во времени. Индекс корреляции по всем индикаторам приближается к 1, что означает большую устойчивость изменения уровней динамического ряда.

Другим методом измерения динамики устойчивости, познания второй ее стороны, является измерение устойчивости тенденции. Она измеряется не для уровней динамического ряда, а для показателей их динамики.

В 1969 г. М.С. Каяйкиной был предложен один из таких показателей: отношение среднегодового прироста линейного тренда, т.е. параметра b к среднему квадратическому отклонению уровней от тренда [6]:

$$K = b : S_y(t). \tag{24}$$

Линейный тренд ранее подтвердился у четырех индикаторов (см. табл. 8). Рассчитанные коэффициенты устойчивости представлены в табл. 11.

Чем больше величина K , тем менее вероятно, что уровень ряда в следующем периоде будет меньше предыдущего.

Таблица 11

**Комплексные показатели устойчивости для временных рядов
с линейным трендом**

Наименование индикатора	Коэффициент устойчивости
ИПП	-0,0015
ИПЦ на услуги	-0,0018
Индекс оборота розничной торговли	0,0009
Индекс ввода в действие жилых домов	-0,0054

Если считать, что распределение колебаний близко к нормальному, то при $K = 0,0009$ вероятность того, что отклонение от тренда будет не больше прироста (по модулю), составляет $F(0,0009) \approx 0,5$. Поскольку отклонения от тренда разных знаков одинаково вероятны, можно сказать, что вероятность того, что уровень индекса оборота розничной торговли следующего месяца будет ниже, чем предыдущего, составит 25 %:

$$0,5 - F(t):2 = 0,5 - 0,25 = 0,25.$$

При отрицательном b вероятность снижения уровня становится больше 0,5: так, если $K = -0,0015$, вероятность снижения следующего уровня для ИПП такова:

$$0,5 - F(-0,0015):2 = 0,5 + F(0,0015):2 = 0,5 + 0,5006:2 = 0,7503.$$

Как видим, тенденция снижения уровней ИПП довольно устойчива.

Вероятность снижения следующего уровня для ИПЦ на услуги такова:

$$0,5 - F(-0,0018):2 = 0,5 + F(0,0018):2 = 0,5 + 0,5007:2 = 0,7504.$$

Тенденция снижения уровней ИПЦ на услуги также довольно устойчива.

Вероятность снижения следующего уровня для ИПЦ на услуги такова:

$$0,5 - F(-0,0054):2 = 0,5 + F(0,0054):2 = 0,5 + 0,502:2 = 0,751.$$

Тенденция снижения уровней индекса ввода в действие жилых домов также устойчива.

Параболический тренд имеет два динамических параметра: среднегодовой прирост b и половину ускорения прироста c . Величина b в параболе не является константой, и для построения показателей комплексной устойчивости W нужно взять среднюю за весь ряд величину $\bar{b}$. Второй показатель – половину ускорения c или ускорение прироста $2c$ – логично сопоставлять уже не с самой величиной колеблемости $S_y(t)$, а с ее среднегодовым приростом $b_{S_y(t)}$, полученным по достаточно длинному ряду путем выравнивания

показателей $S_y(t)$, скользящих или следующих друг за другом. Имеем показатель [6]:

$$O_c = \frac{2c}{b_{S_y(t)}}. \quad (25)$$

Для временного ряда ИПЦ по непродовольственным товарам среднегодовой прирост величины колеблемости составляет $-0,0003$, а для индекса числа официально зарегистрированных безработных $-0,0009$.

Показатель опережения для ИПЦ на непродовольственные товары:

$$O_c = \frac{2 \cdot 0,0002}{0,0003} = 1,333.$$

$c > 0$; $b_{S_y(t)} > 0$; $2c > b_{S_y(t)}$, т.е. прирост уровней ряда растет, колебания тоже растут, но медленнее, в результате коэффициент устойчивости увеличивается, т.е. устойчивость тенденции возрастает [1].

Показатель опережения для индекса числа официально зарегистрированных безработных:

$$O_c = \frac{2 \cdot (-0,0001)}{-0,0009} = 0,2222.$$

$c < 0$; $b_{S_y(t)} < 0$; $2c > b_{S_y(t)}$, отсюда следует, что прирост уровней сокращается, но медленнее, чем колеблемость, так как неравенство $2c > b_{S_y(t)}$ понимается по алгебраической величине, а не по модулю. В таком случае показатель устойчивости тенденции будет возрастать, хотя уровни ряда либо тоже снижаются, либо растут с замедлением, так что для экономики это не самый благоприятный тип динамики [1].

Так как для индекса числа официально зарегистрированных безработных $O_c < 1$, значит, колебания растут сильнее, чем прирост уровней, показатель устойчивости K будет снижаться.

Когда для описания длинного ряда динамики необходимо построение тренда третьего порядка, вычисляется комплексный показатель устойчивости [12].

Уравнение тренда для временного ряда ИПЦ приведено в табл. 8.

Для определения устойчивости тенденции данного вида видоизменяют показатель O_c , заменив ускорение $2c$ средним ускорением $2\bar{c}$, найденным по базам скользящего ряда длиной не менее десяти уровней [6].

$$O_c = \frac{2\bar{c}}{b_{S_y(t)}}, \quad (26)$$

$$O_{c_{\text{мпц}}} = \frac{2 \cdot (-0,0003)}{-0,00139} = 0,432.$$

$c < 0$; $b_{S_y(t)} < 0$; $2c < b_{S_y(t)}$ – также понимается по алгебраической величине. Прирост уровней снижается быстрее, чем колебания, показатель устойчивости K снижается, тип динамики неблагоприятный, хотя и не столь сильно [1].

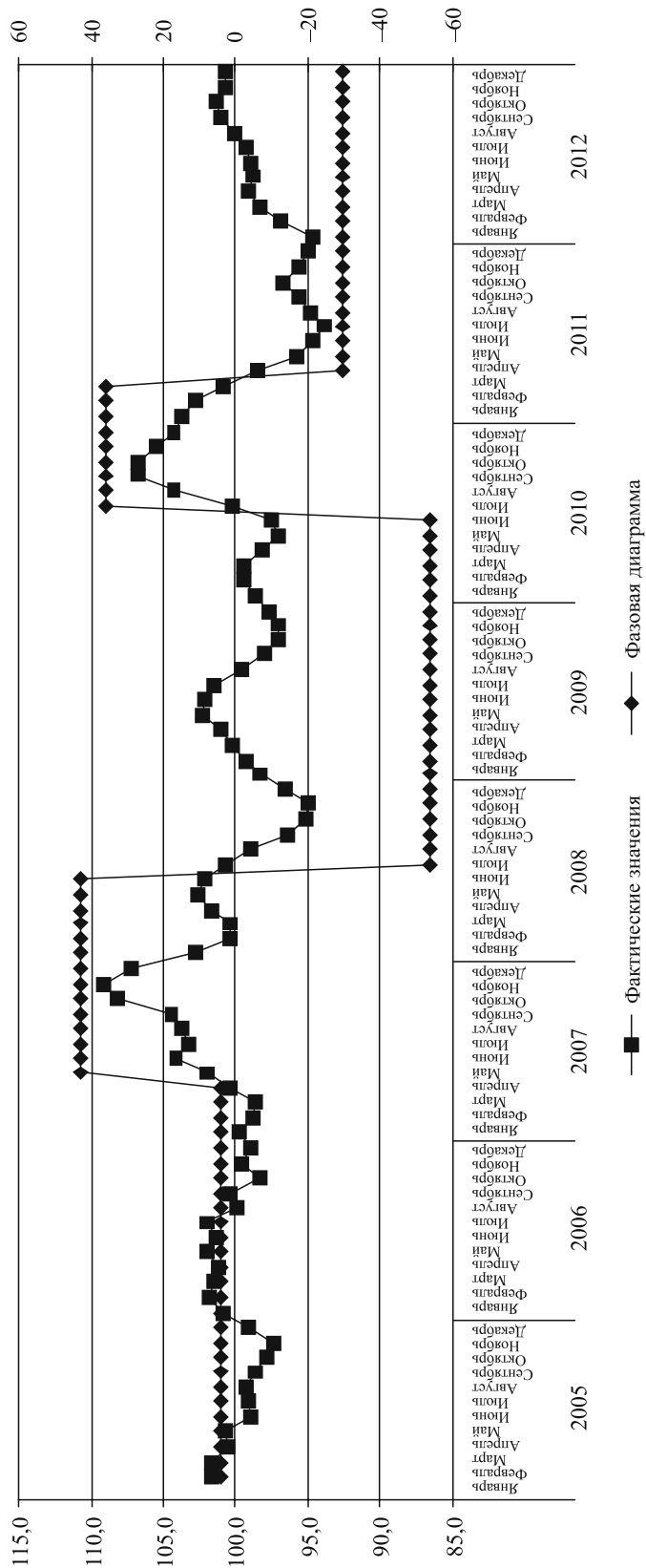


Рис. 11. Фазовая диаграмма временного ряда SOI краткосрочных циклов экономики Оренбургской области

Также на данном этапе исследования необходимо проанализировать устойчивость СОИ краткосрочных циклов экономики Оренбургской области. Для того чтобы провести более детальный анализ устойчивости, с помощью фазового анализа исходный ряд сводного индикатора был поделен на пять фаз (рис. 11).

Основная идея метода заключается в том, чтобы постепенно (итеративно) очищать ряд от маломощных колебаний, отождествляемых со случайными или второстепенными, конъюнктурными флуктуациями. В ходе такого процесса фильтрации производится сглаживание наименее мощных фаз, в результате чего соседние фазы объединяются в одну более крупную [9].

В результате реализации семи итераций фазового анализа временной ряд разбит на пять фаз:

- февраль 2005 г. – апрель 2007 г. (27 уровней);
- май 2007 г. – июнь 2008 г. (14 уровней);
- июль 2008 г. – июнь 2010 г. (24 уровня);
- июль 2010 г. – март 2011 г. (9 уровней);
- апрель 2011 г. – декабрь 2012 г. (21 уровень).

Показатели устойчивости на каждой фазе с учетом построенного тренда приведены в табл. 12.

Тенденция уровней в первой, второй и третьей фазе наилучшим образом описывается уравнением параболы третьего порядка, но расчет комплексного показателя устойчивости не может быть произведен, поскольку временные ряды недостаточно большие, соответственно мы не можем про-

Таблица 12

Показатели устойчивости СОИ краткосрочных циклов экономики Оренбургской области по выделенным фазам

Номер фазы	Уравнение тренда	R^2	$\bar{Y}$	СКО от тренда	Коэффициент колеблемости, %	Коэффициент устойчивости, %	Индекс коррекции	Комплексный показатель устойчивости
1	$Y = -0,0017 \cdot t^3 + 0,0718 \cdot t^2 - 0,814 \cdot t + 102,16$	0,251	99,9	1,293	1,29	98,71	0,413	–
	$Y = -0,0016 \cdot t^2 - 0,0227 \cdot t + 100,03$	0,202		1,413	1,41	98,59	0,142	1,524
2	$Y = 0,0211 \cdot t^3 + 0,5659 \cdot t^2 + 4,1099 \cdot t + 97,239$	0,484	104	2,17	2,09	97,91	0,696	–
	$Y = -0,0905 \cdot t^2 + 1,1583 \cdot t + 101,55$	0,328		2,37	2,29	97,71	0,573	–6,351
3	$Y = -0,001 \cdot t^3 + 0,0195 \cdot t^2 + 0,052 \cdot t + 97,56$	0,149	98,6	1,934	1,96	98,04	0,371	–
	$Y = -0,0166 \cdot t^2 + 0,4211 \cdot t + 96,711$	0,133		1,852	1,89	98,11	0,365	2,574
4	$Y = -0,3347 \cdot t^2 + 3,1583 \cdot t + 98,68$	0,814	104	1,094	1,05	98,95	0,902	33,64
5	$Y = 0,3211 \cdot t + 94,054$	0,689	97,6	1,339	1,37	98,63	0,8299	0,2397

вести сглаживание с помощью скользящей средней (база скольжения длинной не менее десяти уровней), поэтому тенденция уровней была описана параболой второго порядка.

Для сводного индикатора в первой фазе характерно сочетание, когда $c < 0$; $b_{sy(t)} < 0$; $2c < b_{sy(t)}$. Прирост уровней снижется быстрее, чем колебания, показатель устойчивости снижается, тип динамики неблагоприятный, хотя и не столь сильно [1].

Для сводного индикатора во второй, третьей и четвертой фазе характерно сочетание, когда $c < 0$; $b_{sy(t)} > 0$; $2c < b_{sy(t)}$. Это означает, что прирост уровней снижается, а колебания возрастают. Показатель устойчивости тенденции уменьшается и за счет знаменателя, устойчивость падает, это самый неблагоприятный тип динамики с точки зрения его устойчивости [1].

Для сводного индикатора в пятой фазе при $K = 0,2397$ вероятность того, что отклонение от тренда будет не больше прироста (по модулю), составляет $F(0,2397) \approx 0,595$. Вероятность того, что уровень СОИ краткосрочных циклов экономики Оренбургской области следующего месяца будет ниже, чем предыдущего, составит 20,3 %:

$$0,5 - F(t):2 = 0,5 - 0,2975 = 0,203.$$

В целом устойчивость колебаний на каждой фазе оценивается как высокая (коэффициент устойчивости более 97 %). Устойчивость снижается во второй фазе в предкризисный период, однако это снижение незначительно.

Заключение

В результате исследования индикаторов цикличности статистическими методами были обнаружены циклы в экономике Оренбургской области различной продолжительности. При построении качественных моделей использовались адаптивные методы, позволяющие строить самонастраивающиеся модели. Для каждого индикатора была построена модель с учетом вхождения тренда, наиболее адекватно описывающего изучаемый процесс. На основе метода спектрального анализа выявлена продолжительность циклов в описывающих индикаторах. Преобладающее большинство индикаторов описывают краткосрочные циклы продолжительностью до трех лет. Однако в ходе исследования были выявлены два индикатора, а именно индекс тарифов на грузовые перевозки и индекс ввода в действие жилых домов, которые сильно зависимы от влияния сезонов года. При исключении влияния сезонности продолжительность циклов не могла быть определена, поскольку охваченный период времени не позволил выявить долгосрочные колебания. Для более детального изучения данных процессов необходимо увеличить ряд наблюдений, что в рамках данного исследования не представлялось возможным.

Подразделение индикаторов цикличности по признаку синхронизации позволило сформировать систему опережающих индикаторов. Графический анализ сопоставления морфологической структуры тренд-циклической составляющей совпадающего индикатора, а именно индекса промышленного производства в Оренбургской области, и остальных индикаторов в период с января 2005 г. по декабрь 2012 г. позволил выявить инди-

каторы, реагирующие на изменение общеэкономической ситуации в области с некоторым опережением. Спады и подъемы показателей в кризисный и посткризисный период 2008–2010 гг. наилучшим образом подтверждает факт опережения совпадающего индикатора. Для обобщения предсказывающего эффекта опережающих индикаторов был построен сводный опережающий индикатор краткосрочных циклов экономики Оренбургской области, который, как было подтверждено расчетами, предопределяет развитие промышленного производства в Оренбургской области на шесть месяцев. Необходимым этапом анализа явилась проверка устойчивости полученных ранее результатов. На основе рассчитанных систем показателей была выявлена высокая устойчивость уровней преобладающего числа индикаторов. В результате расчета комплексных показателей на основе параболы первого, второго и третьего порядков для социально-экономических индикаторов была подтверждена устойчивость циклических уровней. При этом сила колебаний превышала имеющуюся во временном ряду тенденцию, что еще раз подтверждает успешность выбора индикаторов для характеристики циклических процессов в Оренбургской области. Используемая методика применялась впервые для изучения устойчивости индикаторов цикличности экономики Оренбургской области.

Важнейшим этапом анализа было выявление устойчивости отдельных периодов СОИ краткосрочных циклов. С помощью фазового анализа период исследования был разбит на пять фаз. Отдельное исследование устойчивости на каждой фазе с помощью комплексных показателей позволило выявить неблагоприятный тип динамики с точки зрения его устойчивости в период перед, во время и после кризиса, однако исследование в пятой фазе позволяет сделать вывод об устойчивости тенденции к преодолению последствий кризиса.

Полученные результаты являются важным этапом в статистическом исследовании динамики Оренбургской области. В частности, они могут стать отправной точкой для дальнейших разработок по анализу взаимосвязей делового цикла и траектории экономического роста в области.

Результаты проведенного исследования могут быть необходимы и для предприятий области. Поскольку хозяйственные циклы предприятий непосредственно формируют региональные циклы области, все экономико-политические решения в области вначале отражаются на деятельности предприятий, и только потом формируют конечные результаты развития региональной экономики. Соответственно, первоисточником циклических колебаний в области выступают предприятия. Учет спрогнозированных циклов на уровне экономики предприятиями позволит повысить результаты их деятельности, а, следовательно, смягчить неблагоприятные последствия на нижних точках экономического цикла.

Система применяемых методов может использоваться для статистического анализа циклов в экономике других регионов России. Конечно, только на основе системы индикаторов, формируемых с учетом особенностей данных регионов, поскольку, во-первых, каждый регион обладает своей индивидуальностью с учетом экономико-политических особенностей, а, во-вторых, особенности регионального хозяйства и геополитического положения влияют на степень реакции экономики на внешние изменения.

Литература

1. *Афанасьев В.Н.* Статистическое обеспечение проблемы устойчивости сельскохозяйственного производства. М.: Финансы и статистика, 1996. 320 с.
2. *Афанасьев В.Н., Лебедева Т.В.* Статистические методы прогнозирования в экономике: учеб.-метод. пособие. М.: Финансы и статистика, 2009. 180 с.
3. *Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М.* Анализ временных рядов и прогнозирование. М.: Финансы и статистика, 2010. 320 с.
4. *Боровиков В.П., Ивченко Г.И.* Прогнозирование в системе STATISTICA в среде Windows: основы теории и интенсивная практика на компьютере: учеб. пособие для вузов. М.: Финансы и статистика, 1999. 384 с.
5. *Зарова Е.В.* Статистические индикаторы краткосрочных экономических циклов в развитии региона: монография. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2010. 215 с.
6. *Ковалевский В.П., Шеврина Е.В., Афанасьева А.В., Афанасьев В.Н.* Формирование устойчивого агропродовольственного рынка в Российской Федерации: статистические исследования / под ред. проф. В.Н. Афанасьева. М.: Финансы и статистика, 2008. 288 с.
7. *Кузнецова В.Е.* Статистическое моделирование временных рядов с использованием классической сезонной декомпозиции (метод Census 1) ППП Statistica. Оренбург: ГОУ ВПО ОГУ, 2003. 33 с.
8. *Куранов Г.О.* Сезонность и цикличность как структурные факторы макроэкономической динамики // Вопросы статистики. 2012. № 4. С. 14–20.
9. *Лукашин Ю.П.* Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов: учеб. пособие для вузов. М.: Финансы и статистика, 2003. 416 с.
10. *Райская Н.Н., Сергиенко Я.В., Френкель А.А., Вовк О.А.* Статистическое исследование циклических колебаний развивающегося рынка на примере российской экономики // Вопросы статистики. 2008. № 10. С. 4–8.
11. *Смирнов С.* Система опережающих индикаторов для России // Вопросы экономики. 2003. № 2. С. 23–42.
12. *Теория статистики: учеб. для студентов экон. специальностей вузов / под ред. Г.Л. Громыко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 476 с.*

Bibliography

1. *Afanas'ev V.N.* Statisticheskoe obespechenie problemy ustojchivosti sel'skhozajstvennogo proizvodstva. M.: Finansy i statistika, 1996. 320 p.
2. *Afanas'ev V.N., Lebedeva T.V.* Statisticheskie metody prognozirovaniya v jekonomike: uchebno-metod. posobie. M.: Finansy i statistika, 2009. 180 p.
3. *Afanas'ev V.N., Juzbashev M.M.* Analiz vremennyh rjadov i prognozirovanie. M.: Finansy i statistika, 2010. 320 p.
4. *Borovikov V.P., Ivchenko G.I.* Prognozirovanie v sisteme STATISTICA v srede Windows: osnovy teorii i intensivnaja praktika na komp'jutere: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Finansy i statistika, 1999. 384 p.
5. *Zarova E.V.* Statisticheskie indikatory kratkosrochnyh jekonomicheskikh ciklov v razvitii regiona: monografija. Samara: Izd-vo Samar. gos. jekon. un-ta, 2010. 215 p.
6. *Kovalevskij V.P., Shevrina E.V., Afanas'eva A.V., Afanas'ev V.N.* Formirovanie ustojchivogo agroprodovol'stvennogo rynka v Rossijskoj Federacii: statisticheskie issledovaniya / pod red. prof. V.N. Afanas'eva. M.: Finansy i statistika, 2008. 288 p.
7. *Kuznecova V.E.* Statisticheskoe modelirovanie vremennyh rjadov s ispol'zovaniem klassicheskoy sezonnoj dekompozicii (metod Census 1) PPP Statistica. Orenburg: GOU VPO OGU, 2003. 33 p.
8. *Kuranov G.O.* Sezonnost' i ciklichnost' kak strukturnye faktory makrojekonomicheskoy dinamiki // Voprosy statistiki. 2012. № 4. P. 14–20.

9. *Lukashin Ju.P.* Adaptivnye metody kratkosrochnogo prognozirovaniya vremennyh rjadov: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Finansy i statistika, 2003. 416 p.
10. *Rajskaja N.N., Sergienko Ja.V., Frenkel' A.A., Vovk O.A.* Statisticheskoe issledovanie ciklicheskih kolebanij razvivajushhegosja rynka na primere rossijskoj jekonomiki // Voprosy statistiki. 2008. № 10. P. 4–8.
11. *Smirnov S.* Sistema operezhajushhih indikatorov dlja Rossii // Voprosy jekonomiki. 2003. № 2. P. 23–42.
12. Teorija statistiki: ucheb. dlja studentov jekon. special'nostej vuzov / pod red. G.L. Gromyko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2011. 476 p.

УДК 311.42

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАКУПОЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ****Т.Г. Храмцова**

Сибирский университет потребительской кооперации

E-mail: tanyhram@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические и методические аспекты статистического исследования закупочной деятельности потребительской кооперации: обосновано значение отрасли для хозяйственной деятельности кооперативных организаций, обеспечения занятости сельского населения. Представлены результаты статистического анализа закупочной деятельности региональных кооперативных организаций, показано, что определяющее значение для развития заготовительной деятельности потребительской кооперации имеют субъективные факторы.

Ключевые слова: потребительская кооперация, закупки сельскохозяйственной продукции, группировка, вариация, корреляционно-регрессионный анализ.

**STATISTICAL ASPECT OF INVESTIGATION OF PURCHASING
FUNCTION OF COOPERATIVE ORGANIZATIONS****T.G. Khramtsova**

Siberian University of Consumer Cooperation

E-mail: tanyhram@mail.ru

The article considers theoretical and methodical aspects of statistical investigation of purchasing function of cooperative organization: the industry value for economic activity and employment of rural sector is proved. The results of the statistical analysis of purchasing function of regional cooperative organizations are presented. It is demonstrated that subjective factors have key value for the development of procuring activities of cooperative organization.

Key words: consumer cooperation, purchasing of agricultural products, grouping, variation, correlation-regression analysis.

Важнейшей формой реализации функций потребительской кооперации как компонента сельской экономики является осуществление закупок сельскохозяйственной продукции и сырья. Значение этой традиционной для кооперативных организаций отрасли деятельности существенно возросло в рыночных условиях, так как неразрывно связано с решением проблем обеспечения занятости сельского населения, сбыта продукции сельских подворий, вовлечения ее в экономический оборот.

Заготовительная деятельность увеличивает товарные ресурсы продовольствия для покрытия оборота розничной торговли, общественного питания, реализации продуктов учреждениям социальной сферы, сырья для кооперативной промышленности. Эта отрасль призвана играть стимулирующую роль в функционировании единого комплекса «заготовки–производство–торговля». За счет ее интенсификации возникает также возможность создания новых рабочих мест на перерабатывающих предприятиях и в торговле. Конечным показателем заготовительно-производственно-торгового

комплекса выступает торговый оборот. С этих позиций значение заготовительной деятельности поднимается до уровня основной отрасли, выполняющей социальную миссию и играющей решающую экономическую роль.

Закупки сельскохозяйственной продукции у населения, ее переработка на кооперативных промышленных предприятиях и реализация через торговую сеть вносят несомненный вклад в обеспечение экономической доступности продовольственных товаров для сельского населения. Это обуславливает вклад потребительской кооперации в обеспечении региональной продовольственной безопасности.

Источниками сырьевых ресурсов для выполнения программы закупок служат не только личные подворья, сельскохозяйственные предприятия различных форм собственности, фермерские хозяйства, но также садоводческие и огороднические товарищества, находящиеся в зоне деятельности потребительского общества. Хотя последний ресурс потребительской кооперацией до сих пор не используется.

Закупочная деятельность кооперативных организаций включает также заготовку дикорастущих и лекарственно-технического сырья. Это создает возможность привлечения к этой деятельности различных категорий незазанятого сельского населения, в том числе социально незащищенных слоев: пенсионеров, домохозяек. Закупка ягод, грибов, орехов, папоротника также создает возможность расширения перерабатывающей деятельности потребительской кооперации с созданием дополнительных рабочих мест.

Хозяйственная деятельность кооперативных организаций обуславливает развитие интеграционных связей в системе сельской экономики, в первую очередь, с сельским подворьем на основе расширения масштабов закупок сельскохозяйственных продуктов и сырья. Увеличение объемов заготовок повышает заинтересованность сельского населения в увеличении производства сельскохозяйственной продукции в личных хозяйствах, стимулирует производство в фермерских (крестьянских) хозяйствах. Это обеспечивает самозанятость сельского населения, рост его денежных доходов и покупательной способности, что, в свою очередь, влечет за собой повышение объемов деятельности потребительской кооперации и создает базу увеличения налоговых поступлений от кооперативных организаций в бюджеты всех уровней. В отдаленных труднодоступных районах для части населения сдача излишков сельскохозяйственного производства домохозяйств, недревесной продукции леса, изделий народных промыслов и другой продукции индивидуальной трудовой деятельности организациям потребительской кооперации служит существенным источником поддержания уровня жизни части населения.

Для сельского населения важна надежность реализации, востребованности излишков сельскохозяйственной продукции их домашних хозяйств. Это повышает моральную удовлетворенность от самозанятости и предоставляет гарантии получения денежных доходов сельскими тружениками. С другой стороны, это способствует стабильности заготовительной деятельности. Взаимоотношения потребительской кооперации со сдатчиками сельскохозяйственной продукции должны строиться на твердой договорной основе, предусматривающей ответственность и обязательства обеих сторон [2].

Заготовительная деятельность требует соответствующих материальных, трудовых, финансовых ресурсов, организации сбыта продукции, оплаты труда заготовителей. При этом проблема сбыта сельскохозяйственной продукции является центральной в организации закупочной деятельности и ее решение должно во многом определять масштабы развития этой отрасли. Кроме того, для осуществления закупок немаловажное значение имеют объективные факторы: климатические особенности, хозяйственная направленность занятий населения в регионе, уровень развития сельскохозяйственного производства, ресурсы продукции заготовок и др. Поэтому возрастает актуальность оценки закупок в разрезе кооперативных организаций, исследования влияния факторов на основе статистических методов. В качестве исходной информации могут быть использованы данные региональных кооперативных организаций, входящих в состав Центросоюза Российской Федерации [1].

В исследовании закупочной деятельности потребительской кооперации применяется широкий арсенал статистических методов. Метод аналитических группировок позволяет выявить зависимость между объемом закупочной деятельности и рядом показателей, а значит оценить вклад заготовительной деятельности в формирование объемных и качественных показателей. Метод средних величин позволяет получить обобщающую характеристику уровня заготовительной деятельности, а изучение вариации показателей оценивает степень однородности кооперативных организаций по уровню развития этой отрасли. Корреляционно-регрессионный анализ дает возможность оценить тесноту связи, получить модель зависимости между показателями закупочной деятельности и другими показателями хозяйственной деятельности потребительской кооперации.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что показатели объема закупочной деятельности в разрезе региональных кооперативных организаций страны подвержены значительно большей вариации, чем другие объемные показатели. Если коэффициент вариации совокупного объема деятельности составил 83,4 %, а оборота розничной торговли – 88,7 %, то сумма закупок сельхозпродукции по отдельным потребсоюзам отклонялась от среднего значения в среднем на 91 %, а закупок от населения – на 96,5 % (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты вариации показателей деятельности союзов потребительских обществ РФ в 2011 г.

Показатели	Коэффициент вариации, %
Совокупный объем деятельности	83,4
Оборот розничной торговли	88,7
Сумма закупок сельскохозяйственной продукции	91,0
Закупки сельскохозяйственной продукции у населения	96,5
Численность работников потребительской кооперации	79,9
Сумма закупок на 1 работника	56,9
Сумма закупок у населения на 1 жителя	86,4
Доля закупок в совокупном объеме деятельности	60,2

Различия объемов закупочной деятельности обусловлены как объективными (в первую очередь, размером организации), так и субъективными факторами (организацией заготовок).

Значительно меньшей вариации подвержены показатели: объем закупок в расчете на одного работника (56,9 %), доля закупок в совокупном объеме деятельности (60,2 %). Эти показатели характеризуют интенсивность заготовок и в определенной степени нивелируют влияние фактора размера организации.

При рассмотрении закупок в качестве начальной стадии функционирования закупочно-производственно-торгового комплекса потребительской кооперации представляет интерес оценка их вклада в формирование конечных показателей хозяйственной деятельности. В системе причинно-следственных связей заготовки сельскохозяйственной продукции выступают факторным признаком. В качестве результативного признака следует использовать совокупный объем деятельности, который рассматривается как результат многоотраслевой хозяйственной деятельности и представляет объем реализованной продукции, работ, услуг. В качестве результативного показателя можно также использовать оборот розничной торговли, характеризующий участие системы потребительской кооперации в жизнеобеспечении сельского населения. Увеличение оборота розничной торговли означает укрепление ее конкурентных позиций на местных рынках, реализацию кооперативных преимуществ, выступает важнейшим резервом безубыточной работы.

Предполагаемую зависимость совокупного объема деятельности и оборота розничной торговли от суммы закупок подтверждают парные коэффициенты корреляции, составившие соответственно 0,81 и 0,79.

Регрессионный анализ этих зависимостей позволяет использовать коэффициенты регрессии в качестве норматива влияния закупочной деятельности на объемные результаты работы кооперативной организации. Уравнение регрессии, характеризующее зависимость совокупного объема деятельности от заготовительного оборота имеет вид:

$$Y_x = 247 + 7,93X.$$

Зависимость розничного оборота от закупок описывается уравнением:

$$Y_x = 164,1 + 6,08X.$$

Они показывают, что с увеличением закупок на 1 тыс. руб. совокупный объем деятельности потребсоюза увеличивается в среднем на 7,9 тыс. руб., а оборот розничной торговли – на 6,1 тыс. руб.

Однако анализ вариации заготовительного оборота показал крайнюю неоднородность совокупности потребсоюзов России по этому признаку, а значит недостаточную типичность среднего значения объема закупок и неадекватность коэффициентов регрессии, их слишком большую усредненность. Для формирования однородных групп потребсоюзов применена группировка кооперативных организаций по объему заготовительного оборота. Результаты группировки, представленные в табл. 2, показали наличие прямой зависимости между суммой закупок и совокупным объемом деятельности, между суммой закупок и оборотом розничной торговли.

Таблица 2

Группировка союзов потребительских обществ России по объему закупок сельскохозяйственной продукции

Группы организаций по объему закупок, млн руб.	Число организаций	В среднем на 1 потребсоюз, млн руб.			Закупки на 1 работника, тыс. руб.	Закупки у населения на 1 жителя, руб.	Удельный вес закупок в объеме деятельности, %
		совокупный объем деятельности	оборот розничной торговли	сумма закупок			
До 10	9	121,4	79,8	3,5	5,7	23,9	2,9
10–40	12	465,0	337,3	25,1	9,9	53,5	5,4
40–100	27	801,1	545,7	68,0	14,4	82,9	8,5
100–200	20	1683,8	1114,3	142,1	17,6	107,0	8,4
Свыше 200	7	2738,5	1881,2	285,9	22,3	152,5	10,4
Итого	75	1082,0	732,7	93,5	16,9	100,1	8,6

Статистическая группировка позволила выделить 5 групп кооперативных организаций по объему заготовительного оборота:

- организации с чрезвычайно низким объемом закупок (3,5 млн руб. в среднем на один союз потребительских обществ);
- организации с малым объемом закупок (в среднем 25,1 млн руб.);
- организации со средним объемом закупок (68 млн руб. в среднем на потребсоюз);
- крупные организации (от 100 до 200 млн руб. или 142,1 млн руб. в среднем на организацию);
- крупнейшие – гиганты закупок сельскохозяйственной продукции (свыше 200 млн руб. или 285,9 млн руб. в среднем на потребсоюз).

Различия между группами значительны: если совокупный объем деятельности, розничный оборот в потребсоюзах последней группы превосходят показатели первой группы в 23 раза, то сумма закупок – в 82 раза.

Для исключения объективного влияния фактора размера организации рассчитаны относительные показатели интенсивности заготовительной деятельности: заготовительный оборот на одного работника потребительской кооперации, заготовительный оборот на одного жителя. Если в организациях с малым объемом закупочной деятельности заготовительный оборот на одного работника составил до 10 тыс. руб. (в первой группе 5,7 тыс. руб., во второй – 9,9), то в средних потребсоюзах – 14,4 тыс. руб., в крупных – 17,6 и в крупнейших – 22,3 тыс. руб. Интенсивность закупочной деятельности различалась между первой и пятой группами в 4 раза. Если рассчитать закупки от населения в расчете на одного жителя, то видно, что различия между группами более значительны: средние доходы на одного жителя от сдачи сельскохозяйственной продукции организациям потребительской кооперации в зоне обслуживания крупнейших потребсоюзов (пятой группы) в 6,4 раза превосходили аналогичный показатель первой группы, почти в 3 раза – показатель второй группы и в 1,8 раза – среднюю сумму закупок на душу населения в средней группе потребсоюзов.

Это означает, что в организациях с малым объемом закупок интенсивность заготовительной деятельности низкая, предоставление населению возможностей для реализации продукции сельских подворий недостаточ-

ная. В первую группу вошли потребсоюзы, находящиеся в неблагоприятных природно-климатических условиях, закупочная деятельность которых затруднена по объективным причинам, отдаленные потребсоюзы, а также потребсоюзы со слабым потенциалом закупочной деятельности: Магаданский, Сахалинский, Камчатский, Приморский рыболовпотребсоюз, Красноярский северпотребсоюз, а также Республика Алтай, Хакаский, Калмыцкий.

Напротив, последнюю группу составили потребсоюзы с мощным потенциалом: Алтайский, Башкирский, Нижегородский, Саратовский, Ростовский, Татарский и Якутский.

Таким образом, группировка потребсоюзов по объему закупок, принятая в исследовании, изначально строилась как аналитическая. Решив задачу установления взаимосвязи между показателями, предложенная группировка позволила выявить качественно однородные группы организаций, для каждой из которых свойственны свои закономерности и особенности развития, т.е. типы потребсоюзов по объему закупочной деятельности. Данную группировку правомерно трактовать как типологическую, позволяющую реализовать дифференцированный подход к оценке деятельности потребсоюзов в зависимости от принадлежности к определенному типу кооперативных организаций по уровню организации закупочной деятельности.

Существенные различия показателей закупочной деятельности между отдельными группами потребсоюзов подтверждают некорректность использования коэффициента регрессии, рассчитанного для всей совокупности потребсоюзов (7,93) в качестве статистического норматива увеличения совокупного объема деятельности в зависимости от роста суммы закупок сельскохозяйственных продуктов. Коэффициенты регрессии показывают степень влияния заготовок на общий объем деятельности при фиксированном положении (на среднем уровне) других факторов. Они должны быть дифференцированы для каждой группы потребсоюзов, так как накопление количественных изменений диалектически порождает новое качество. Для этого получены групповые регрессионные уравнения, параметры которых дают более обоснованную оценку влияния заготовительной отрасли на объемы деятельности и представлены в табл. 3.

Таблица 3

Групповые модели зависимости совокупного объема деятельности кооперативных организаций от объема закупок сельскохозяйственной продукции

Группы организаций по объему закупок, млн руб.	Уравнения связи
До 10	$Y_x = 47,25 + 20,12X$
10–40	$Y_x = 13,50 + 16,96X$
40–100	$Y_x = 561,77 + 2,52X$
100–200	$Y_x = 180,99 + 8,75X$
Свыше 200	$Y_x = 1266,8 + 4,15X$
Итого	$Y_x = 247 + 7,93X$

Сравнение групповых коэффициентов регрессии показывает, что интенсивность обусловленности изменения совокупного объема деятельности организаций потребительской кооперации от увеличения объема закупок дифференцирована в зависимости от масштабов заготовительной деятельности. Так, в крупных организациях с ростом закупок на 1 млн руб. совокупный объем увеличивается на 8,75 млн руб., в крупнейших – на 4,15 млн руб. В мелких организациях абсолютное изменение более значительно: 16,96 млн руб. во второй группе потребсоюзов и 20,12 млн руб. в потребсоюзах с ничтожными объемами закупок. То есть в кооперативных организациях этих групп заложены существенные резервы наращивания совокупного объема деятельности на основе развития отрасли закупок сельскохозяйственных продуктов.

Однако наименее существенно влияние закупок на конечный объемный показатель деятельности в третьей группе потребсоюзов с суммой закупок от 40 до 100 млн руб., для которой с увеличением закупок на 1 млн руб. совокупный объем деятельности возрастает лишь на 2,52 млн руб.

Оценку этого влияния в относительном выражении дают частные коэффициенты эластичности (табл. 4).

Таблица 4

Параметры оценки степени влияния суммы закупок сельскохозяйственной продукции на совокупный объем деятельности кооперативной организации

Группы организаций по объему закупок, млн руб.	Коэффициенты регрессии	Коэффициенты эластичности	β -коэффициенты
До 10	20,12	0,58	0,74
10–40	16,96	0,91	0,81
40–100	2,52	0,21	0,06
100–200	8,75	0,74	0,41
Свыше 200	4,15	0,43	0,44
Итого	7,93	0,69	–

В относительном выражении наиболее значимо влияние фактора заготовительной деятельности проявилось среди организаций второй и четвертой групп: с ростом закупок на 1 % совокупный объем их деятельности возрастает на 0,91 и 0,74 % соответственно. Менее существенно изменение результативного показателя от объема закупок наблюдается в первой и пятой группах. Незначительно связан объем деятельности с заготовками в потребсоюзах, входящих в третью группу (значение коэффициента эластичности 0,21).

Однако коэффициенты эластичности не учитывают степень вариации показателей по группам. Поэтому для сравнительной оценки значимости влияния заготовительного оборота на объем деятельности по группам потребсоюзов рассчитаны β -коэффициенты, измеряющие воздействие факторного признака на результативный по группам потребсоюзов с учетом различий в степени их колеблемости. Значения β -коэффициентов позволяют отметить, что по силе влияния закупок сельхозпродуктов на совокуп-

ный объем деятельности группы потребсоюзов ранжированы следующим образом: наибольшая степень влияния отмечена во второй и третьей группах; менее заметное влияние – в пятой и четвертой группах; самое слабое – в третьей группе.

Таким образом, исследование зависимости совокупного объема деятельности от заготовительного оборота позволило в предложенной группировке союзов потребительских обществ России установить неординарное положение потребсоюзов третьей группы с объемом закупок от 40 до 100 млн руб. В отличие от остальных групп, для потребсоюзов которых отмечено наличие изучаемой зависимости, в группе средних потребсоюзов заготовительная отрасль не оказывает значительного влияния на конечный объемный показатель хозяйственной деятельности. Эта группа является наиболее многочисленной и включает 27 потребсоюзов, причем она достаточно однородна по объему закупок: объем закупок в отдельных потребсоюзах отклонялся от среднего значения по группе в среднем всего на 12,8 %. Тогда как вариация совокупного объема деятельности достигла 45,4 %. Значительно большая вариация результативного показателя позволяет сделать предположение о том, что примерно одинаковые стартовые условия по значению заготовительного оборота были по-разному использованы в различных потребсоюзах, выгоды организации закупочной деятельности не реализованы в достаточной степени всеми кооперативными организациями.

В части потребсоюзов третьей группы не реализованы преимущества заготовительного оборота как стимулирующей отрасли всего заготовительно-производственно-торгового комплекса. Коэффициент корреляции, рассчитанный между оборотом розничной торговли и суммой закупок, показал отсутствие связи между ними: его значение составило 0,05. Это позволяет предполагать, что организация закупок сельхозпродукции у населения не ведет к росту розничного оборота, т.е. население, получив доходы от сдачи продукции потребительской кооперации, не реализует их в кооперативной сети розничных торговых предприятий. Это означает неиспользование конкурентных преимуществ потребительской кооперации в результате, очевидно, недостаточного уровня торгового обслуживания населения.

Однако саму закупочную деятельность потребительской кооперации также можно рассматривать как результат влияния различных факторов.

Следует предположить наличие объективных факторов, влияющих на масштабы заготовительной деятельности (несопоставимы, например, условия для закупок в Краснодарском крае и на Камчатке). Потребительская кооперация обслуживает в основном сельское население. Эта часть населения выступает одним из субъектов экономических отношений, складывающихся в сфере деятельности потребительской кооперации, связанных с реализацией сельскохозяйственной продукции организациям потребительской кооперации и составляющих сущность заготовительного оборота. Поэтому правомерно предположить, что развитие закупочной деятельности тесно связано с численностью сельского населения в регионе, его долей в общей численности населения, так как хозяйственная направленность региона непосредственно отражается на составе населения. В более высокоурбанизированных регионах объективно существуют худшие возможности

для ведения закупочной деятельности организациями потребительской кооперации. В связи с таким предположением проведена группировка регионов по удельному весу сельского населения в общей численности (табл. 5).

Таблица 5

Группировка регионов России по удельному весу сельского населения

Группы регионов по удельному весу сельского населения, %	Число регионов	В среднем на один потребсоюз, млн руб.		Закупки на 1 работника, тыс. руб.	Закупки у населения на 1 жителя, руб.
		совокупный объем деятельности	закупки сельхозпродукции		
До 15	6	565,0	34,9	13,0	65,2
15–20	8	867,9	85,4	21,5	92,9
20–30	21	1304,2	96,5	14,9	99,7
30–40	24	1266,3	124,9	19,1	133,9
40–50	11	1097,2	86,2	14,2	68,3
Более 50	5	193,3	29,9	22,3	62,3
Итого	75	1082,0	93,5	16,9	100,1

Повышение удельного веса сельских жителей вызывало неоднозначное изменение объема деятельности, в том числе заготовительной, в организациях потребительской кооперации. Наибольшие объемы деятельности потребительской кооперации сложились в регионах с удельным весом сельского населения от 20 до 40 % (1284 млн руб. в среднем на 1 потребсоюз). На уровне среднего значения они составили в регионах с долей сельчан от 40 до 50 %. Ниже среднего значения – в регионах с высоким уровнем урбанизации, где доля сельского населения не превышала 20 %, и это объяснимо. Низкие показатели совокупного объема деятельности и закупок сельскохозяйственной продукции характерны для последней группы регионов с удельным весом сельского населения свыше 50 %. В нее вошли Дагестанский, Карачаево-Черкесский, Ингушский, Калмыцкий, Тывинский потребсоюзы, масштабы деятельности потребительской кооперации в которых незначительны.

Интенсивность закупочной деятельности, характеризуемая объемом закупок в расчете на одного работника, как видно из представленной группировки, не зависит от удельного веса сельского населения. В то же время сумма закупок в расчете на одного жителя с повышением доли сельского населения в первых четырех группах растет (с 65,2 до 133,9 руб.) в соответствии с ростом заготовительного оборота, затем падает. В регионах с удельным весом сельских жителей свыше 40 % сложились несоответствующие ему показатели закупочной деятельности.

Таким образом, как показали результаты исследования, объективные факторы, такие как численность сельского населения, его доля в численности всего населения региона, уровень сельскохозяйственного производства не являются определяющими в развитии заготовительной деятельности потребительской кооперации. Определяющее значение имеют субъективные факторы, формирующие уровень организации закупочной деятельности в кооперативных организациях.

Литература

1. Российский статистический ежегодник, 2011. М.: Росстат РФ, 2012. 786 с.
2. *Храмцова Т.Г., Копайгора А.В.* Социальная деятельность потребительской кооперации: содержание и оценка. Новосибирск: СибУПК, 2007. 148 с.
3. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за январь-декабрь 2011 года. URL: <http://www.sibupk.nsk.su/statisticheskie-izdaniya>

Bibliography

1. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik, 2011. M.: Rosstat RF, 2012. 786 p.
2. *Hramcova T.G., Kopajgora A.V.* Social'naja dejatel'nost' potrebitel'skoj kooperacii: soderzhanie i ocenka. Novosibirsk: SibUPK, 2007. 148 p.
3. Osnovnye pokazateli social'no-jekonomicheskoy dejatel'nosti potrebitel'skoj kooperacii Rossii za janvar'-dekabr' 2011 goda. URL: <http://www.sibupk.nsk.su/statisticheskie-izdaniya>

УДК 311:63

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А.П. Авров, Г.К. Сабырова

Казахский экономический университет им. Тураара Рыскулова

E-mail: andreyavrov@mail.ru

В статье обсуждаются опыт, проблемы и результаты статистических исследований урожайности зерновых культур в Республике Казахстан за последние 20 лет; определены тенденции и закономерности синхронности колеблемости урожайности основных культур; выполнена типология субъектов республики по климатическим условиям; проведена историческая периодизация состояния и динамики урожайности в разрезе групп областей региона; в качестве информационной базы исследования использованы данные государственной статистической службы; определены особенности вариации урожайности по годам, областям и типам регионов; сделаны выводы и обобщения.

Ключевые слова: урожайность, тенденции, колеблемость, синхронность, вариация, корреляция.

REGIONAL SPECIFIC FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE KEY FACTORS FOR AGRICULTURAL INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A.P. Avrov, G.K. Sabyrova

Kazakh Economic University named after Ryskulov

E-mail: andreyavrov@mail.ru

The work gives consideration to experience, challenges and findings of statistic researches of crops yield in the Republic of Kazakhstan over the last twenty years; in the work trends and patterns of variability simultaneity of main crops yield are defined; subjects of the republic are classified according to climatic conditions; historical dating back is conducted to the yield condition and dynamics according to the groups of the region parts; information basis of the research is made up of data from state statistics service; specific features of yield variation are pointed out according to the year, sphere and region type.

Key words: yield, trend, variability, simultaneity, variation, correlation.

Постановка задачи. Сельскохозяйственные угодья Казахстана расположены в зоне рискованного земледелия. Характерными ее особенностями являются малое количество осадков, особенно в период вегетации, и значительное их различие в отдельные годы. Поэтому большой теоретический и практический интерес представляет анализ колеблемости урожайности в отдельные годы по республике в целом и в разрезе отдельных областей.

Важно знать, имеет ли место совпадение колеблемостей, связанных как с урожайными, так и неурожайными годами между областями, т.е. насколько в целом масштабе республики имеет место распространенность особенностей погодных условий.

Исследование проводилось в следующих направлениях:

- анализ динамики средней урожайности по республике в разрезе отдельных пятилетий;
- анализ колеблемости урожайности в разрезе областей в пределах отдельного года;
- анализ колеблемости урожайности в пределах отдельных областей за определенный период.

Исследование тенденций и колеблемости. Анализ урожайности проводился по зерновым культурам, на которые приходится подавляющая часть продукции растениеводства Казахстана.

Одним из методов изучения тенденции в сельском хозяйстве является использование данных за отдельные пятилетия [4, 5] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика средней урожайности в Республике Казахстан в отдельные пятилетия

Показатель	Пятилетие					
	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.	1991–1995 гг.	1995–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.
Урожайность, ц/га	10,8	12,7	9,34	10,1	13,4	13,0
Коэффициенты вариации урожайности, %	27,6	20,3	44,9	37,6	19,5	29,8

Анализ данных табл. 1 показывает наличие разных периодов в развитии урожайности в Республике Казахстан:

- перестройка во второй половине 1980-х гг. обеспечила рост средней урожайности по республике на 1,9 ц/га;
- переход к рынку, распад колхозов и совхозов болезненно сказался на развитии сельского хозяйства, только после 2001 г. средняя урожайность превысила уровень 1981–1985 гг.;
- четко проявляется закономерность в пятилетиях, когда наблюдается более высокая урожайность и относительная колеблемость урожайности в разрезе областей (коэффициент вариации уменьшается). Так, наивысшие его значения наблюдались в 1991–1995 гг., а более благоприятные условия в следующем пятилетии позволили снизить его до 37,6 %. Рост средней урожайности в 2000 г. привел к значительному снижению коэффициента вариации, но и в этот период проявлялась та же закономерность: чем выше средняя урожайность за пятилетия, тем ниже значение коэффициента вариации.

Проанализируем динамику урожайности и ее колеблемость в разрезе областей (табл. 2).

Наивысшая урожайность во всех пятилетиях наблюдалась в Кызылординской области. Это связано с тем, что основная часть посевов приходится на выращивание риса на поливных землях, что обеспечивает ее устойчивость, так как в меньшей степени влияют погодные условия. Колеблемость урожайности в отдельные годы связана в основном в подаче воды и соблюдении агротехнических условий. Но и в этой области наблюдался спад урожайности с 1991 до 2005 г.

Таблица 2
Динамика средней урожайности и ее колеблемость в РК за 1981–2010 гг.

Название области	Пятилетие												Итого	
	1981–1985 гг.		1986–1990 гг.		1991–1995 гг.		1996–2000 гг.		2001–2005 гг.		2006–2010 гг.			
	Урож., ц/га	К-т вариации	Урож., ц/га	К-т вариации	Урож., ц/га	К-т вариации	Урож., ц/га	К-т вариации	Урож., ц/га	К-т вариации	Урож., ц/га	К-т вариации	Урож., ц/га	К-т вариации
Акмолинская	9,0	18,2	11,1	20,2	8,8	44,4	13,5	50,3	9,0	16,4	9,0	26,5	9,0	29,3
Актюбинская	6,0	39,2	6,9	25,0	6,5	59,0	11,7	57,0	6,4	22,1	5,6	45,0	6,2	41,2
Алматинская	11,7	7,3	15,2	16,6	10,0	31,2	6,8	20,6	20,4	10,8	21,3	14,7	15,2	16,9
Восточно-Казахстанская	9,78	14,3	10,2	11,3	7,4	30,7	12,4	39,9	12,8	18,3	10,3	36,4	9,9	25,1
Жамбылская	8,4	33,8	15,9	20,4	12,1	27,6	3,5	17,0	17,9	17,2	14,7	40,5	13,3	26,1
Западно-Казахстанская	7,12	50,1	7,3	35,9	5,1	68,5	12,6	79,4	7,6	35,0	7,5	48,0	6,5	52,8
Карагандинская	5,06	45,8	7,3	18,9	5,1	57,6	6,9	43,7	7,3	20,7	6,5	23,3	6,2	35,0
Кызылординская	35,94	2,7	34,0	5,1	23,2	30,5	15,3	14,9	29,7	6,9	32,5	10,4	30,3	11,8
Кустанайская	8,6	20,4	9,6	17,8	7,9	51,4	16,6	44,1	10,6	15,4	11,7	24,8	9,6	29,0
Павлодарская	4,2	44,0	6,3	24,5	4,4	23,5	0,7	18,4	7,9	38,6	7,5	49,8	5,8	33,2
Северо-Казахстанская	11,02	33,5	12,0	30,5	7,9	78,3	7,6	26,3	11,2	16,4	13,2	16,8	11,0	33,6
Южно-Казахстанская	12,66	22,3	16,9	17,5	13,5	35,6	35,8	39,8	19,9	16,5	16,4	21,8	15,7	25,6
Итого	10,8	27,6	12,7	20,3	9,3	44,9	10,2	37,6	13,4	19,5	13,0	29,8	11,6	30,0

Следующие по урожайности идут области, на которые приходится более высокая доля осадков, имеется возможность выращивания озимых зерновых культур, а также наличие поливных земель: Алматинская – 15,2, Жамбылская – 13,3 и Южно-Казахстанская – 15,7. В этих областях наблюдается более низкая колеблемость урожайности. Спад урожайности в 1990-х гг. по сравнению с другими областями был менее значителен.

В следующую группу областей по размеру урожайности входят целинные области: Акмолинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская, в которых средняя урожайность колеблется в пределах 9–11 ц/га, а коэффициент вариации в пределах 25–34 %.

В этой группе также наблюдалось в 1990-х гг. снижение урожайности, после 2000 г. наблюдается довольно устойчивый рост урожайности.

К областям с низкой урожайностью относятся Актюбинская, Западно-Казахстанская, Карагандинская и Павлодарская, соответственно за весь рассматриваемый период средняя урожайность составила 6,2; 6,5; 6,2; 5,8 ц/га. В этих областях наблюдалась наивысшая колеблемость урожайности, наибольшее значение коэффициента вариации наблюдалось в Карагандинской области – 52,8 %, а наименьшее в Павлодарской – 33,2 %. В этой группе практически не наблюдалась тенденция роста урожайности в 2000-х гг. и соответственно не имело место значительное снижение в 1990-х гг.

В целом по республике наблюдалась закономерность с ростом средней урожайности к пятилетиям, происходит уменьшение колеблемости урожайности.

Рост урожайности и снижение колеблемости в определенной мере происходит в результате уменьшения посевов в области, смены благоприятных условий возделывания зерновых культур.

Исследование взаимосвязей колебательных процессов урожайности зерновых. Особенностью казахстанского земледелия является то, что благоприятные и неблагоприятные погодные условия в отдельные годы распространяются на большие территории. Поэтому важно проанализировать корреляцию между колебаниями урожайности, которые имеют место между отдельными областями.

Расчеты коэффициентов корреляции проводились в разрезе следующих временных интервалов: 1990–1995 гг., 1996–2000 гг., 2001–2005 гг., 2006–2010 гг. [1, 2, 6] (табл. 3).

Высокое значение коэффициентов корреляции наблюдается между приростами урожайности в целинных областях (Актюбинская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Кустанайская и Северо-Казахстанская). Коэффициенты корреляции между ними превышают 0,9. Меньшие значения имеют коэффициенты корреляции между приростами урожайности следующих областей: Западно-Казахстанская, Карагандинская, Кустанайская, Павлодарская. Здесь коэффициенты корреляции лежат в пределах 0,5–0,8. Особое место занимала Кызылординская область, коэффициенты корреляции имели маленькое значение по абсолютной величине и в большинстве случаев – отрицательное значение. Это связано, как отмечалось ранее, с меньшей колеблемостью урожайности в этой области, так как большая часть посевов проводилась на поливных землях.

Таблица 3

**Коэффициенты корреляции между приростами урожайности зерновых
в разрезе пятилетий**

Области, годы	Значения коэффициентов корреляции								
	Целинные			Южные			Восточные		
	Сред.	Макс.	Мин.	Сред.	Макс.	Мин.	Сред.	Макс.	Мин.
Целинные									
1991–1995	0,905	0,996	0,667	0,333	0,965	–0,524	0,568	0,975	0,138
1996–2000	0,706	0,913	0,192	0,241	0,839	–0,407	0,220	0,993	–0,615
2001–2005	0,637	0,942	0,212	–0,107	0,596	–0,759	–0,008	0,540	–0,864
2006–2010	0,391	0,915	–0,813	–0,06	0,859	–0,813	0,361	0,972	–0,777
Южные									
1991–1995	0,333	0,965	–0,524	0,539	0,947	–0,211	0,599	0,960	0,204
1996–2000	0,241	0,839	–0,407	0,539	0,738	0,043	–0,261	0,458	–0,558
2001–2005	–0,107	0,596	–0,759	0,368	0,997	–0,035	0,268	0,629	–0,546
2006–2010	–0,06	0,859	–0,813	0,425	0,982	0,205	0,602	0,994	–0,398
Восточные									
1991–1995	0,568	0,975	0,138	0,599	0,960	0,204	0,884	0,987	0,812
1996–2000	0,220	0,993	–0,615	–0,261	0,458	–0,558	–0,028	0,381	–0,467
2001–2005	–0,008	0,540	–0,864	0,268	0,629	–0,546	0,691	0,818	0,494
2006–2010	0,361	0,972	–0,777	0,602	0,994	–0,398	0,577	0,950	0,775

В южных областях (Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская) коэффициенты корреляции, характеризующие взаимосвязи между приростами урожайности, лежали в пределах от –0,10 до 0,965. Высокое значение коэффициента корреляции наблюдалось между приростами урожайности Жамбылской и Алматинской областей (0,947).

Менее тесная положительная связь наблюдалась в отношении Южно-Казахстанской области. Коэффициенты корреляции соответственно с Алматинской, Жамбылской, Кызылординской областями имели значение 0,450, 0,656, 0,503.

Особенностью Восточно-Казахстанской области являлось сравнительно низкое значение коэффициентов корреляции. В отношении Акмолинской, Актюбинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской областей, коэффициенты корреляции соответственно равны 0,318, 0,138, 0,266, 0,214. Довольно высокие значения коэффициентов корреляции между приростами урожайности в этой области и приростами урожайности в Алматинской, Жамбылской, Южно-Казахстанской (0,687, 0,723, 0,607). Как покажет дальнейший анализ, имела место долговременная тенденция. Много общего наблюдалось в значениях коэффициентов корреляции Павлодарской и Карагандинской областей, близко к 1 значение коэффициента корреляции (0,987) между приростами урожайности в этих областях. Довольно высокие значения коэффициентов корреляции имели место между приростами урожайности следующих областей: Акмолинская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская.

Рассмотрим взаимосвязи, присущие временному отрезку 1996–2000 гг., в котором наблюдался рост урожайности и снижение колеблемости урожайности в отдельные годы.

Анализ взаимосвязи приростов урожайности между целинными областями (Актюбинская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Кустанайская и Северо-Казахстанская) в этом временном промежутке показал существенные изменения. Как правило, снизилось их значение. Если максимальное значение коэффициентов корреляции (0,997) имело место между Кустанайской и Акмолинской областями, то в этом периоде оно снизилось до 0,913, между Акмолинской и Актюбинской областями с 0,941 до 0,965, между Кустанайской и Актюбинской областями 0,951 и 0,587, между Северо-Казахстанской и Акмолинской областями 0,977 и 0,913, между Северо-Казахстанской и Актюбинской 0,916 и 0,852.

Несколько увеличилось значение коэффициентов корреляции в Северо-Казахстанской области с Кустанайской с 0,966 до 0,993.

В отношении южных областей произошли изменения как в сторону повышения значений коэффициентов корреляции, так и их снижения.

Между Жамбылской и Алматинской произошло снижение с 0,947 до 0,679. Низкое отрицательное значение коэффициента корреляции между Кызылординской и Алматинской областями –0,211 сменилось положительным значением 0,510.

Практически осталось на прежнем уровне значение коэффициентов корреляции между Кызылординской и Южно-Казахстанской областями, 0,656 и 0,609 соответственно. Практически отсутствовала закономерность между приростами урожайности в Южно-Казахстанской и Алматинской областях 0,043, тогда как в предыдущем периоде коэффициент корреляции был равен 0,460. Наоборот имело место повышение между Жамбылской и Южно-Казахстанской областями с 0,656 до 0,738.

Отмеченные выше низкие положительные значения между приростами урожайности в Восточно-Казахстанской области и приростами в Акмолинской, Актюбинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской областях сменились в большинстве случаев отрицательными значениями, соответственно 0,318 и –0,372, 0,138 и –0,400, 0,266 и –0,543, 0,214 и –0,616. Это связано, на наш взгляд, с тем, что если в других областях наблюдалась тенденция роста урожайности, то в Восточно-Казахстанской области она практически осталась на прежнем уровне.

В следующем пятилетии 2001–2005 гг. в целом положительная синхронность между приростами урожайности в целинных областях (Актюбинская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Кустанайская и Северо-Казахстанская) усилилась. Отрицательных коэффициентов корреляции не было. Снижение значений коэффициентов корреляции имело место между Актюбинской и Акмолинской областями, Кустанайской и Актюбинской, Северо-Казахстанской и Актюбинской, Северо-Казахстанской и Кустанайской. Значительно уменьшился коэффициент корреляции (с 0,590 до 0,546), характеризующий синхронность изменения приростов урожайности между Северо-Казахстанской и Кустанайской областями.

В южных областях (Алматинской, Жамбылской, Кызылординской, Южно-Казахстанской) практически отсутствовало близкое к нулю значе-

ние коэффициентов корреляции. Между Кызылординской и Алматинской, Кызылординской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областями коэффициент корреляции несколько повысился (с 0,09 до 0,183).

Низкое значение коэффициентов корреляции между Кызылординской и другими южными областями связано с широким использованием поливного земледелия, которое позволяет в значительной степени избежать влияния колебаний погодных условий.

В абсолютной величине в этом пятилетии коэффициенты корреляции были меньше, чем в предыдущем. Это связано с повышением средней урожайности с 26,23 до 29,68 ц/га и снижением колеблемости коэффициентов вариации с 14,9 до 6,7 %.

Между Алматинской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областями наблюдались высокие положительные значения коэффициентов корреляции. Они были выше по сравнению с предыдущим пятилетием.

Если в предшествующем пятилетии между Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской областями часто наблюдалась отрицательная корреляция особенно в отношении Восточно-Казахстанской, то в этом пятилетии с таким знаком коэффициентов корреляции не было, практически равная нулю корреляция имела место между Восточно-Казахстанской и Актюбинской областью 0,05.

В отношении других коэффициентов корреляции между этими областями наблюдался, как правило, рост, величина их выше 0,700 и свыше 0,9. Сравнительно низкие значения коэффициентов корреляции наблюдались между Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Актюбинской областями.

В значениях коэффициентов корреляции между южными областями (Алматинской, Жамбылской, Кызылординской, Южно-Казахстанской) и остальными существенных различий не произошло. Между ними, как и в предыдущем пятилетии, часто встречаются отрицательные коэффициенты корреляции, а положительные не превышают среднюю по силе связь.

Пятилетие 2006–2010 гг. по средней урожайности в республике практически не отличалось от предыдущего. Несколько выше было значение среднеквадратического отклонения, 19,5 и 29,8 %.

Выводы. Важную роль в производстве зерна играют целинные области (Актыбинская, Акмолинская, Западно-Казахстанская, Кустанайская и Северо-Казахстанская) соответственно и синхронность в колеблемости урожайности во многом определяет колеблемость в валовом сборе зерна.

В целом существенных изменений в значениях коэффициентов корреляции, характеризующих синхронность прироста урожайности, не произошло по сравнению с предыдущим пятилетием.

Литература

1. Авров А.П. К оценке устойчивости двухфакторных зависимостей // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 156–170.
2. Авров А.П. К оценке устойчивости корреляционно-регрессионных характеристик парной прямолинейной зависимости // Экономика и статистика. Научно-информационный журнал. Астана, 2008. № 2. С. 2–14.

3. Венецкий И.Г., Венецкая В.И. Основные математико-статистические понятия и формулы в экономическом анализе. М.: Статистика, 1979. 447 с.
4. Глинский В.В., Ионин В.Г. Статистический анализ: учеб. пособие / 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. 241 с.
5. Глинский В.В. Типология экономического развития современной России на основе методов периодизации макроэкономических процессов // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. № 318. С. 160–165.
6. Глинский В.В., Серга Л.К. Статистика XXI века. Вектор развития // Вестник НГУЭУ. 2011. № 1. С. 108–118.
7. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики: учебник / под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2000. 480 с.

Bibliography

1. Avrov A.P. K ocenke ustojchivosti dvuhfaktornyh zavisimostej // Vestnik NGUJeU. 2010. № 1. P. 156–170.
2. Avrov A.P. K ocenke ustojchivosti korreljacionno-regressionnyh harakteristik parnoj prjamolinejnoj zavisimosti // Jekonomika i statistika. Nauchno-informacionnyj zhurnal. Astana, 2008. № 2. P. 2–14.
3. Veneckij I.G., Veneckaja VI. Osnovnye matematiko-statisticheskie ponjatija i formuly v jekonomicheskom analize. M.: Statistika, 1979. 447 p.
4. Glinskij V.V., Ionin V.G. Statisticheskij analiz: ucheb. posobie / 3-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M; Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie, 2002. 241 p.
5. Glinskij V.V. Tipologija jekonomicheskogo razvitija sovremennoj Rossii na osnove metodov periodizacii makrojekonomicheskikh processov // Vestnik Tom. gos. un-ta. 2009. № 318. P. 160–165.
6. Glinskij V.V., Serga L.K. Statistika XXI veka. Vektor razvitija // Vestnik NGUJeU. 2011. № 1. P. 108–118.
7. Eliseeva I.I., Juzbashev M.M. Obshhaja teorija statistiki: uchebnik / pod red. I.I. Eliseevoy. M.: Finansy i statistika, 2000. 480 p.

УДК 311.2

ПРИМЕНЕНИЕ ВЫБОРОЧНОГО МЕТОДА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.С. Шмарихина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: Stat2004@inbox.ru

В докладе обосновывается применение выборки в социально-экономических исследованиях. Рассматривается сущность прямой и обратной задачи выборочного метода, определяются термины, приводятся формулы расчета средней и предельной ошибки выборочной средней величины и доли. При решении обратной задачи выборки указывается важность поправки на конечность совокупности в социально-экономических исследованиях. Обсуждается порядок расчета численности выборки и оценка необходимых для этого показателей при подготовке выборочного обследования. Отмечается необходимость пересчета коэффициента доверия при обработке собранных данных для уточнения доверительной вероятности, с которой результаты выборочного наблюдения распространяются на генеральную совокупность.

Апробируется решение обратной задачи выборочного метода в рамках обследования населения Новосибирской области на тему: «Социальная поддержка населения: необходимость и направления помощи», проведенного ООО «Институт прикладной статистики и стратегического анализа». «Ремонт» выборки из-за ее смещения по возрасту респондентов увеличил фактическую численность до 460 чел. Значения пересчитанных коэффициентов доверия по признакам, заложенным при определении численности выборки, подтверждают высокую достоверность информации о генеральной совокупности.

Ключевые слова: бесповторный отбор, выборочный метод, генеральная совокупность, коэффициент доверия, повторный отбор, предельная ошибка выборки, средняя ошибка выборки, численность выборки.

APPLICATION OF SAMPLING METHOD IN THE SOCIO-ECONOMIC STUDY

E.S. Shmarikhina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: Stat2004@inbox.ru

In the report some aspects of quality of statistical information are outlined. Sampling in social-economic researches is given ground to. The essence of direct and return problem of selection method is considered, terms are specified, formulas of calculation of an average and limit error of a sample average and a share are given. The importance of correction for finitude of population in social and economic researches when solving return problem of sampling is indicated. The procedure of payments of sampling number and assessment of indicators necessary for this purpose at preparation of sampling are discussed. The work points out the need for recalculation of coefficient of trust when processing collected data for specification of confidential probability with results of sampling extending on main population. Solution of return problem of sampling method is approved within research of population of the Novosibirsk region – Social support of population: the need for help and directions of support. «Repair» of sampling because of its shift on the age of respondents increased the actual number to 460 people. Values of the recounted coefficients of trust ac-

cording to the features which were based upon at determination of the sampling number confirm high reliability of information on population.

Key words: sampling method, population, quality of statistical information, coefficient of trust, limiting error of sampling, average sampling error, number of sampling.

В системе российской государственной статистики наряду со сплошной переписью хозяйствующих субъектов и населения практикуются и их выборочные обследования, проводимые в межпереписной период. Кроме того, различные социологические службы, центры, институты занимаются изучением мнения населения с использованием выборки. Применение выборочного наблюдения обусловлено, прежде всего, особенностями развития социально-экономических явлений и процессов, состоящими в сложности, динамичности и подверженности сильному влиянию субъективного фактора в отличие от фактов природы, что делает их в большей степени неопределенными. Поэтому в социально-экономических исследованиях повторные измерения одного и того же объекта практически невозможны. Кроме того, наличие научно обоснованной теоретической базы и экономия временных, финансовых и трудовых ресурсов по сравнению со сплошными наблюдениями обеспечивают привлекательность выборочного метода для исследователей. Но в выборочной информации возможно возникновение большего числа ошибок по сравнению со сплошным учетом.

Согласно теории выборочного метода измеряются только случайные ошибки репрезентативности. Прямая задача выборочного метода «состоит в использовании данных о составе генеральной совокупности для вероятностного суждения о предполагаемом составе различных выборок» [2, с. 3] (рис. 1).

Параметром выборки (статистикой) называют показатель, вычисленный на основе данных выборки. Статистика является случайной величиной, так как выборка сформирована случайным отбором. Параметр генеральной совокупности (параметр) – это показатель, вычисленный для всей генеральной совокупности. Параметр является фиксированным числом, так как при его вычислении отсутствует случайность.

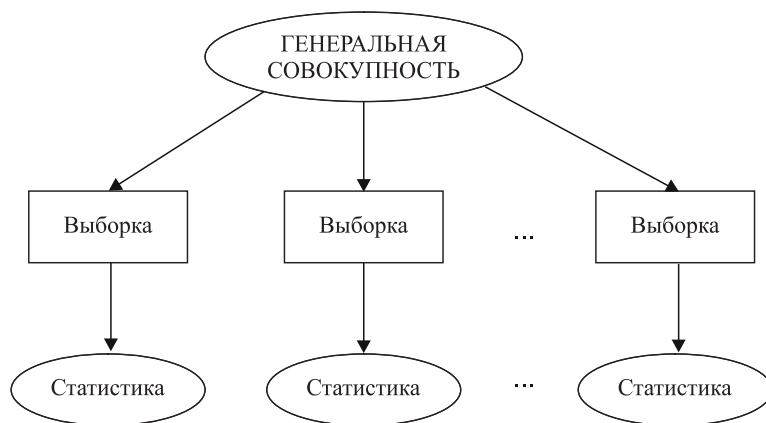


Рис. 1. Прямая задача выборочного метода

По данным многократного извлечения выборки из генеральной совокупности можно построить выборочное распределение статистики [8, с. 319–334], которое близко нормальному распределению даже тогда, когда распределение объектов в генеральной совокупности не является таковым. Этот результат называют центральной предельной теоремой, который упрощает статистический вывод. Вычисления производятся по формулам (1), (2) и (3). По выборочному распределению может быть рассчитана средняя квадратическая ошибка репрезентативности:

$$s = \sqrt{\frac{\sum \varepsilon_i^2 f_i}{\sum f_i}}, \quad (1)$$

где ε_i^2 – квадрат ошибки репрезентативности для i -й выборки; f_i – число выборок с одинаковым значением выборочной средней величины (доли).

Среднее квадратическое отклонение выборочных средних величин от генеральной средней называется средней ошибкой выборочной средней величины и рассчитывается по формуле

$$s_{\bar{x}} = \sqrt{\frac{\sum (\bar{x}_i - \mu)^2 f_i}{\sum f_i}}, \quad (2)$$

где $\bar{x}_i$ – средняя величина в i -й выборке; μ – генеральная средняя величина.

Тогда найдем среднюю ошибку выборочной доли

$$\sigma_{\bar{x}} = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}, \quad (3)$$

где p_i – доля в i -й выборке; π – генеральная доля.

В социально-экономических исследованиях из генеральной совокупности извлекается одна выборка и решается обратная задача выборочного метода – вынесение суждения о генеральной совокупности по составу выборки (рис. 2).

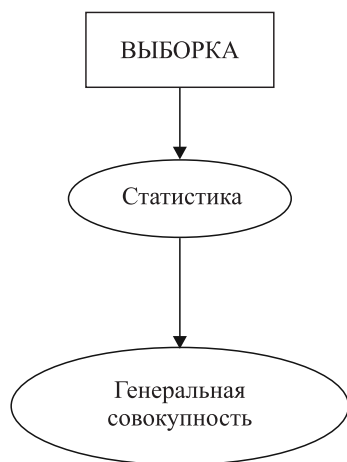


Рис. 2. Обратная задача выборочного метода

При решении этой задачи статистика становится известной величиной, параметр – неизвестной. При достаточно большой численности выборки статистики выступают в качестве оценок генеральных параметров. Большинство часто используемых оценок ($\bar{x}$, s^2 , p) являются несмещенными или почти несмещенными (s). Средняя ошибка является оценкой среднего квадратического отклонения выборочного распределения статистики (4), в расчетах средних ошибок применяются формулы (5) и (6).

Из центральной предельной теоремы известно среднее квадратическое отклонение выборки

$$\sigma_{\bar{x}} = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}, \quad (4)$$

тогда средняя ошибка выборочной средней величины

$$s_{\bar{x}} = \frac{s}{\sqrt{n}}. \quad (5)$$

Исходя из тех же рассуждений, средняя ошибка выборочной доли

$$s_p = \sqrt{\frac{p(1-p)}{n}}. \quad (6)$$

Когда объем генеральной совокупности настолько мал, что выборка составляет большую ее часть, среднюю ошибку можно уменьшить, введя в формулу поправку для конечной генеральной совокупности $\sqrt{(N-n)/N}$ [6, с. 363]. Эта процедура вызвана тем, что при отсутствии возврата отобранных единиц в генеральную совокупность ограничивается возможность выбора и тем самым нарушается случайность процесса выборки, что может увеличить ошибку репрезентативности. В социально-экономических исследованиях поправка на конечность совокупности становится актуальной, так как выборка обычно формируется из конечных основ, представляющих собой перечень единиц наблюдения. Поправка на конечность совокупности, или корректирующий множитель, табулирована следующим образом:

$$\sqrt{\frac{N-n}{N-1}} \approx \sqrt{\frac{N-n}{N}} = \sqrt{1 - \frac{n}{N}} = \sqrt{1-f}, \quad (7)$$

где $f = n/N$ – доля отбора» [2, с. 269]; n – численность выборочной совокупности; N – численность генеральной совокупности.

Формулы расчета средней ошибки репрезентативности дополняются указанным множителем (7) при бесповторном отборе.

На величину случайной ошибки репрезентативности влияет численность выборочной совокупности – чем она больше, тем меньше ошибка. Формулы расчета численности выборки выводятся из формул предельных ошибок и имеют следующий вид:

– при повторном отборе:

$$n = \frac{t^2 \sigma^2}{\Delta^2}, \quad (8)$$

– при бесповторном отборе:

$$n = \frac{t^2 \sigma^2 N}{t^2 \sigma^2 + \Delta^2 N}. \quad (9)$$

Особенности применения указанных формул обусловлены тем, что численность выборки рассчитывается при подготовке выборочного наблюдения (и статистического исследования в целом), когда нет данных даже о выборочной совокупности.

При любом методе отбора (бесповторный, повторный) планируемой выборки расчет ее численности начинается по формуле повторного отбора (8). В этой формуле Δ – предельная ошибка репрезентативности, которая

задается, исходя из требуемой точности результатов выборки. Предельная и средняя ошибки связаны между собой равенством:

– предельная ошибка выборочной средней величины:

$$\Delta_{\bar{x}} = t \cdot s_{\bar{x}}, \quad (10)$$

– предельная ошибка выборочной доли:

$$\Delta_p = t \cdot s_p. \quad (11)$$

Величина предельной ошибки выборочной доли (11) берется равной 5 % традиционно [3, с. 114; 4, с. 84]. Величина предельной ошибки выборочной средней величины (10) задается в абсолютных единицах измерения или переводится в относительную величину путем деления ошибки в абсолютных единицах измерения на среднее значение признака, вариацию которого репрезентирует выборка. Тогда в формулах расчета численности выборки (8), (9) вместо дисперсии подставляется квадрат коэффициента вариации [5, с. 154].

В формулах (8) и (9) t – табличная величина, соответствующая заданной доверительной вероятности $F(t)$, с которой будут гарантированы оценки параметров генеральной совокупности по данным выборочного наблюдения, так называемый коэффициент доверия. Согласно теории выборочного метода коэффициент доверия t является нормированным отклонением и рассчитывается как отношение ошибки конкретной выборки к средней квадратической ошибке репрезентативности. При решении обратной задачи выборочного метода коэффициент доверия t выражается следующим образом:

– для выборочной средней величины:

$$t = \frac{\bar{x} - \mu}{s_{\bar{x}}}, \quad (12)$$

– для выборочной доли:

$$t = \frac{p - \pi}{s_p}. \quad (13)$$

Когда $n \geq 30$ по таблице значений интеграла вероятностей Лапласа–Гаусса, зная нормированное отклонение t , можно определить вероятность или на основе заданной вероятности установить величину t . Когда $n < 30$, следует находить $F(t)$ по таблицам распределения Стьюдента. В t -критерии Стьюдента вероятность зависит от числа степеней свободы, которое равно числу единиц n за вычетом числа закрепленных параметров, например, вариация около средней имеет $n - 1$ степени свободы, парная корреляция имеет $n - 2$ степени свободы [1, с. 115–116].

В формулах расчета численности выборки (8) и (9) требуется значение генеральной дисперсии (σ^2), которая неизвестна при подготовке обследования, поэтому существуют следующие способы ее оценки [5]:

1) результаты прошлых исследований той же совокупности, если ее структура и условия развития достаточно стабильны;

2) исходя из примерного значения средней величины, дисперсию находят из соотношения: $\sigma \approx \frac{1}{3} \bar{x}$;

- 3) исходя из минимального и максимального значений признака:
- если распределение признака подчиняется закону нормального распределения: $\sigma = \frac{1}{6}(x_{\max} - x_{\min})$;
 - если распределение признака асимметричное: $\sigma \approx \frac{1}{5}(x_{\max} - x_{\min})$;
- 4) для относительной величины принимают максимальную величину дисперсии, равную 0,25.

Если в результате расчета численности выборки по формуле повторного отбора (8) доля отбора превысит 0,05, то проводят расчет вторично по формуле бесповторного отбора (9), которая дает минимальный объем планируемой выборки. В ходе выборочного обследования численность выборки может меняться, поэтому по окончании, рассчитав среднюю ошибку выборочной статистики, следует пересчитать коэффициент доверия t по формуле $t = \Delta/s$. Таким образом, уточняется доверительная вероятность, с которой результаты выборочного наблюдения распространяются на генеральную совокупность.

Решение обратной задачи выборочного метода осуществляется при апробации методики расчета итоговой оценки качества [7, с. 68–69] выборочного обследования населения Новосибирской области на тему: «Социальная поддержка населения: необходимость и направления помощи», проведенного ООО «Институт прикладной статистики и стратегического анализа» в сентябре–октябре 2009 г.

Генеральную совокупность представляют все слои населения Новосибирской области без учета детей в дорабочем возрасте, численность, которой на начало 2009 г. составила 2234815 человек. При подготовке обследования была собрана информация о составе и структуре генеральной совокупности (табл. 1–3).

Таблица 1

Состав и структура населения Новосибирской области по полу на начало 2009 г.

Показатель	Все население	В том числе:	
		Мужчины	Женщины
Численность населения, чел.	2639857	1214454	1425403
Структура населения, %	100,0	46,0	54,0

Таблица 2

Состав и структура населения Новосибирской области по возрасту на начало 2009 г.

Показатель	Численность населения, чел.	Структура населения, %
Все население, в том числе:	2639857	100,0
моложе трудоспособного возраста	405042	15,4
в трудоспособном возрасте	1671520	63,3
старше трудоспособного возраста	563295	21,3

Таблица 3

Состав и структура населения Новосибирской области по муниципальным образованиям на начало 2009 г.

Показатель	Численность населения, чел.	Структура населения, %
Все население, в том числе:	2639857	100,0
Городские округа	1592442	60,3
Муниципальные районы	1047415	39,7

Объем выборки рассчитывался по формуле повторного отбора (8), многократно – по полу, возрасту и месту поселения. Значение ошибки выборки бралось традиционно, равное 0,05, задавалась вероятность, с которой результаты выборки будут распространяться на генеральную совокупность, 0,95.

Расчет численности выборки производился по указанным признакам:

– пол

$$n_1 = \frac{1,96^2 \cdot 0,46(1 - 0,46)}{0,05^2} = 382 \text{ чел.};$$

– возраст

$$n_2 = \frac{1,96^2 \cdot 0,154(1 - 0,154)}{0,05^2} = 200 \text{ чел.};$$

– место поселения

$$n_3 = \frac{1,96^2 \cdot 0,603(1 - 0,603)}{0,05^2} = 368 \text{ чел.}$$

Дисперсия первого признака дала наибольший объем выборки, который оказался равным 382 чел., что составило 0,02 % от генеральной совокупности. Процент отбора оказался меньше 5, поэтому численность выборки по формуле бесповторного отбора (9) не пересчитывалась.

По завершении опроса в структуре выборочной совокупности было обнаружено смещение по возрасту респондентов. Поэтому был произведен «ремонт» выборки методом «взвешивания» вручную (табл. 4).

Таблица 4

Распределение населения по возрасту выборочного обследования населения Новосибирской области «Социальная поддержка населения: необходимость и направления помощи»

Показатель	Население в трудоспособном возрасте	Население старше трудоспособного возраста	Всего
Планируемая выборка, чел.	286	96	382
Структура планируемой выборки, %	74,8	25,2	100,0
Фактическая выборка, чел.	266	116	382
Структура фактической выборки, %	69,6	30,4	100,0
«Ремонт» методом взвешивания, чел.	344	116	460

Необходимый «ремонт» выборки увеличил ее фактическую численность до 460 чел. Коэффициент доверия был пересчитан и опрошенная выборка населения Новосибирской области репрезентирует генеральную совокупность по признакам, которые закладывались при расчете численности выборочной совокупности:

- по полу с вероятностью 0,9684;
- по возрасту – 0,9970;
- по месту поселения – 0,9715.

Таким образом, увеличение объема выборки повысило достоверность информации о генеральной совокупности.

На основании репрезентативной выборки можно рассчитать простые оценки параметров генеральной совокупности, которые приведены в табл. 5.

Таблица 5

Простая оценка параметров по результатам выборочного обследования населения Новосибирской области «Социальная поддержка населения: необходимость и направления помощи» с вероятностью 0,95

Параметр	Точечная оценка	Интервальная оценка	
		Нижний предел	Верхний предел
1. Доля населения, нуждающегося в социальной помощи	0,482	0,436	0,528
2. Численность населения, нуждающегося в социальной помощи, чел.	1077181	974379	1179982
3. Доля населения, получившего отказ в социальной помощи	0,438	0,393	0,483
4. Численность населения, получившего отказ в социальной помощи, чел.	978849	878282	1079416
5. Доля населения, получающего социальную помощь в настоящее время	0,376	0,332	0,420
6. Численность населения, получающего социальную помощь в настоящее время, чел.	840290	741959	938622
7. Доля населения, неудовлетворенного получаемой социальной помощью	0,173	0,138	0,208
8. Численность населения, неудовлетворенного получаемой социальной помощью, чел.	386623	308404	464842

Таким образом, применение выборочного метода в социально-экономических исследованиях сводится к решению его обратной задачи, что позволяет по результатам обследования выборки получать информацию о генеральной совокупности и управлять ее достоверностью.

Литература

1. *Васильева Э.К., Юзбашев М.М.* Выборочный метод в социально-экономической статистике: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2010. 256 с.
2. *Венецкий И.Г., Венецкая В.И.* Основные математико-статистические понятия и формулы в экономическом анализе: справочник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статистика, 1979. 447 с.

3. Глинский В.В., Ионин В.Г. Статистический анализ: учеб. пособие / 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. 241 с.
4. Давыдов А.А. Объем выборки // Социологические исследования. 1988. № 6. С. 83–89.
5. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики: учебник для вузов / под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 1995. 368 с.
6. Сигел Э.Ф. Практическая бизнес-статистика / пер. с англ. М.: Вильямс, 2004. 1056 с.
7. Шмарихина Е.С. Итоговая оценка качества выборочного обследования // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 61–71.
8. Эренберг А. Анализ и интерпретация статистических данных / пер. с англ. Б.И. Клименко; под ред. и с предисл. А.А. Рывкина. М.: Финансы и статистика, 1981. 406 с.

Bibliography

1. Vasil'eva Je.K., Juzbashev M.M. Vyborochnyj metod v social'no-jekonomicheskoy statistike: ucheb. posobie. M.: Finansy i statistika; INFRA-M, 2010. 256 p.
2. Veneckij I.G., Veneckaja V.I. Osnovnye matematiko-statisticheskie ponjatija i formuly v jekonomicheskom analize: spravochnik / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statistika, 1979. 447 p.
3. Glinskij V.V., Ionin V.G. Statisticheskij analiz: ucheb. Posobie / 3-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M; Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie, 2002. 241 p.
4. Davydov A.A. Ob#jom vyborki // Sociologicheskie issledovanija. 1988. № 6. P. 83–89.
5. Eliseeva I.I., Juzbashev M.M. Obshhaja teorija statistiki: uchebnik dlja vuzov / pod red. I.I. Eliseevoj. M.: Finansy i statistika, 1995. 368 p.
6. Sigel Je.F. Prakticheskaja biznes-statistika / per. s angl. M.: Vil'jams, 2004. 1056 p.
7. Shmarihina E.S. Itogovaja ocenka kachestva vyborochnogo obsledovanija // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 61–71.
8. Jerenberg A. Analiz i interpretacija statisticheskikh dannyh / per. s angl. B.I. Klimenko; pod red. i s predisl. A.A. Ryvkina. M.: Finansy i statistika, 1981. 406 p.

УДК 311

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В РЕШЕНИИ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Е.Ю. Чемезова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: stat@nsuem.ru

В статье представлена авторская методика выделения однородных типов территориальных образований. Обсуждаются вопросы предварительной наметки типов, формирования массива информативных признаков, построения интегральных показателей, особенности применения алгоритмов типологической группировки и портфельного анализа в прикладных исследованиях развития территориальных образований, возможности использования матриц портфельного анализа для группировки территориальных образований. Обобщены результаты прикладных исследований в области социально-экономического районирования. Для разработки стратегии развития территориальных образований предложена методика выделения отраслевых «точек роста», основанная на построении матрицы портфельного анализа «Привлекательность региона (района) – конкурентоспособность» и установлена внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований. Представлена комплексная типология территориальных образований на уровне страны, а также регионов Сибирского федерального округа, муниципальных образований Новосибирской области. Полученные результаты могут быть использованы для принятия решений по реструктуризации экономики, по политике и структурной реформе в отдельных группах регионов, по идентификации социально депрессивных регионов и развитию их экономики.

Ключевые слова: дифференциация, интегральный показатель, однородность, многомерная средняя, муниципальные образования, портфельный анализ, типология, точки роста.

STATISTICAL METHODS IN THE SOLUTION OF THE APPLIED PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF TERRITORY

E.Yu. Chemezova

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: stat@nsuem.ru

The author presents his own identification methods of the similar types of territorial units in the report. He deals with the preliminary consideration of the types, formation of informative signs and integral indices, specifics in the application of algorithms of typological group and portfolio analysis in the applied research of the development of territorial units, analysis for the groups of territorial units. The results of applied research in the region of social and economic division into districts are generalized. The paper also describes the methods of identification of sectoral «growth point» to work out the territorial units development strategy, based on the development of the matrix of portfolio analysis «The attractiveness of the region – competitiveness» and identifies the intra-regional differentiation of municipal districts. It demonstrates the comprehensive typology of territorial units in the country, and also in the regions of Siberian federal territory, municipal districts in the Novosibirsk Oblast. The findings can be used for decision making in the restructuring of

the economy in some regions, in the identification of economically depressed regions with the purpose of their economic and social development.

Key words: differentiation, integral index, uniformity, multidimensional average, municipal districts, portfolio analysis, typology, growth point.

Эффективное управление территориальным образованием реализуется на основе корректного статистического анализа состояния, потенциала и уровня развития данной территории. В условиях возрастающей дифференциации развития территориальных образований важным аспектом является исследование их однородности, выделение однокачественных групп территорий, поиск точек роста.

Для выделения однородных типов территориальных образований на рис. 1 представлена авторская методика процедуры районирования.

Предварительная наметка типов является результатом формулирования цели предстоящей группировки. Намечаются типы территориальных образований, которые теоретически возможны, могут существовать в общей совокупности территориальных единиц. Предварительная наметка возможных типов производится на основе качественного теоретического анализа, который дает априорную (разведочную) оценку территориальным образованиям по имеющейся информации и позволяет составить самое общее представление о совокупности, отбросить заведомо ложные гипотезы и дать направление последующему углубленному анализу. Поэтому исследователь (аналитик) фактически выступает мини-экспертом в предметной области для формулирования адекватных оценок (п. 1 алгоритма).

Исходное множество признаков, характеризующих территориальные единицы, формируется на основе данных, опубликованных в статистических сборниках Федеральной службы государственной статистики, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, научных периодических журналах, официальных сайтах территориальных образований. На основе признаков формируется матрица «территория–признак», состоящая из показателей, характеризующих комплексное развитие территории (п. 2.1, 2.2 алгоритма). Особенностью данной матрицы показателей является: несопоставимость по единицам измерения и разнонаправленность их влияния на уровень развития территории. Такие недостатки элиминируются следующим образом: разнонаправленность влияния исключается путем замены знака на противоположный по тем признакам, которые отрицательно (негативно) влияют на уровень развития территории, (например, это показатели смертности, заболеваемости и т.д.); чтобы уйти от разных единиц измерения, проводится процедура стандартизации (либо нормирования) показателей (п. 3.1, 3.2 алгоритма). Для практической реализации данной процедуры эффективно и оперативно использовать пакет прикладных программ, например, STATISTICA 8.0.

Дальнейшая обработка массива данных реализуется на основе факторного анализа, (п. 4 алгоритма), в ходе которого выделяются общие факторы, содержащие наиболее информативные признаки (с максимальными значениями факторных нагрузок). Факторы представляют собой неявные (скрытые) признаки и группируют первичные показатели.

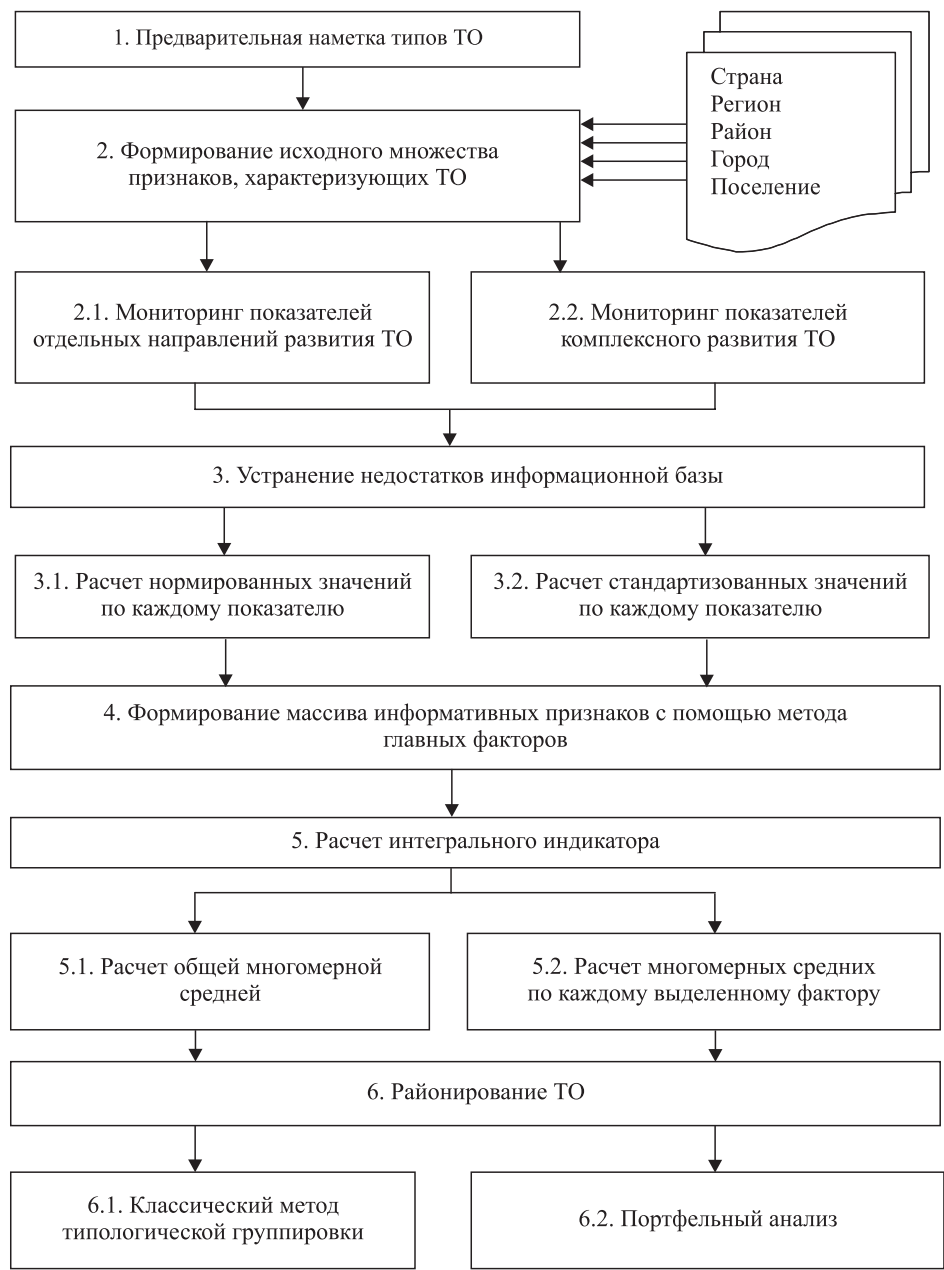


Рис. 1. Методика процедуры районирования территориальных образований

После того, как факторы построены, исследование может проводиться в двух направлениях (п. 5.1, 5.2 алгоритма). Для реализации типологической группировки по намеченным типам необходимо рассчитать общую многомерную среднюю по показателям, выделенным по всем факторам. На основе полученной многомерной средней строятся интервалы и формируются группы, соответствующие числу намеченных типов, после чего производится распределение территориальных единиц по группам (п. 6 алгоритма).

Для выявления потенциальных региональных точек роста эффективнее применить портфельный анализ территориальных единиц, для чего может проводиться расчет интегральных параметров с помощью многомерной средней по каждому имеющемуся фактору.

Предложенная методика дает возможность интегрировать такие сильные стороны совокупностной и вариационной концепций при решении конкретной задачи типологии, как качественная однородность (совокупностный подход) и максимальный охват признакового пространства (вариационный подход).

В результате предложенного районирования строится таблица распределения территориальных единиц по уровню социально-экономического развития, либо графическая модель портфеля территориальных единиц.

Построение матриц портфельного анализа может проводиться как самостоятельно (в случае, если совокупность объектов позволяет быть удобной для визуализации), так и после проведения типологической группировки, направленной на анализ каждой полученной группы (типа) или конкретной группы, интересующей исследователя.

Таким образом, группировка, проведенная по предложенному алгоритму исследования, имеет преимущества:

- в основе группировки используется не один признак, а целая система признаков, всесторонне характеризующих объект;
- признаковое пространство доведено до наиболее информативного вида с помощью инструментов факторного анализа, в результате чего отбираются наиболее существенные из них;
- типологическая группировка не исключает наличие пустых типов в отличие от кластерного анализа и позволяет выделить аномальные (сильно отличающиеся от большинства) единицы совокупности;
- на основе матриц портфельного анализа определяются «точки роста» в социально-экономическом развитии территории.

Применение алгоритмов типологической группировки и портфельного анализа в прикладных исследованиях развития территориальных образований, возможности использования матриц портфельного анализа для группировки территориальных образований находят отражение в ряде прикладных исследований. В данном направлении было проведено множество работ, среди которых группировки таких территориальных образований, как субъекты РФ на уровне страны, субъекты федеральных округов, муниципальные районы в пределах региона, сельские поселения в пределах муниципального района.

Комплексная типология муниципальных образований Новосибирской области на основе расчета многомерной средней. Применение классического метода типологической группировки можно проиллюстрировать на примере типологизации муниципальных районов Новосибирской области и сельских поселений одного из данных районов.

В ходе исследования однородности социально-экономических процессов на уровне муниципальных районов были намечены следующие возможные типы регионов по уровню социально-экономического развития:

- районы с низким уровнем развития;
- районы с уровнем развития ниже среднего;

- районы со средним уровнем развития;
- районы с уровнем развития выше среднего;
- районы с высоким уровнем развития.

Были отобраны показатели, отражающие социально-экономическое развитие по 30 муниципальным районам Новосибирской области за 2009 г.: численность населения на 1 января, чел.; количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей; оборот предприятий и организаций, тыс. руб.; отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по основным видам экономической деятельности, тыс. руб.; отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по «чистым» видам деятельности: «растениеводство», «животноводство», «растениеводство в сочетании с животноводством (смешанное сельское хозяйство)» по крупным и средним сельскохозяйственным предприятиям, тыс. руб.; число личных подсобных хозяйств; посевные площади на 1 июня 2009 г. в сельхозпредприятиях, га; наличие скота; производство мяса, т; валовый надой молока, т; инвестиции в основной капитал, тыс. руб.; оборот розничной торговли, тыс. руб.; оборот общественного питания, тыс. руб.; грузооборот автомобильного транспорта, т. км; объем платных услуг населению, тыс. руб.; выручка (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг, млн руб.

Для определения интегрального параметра (многомерной средней) были также использованы инструменты факторного анализа. Исходные показатели были приведены к стандартизованному виду. Далее по ним проведен факторный анализ с помощью пакета прикладных программ STATISTICA 8.0. В результате факторного анализа были отобраны наиболее существенные признаки, по которым была рассчитана многомерная средняя и проведена типологическая группировка (табл. 1).

Таблица 1

Многомерная средняя ($\bar{P}$) по социально-экономическим показателям 2009 г., выделенным в ходе факторного анализа

Район	$\bar{P}$	Район	$\bar{P}$	Район	$\bar{P}$
Баганский	–0,086	Коченевский	0,682	Северный	–0,420
Барабинский	0,205	Кочковский	–0,100	Сузунский	0,141
Болотнинский	–0,499	Краснозерский	0,339	Татарский	0,169
Венгеровский	–0,122	Куйбышевский	0,222	Тогучинский	0,529
Доволенский	–0,380	Купинский	0,028	Убинский	–0,699
Здвинский	–0,408	Кыштовский	–0,858	Усть–Таркский	–0,367
Искитимский	1,054	Маслянинский	–0,385	Чановский	–0,425
Карасукский	0,666	Мошковский	–0,550	Черепановский	0,244
Каргатский	–0,384	Новосибирский	2,572	Чистоозерный	–0,493
Колыванский	–0,474	Ордынский	0,284	Чулымский	–0,484

Чтобы распределить субъекты на группы, необходимо найти величину интервала (для заданных групп) на основе максимального и минимального значений многомерной средней:

$$h = (\bar{P}_{\max} - \bar{P}_{\min})/n = (2,572 - (-0,858))/5 = 0,686.$$

Максимальное значение многомерной средней равно 2,572, минимальное – (–0,858), соответственно при разбиении на пять групп интервал группировки будет равен 0,686.

После того, как построены интервалы, была проведена собственно группировка, в результате которой районы были распределены по интервалам в соответствии со значением многомерной средней (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение муниципальных районов Новосибирской области
по социально-экономическим показателям за 2009 г.**

№ типа	Интервал	Состав групп
1	–0,858; –0,172	Болотнинский, Доволенский, Здвинский, Каргатский, Колыванский, Кыштовский, Маслянинский, Мошковский, Северный, Убинский, Усть-Тарковский, Чановский, Чистоозерный, Чулымский районы
2	–0,172; 0,514	Баганский, Барабинский, Венгеровский, Кочковский, Краснозерский, Куйбышевский, Купинский, Ордынский, Сузунский, Татарский, Черепановский районы
3	0,514; 1,200	Искитимский, Карасукский, Коченевский, Тогучинский районы
4	1,200; 1,886	–
5	1,886; 2,572	Новосибирский район

Общая дисперсия по показателю многомерной средней имеет значение 0,431. При выделении пяти групп районов показатель межгрупповой дисперсии составил 0,408 (т.е. 94,8 % вклад в общую дисперсию).

Для обобщенного описания уровня социально-экономического развития Новосибирской области вполне достаточно выделить не более пяти групп.

Полученные группы распределились следующим образом:

тип 1 – районы с низким уровнем развития (14 районов, 46,7 %);

тип 2 – районы с уровнем развития ниже среднего (11 районов, 36,7 %);

тип 3 – районы со средним уровнем развития (4 района, 13,3 %);

тип 4 – районы с уровнем развития выше среднего (не вошли);

тип 5 – районы с высоким уровнем развития (1 район, 3,3 %).

Самые многочисленные группы – районы с низким уровнем развития и районы с уровнем развития ниже среднего, вместе это 25 районов области; среднюю позицию занимают Искитимский, Карасукский, Коченевский и Тогучинский районы. Вперед вышел Новосибирский район как приближенный к областному центру.

Важно понимать, что всякая типология зависит от заложенных в ее основу показателей. Используемый набор показателей для типологии регионов может не подходить для типологии муниципальных районов.

При оценке сельских поселений в пределах отдельного муниципального района также используется система показателей, которая наилучшим образом позволяет объединить поселения в однородные по своему развитию группы.

Аналогичным образом была проведена типология сельских поселений Доволенского района Новосибирской области на основе комплекса социально-экономических показателей за 2009 г. (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение сельских поселений Доволенского района
по социально-экономическим показателям за 2009 г.**

№ типа	Сельсоветы Доволенского района
1	Баклушевский, Волчанский, Индерский, Согорский, Травнинский, Утянский, Шагальский Ярковский сельсоветы
2	Комарьинский, Красногривенский, Суздальский сельсоветы
3	Ильинский сельсовет
4	–
5	Доволенский сельсовет

Общая дисперсия по показателю многомерной средней имеет значение 0,455. При выделении пяти групп сельских поселений показатель межгрупповой дисперсии составил 0,437 (т.е. 95,5 % вклад в общую дисперсию). В результате группировки было получено распределение сельских поселений по пяти типам:

- тип 1 – поселения с низким уровнем развития;
- тип 2 – многофункциональные поселения с уровнем развития ниже среднего;
- тип 3 – поселение с преимущественным значением промышленного профиля (средний уровень развития);
- тип 4 – поселение с преимущественным значением сельскохозяйственного профиля (уровень развития выше среднего);
- тип 5 – районный центр, многофункциональный с преимуществом курортно-санаторного профиля (высокий уровень развития).

Анализируя распределение поселений, можно увидеть, что к группе с высоким уровнем развития относится Доволенский сельсовет; с уровнем развития выше среднего – не вошло поселений; со средним уровнем развития – Ильинский сельсовет; с уровнем развития ниже среднего – Комарьинский, Красногривенский, Суздальский сельсоветы; и самым низким уровнем развития обладают Баклушевский, Волчанский, Индерский, Согорский, Травнинский, Утянский, Шагальский, Ярковский сельсоветы.

Более детальная характеристика каждого полученного типа может включать систему индикативных показателей, которые определяют отраслевую направленность развития муниципальных образований, а также в какой сфере сельские поселения имеют высокий уровень, а в какой низкий. Основываясь на такой информации, можно и корректировать наименование типов поселений, и также проводить поиск точек роста для их перспективного развития.

Комплексная типология субъектов Российской Федерации на основе портфельного анализа. Новосибирская область является одним из наиболее динамично развивающихся регионов РФ. Преимущества и сильные стороны социально-экономического развития Новосибирской области могут быть оценены с помощью статистических методов типологии.

Одним из средств типологии управленческой информации является портфельный анализ. Портфельный анализ основан на построении матриц

(определенных шаблонов) с разработанными стратегиями для каждого из пересечений.

Для оценки места Новосибирской области среди регионов РФ и среди регионов Сибирского федерального округа были получены матрицы (рис. 2, 3).

При построении данных матриц были выбраны следующие показатели: ось X – многомерная средняя, состоящая из относительных к российскому уровню (или уровню федерального округа) основных социально-экономических показателей за 2011 г.; ось Y – средний темп роста основных социально-экономических показателей 2011 г. по отношению к 2010 г., в качестве радиуса кругов выбран показатель ВРП на душу населения как результат деятельности регионов.

Интегральный показатель для оси X был рассчитан по основным социально-экономическим показателям, таким как численность населения, среднегодовая численность занятых в экономике, среднедушевые денежные доходы (в месяц), потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, валовой региональный продукт, основные фонды в экономике, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, продукция сельского хозяйства, ввод в действие общей площади жилых домов, оборот розничной торговли, сальдированный финансовый результат деятельности организаций, инвестиции в основной капитал.

Для оси Y был рассчитан средний темп роста по перечисленным выше показателям, критической точкой перехода из одного сегмента в другой по данной оси является среднероссийский уровень (средний уровень по федеральному округу) темпа роста, равный 1,147 и 1,129 соответственно.

Так график разбивается на четыре сегмента. В результате по получившейся матрице можно описать типы территориальных образований, переименовав позиции и разработав соответствующие стратегии.

Позиция «Проблемные» характеризуется низкими показателями относительно главного конкурента, что предполагает неустойчивое положение на рынке, но, с другой стороны, характеризуется высокими показателями роста. Таким регионам необходимо улучшать внутрирегиональный потенциал, направлять работу на поддержание и развитие трудовых, материальных, нематериальных активов, искать наиболее привлекательные отрасли и выходить в сектор «лидеры-локомотивы».

Позиция «Лидеры-локомотивы» – высокие показатели по обоим факторам. Помимо того, что они лидируют по основным социально-экономическим показателям в масштабах всей совокупности территорий, они еще являются локомотивами, вытягивающими за собой другие территориальные образования. Для них выбирается стратегия инвестирования, удержание позиций.

Позиция «Инерционные» – высокие показатели внутреннего потенциала, но непривлекательны с позиции темпов роста. Им необходимо определять наиболее привлекательные рыночные сегменты и планировать инвестиции именно в них, привлекать сторонних инвесторов, увеличивать объемы внутреннего и межрегионального сбыта, и выходить в сектор

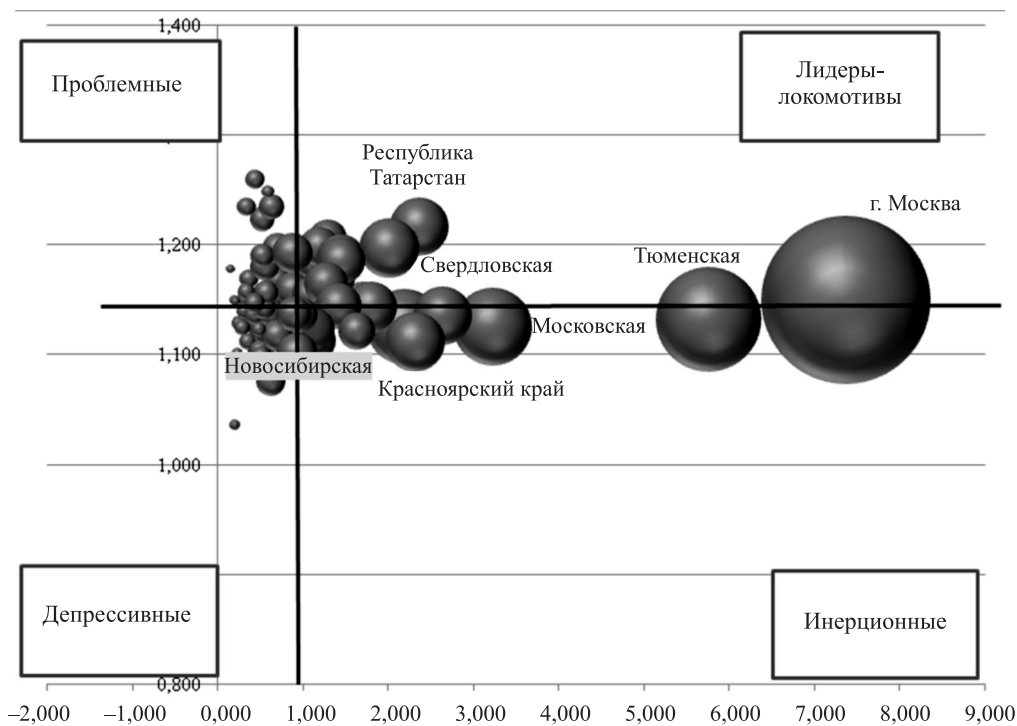


Рис. 2. Матрица «Типология регионов РФ по основным социально-экономическим показателям за 2011 г.»

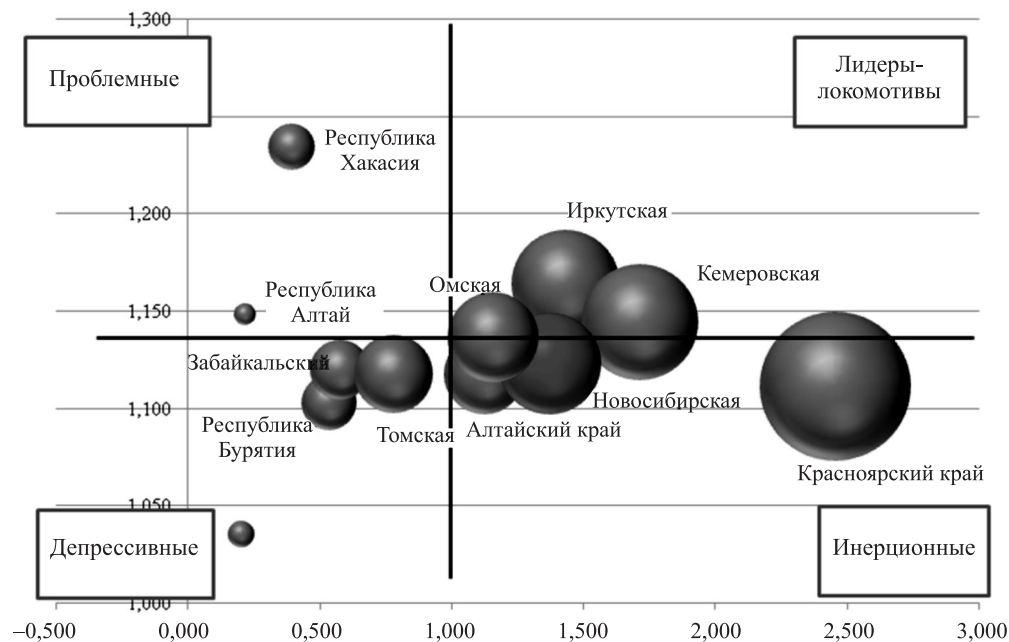


Рис. 3. Матрица «Типология регионов СФО по основным социально-экономическим показателям за 2011 г.»

«Лидеры-локомотивы». Как видно из рис. 2, 3, Новосибирская область входит в группу «инерционных» регионов как на уровне страны в целом, так и на уровне Сибирского федерального округа.

Позиция «Депрессивные» – регионы с показателями ниже среднего по совокупности рассматриваемых территориальных образований. Как правило, это дотационные административно-территориальные образования.

Построение матрицы «Привлекательность региона (района) – конкурентоспособность» для субъектов Российской Федерации. В этом разделе кратко рассмотрим применение матриц портфельного анализа в выделении однородных типов территориальных образований.

Для поиска региональных точек роста известная матрица «Привлекательность отрасли – конкурентоспособность» (GE/McKinsey) была адаптированная для группировки территориальных образований. Новая матрица переименована как «Привлекательность региона (района) – конкурентоспособность» (рис. 4).

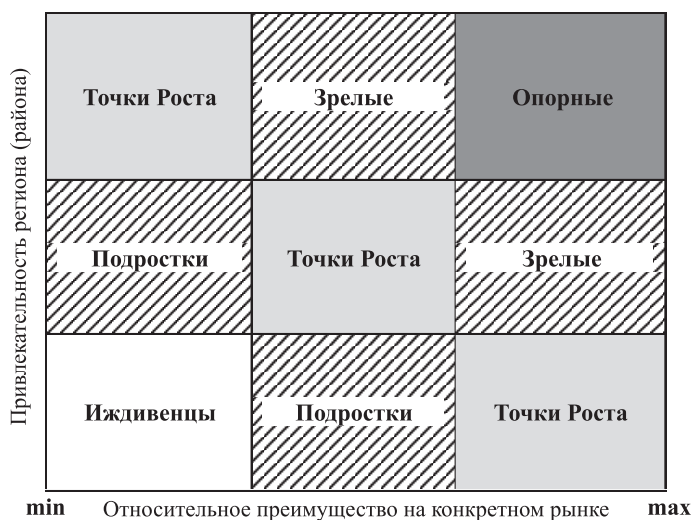


Рис. 4. Матрица «Привлекательность региона (района) – конкурентоспособность»

Региональной точкой роста может являться определенный территориальный объект (район, город, поселение), способный активно привлекать инвестиции и эффективно их использовать, либо вид деятельности (сектор экономики, конкретный проект), развитие которого обеспечивает развитие социально-экономического положения территории в целом.

Для построения оси Y (привлекательность) – используется интегральный показатель, который характеризует положение региона (района) в целом и отражает общий уровень социально-экономического развития (реализуется с помощью инструментов факторного анализа); для оси X можно использовать любой интересующий показатель, который будет характеризовать «точки роста» региона (какой-нибудь отраслевой признак).

В матрице «Привлекательность региона (района) – конкурентоспособность» также выделяются три области стратегических позиций: область с высокими показателями; область с низкими показателями; средняя область,

включающая позиции, в которых заложен потенциал для развития, но имеются проблемы, являющиеся причиной низких показателей.

Критические точки перехода территориальных образований одного качества в другое, т.е. переход из одной области стратегических позиций в другие, определены на основе разбиения осей матрицы на три равных интервала – низкий, средний, высокий.

Область с высокими показателями представляет собою группы «*опорные*» и «*зрелые*», территориальные единицы, попавшие в эту область, имеют лучшие или средние значения факторов привлекательности (уровня развития) и конкурентоспособности отрасли (рассматриваемого вида деятельности). Такие виды бизнеса, как правило, уже сформированы, занимают сильные позиции в экономике территории. Стратегия удержания позиций, непрерывного совершенствования, постоянного анализа, выход на международный рынок.

Территориальные единицы, попавшие в среднюю область, образуют группу «*точки роста*», требуют более детального изучения и более гибких инструментов управления, они могут развиваться в разных направлениях, т.е. при определенных условиях может наблюдаться как рост, так и спад. Являются претендентами в группу «*зрелые*».

Следующая группа была названа «*подростки*», показатели у этих территориальных единиц либо низкие по привлекательности, но средние по конкурентоспособности, либо наоборот. На развитие рассматриваемых видов деятельности (конкретных рынков) территориям необходимо предоставлять льготы, создавать благоприятные условия для роста.

Самая проигрышная позиция – «*изживенцы*», как правило, это регионы слабые по рассматриваемому виду деятельности, скорее всего, являются лишь потребителями продукции данной отрасли. Необходимо выявлять причины и устранять их.

Построение матрицы «Привлекательность региона (района) – конкурентоспособность» для решения задачи поиска «точек роста» основывалось на рассмотрении видов деятельности, развитие которых обеспечивает развитие социально-экономического положения региона в целом.

Данная модель предполагает построение интегрального показателя для каждой из осей. Вообще для этой модели используют показатели привлекательности и конкурентоспособности территориальных образований.

В качестве осей данной модели предлагается использовать такие показатели: для оси Y (привлекательность) – интегральный показатель, характеризующий *положение региона* в целом и отражающий общий уровень социально-экономического развития региона; для оси X можно использовать любой интересующий показатель, который может характеризовать точки роста региона (в данной работе используются показатели структуры ВРП по видам деятельности, чтобы определить наиболее перспективные из них).

Применяя данную модель портфельного анализа, можно проанализировать виды деятельности по каждому региону за ряд лет. Например, были сведены итоги по Новосибирской области за 2006–2008 гг. по основным видам деятельности (табл. 4).

Таблица 4

**Стратегические позиции по матрице МакКинзи в Новосибирской области
за период с 2006 по 2008 г.**

Вид деятельности	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Подростки	Подростки	Точки роста
Добыча полезных ископаемых	Подростки	Подростки	Точки роста
Обрабатывающие производства	Подростки	Подростки	Точки роста
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Подростки	Подростки	Точки роста
Строительство	Подростки	Подростки	Точки роста
Оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	Зрелые	Точки роста	Опорные
Транспорт и связь	Зрелые	Зрелые	Зрелые
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Зрелые	Зрелые	Опорные

Анализируя табл. 4, видно, что наиболее успешными и привлекательными для Новосибирской области являются сфера торговли, ремонта транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования, сфера транспорта и связи, а также деятельность по операциям с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг.

По остальным видам деятельности за 2006 и 2007 гг. область входила в позиции регионы-подростки. В результате эффективного управления экономикой в 2008 г. в области отмечается рост основных социально-экономических показателей, уровень развития повышается, улучшаются позиции по тем видам деятельности, которые были успешными, из позиций «подростков» область переходит в позицию «точки роста».

Портфельный анализ является эффективным инструментом оценки деятельности, который позволяет идентифицировать территориальные единицы, позиционировать их в масштабах муниципалитетов, регионов, страны, международного уровня, определять перспективу развития. Метод обладает такими достоинствами, как удобная для визуализации и интерпретируемая форма, компактное отображение позиций и проблем деятельности, счетное число однородных типов.

Полученные результаты могут быть использованы для принятия решений по реструктуризации экономики, в политике, в управлении и т.д.

Таким образом, полученные типологии территориальных образований подтверждают эффективность и наглядность предложенной методики районирования, возможность интегрировать такие сильные стороны совокупностной и вариационной концепций при решении конкретной задачи типологии, как качественная однородность (совокупностный подход) и максимальный охват признакового пространства (вариационный подход).

Литература

1. Глинский В.В. Статистические методы поддержки управленческих решений. Новосибирск: НГУЭУ, 2008. 256 с.
2. Глинский В.В. О применении периодизации в портфельном анализе // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2008. № 11(49). С. 14–17.

3. Глинский В.В., Гусев Ю.В., Золотаренко С.Г., Серга Л.К. Портфельный анализ в типологии данных: методология и применения в поддержке управленческих решений // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 25–54.
4. Глинский В.В., Третьякова О.В., Скрипкина Т.Б. Информационно-аналитическая поддержка формирования политики управления эффективностью здравоохранения // Вестник НГУЭУ. 2012. № 4. С. 112–132.
5. Глинский В.В., Чemezова Е.Ю. О сходимости основных концепций типологии данных социально-экономических исследований // Вестник НГУЭУ. 2012. Т. 2, № 4. С. 67–73.
6. Серга Л.К., Никифорова М.И., Румынская Е.С., Хван М.С. Прикладное использование методов портфельного анализа // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 146–158.
7. Чemezова Е.Ю. Типологии субъектов РФ по уровню социально-экономического развития // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 171–176.

Bibliography

1. Glinskij V.V. Statisticheskie metody podderzhki upravlencheskih reshenij. Novosibirsk: NGUJeU, 2008. 256 p.
2. Glinskij V.V. O primenении periodizacii v portfel'nom analize // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2008. № 11(49). P. 14–17.
3. Glinskij V.V., Gusev Ju.V., Zolotarenko S.G., Serga L.K. Portfel'nyj analiz v tipologii dannyh: metodologija i primeneniya v podderzhke upravlencheskih reshenij // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 25–54.
4. Glinskij V.V., Tret'jakova O.V., Skripkina T.B. Informacionno-analiticheskaja podderzhka formirovanija politiki upravlenija jeffektivnost'ju zdavoohranenija // Vestnik NGUJeU. 2012. № 4. P. 112–132.
5. Glinskij V.V., Chemezova E.Ju. O shodimosti osnovnyh koncepcij tipologii dannyh social'no-jekonomicheskikh issledovanij // Vestnik NGUJeU. 2012. Т. 2, № 4. P. 67–73.
6. Serga L.K., Nikiforova M.I., Rumynskaja E.S., Hvan M.S. Prikladnoe ispol'zovanie metodov portfel'nogo analiza // Vestnik NGUJeU. 2012. № 3. P. 146–158.
7. Chemezova E.Ju. Tipologii sub#ektov RF po urovnju social'no-jekonomicheskogo razvitija // Vestnik NGUJeU. 2010. № 1. P. 171–176.

УДК 314.724

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧИ ТИПОЛОГИИ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ И ИНТЕНСИВНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Е.С. Кованова

Калмыцкий государственный университет

E-mail: ekovanova@yandex.ru

Внутренняя трудовая миграция населения оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов страны. Автором с помощью кластерного анализа проведена сегментация территорий по уровню и интенсивности миграции населения. Основное внимание в работе уделяется «отдающим» регионам. В качестве информационных источников использованы данные государственной статистики. Сделаны выводы и рекомендации.

Ключевые слова: миграция населения, многомерная классификация, кластерный анализ.

CLUSTER ANALYSIS IN HANDLING THE PROBLEM OF TYPOLOGY OF REGIONS OF RUSSIA BY LEVEL AND INTENSITY OF INTERNAL LABOR MIGRATION

E.S. Kovanova

Kalmyk State University

E-mail: ekovanova@yandex.ru

Internal labor migration significantly affects the socio-economic development of regions of the country. The author carries out segmentation of territories by level and intensity of migration via cluster analysis. The emphasis is on “giving” regions. Official data of government statistics was used as a data base of the research. Conclusions are drawn, recommendations are made.

Key words: migration, multidimensional classification, cluster analysis.

Рост пространственной мобильности населения – один из важнейших феноменов современного мира. Он связан с экономическим развитием, возросшей скоростью и надежностью транспорта, демографическим давлением в отдельных странах мира, повышением уровня образования населения и распространения информации. Как отмечают многие исследователи, по мере общественного прогресса подвижность населения все более становится социально-экономической необходимостью и систематически растет.

Миграция становится фактором, все более определяющим развитие населения России. Резкий, неконтролируемый (как в настоящее время) миграционный прирост может повлечь за собой изменения национального состава населения на региональном уровне, которые могут иметь самые негативные последствия для национальной безопасности и целостности страны.

На сегодняшний день в Российской Федерации миграция является мощным фактором регионального развития, который увеличивает свое значе-

ние в условиях депопуляции населения. Территория России по показателю результативности внутренней миграции разделилась на две зоны. Первая зона объединяет регионы, притягивающие мигрантов, т.е. имевшие положительное сальдо миграции, к ней относятся Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Вторая зона – территории, отдающие мигрантов, т.е. имевшие отрицательное сальдо миграции – Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Основной тенденцией современной миграционной ситуации внутри России можно считать расширение зоны миграционного оттока населения, сокращение зоны миграционного притока и постепенное усиление поляризации территорий страны по результативности миграционных потоков. Так, за период с 1995 по 2011 г. количество регионов с положительным миграционным приростом населения во внутрироссийском обмене сократилось с 55 до 24 (табл. 1).

Подобную результативность миграции в российских регионах обуславливают следующие факторы. Во-первых, неравномерный уровень социально-экономического развития регионов страны приводит к неодинаковой привлекательности территорий для мигрантов. Столица и экономически развитые регионы с диверсифицированными рынками труда, ярко выраженными потребностями в рабочей силе, возможностями трудоустройства и заработков, более высоким уровнем зарплаты, развитой социальной инфраструктурой притягивают мигрантов. Напротив, регионы с неэффективной экономикой, отсутствием рабочих мест и низким уровнем зарплаты выталкивают население.

Таблица 1

**Количество регионов России с положительным и отрицательным сальдо
внутрироссийской миграции населения в 1995–2011 гг.**

Годы	Экономические районы/ федеральные округа		Субъекты Федерации	
	«+»	«–»	«+»	«–»
1995	7	4	55	34
1997	8	3	53	36
1999	7	4	41	48
2000	3	4	36	53
2001	3	4	26	63
2002	2	5	28	61
2003	3	4	29	60
2004	2	5	25	64
2005	2	5	20	68
2006	2	5	22	66
2007	2	5	21	67
2008	2	5	20	63
2009	3	5	17	66
2010	3	5	17	66
2011	4	4	24	59

Примечание. Составлена автором по данным [2].

Во-вторых, различия в транспортно-географическом положении регионов. Удобство расположения к транспортным магистралям, близость к крупным городам и государственной границе привлекают мигрантов, поскольку в таких регионах проще реализовать предпринимательский потенциал в сфере челночной торговли, найти работу.

В-третьих, дифференциация природно-климатических условий всегда предопределяла масштабы и характер миграционных потоков внутри страны. Очевидно, что привлекательность регионов Юга России обусловлена помимо прочих обстоятельств также благоприятным климатом, что позволяет развиваться многим отраслям экономики – сельскому хозяйству, торговле, курортному бизнесу, общественному питанию. Многие из них характеризуются быстрым оборотом средств, обеспечивают достаточно стабильные заработки населению, в том числе мигрантам.

В-четвертых, наличие родственных и исторических связей становится основой для возвратных миграций. Подобное положение дел свойственно миграции из регионов Севера, куда в свое время выезжали многие жители регионов Центра и Юга России.

В-пятых, подходы к реализации миграционной политики региональных властей могут существенно отличаться и отчасти влиять на характер и масштабы миграционного притока населения. Протекционистская миграционная политика в некоторых регионах в сочетании с рядом других факторов способна привлекать мигрантов.

Миграция относится к сложным объектам статистического исследования и классификации. Миграция населения зависит от большого числа параметров и оказывает влияние на значительное число показателей, что обуславливает сложности, связанные с идентификацией структуры взаимосвязей этих параметров.

Решение задач оценки и анализа, сложных социально-экономических явлений в области влияния миграции на социально-экономическое развитие регионов можно условно разбить на следующие одинаково важные этапы: формулировка цели, смысловая и математическая постановка задачи; определение объекта исследования – установление границ исследуемого объекта и выделение его из окружающей среды с учетом всех важнейших взаимосвязей как по технологическим, так и по информационным каналам; выбор структурной схемы объекта исследования и методов его математического описания в рамках этой модели; постановка эксперимента и сбор статистического материала; проверка соответствия собранного статистического материала тем ограничениям, которые лежат в выбранной математической схеме, и статистического метода; осуществление первичной обработки исходной информации с целью получения выборки, удовлетворяющей заданным свойствам; получение необходимых зависимостей; статистическая проверка надежности и достоверности полученных результатов; интерпретация выявленных закономерностей.

Кластерный метод решает практическую задачу классификации отдающих регионов Российской Федерации. Предлагаемая методика кластерного анализа позволяет учесть существующие типологические (групповые) и индивидуальные (присущие лишь данному региону) различия, которые обязательно должны учитываться при определении подходов к формиро-

ванию региональной стратегии демографического развития, а также всего комплекса социально-экономических мер, необходимых для улучшения демографической ситуации.

Анализ динамики и интенсивности миграции показывает, что все регионы России можно разделить на две группы: регионы, отдающие население (миграционный отток), и регионы, принимающие население (миграционный приток) (табл. 2).

Таблица 2

Отдающие и принимающие регионы РФ

Принимающие регионы	Отдающие регионы
1. Белгородская область	1. Брянская область
2. Воронежская область	2. Владимирская область
3. Ивановская область	3. Костромская область
4. Калужская область	4. Липецкая область
5. Курская область	5. Республика Карелия
6. Московская область	6. Республика Коми
7. Орловская область	7. Архангельская область
8. Рязанская область	8. Мурманская область
9. Смоленская область	9. Республика Калмыкия
10. Тамбовская область	10. Волгоградская область
11. Тверская область	11. Ростовская область
12. Тульская область	12. Республика Дагестан
13. Ярославская область	13. Кабардино-Балкарская Республика
14. г. Москва	14. Карачаево-Черкесская Республика
15. Ненецкий автономный округ	15. Республика Северная Осетия -Алания
16. Вологодская область	16. Чеченская Республика
17. Калининградская область	17. Республика Башкортостан
18. Ленинградская область	18. Республика Марий Эл
19. Новгородская область	19. Республика Мордовия
20. Псковская область	20. Удмуртская Республика
21. г. Санкт-Петербург	21. Чувашская Республика
22. Республика Адыгея	22. Пермский край
23. Краснодарский край	23. Кировская область
24. Астраханская область	24. Оренбургская область
25. Республика Ингушетия	25. Пензенская область
26. Ставропольский край	26. Саратовская область
27. Республика Татарстан	27. Ульяновская область
28. Нижегородская область	28. Курганская область
29. Самарская область	29. Республика Алтай
30. Свердловская область	30. Республика Бурятия
31. Тюменская область	31. Республика Тыва
32. Ханты-Мансийский автономный округ	32. Республика Хакасия
33. Ямало-Ненецкий автономный округ	33. Алтайский край
34. Челябинская область	34. Забайкальский край
35. Красноярский край	35. Иркутская область
36. Новосибирская область	36. Кемеровская область
37. Томская область	37. Омская область
38. Приморский край	38. Республика Саха (Якутия)
39. Хабаровский край	39. Камчатский край
40. Чукотский автономный округ	40. Амурская область
	41. Магаданская область
	42. Сахалинская область
	43. Еврейская автономная область

В работе [1, с. 406] обозначены важные аспекты воздействия миграции, в частности: «Внутренняя миграция меняет численность и состав населения различных регионов страны, изменяя ситуацию на региональных рынках труда, демографическую нагрузку на занятое население и на инфраструктуру региона. Последствия миграции различны в районах выбытия и районах притока мигрантов». На наш взгляд, в связи с этим возникает потребность детального исследования регионов, отдающих население, и выявления причин оттока и воздействия миграции на основные социально-экономические показатели развития этих регионов, важный шаг в решении этих задач – проведение типологического анализа.

Сложность изучения влияния миграции населения на социально-экономическое развитие регионов диктует необходимость формирования системы статистических показателей в виде модельного набора разноплановых индикаторов. С учетом традиционной системы показателей миграции и предложенной системы показателей внутренней трудовой миграции в многомерном статистическом анализе была использована синтезированная система аналитических показателей (табл. 3).

Таблица 3

Система статистических показателей, использованная для классификации регионов

Демографические показатели	
x1 – коэффициент миграционного прироста;	
x2 – численность населения;	
x3 – удельный вес городского населения в общей численности населения;	
x4 – удельный вес сельского населения в общей численности населения;	
x5 – соотношение мужчин и женщин;	
x6 – коэффициент демографической нагрузки;	
x7 – соотношение браков и разводов	
Трудовые показатели	
x13 – уровень безработицы	
Показатели уровня и качества жизни	
x8 – среднедушевые денежные расходы населения;	
x9 – коэффициент Джини;	
x10 – численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума;	
x11 – потребительские расходы в среднем на душу населения;	
x12 – число собственных легковых автомобилей	
Инвестиционно-инновационные показатели	
x14 – ввод в действие жилых домов;	
x15 – число малых предприятий на 10000 человек населения;	
x16 – численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10000 человек населения;	
x17 – инвестиции в основной капитал на душу населения в фактически действовавших ценах	

Для построения многомерной классификации использована кластеризация методом К-средних, позволяющая получить несмещенные оценки при большом количестве единиц наблюдения. Этот метод кластеризации существенно отличается от наиболее распространенных иерархических (деревообразных) процедур. К недостаткам иерархических процедур сле-

дует отнести громоздкость их вычислений. Алгоритмы требуют на каждом шаге матрицы вычисления расстояний, а, следовательно, большой памяти и большого количества времени. В этой связи реализация таких алгоритмов при большом числе наблюдений нецелесообразна, а в ряде случаев бесполезна. Метод К-средних позволяет сочетать качественный экономико-статистический анализ со сложными формализованными методами. Кластеризация этим методом применяется, если исследователь имеет представление относительно кластеров, на которые необходимо разбить наблюдения.

Метод К-средних строит ровно k различных кластеров, расположенных на возможно больших расстояниях друг от друга. Процедура вычислений начинается с k случайно выбранных наблюдений, которые становятся центрами групп, после чего объектный состав кластеров меняется с целью минимизации изменчивости внутри кластеров и максимизации изменчивости между кластерами. Каждое следующее $(k + 1)$ наблюдение относится к той группе, мера сходства с центром тяжести которого минимальна. После изменения состава кластера вычисляется новый центр тяжести, чаще всего как вектор средних по каждому параметру.

Исходная информация для кластерного анализа получена из официальных статистических публикаций Росстата РФ и территориальных органов государственной статистики. В качестве единиц наблюдения выступают регионы РФ. Состав регионов, включенных в базу, определялся наличием полной (или относительно полной) информации по всем анализируемым переменным для региона. В результате массив исходных данных содержит информацию о 83 регионах. Для создания базы данных использовался пакет обработки и анализа статистической информации STATISTICA.

Почти все исследователи склонны считать, что миграция оказывает полифакторное воздействие, и сила, и масштабы влияния оказываются разными на различных стадиях миграционного процесса. Происходящие миграционные процессы неоднородны и имеют свою специфику в пределах каждого региона для принимающих и отдающих регионов, а также изменчивы во времени. Это предопределяет необходимость разграничения различных видов миграционных потоков. Классификация субъектов РФ проведена по данным за 2011 г.

Была предпринята попытка методами кластерного анализа классифицировать отдающие регионы по следующим однородным группам (сегментам):

кластер 1 – регионы с высоким уровнем отрицательного влияния миграции населения на социально-экономическое развитие регионов. Сюда вошли 8 регионов;

кластер 2 – регионы со слабым уровнем отрицательного влияния миграции на социально-экономическое развитие регионов. В этот кластер вошли 26 регионов;

кластер 3 – со средним уровнем отрицательного влияния миграции на социально-экономическое развитие регионов. В этот кластер вошли 9 регионов.

В качестве ориентира для определения возможного числа кластеров использовалось графическое изображение процесса агломерации, представленное дендрограммой. В расчет также принимались величины расстояний

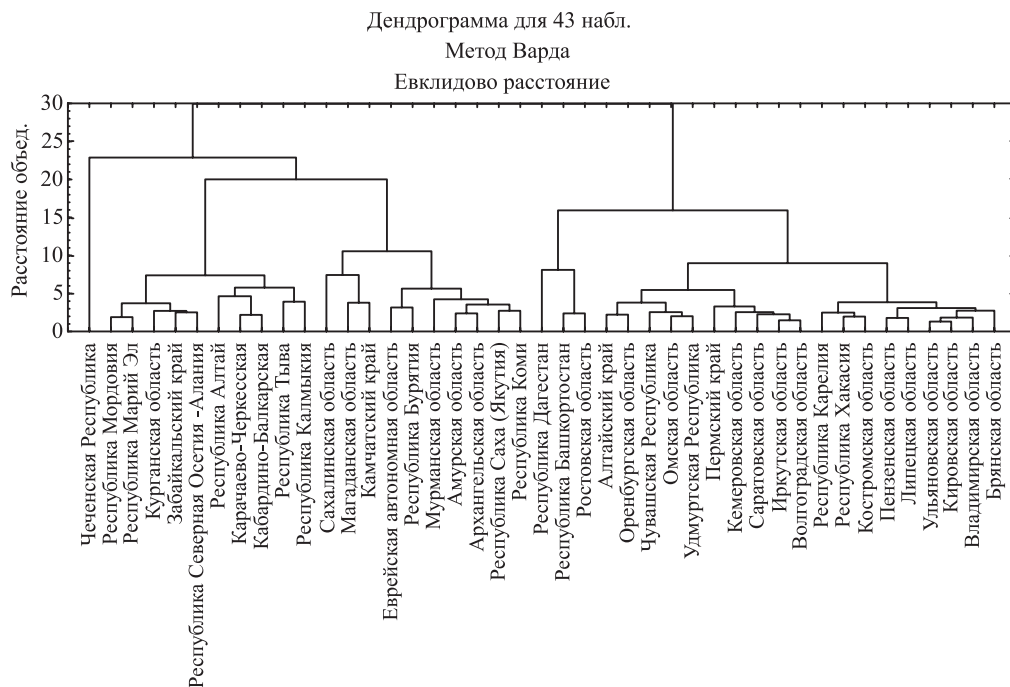


Рис. 1. Дендрограмма по отдающим регионам РФ

между объединяемыми элементами. Дендровидное решение процедуры кластеризации представлено на рис. 1, где дана схема «дерева объединения», на оси которой отмечены значения расстояний, при которых происходило последовательное слияние кластеров (Rescaled Distance Cluster Combine), по другой отмечены наблюдения. На первом шаге каждый объект рассматривается как самостоятельный кластер.

Процедура кластерного анализа может быть выполнена двумя основными методами – методом иерархической кластеризации и методом К-средних. В проведенном исследовании использован метод иерархической агломеративной кластеризации, который предполагает последовательную группировку объектов во все более крупные сегменты. Таким образом, меньшие кластеры постепенно объединяются в большие. Для определения сходства или различия регионов, т.е. для вычисления расстояний между наблюдениями была применена такая мера, как квадрат евклидова расстояния, хорошо зарекомендовавший себя как достаточно точный и универсальный метод.

В качестве метода определения расстояний между кластерами выбран метод Варда. Данный метод предполагает использование процедур дисперсионного анализа. При этом на каждом шаге кластеризации в один кластер будут объединяться такие элементы, которые приводят к наименьшему увеличению внутрикластерной дисперсии. Как правило, с помощью метода Варда создаются кластеры небольшого размера, что отвечает задаче сегментирования небольшой совокупности.

Следует отметить, что процедура иерархической кластеризации проводилась несколько раз с использованием различных мер и методов определения расстояний между объектами и кластерами – методом одиночной, полной и средней связи. Особое внимание уделялось медианной класте-

ризации, поскольку разброс значений внутри кластеров мог оказаться довольно большим, что приводило бы к нетипичности средних характеристик изучаемых объектов. Кроме того, применялся и неиерархический метод кластеризации, в частности метод К-средних. Поскольку аппарат кластерного анализа относится к эвристическим методам и не дает четкой рекомендации относительно количества выделяемых кластеров, выбор в нашем исследовании остановился на том варианте сегментации, который позволил сформировать более или менее однородные группы регионов, обладающие сходными характеристиками и поддающиеся экономической интерпретации.

По содержательным и статистическим критериям наилучшим оказалось разбиение отдающих регионов России (43 региона) на 3 кластера (табл. 4).

Таблица 4

Результаты сегментации регионов по влиянию миграции населения на социально-экономическое развитие регионов

Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
1. Республика Калмыкия 2. Республика Дагестан 3. Кабардино-Балкарская Республика 4. Карачаево-Черкесская Республика 5. Чеченская Республика 6. Республика Алтай 7. Республика Бурятия 8. Республика Тыва	1. Брянская область 2. Владимирская область 3. Костромская область 4. Липецкая область 5. Республика Карелия 6. Волгоградская область 7. Ростовская область 8. Республика Северная Осетия – Алания 9. Республика Башкортостан 10. Республика Марий Эл 11. Республика Мордовия 12. Удмуртская Республика 13. Чувашская Республика 14. Пермский край 15. Кировская область 16. Оренбургская область 17. Пензенская область 18. Саратовская область 19. Ульяновская область 20. Курганская область 21. Республика Хакасия 22. Алтайский край 23. Забайкальский край 24. Иркутская область 25. Кемеровская область 26. Омская область	1. Республика Коми 2. Архангельская область 3. Мурманская область 4. Республика Саха (Якутия) 5. Камчатский край 6. Амурская область 7. Магаданская область 8. Сахалинская область 9. Еврейская автономная область

Регионы первого кластера характеризуются как проблемные регионы, которые самостоятельно не в состоянии решить свои социально-экономические проблемы или реализовать свой высокий потенциал. Эти регионы имеют традиционно низкий уровень жизни по сравнению с основной массой регионов. Значительная часть регионов данной группы находится в состоянии длительного застоя; для них характерны низкая интенсив-

ность хозяйственной деятельности; мало диверсифицированная отраслевая структура промышленности, слаборазвитое сельское хозяйство, слабый научно-технический потенциал. Миграция населения носит в основном трудовой характер и денежные переводы мигрантов в регионах этого кластера не компенсируют падение жизненного уровня населения, связанного с постоянной депрессивностью экономики. Миграция населения в этих регионах кардинально меняет численность и состав населения, мало изменяет ситуацию на региональных рынках труда, уровень безработицы не уменьшается и не снижает демографическую нагрузку на занятое население и на инфраструктуру региона. Другим негативным влиянием миграции является потеря квалифицированных кадров, снижение инновационно-инвестиционного потенциала регионов. Изменения, связанные с миграцией, носят негативный характер.

Второй кластер включает регионы со слабым уровнем отрицательного влияния миграции на социально-экономическое развитие регионов. В этот кластер вошли 26 регионов. Отток населения происходит на фоне неровно развивающейся региональной экономики. Отрицательное влияние миграции компенсируется экономическим развитием этих регионов. Регионы второго кластера характеризуются положительным влиянием миграции на социально-экономическое развитие этих регионов. Миграция в этих регионах стимулирует экономический рост: происходит рост ВРП, снижение уровня безработицы и рост доходов населения. В целом миграция не сказывается на снижении инвестиционного потенциала регионов.

Третий кластер – со средним уровнем отрицательного влияния миграции на социально-экономическое развитие регионов. В этот кластер вошли 9 регионов. Регионы третьего кластера характеризуются неоднозначным влиянием миграции на социально-экономическое развитие этих регионов. Миграция способствует уменьшению численности и плотности населения. Однако миграция в этих регионах в некоторой степени стимулирует экономический рост: происходит рост ВРП, снижение уровня безработицы и рост доходов населения. В целом миграция может влиять на снижение инвестиционного потенциала регионов.

Трудовая миграция может выступать как инструмент роста и развития и принимающих, и отдающих регионов. В принимающих регионах приток трудовых мигрантов может помочь восполнить недостаток рабочей силы и снизить напряженность на рынке труда; помочь финансировать схемы выплаты пенсий из текущих доходов и систему социального обеспечения, находящиеся под большим давлением в силу старения коренного населения.

Анализ экономических и демографических последствий трудовой миграции для регионов свидетельствует о том, что положительное влияние трудовой миграции остается на достаточно низком уровне (если не принимать во внимание снятие напряжения на рынке труда), в то время как главные негативные воздействия связаны с уроном, наносимым населению и человеческому капиталу. Главной причиной этого является то, что трудовая миграция остается выключенной из национальных стратегий занятости, борьбы с бедностью и экономического развития.

Руководство отдающих регионов относится к трудовой миграции скорее как к проблеме и не пытается увидеть в ней перспективы возможного развития. В то же время принимающие регионы пытаются воспользоваться положением больших масс мигрантов исключительно лишь к своей выгоде. В результате до сих пор отсутствуют благоприятные условия для формирования человеческого капитала, циркуляции интеллектуального потенциала и производственных вложений со стороны мигрантов.

В целом внутренняя миграция характеризуется следующими неблагоприятными тенденциями. С одной стороны, идут «центростремительные» перемещения населения, стягивание населения в несколько крупных городов и благополучных регионов. С другой – происходит катастрофическое снижение численности населения Дальнего Востока, некоторых регионов Сибири и Европейского Севера. Главная причина – колоссальная и недопустимая диспропорция в уровне социально-экономического развития между регионами страны. Складывающаяся ситуация опасна с геополитической точки зрения. Демографический вакуум на Дальнем Востоке создает объективные предпосылки для полного замещения населения иммигрантами из соседних стран. В среднесрочной перспективе следует сбалансировать территориальное распределение населения в масштабах страны, а также реализовать устойчивые стратегии в области регионального развития.

Литература

1. *Елисеева И.И., Васильева Э.К., Клупт М.А. и др.* Демография и статистика населения: учебник / под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2006. 688 с.
2. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2012.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru>.

Bibliography

1. *Eliseeva I.I., Vasilyeva E.K., Klupt M.A. et al.* Demography and population statistics: textbook / edited by I.I. Eliseeva. M.: Finance and statistics, 2006. 688 p.
2. Russian statistical Yearbook. M.: Rosstat, 2012.
3. Official site of the Federal service of state statistics of Russia. URL: <http://www.gks.ru>.

УДК 332.05:005

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И ВРЕМЕННОЙ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ю.С. Пиньковецкая

Ульяновский государственный университет

E-mail: judy54@yandex.ru

В статье приведены методические подходы и итоги разработки производственных функций, основанных соответственно на использовании пространственных данных за 2011 г. и панельных данных за период с 2007 по 2011 г. Представлены функции, характеризующие деятельность совокупности малых предприятий по регионам Российской Федерации. Функции описывают зависимость оборота малых предприятий от инвестиций в основной капитал и заработной платы работников этих предприятий. Рассмотрены основные характеристики полученных производственных функций и их сравнительный анализ.

Ключевые слова: производственная функция, пространственные и панельные данные, малые предприятия, оборот, инвестиции, заработная плата.

SPATIAL AND TIME APPROACH TO THE CONSTRUCTION OF PRODUCTION FUNCTIONS FOR SMALL ENTREPRENEURSHIP IN THE REGIONS OF RUSSIA

Ju.S. Pinkovetskaya

Ulyanovsk State University

E-mail: judy54@yandex.ru

The paper presents the methodical approaches and the results of construction the production functions, based on the use of spatial data for 2011 year and panel data for the period of 2007 year till 2011 year. Present functions, characterize the activity of the aggregation of small enterprises through the regions of the Russian Federation. Functions describes the dependence of turnover small enterprises from investment in fixed capital and wage of employees of these enterprises. Discuss the main characteristics of the achieved production function and their comparative analysis.

Key words: production function, spatial and panel data, small enterprises, turnover, investment, wage.

В последние годы отмечается стабильный рост малого предпринимательства в Российской Федерации. Так, за пятилетний период с 2007 по 2011 г. количество малых предприятий увеличилось на 61 %. Численность работников, занятых в малом предпринимательстве, возросла на 24 %. В табл. 1 по данным Федеральной службы государственной статистики [12, 14] представлены некоторые показатели, характеризующие малые предприятия России в 2011 г.

Из табл. 1 видно, что роль малых предприятий в национальной экономике в настоящее время велика. Удельный вес малых предприятий в общем обороте и общей численности работников достиг существенных значений.

Таблица 1

Показатели деятельности малых предприятий в 2011 г.

Показатель	Значение
Количество малых предприятий, тыс.	1836,4
Объем производства товаров и услуг (оборот), млрд руб.	22613,1
Удельный вес оборота малых предприятий в общем обороте предприятий страны, %	22,6
Численность работников, тыс. чел.	11480,5
Удельный вес работников малых предприятий в общей численности экономически активного населения, %	15,2
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	431,6
Удельный вес инвестиций в малые предприятия в общих инвестициях по предприятиям страны, %	4,0

На малое предпринимательство приходится соответственно более одной пятой оборота и почти одна шестая численности работников.

Учитывая возрастание значения малых предприятий в экономике страны, исследование закономерностей и тенденций их развития представляется весьма актуальным в настоящее время. Особенно важной представляется проблема анализа эффективности использования ресурсов в деятельности малых предприятий. Как показали предыдущие работы автора [10, 11], анализ функционирования совокупности малых предприятий в регионах страны может основываться на разработке производственных функций. В указанных работах было показано, что наиболее приемлемой для описания деятельности малых предприятий является двухфакторная степенная производственная функция, которая описывает зависимость оборота малых предприятий от инвестиций в основной капитал и заработной платы работников по всем субъектам (республикам, краям, областям) Российской Федерации.

В настоящей статье приведены итоги исследований, связанных с двумя методическими подходами к разработке производственных функций. Первый подход основан на пространственных данных, характеризующих деятельность совокупностей малых предприятий в регионах страны за 2011 г. Второй подход заключается в использовании пространственных и временных данных (панельных данных).

Алгоритм исследований для первого и второго подходов схож и включает следующие этапы:

- определение информационной базы для построения функции;
- сбор и первичная обработка исходных данных;
- определение используемых математических методов и программных средств;
- проведение вычислительного эксперимента;
- логический и математический анализ качества полученных функций;
- установление закономерностей, характеризующих функционирование совокупности малых предприятий в регионах.

Построение производственных функций на основе панельных данных предусматривает формирование массивов информации по каждому из

субъектов страны за ряд лет, с последующим объединением их в общую информационную базу. Учитывая, что критерии отнесения к малым предприятиям были установлены в 2007 г. в законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [13], представляется возможным использование данных, характеризующих совокупности малых предприятий в субъектах за 2007–2011 гг. Применение данных за более ранний период представляется нецелесообразным ввиду их несопоставимости.

При построении производственных функций в качестве исходных данных были использованы показатели, характеризующие совокупности малых предприятий во всех субъектах Российской Федерации, за исключением Ингушской и Чеченской Республик. Рассматривались данные по 19 республикам, 9 краям и 46 областям страны. При этом информационная база была создана на основе статистических сборников Федеральной службы государственной статистики [6–9]. Построение производственных функций проводилось на основе регрессионного анализа [3, 5]. Поскольку функция представляет собой степенную зависимость, предварительно проводилась линеаризация.

В процессе исследования использовались методы логического, экономико-статистического анализа, математической статистики и эконометрики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы Microsoft Excel, Mathcad, StataSE 10 [4, 16, 19].

Оценка качества полученных функций проводилась с использованием принятых критериев, а именно коэффициентов корреляции и детерминации, критериев Фишера-Снедекора и Стьюдента. Также оценивалось значение стандартной ошибки.

Далее приведена производственная функция за 2011 г., которая отражает зависимость оборота совокупности малых предприятий от двух факторов: инвестиций в основной капитал и заработной платы работников. Эта функция имеет следующий вид:

$$y_1(x_1, x_2) = 7,827 \times x_1^{0,148} \times x_2^{0,885}, \quad (1)$$

где y_1 – оборот совокупности малых предприятий в регионах, млрд руб.; x_1 – инвестиции в основной капитал совокупности малых предприятий, млрд руб.; x_2 – заработная плата работников совокупности малых предприятий, млрд руб.

Все представленные в статье функции и табл. 2 разработаны автором.

Анализ качества полученной функции (1) основывался на сравнении расчетных значений указанных выше критериев качества с соответствующими табличными значениями [5]. Расчетные значения по функции (1) приведены в первой строке табл. 2. Анализ показал, что разработанная функция обладает высоким качеством. Так, коэффициенты детерминации и корреляции близки к единице. Расчетное значение намного больше табличной величины критерия Фишера-Снедекора, равной 3,15. Расчетное значение стандартной ошибки мало. Точность оценки коэффициентов производственной функции (1) проверялась с использованием критерия Стьюдента при уровне значимости, равном 0,05. При этом оба полученных расчетных значения превышают табличное значение критерия, равное 1,99.

Далее приведены производственные функции, построенные на основе панельных данных, которые разработаны в соответствии с указанным выше вторым методическим подходом.

Еще основоположник методологии производственных функций П. Дуглас указывал, что интересно исследовать много одновременно функционирующих экономических объектов за определенные промежутки времени [17, 18]. В 1956 г. известный американский экономист, лауреат нобелевской премии Р. Солоу построил производственную функцию по девяти регионам США за ряд лет [20]. Однако подход, основанный на применении панельных данных, не получил широкого развития в связи с отсутствием возможностей обработки больших массивов информации.

В последние годы за счет применения компьютеров и соответствующих комплексов прикладных программ одновременное рассмотрение временных и пространственных данных в экономике получило широкое развитие. Поскольку панельные данные сочетают в себе информацию как о пространственных характеристиках рассматриваемых объектов, так и динамику изменения в течение определенного времени, разработанные с их использованием модели обладают большей гибкостью и содержательностью. Как показывает накопленный к настоящему времени опыт по сравнению с построением аналогичных моделей за один конкретный период (год), использование панельных данных обеспечивает ряд существенных преимуществ:

- процесс моделирования основывается на значительно большем количестве наблюдений;
- обеспечивается повышение эффективности оценок;
- исключаются недостатки, характерные как для пространственных, так и для временных моделей;
- появляется возможность определить тенденции изменения рассматриваемых факторов во времени.

Поскольку все показатели производственной функции (оборот, инвестиции, заработная плата) за рассматриваемый период учитывают инфляционные процессы, при моделировании за ряд лет нет необходимости вводить соответствующие поправочные коэффициенты.

Производственная функция, разработанная с использованием данных, характеризующих совокупности малых предприятий в субъектах страны за 2007–2011 гг., приведена ниже

$$y_2(x_1, x_2) = 7,411 \times x_1^{0,181} \times x_2^{0,908}, \quad (2)$$

где y_2 – оборот совокупности малых предприятий в регионах, млрд руб.; x_1 – инвестиции в основной капитал совокупности малых предприятий, млрд руб.; x_2 – заработная плата работников совокупности малых предприятий, млрд руб.

Проверка качества функции (2) по указанным выше критериям основывалась на соответствующих расчетных значениях, представленных во второй строке табл. 2. Анализ показал, что разработанная функция обладает высоким качеством и позволяет сочетать достоинства как простран-

ственного, так и временного подхода. Она хорошо отражает сложившиеся закономерности и тенденции развития малого предпринимательства.

Учитывая большой удельный вес, приходящийся на совокупности малых предприятий городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга, была разработана производственная функция по субъектам страны, исключая данные по этим городам. Соответствующая функция приведена ниже:

$$y_3(x_{1\text{мсп}}, x_{2\text{мсп}}) = 7,338 \times x_{1\text{мсп}}^{0,179} \times x_{2\text{мсп}}^{0,913}, \quad (3)$$

где y_3 – оборот совокупности малых предприятий в регионах за исключением городов Москвы и Санкт-Петербурга, млрд руб.; $x_{1\text{мсп}}$ – инвестиции в основной капитал совокупности малых предприятий в регионах за исключением городов Москвы и Санкт-Петербурга, млрд руб.; $x_{2\text{мсп}}$ – заработная плата работников совокупности малых предприятий в регионах за исключением городов Москвы и Санкт-Петербурга, млрд руб.

Анализ качества функции (3) также основывался на сравнении расчетных значений (приведенных в третьей строке табл. 2) с указанными выше табличными значениями критериев. Он показал, что разработанная функция обладает высоким качеством.

Из сопоставления функций (2) и (3) видно, что показатели степеней при факторах и значения коэффициентов обеих функций отличаются незначительно (менее чем на один процент). То есть эти функции схожи. Поэтому оборот совокупностей малых предприятий всех субъектов страны, включая мегаполисы Москву и Санкт-Петербург, может быть описан с использованием производственной функции (2).

Наряду с разработкой производственной функции (2) по панельным данным, была построена также так называемая сквозная регрессионная модель, основанная на исходных данных без их разделения по конкретным годам. Соответствующая производственная функция, в которой не учитываются временные составляющие (т.е. изменения, обусловленные разными периодами времени) и случайные эффекты, приведена далее:

$$y_4(x_1, x_2) = 7,664 \times x_1^{0,124} \times x_2^{0,917}, \quad (4)$$

где y_1 – оборот совокупности малых предприятий в регионах, млрд руб.; x_1 – инвестиции в основной капитал совокупности малых предприятий, млрд руб.; x_2 – заработная плата работников совокупности малых предприятий, млрд руб.

Функция (4), как показала проверка, также обладает высоким качеством. Это следует из анализа данных, приведенных в четвертой строке табл. 2.

Сравнение показателей степеней и коэффициентов функций (2) и (4) позволяет сделать вывод о достаточно близких (отличающихся менее чем на один процент) значениях показателей степеней при втором факторе функций (заработной плате работников). Показатель степени при первом факторе (инвестициях в основной капитал) в функции, построенной по панельным данным в 1,5 раза больше по сравнению с функцией (4). Значение коэффициента в функции (4) на 5 % больше соответствующего значения

коэффициента в функции (2). Таким образом, использование панельных данных при построении производственных функций, на наш взгляд, более точно отражает сложившиеся тенденции развития малого предпринимательства по сравнению с использованием сквозных данных.

Итоги проверки качества функций по принятым критериям приведены в табл. 2.

Таблица 2

Итоги проверки качества производственных функций

Номер функции	Коэффициент детерминации	Коэффициент корреляции	Расчетные значения критерия Фишера-Снедекора	Расчетные значения стандартной ошибки	Расчетные значения критерия Стьюдента	
					x_1	x_2
(1)	0,947	0,973	662,33	0,28	4,27	25,74
(2)	0,897	0,947	749,39	0,24	4,17	21,96
(3)	0,937	0,968	2819,29	0,31	6,41	44,80
(4)	0,899	0,948	551,88	0,24	3,96	18,79

Сравнение производственных функций (1) и (2) показывает, что они во многом схожи.

Значения коэффициентов (7,411 и 7,827) в функциях отличаются менее чем на 5 %. Величины степеней при факторе заработной платы работников малых предприятий (0,908 и 0,885) почти идентичны (разница составляет менее 3 %). Несколько больше (на 22 %) различаются величины степеней при факторе инвестиций в основной капитал (0,181 и 0,148). При этом общие закономерности, вытекающие из сравнительного анализа функций (1) и (2), одинаковы:

1. Величины степеней при обоих факторах в функциях положительны и, следовательно, с ростом значений каждого из двух факторов, оборот малых предприятий увеличивается. Причем, на рассматриваемом диапазоне значений факторов функции не достигают своего максимума. Это подтверждается также тем, что значения предельной отдачи по обоим факторам положительны на рассматриваемых диапазонах изменения их значений. Из этого может быть сделан вывод о том, что насыщение малыми предприятиями как субъектов Российской Федерации, так и страны в целом явно недостаточно.

2. Сумма величин степеней факторов обоих производственных функций больше единицы (соответственно 1,033 и 1,089), что свидетельствует о возрастающей отдаче от масштаба. То есть при одновременном и равном процентном увеличении факторов каждой функции достигается наилучший эффект роста оборота совокупности малых предприятий. При этом оборот малого предпринимательства увеличивается более быстрыми темпами, чем рост значений каждого факторов. Опережающее увеличение оборота малых предприятий при одновременном росте факторов имеет важное значение для развития этого сектора экономики регионов.

3. Перекрестные производные производственных функций по каждому из двух факторов положительны для любых значений диапазона изменения факторов. Это показывает, что увеличение одного из факторов улуч-

шает условия использования другого фактора. Так, рост заработной платы работников улучшает отдачу от инвестиций. И наоборот, увеличение инвестиций повышает уровень использования заработной платы.

4. Эластичность оборота по инвестициям в основной капитал меньше эластичности оборота по заработной плате. Это свидетельствует о том, что для рассматриваемых производственных функций характерен фондо-сберегающий (экстенсивный) рост оборота малого предпринимательства в субъектах.

5. Предельная отдача каждого из факторов меньше средней отдачи этого фактора на всем диапазоне данных. Такое соотношение средней и предельной отдачи характерно для второй стадии производства по предложенной Д.Н. Хайманом классификации [15]. Эта стадия характеризуется наиболее сбалансированным соотношением факторов производственной функции. Как указывает Д.Н. Хайман, «только на ней не наблюдается избытка эффективно используемых факторов».

6. Вторые производные всех изоквант положительные, следовательно, выпуклые к началу координат. При этом уровень их выпуклости уменьшается при росте оборота совокупности малых предприятий, что свидетельствует, по мнению Х. Вэриана и А.Г. Гранберга [1, 2], об увеличении эластичности замены факторов: с ростом оборота малых предприятий возрастают возможности замены одного фактора другим.

7. Фактор заработной платы работников влияет на оборот малых предприятий в большей степени, чем фактор инвестиций в основной капитал.

В целом проведенные исследования показали возможность построения производственных функций, описывающих оборот совокупности малых предприятий в субъектах нашей страны на основе как пространственных данных за 2011 г., так и панельных данных за период с 2007 по 2011 г. Учитывая схожесть функций (1) и (2), каждая из них может быть применена в качестве инструмента решения широкого круга научных и прикладных задач развития и совершенствования малого предпринимательства. В частности, для мониторинга эффективности использования ресурсов и сравнения уровня, достигнутого предпринимательством в субъектах Российской Федерации, оценки потребности в инвестициях для развития малых предприятий и работодателях, необходимых этому сектору экономики, обоснования разнообразных программ и прогнозов поддержки предпринимательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Использование каждой из функций (1) или (2) при решении конкретных задач должно основываться на учете специфики этих задач. При этом необходимо исходить из того, что функция (1) отражает достигнутый малым предпринимательством в 2011 г. уровень, а функция (2) описывает тенденции развития этого сектора экономики за пятилетний период.

Литература

1. Вэриан Х. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход. М.: ЮНИТИ, 1997. 767 с.
2. Гранберг А.Г. Моделирование социалистической экономики. М.: Экономика, 1988. 487 с.
3. Клейнер Г.Б. Производственные функции: Теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика, 1986. 239 с.

4. *Колеников С.О.* Прикладной эконометрический анализ в статистическом пакете Stata. М.: Российская экономическая школа, 2000. 111 с.
5. *Кремер Н.Ш., Путко Б.А.* Эконометрика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 311 с.
6. Малое предпринимательство в России, 2008: статистический сборник. М.: Росстат, 2008. 164 с.
7. Малое и среднее предпринимательство в России, 2009: статистический сборник. М.: Росстат, 2009. 151 с.
8. Малое и среднее предпринимательство в России, 2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2010. 172 с.
9. Малое и среднее предпринимательство в России, 2012: статистический сборник. М.: Росстат, 2012. 185 с.
10. *Пиньковецкая Ю.С.* Малые предприятия России: закономерности, классификация и направления повышения эффективности. Saarbrücken (Germany): LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 204 с.
11. *Пиньковецкая Ю.С.* Экономико-математическое моделирование оборота малых предприятий // Вестник Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова. 2012. № 1. С. 88–91.
12. Российский статистический ежегодник, 2012: статистический сборник. М.: Росстат, 2012. 786 с.
13. Федеральный закон от 24.07.07 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. № 4427. 31.07.2007.
14. Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения: 10.08.2013).
15. *Хайман Д.Н.* Современная микроэкономика: анализ и применение. М.: Финансы и статистика, 1992. 384 с.
16. *Baum C.* An Introduction to Modern Econometrics Using Stata. College Station, TX: Stata Press, 2006. 341 p.
17. *Cobb C.W., Douglas P.H.* Theory of Production // American Economic Review, Supplement, 18, March 1928. P. 139–165.
18. *Douglas P.* Comments on the Cobb-Douglas Production Function // The Theory and Empirical Analysis of Production. Columbia University Press, 1967. P. 15–22. National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/chapters/c1474> (дата обращения: 20.07.2013).
19. *Hamilton L.* Statistics with Stata: Updated for Version 9. Belmont: Thomson Higher Education. 2006. 409 p.
20. *Solow R.* Capital, Labor, and Income in Manufacturing // The Behavior Of Income Shares: Selected Theoretical and Empirical Issues. Conference on Research in Income and Wealth. 1964. P. 101–142. National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/chapters/c1844> (дата обращения: 15.04.2013).

Bibliography

1. *Vjerian H.* Mikrojekonomika. Promehutochnyj uroven'. Sovremennyy podhod. M.: JuNITI, 1997. 767 p.
2. *Granberg A.G.* Modelirovanie socialisticheskoy jekonomiki. M.: Jekonomika, 1988. 487 p.
3. *Klejner G.B.* Proizvodstvennye funkcii: Teorija, metody, primenenie. M.: Finansy i statistika, 1986. 239 p.
4. *Kolenikov S.O.* Prikladnoj jekonometriceskij analiz v statisticheskom pakete Stata. M.: Rossijskaja jekonomicheskaja shkola, 2000. 111 p.
5. *Kremer N.Sh., Putko B.A.* Jekonometrika. M.: JuNITI-DANA, 2002. 311 p.
6. Maloe predprinimatel'stvo v Rossii, 2008: statisticheskij sbornik. M.: Rosstat, 2008. 164 p.

7. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii, 2009: statisticheskij sbornik. M.: Rosstat, 2009. 151 p.
8. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii, 2010: statisticheskij sbornik. M.: Rosstat, 2010. 172 p.
9. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii, 2012: statisticheskij sbornik. M.: Rosstat, 2012. 185 p.
10. *Pin'koveckaja Ju.S.* Malye predpriyatija Rossii: zakonomernosti, klassifikacija i napravlenija povyshenija jeffektivnosti. Saarbrucken (Germany): LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 204 p.
11. *Pin'koveckaja Ju.S.* Jekonomiko-matematicheskoe modelirovanie oborota malyh predpriyatij // Vestnik Magnitogorskogo gos. tehn. un-ta im. G.I. Nosova. 2012. № 1. P. 88–91.
12. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik, 2012: statisticheskij sbornik. M.: Rosstat, 2012. 786 p.
13. Federal'nyj zakon ot 24.07.07 g. № 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2007. № 4427. 31.07.2007.
14. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (data obrashhenija: 10.08.2013).
15. *Hajman D.N.* Sovremennaja mikroekonomika: analiz i primenenie. M.: Finansy i statistika, 1992. 384 p.
16. *Baum C.* An Introduction to Modern Econometrics Using Stata. College Station, TX: Stata Press, 2006. 341 p.
17. *Cobb C.W., Douglas P.H.* Theory of Production // American Economic Review, Supplement, 18, March 1928. P. 139–165.
18. *Douglas P.* Comments on the Cobb-Douglas Production Function // The Theory and Empirical Analysis of Production. Columbia University Press, 1967. P. 15–22. National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/chapters/c1474> (data obrashhenija: 20.07.2013).
19. *Hamilton L.* Statistics with Stata: Updated for Version 9. Belmont: Thomson Higher Education. 2006. 409 p.
20. *Solow R.* Capital, Labor, and Income in Manufacturing // The Behavior Of Income Shares: Selected Theoretical and Empirical Issues. Conference on Research in Income and Wealth. 1964. P. 101–142. National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/chapters/c1844> (data obrashhenija: 15.04.2013).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 329

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ

М.С. Круглов

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: kruglov_m@list.ru

В статье рассматриваются особенности социально-политических факторов развития современных форм гражданской активности, их роль в политическом процессе Российской Федерации. Показаны основные ценностные установки российского общества, выделяются взаимосвязанные уровни гражданской активности с присущими им определенными характеристиками.

В статье сделаны выводы о трансформации гражданской активности с локального уровня до уровня протестно-политической активности в период с 2005 по 2012 г., о сущностном потенциале форм гражданской активности.

Ключевые слова: гражданская активность, политические акторы, социальные условия, митинги, политические акции, протестно-политическая активность, ценностные установки.

SOCIAL AND POLITICAL FACTORS OF CIVIL ACTIVITY IN RUSSIA

M.S. Kruglov

Russian State University for the Humanities

E-mail: kruglov_m@list.ru

The article examines the features of social and political factors of the development of civil activity in Russia, its role in political process of the Russian Federation. It examines the main values of Russian society, which provides several interconnected levels of civil participation with their inherent specific characteristics.

Conclusions, made in the article, tell about the transformation of civil activity from the local level up to the protest and political participation in the period from 2005 to 2012, about the potential of forms of civil activity.

Key words: civil activity, political actors, social conditions, rallies, political actions, protest and political participation, values.

Формирование современного демократического государства, способного гарантировать права и свободы своим гражданам, напрямую зависит от активного участия в этом процессе членов общества. Политический процесс современной России также подчиняется этому правилу. В современной

России важным элементом общественных и политических трансформаций, способом преодоления патерналистских отношений в обществе становится гражданская активность индивидов и групп. Неинституциональные формы гражданской активности в условиях неработающих каналов обратной связи власти и общества и снижения роли политических партий становятся формой артикуляции общественных интересов.

Начиная с 2005 г. (начало протестов против Федерального закона № 122-ФЗ, т.н. «Монетизация льгот») в России образуется большое количество спонтанных групп недовольных граждан, решающих свои локальные проблемы с помощью коллективных действий: группы борьбы с уплотнительной застройкой, группы «обманутых дольщиков», отстаивающие свои права, группы, протестующие против вырубки парков и скверов и др. Подобные объединения могут оказывать влияние на процесс принятия локальных решений, однако остаются за рамками непосредственного политического процесса. Тем не менее функционирование самоорганизующихся структур на локальном уровне является важным для политического процесса в силу того, что именно на таком уровне закладываются основы гражданской самоорганизации, активизируется процесс накопления социального капитала, что позволяет преодолевать возникающие дилеммы, благодаря чему впоследствии вырастают более сложные формы демократического общественного устройства [2]. Для исследования этих процессов важно понимание ценностных установок российского общества, динамики их изменения в контексте роста гражданской активности. Ценностные установки общества, уровень солидарности его членов, накопленный социальный капитал являются важнейшими показателями демократического устройства, условиями, благодаря которым создаются и развиваются различные группы гражданской активности, оказывающие влияние на власть.

Граждане в России, по мнению социологов, руководствуются в первую очередь ценностями «второго уровня» – семьи, отношений с близкими [7]. Именно на этом уровне изначально проявляется солидарность. При этом часто отсутствуют ценности промежуточного уровня, связанные с публичностью, дифференциацией интересов, которые и являются базой гражданского общества. Частные связи, семейные, дружеские, клановые, этнические для российского общества являются более ценными, чем другие институты, которые могли бы продвигать более универсальные ценности, образуют собой общинные группы, в которых отношения строятся неформально, в обход легальным институтам. Такое положение обусловлено, в том числе специфическим институциональным устройством, сложившимся в России к 2005 г., одной из главных характеристик которого является господство неформальных институтов и практик, наличие сложно преодолимых препятствий, которые не позволяют российским гражданам систематически и успешно отстаивать свои интересы. У общества нет институциональных каналов взаимодействия с государством [3].

В этих условиях наиболее распространенной и рациональной стратегией, которую используют обычные люди, чтобы улучшить свой жизненный уровень или решить возникшую проблему, является обращение к микросети неформальных межличностных взаимоотношений, которые создаются в

целях взаимопомощи и коллективного действия, образуя группу «защиты» своих интересов [4, 5]. В тех случаях, когда затрагиваются личные интересы граждан внутри их собственного пространства («not in my backyard – только не в моем дворе»), они демонстрируют готовность к рациональным и коллективным действиям для защиты своих интересов. Подобные локальные протесты можно рассматривать как проблематизацию политических решений, принимаемых или принятых ранее [1, с. 89].

Доминирующие ценностные установки по защите исключительно своего интереса, являясь рациональными, по мере развития практики совместного опыта, коллективных действий трансформируются в ценности более высокого уровня, что способствует появлению примеров качественно иного уровня, произрастающих именно из активности и инициативности таких людей. Объединения людей в группы, успешность коллективных действий в решении определенной проблемы являются фундаментом для трансформации гражданской активности локального уровня в иные, более сложные и глобальные формы участия в политическом процессе. Инициатива по защите, например, собственного дома, гаража, предприятия трансформируется в создание группы по защите общегородских интересов, и далее – в движение по защите гражданских прав и политических требований. Базовыми ячейками гражданских движений являются самоорганизующиеся сообщества – группы, сформированные не сверху (властью) и не извне (по инициативе партий или других уже существующих общественных организаций), а снизу. Это самостоятельные и самодостаточные группы, которые не всегда, но довольно часто выстраиваются в более глобальную движенческую структуру, ставятся организованными группами защиты или поддержки. Общественная деятельность таких сообществ сосредоточена на социальных проблемах частной и повседневной жизни, она малополитизирована, специфична, предметна и отвергает абстракции, но при этом не исключает возможных переходов к обобщающей деятельности [6, с. 55–57].

Мотивом для первых шагов на пути к организованному протесту часто служит ощущение угрозы, нависшей над социальным благополучием индивида или семьи. Реконструкцию типичных социальных механизмов включения горожан в общественную жизнь целесообразно представить, опираясь на концептуальный аппарат французского социолога Лорана Тевено [9]: «Концепция режима вовлеченности, – когда один и тот же человек способен переключаться из одного модуса деятельности в другой, причем отличающийся особой логикой поведения, позволяет исследовать, как на индивидуальном уровне происходит включение актора в публичную активность, исследовать широкую гамму регистров действия и модальностей координации этого действия – когда оно развивается в спектре от близкого к публичному». Лоран Тевено различает три режима вовлеченности: режим близости, режим планового действия и режим критики и оправдания. Политолог Сэмюэль Грин выделяет несколько этапов гражданской вовлеченности:

1. Граждане должны чувствовать обиду и должны определять эту обиду как коллективную. Больше всего шансов на развитие движения и на определение этой обиды как коллективной бывает тогда, когда эта угро-

за или обида бывает одномоментной и неминуемой для всех потенциально обиженных.

2. Определение виновных, их доступность. Наличие возможности достучаться до них и формальная возможность изменить ситуацию – выражение первого протеста.

3. Реакция власти. Власть реагирует, тем самым добавляет последний элемент в парадигму конфликта, так как его понимают начинающие протест [10].

Именно в рамках деятельности подобных гражданских групп и объединений происходит изменение общественных практик, возникают новые ценности, накапливается социальный капитал, возникает и развивается солидарность на деле, что становится фундаментом для трансформации локальных групп и объединений в более широкие структуры для решения масштабных задач.

Гражданскую активность в России можно анализировать, дифференцируя ее по уровням – от минимального локального уровня до уровня политической деятельности, каждый уровень обладает своим набором отличающих характеристик. Первый уровень – уровень локальной гражданской активности, характеризуется отсутствием политических лозунгов, заявленная тематика протестов этого уровня ограничена узколичностными интересами участников, например, точечная застройка во дворе дома или вырубка зеленых насаждений в ближайшем парке. Следующий уровень (который по уровню охвата активности условно можно назвать «городским») характеризуется постепенным отходом от локальных установок «self-interest» в сторону более общественно-значимых проблем, например, экологические или градостроительные вопросы. На данном уровне возможны политические лозунги, хотя недовольство граждан не обязательно перетекает в политическую плоскость. Переход на этот уровень возможен, в том числе благодаря успешной активности предыдущего уровня – решению заявленных проблем, накоплению норм социального капитала: солидарности, взаимности, опыту коллективных действий. Следующий уровень (который по масштабу охвата может быть назван «региональным») отличается политизацией требований и лозунгов. Проблематика этого уровня общественно значима, выходит за рамки узких личностных интересов (например, отставка регионального руководителя, освобождение конкретных политических заключенных), в движении участвует большое количество людей, привлекаются мощные ресурсы. Активность следующего, федерального уровня – это многотысячные акции протеста, начавшиеся после парламентских выборов 2011 г., с политическими лозунгами и требованиями. Четвертый уровень гражданской активности, при определенных условиях, имеет потенциал перехода в стадию непосредственной политической деятельности, подразумевающей создание гражданами политических партий или активное участие в деятельности существующих, участие в выборах в качестве кандидатов и т.п.

Политизация гражданских движений – это отход от установок исключительного личного интереса в сторону общественно значимых вопросов, готовность с помощью общественных протестных выступлений добиваться

их решения, несмотря на отсутствие непосредственной выгоды «для себя», используя лозунги, направленные против политиков и чиновников, за изменение существующих политических практик.

Главные темы протестов: трудовые права, профсоюз; неудовлетворительная работа чиновников; рост тарифов, налогов, зарплат; обманутые дольщики, заемщики, акционеры; жилищные права, экология (вредное производство).

Итак, общественная и гражданская активность индивидов и групп в современной России становится важнейшим ресурсом общественных преобразований, способом преодоления патерналистских отношений в обществе. Начиная с 2005 г. (после масштабных гражданских протестов против Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, т.н. «Монетизация льгот») происходит устойчивый рост массовых уличных и «сетевых» протестов граждан, которые приобретают системный характер, что в условиях неработающих или работающих некорректно каналах обратной связи между правящей элитой и обществом становится значимым элементом взаимодействия общества и власти, элементом взаимовлияния. Недовольные граждане объединяются в небольшие спонтанные группы для решения локальных проблем, группы «защиты» своих интересов. Такой процесс становится рациональной точкой мобилизации, реакцией людей на невозможность решить свою проблему институциональными способами, проблематизацией политических решений. С наступлением экономического кризиса 2008 г. динамика активности подобных групп увеличивается. Экономический кризис спровоцировал некоторое ухудшение в отношении россиян к официальной власти. Период кризиса характеризуется постепенным изменением ценностных установок граждан: отходом от защиты своих узколичностных интересов в пользу общественно значимых ценностей, например, экология региона, региональная политика, градостроительная и архитектурная политика, что означает переход гражданской активности с одного уровня на другой, сопровождающийся минимальной политизацией. В ходе этого процесса группа приобретает классические черты заинтересованных групп поддержки, существование которых необходимо для становления и развития демократической системы. Подобные условия способствуют увеличению динамики роста протестной гражданской активности, переходу на следующие уровни, трансформации заинтересованных групп в широкое общественное движение.

Таким образом, ячейки гражданской активности, связанные с попытками (неформализованного) объединения, постепенно переходят от решения жизненно важной для этой группы проблемы (инициативные группы, автомобилисты, забастовщики и др.) к консолидации и формулированию политических требований с положительными результатами. Эти группы оказывают давление на власти и структурируются, если находится лидер и преодолеваются возникающие дилеммы. Группы гражданской активности сотрудничают и действуют коллективно с формально существующими организациями, включая оппозиционные партии, взаимно дополняя, привнося перспективу и новые возможности в деятельность друг друга, именно они являются главным ресурсом гражданского общества.

Литература

1. Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 2 (070).
2. Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra. 2008. Март–июнь. № 8.
3. Гельман В. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. № 4.
4. Гудков Л., Дубин Б. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3 (59). С. 28–29.
5. Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. Vol. 12 (2–3). 2008.
6. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
7. Петров Н., Липман М. Общество и граждане в 2008–2010 гг. // Московский Центр Карнеги. Рабочие материалы. 2010. № 3.
8. Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra. 2010. Июль–октябрь. С. 23–38.
9. Тевено Л. От социального действия к сетям и институтам // Федеральный образовательный портал ЭСМ (Экономика, Социология, Менеджмент). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/156/131/1231/thevenot.pdf>
10. Грин С. Выступление на конференции «Политическое развитие России: новый поворот?» Москва, 26.02.2012. Фонд поддержки науки, образования и культуры им. Галины Старовойтовой. Факультет истории, политологии и права РГГУ. Центр региональных политических исследований ИМИ МГИМО. При поддержке Фонда им. Фридриха Науманна.

Bibliography

1. Belokurova E., Vorob'ev D. Obshhestvennoe uchastie na lokal'nom urovne v sovremennoj Rossii // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2010. № 2 (070).
2. Vorozhejkina T. Samozashhita kak pervyj shag k solidarnosti // Pro et Contra. 2008. Martijun'. № 8.
3. Gel'man V. Institucional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoj rossijskoj politike // Polis. 2003. № 4.
4. Gudkov L., Dubin B. «Nuzhnye znakomstva»: osobennosti social'noj organizacii v uslovijah institucional'nyh deficitov // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2002. № 3 (59). P. 28–29.
5. Dubin B. Instituty, seti, rituality // Pro et Contra. Vol. 12 (2–3). 2008.
6. Kleman K., Mirjasova O., Demidov A. Ot obyvatelej k aktivistam: zarozhdajushhiesja social'nye dvizhenija v sovremennoj Rossii. M.: Tri kvadrata, 2010.
7. Petrov N., Lipman M. Obshhestvo i grazhdane v 2008–2010 gg. // Moskovskij Centr Karnegi. Rabochie materialy. 2010. № 3.
8. Rossija v institucional'noj lovushke // Pro et Contra. 2010. Ijul'–oktjabr'. P. 23–38.
9. Teveno L. Ot social'nogo dejstvija k setjam i institutam // Federal'nyj obrazovatel'nyj portal JeSM (Jekonomika, Sociologija, Menedzhment). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/156/131/1231/thevenot.pdf>
10. Grin S. Vystuplenie na konferencii «Politicheskoe razvitie Rossii: novyj povorot?» Moskva, 26.02.2012. Fond podderzhki nauki, obrazovanija i kul'tury im. Galiny Starovojtovo. Fakul'tet istorii, politologii i prava RGGU. Centr regional'nyh politicheskikh issledovanij IMI MGIMO. Pri podderzhke Fonda im. Fridriha Naumanna.

УДК 316.48

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.А. Недобега

Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля

E-mail: l_grechishkina@mail.ru

В статье рассмотрены особенности социально-экономических конфликтов и их роль в развитии общества на примере Украины. Социально-экономические конфликты возникают между участниками государственного управления, корпоративных отношений и обществом из-за различий в их интересах и потребностях. В результате неразрешенных конфликтов наблюдается снижение уровня социальной безопасности страны. Для того чтобы конфликты имели позитивное влияние на развитие общества, следует наладить диалог между сторонами конфликта через сотрудничество и взаимодействие и максимально придерживаться принципов гармонизации интересов и социальной ответственности.

Ключевые слова: интересы, конфликт, общество, развитие, социальная безопасность, социальная ответственность.

SOCIAL-ECONOMIC CONFLICTS IN A MODERN SOCIETY

Е.А. Nedobega

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University

E-mail: l_grechishkina@mail.ru

In the report features of social-economic conflicts and their role in society development are considered by the example of Ukraine. Social-economic conflicts arise between participants of public administration, corporate relations and society as a result of distinctions in their interests and requirements. Unresolved conflicts result in decrease in level of social safety of the country. In order to make conflicts influence society development positively, it is necessary to adjust interaction between conflict parties through cooperation and to adhere to the principles of harmonization of interests and social responsibility.

Key words: interests, conflict, society, development, social safety, social responsibility.

Введение

Динамические изменения, которые произошли в XX в. в экономической, политической, научно-технической, социально-культурной среде, привели к возникновению общемировых проблем человечества и конфликтов как на международном, так и на национальном уровнях. Особенно остро эта проблема проявляется в молодых государствах, странах с трансформационной экономикой и в периоды кризисных явлений.

Украина имеет недостаточный уровень развития производственных взаимоотношений и значительно отстает от развитых стран, потому и не может обеспечить достойный жизненный уровень населения, решить социальные проблемы. К сожалению, доходы большей части украинского населения находятся на уровне прожиточного минимума и ниже. Более того, за годы независимости наблюдается значительное ухудшение демографиче-

ской ситуации. Численность имеющегося населения в Украине на 1 июня в 2012 г. составляла 45565,9 тыс. чел. (при том, что еще 10 лет назад эта цифра равнялась 52000 тыс. чел.). Эта информация вынуждает всерьез задуматься над вопросом, что ожидает в дальнейшем нашу страну.

Реалии экономического и социального развития Украины свидетельствуют о недостаточной степени стабильности национальной экономики, ее конфликтности и склонности к разбалансированию. В этих условиях возрастает роль и обуславливается необходимость рассмотрения вопроса социально-экономических конфликтов в современном обществе.

1. Анализ последних исследований и публикаций

Понятие «конфликт» происходит от латинского *conflictus* и означает столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное противоречие, острый спор, который приводит к борьбе. Однако хотелось бы отметить, что еще не сложилось единого общепризнанного подхода к определению конфликта. Не вдаваясь детально в характеристику концепций конфликтологии, рассмотрим некоторые из существующих подходов.

По мнению Л. Козера [2, с. 39], конфликт является одним из видов социального взаимодействия, это «борьба за ценности и претензии на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят вред или устраняют своих соперников». А. Здравомыслов [2, с. 39] определяет конфликт как важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе, форму отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противоположными ценностями и нормами, интересами и потребностями. Конфликт также представляется [4, с. 32] как осознание на уровне отдельного человека, социальной группы или более широкого сообщества противоречивости процесса взаимодействия и отношений, отличий, а то и несовместимость интересов, ценностных оценок и целей, как осмысленное противостояние.

Конфликт [4, с. 36] – это нормальное проявление социальных связей и отношений между людьми, способ взаимодействия при столкновении несовместимых взглядов, позиций и интересов, противоборствующих и взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух или более сторон.

Конфликт [3, с. 158] можно определить как наиболее деструктивный способ развития и завершения противоречий, которые возникают в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности. Кроме конфликта, социальные противоречия могут завершаться и решаться путем сотрудничества, компромисса, уступки или избегания. Как сказал Р. Аккофф [1, с. 57], «там, где есть выбор, конфликт вероятен, там, где нет выбора, не может быть никаких противостояний».

Чаще всего, говоря о конфликте, его ассоциируют с агрессией, враждебностью, спорами, угрозами, т.е. рассматривают как нежелательное явление, которого следует по возможности избегать или пытаться решить как можно скорее. Однако конфликт можно и нужно рассматривать и с позитивной стороны, поскольку он выступает в качестве стимула к развитию региона, предприятий и организаций, групп и отдельного человека. Если конфликт

рассматривать в системе социальных отношений, возникает понятие социального конфликта [6, с. 13], представляющего собой процесс, в котором индивид или группа индивидов стремятся к достижению собственных целей путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы индивидов.

Конфликты в экономике возникают в связи с противоречиями между сторонами, когда их интересы не совпадают относительно производства, распределения, потребления и обмена ресурсами (материальными, финансовыми, трудовыми, технологическими, инновационными, информационными и др.). Это конфликты, которые связаны с рыночной конкуренцией, с отношениями предприятий и различных структур государственного управления, конфликты внутри предприятий и организаций и т.п.

Невзирая на достаточное количество научных трудов в отрасли конфликтологии, проблема определения роли социально-экономических конфликтов в развитии общества по-прежнему актуальна. Поэтому целью данного исследования является определение социально-экономического конфликта, причин и направлений решения конфликтов.

2. Изложение основного материала исследования

Учитывая вышеприведенные трактовки, социально-экономические конфликты можно определить как разновидность конфликтов, которые возникают между участниками государственного и местного управления, корпоративных отношений и обществом относительно удовлетворения определенных интересов или потребностей (рис. 1). Экономические и социальные интересы сложно разграничить, поскольку от уровня экономического развития напрямую зависит уровень социального развития общества, а соответственно и уровень конфликтности. Чем будет лучше благосостояние каждого человека, тем меньше будет вероятность возникновения конфликтных ситуаций и противоречий.

Из определения конфликта ясно, что одним из важных его признаков является противоположность интересов. Именно интересы [5] являются реальной причиной деятельности социальных субъектов, направленной на удовлетворение определенных потребностей; лежат в основе непосред-

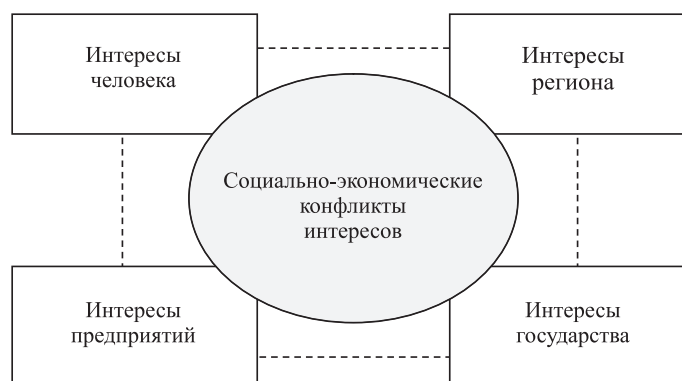


Рис. 1. Конфликты в социально-экономической среде

ственных побуждений, мотивов, идей и т.п.; определяются положением и ролью этих субъектов в системе общественных отношений.

При этом интересы и потребности не являются тождественными понятиями. Если потребность – это необходимость для человека чего-либо, то интерес является осознанием потребностей и возможности или невозможности их удовлетворения с учетом социальных условий и собственных потребностей, которые реализуются в определенной целенаправленной деятельности [7, с. 66].

Интересы человека связаны, прежде всего, с обеспечением его социальной безопасности, которая уже рассматривалась в нашей работе [8, с. 172–173] как состояние защищенности жизнедеятельности человека и удовлетворение его потребностей. К сожалению, в Украине наблюдается недостаточный уровень социального развития, о чем свидетельствуют отрицательные показатели рождаемости (в 2012 г. численность населения сократилась на 106046 чел. по сравнению с 2011 г.), увеличение миграционных потоков (на 18172 чел. в 2012 г. по сравнению с 2011 г.), низкий уровень доходов населения и т.п. В Украине по данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины 24 % населения не дотягивает до общегосударственных средних стандартов жизни, а 16 % вообще живет за чертой бедности. При этом речь идет об общегосударственных стандартах, если же за основу взять европейские стандарты, то за чертой бедности окажется примерно 80 % населения Украины. Характерной особенностью является то, что за чертой бедности живут люди, которые имеют постоянное место работы, но получаемых доходов недостаточно для удовлетворения физиологических потребностей.

Одним из наиболее проблемных вопросов является также реформирование системы здравоохранения. В результате проведенных реформ не удовлетворяются в полном объеме потребности населения в доступной, высококачественной и эффективной медицинской помощи. Согласно данным рейтинга, составленного агентством «Bloomberg», по уровню здоровья своих граждан Украина занимает 99-е место в мире.

Исходя из приведенных фактов, можно говорить о том, что в Украине социальное развитие находится на низком уровне. Социальные проекты и реформы, которые разрабатываются и внедряются в жизнь, являются эффективными преимущественно на бумаге, в действительности же население страны не живет, а выживает. В результате наблюдается деградация и вымирание нации, высокий уровень преступности и коррупции.

Как уже упоминалось ранее [9, с. 185], интересы предприятий и органов государственной власти Украины имеют много общих точек пересечения, которые в большинстве своем являются основой развития общества и в то же время вызывают конфликт социально-экономических интересов, поскольку главной задачей предприятия является максимизация прибыли (не всегда законным путем), а задачей органов власти – увеличения доходной части государственного и местных бюджетов за счет налоговых поступлений.

О конфликте интересов между субъектами хозяйствования и органами власти свидетельствует тот факт, что в рейтинге экономической свободы

2013 г. Украина заняла 161-е место из 177 стран, получив 46,3 балла из 100 возможных [14]. Значение Индекса экономической свободы Украины в течение последних 9 лет имеет негативную тенденцию, поскольку с 2006 г. этот показатель уменьшился почти на 10 баллов. При этом наибольшее падение наблюдается по показателю финансовой свободы (с 66-го места в 2008 г. на 130-е в 2013 г.). Существенно ухудшились показатели фискальной свободы (93-е место), свободы от коррупции (149-е место), свободы инвестиций (154-е место).

Налоговая сфера является одной из наиболее конфликтных. По подсчетам Всемирного банка украинский бизнес в той или иной форме выплачивает 135 различных налогов. Это самый высокий показатель в мире. Неудивительно, что количество налоговых споров в административных судах постоянно увеличивается. Бюджетообразующие налоги, такие как налог на прибыль и НДС, составляют основной объект споров. В таких спорах часто предметом являются операции, в которых фиктивные субъекты хозяйствования выступают либо контрагентами налогоплательщиков, либо же включены в качестве посредников в цепочку движения товара от производителя или импортера к налогоплательщику [12]. Кроме того, достаточно распространены дела по обращению налоговых органов о взыскании налогового долга. В последнем случае, налогоплательщик зачастую узнает о том, что он что-то не доплатил государству, только после того как получит результаты налоговой проверки. То есть добросовестный по своей сути плательщик налогов в силу своей недостаточной осведомленности в тонкостях налогового законодательства и бухгалтерского учета попадает в неприятную ситуацию, сам того не желая и не подозревая о существовании проблем [12].

В целом наиболее проблемные факторы для ведения бизнеса в Украине представлены на рис. 2 [13]. Как видим, помимо проблем в налоговой сфере значительно усложняют существование украинского бизнеса такие факторы, как нестабильность государственной политики, коррупция, неэффективность работы чиновников, инфляция и т.п. Все эти факторы приводят к возникновению конфликтных ситуаций и низкому уровню социально-экономического развития страны. По результатам 2012 г. Украина является одним из наиболее коррумпированных государств мира. В опубликованном очередном ежегодном рейтинге, проведенном международной общественной организацией Transparency International, Украина заняла 144-е место в списке 176 стран. Точных данных о том, сколько государство теряет поступлений в бюджет из-за коррупции в налоговой сфере, нет, однако, по приблизительным подсчетам различных организаций, эта сумма превышает 70 млрд грн.

Как утверждалось ранее [10, с. 82], для решения социально-экономических конфликтов между предприятиями и органами власти должна быть двусторонняя заинтересованность, т.е. со стороны государственных и местных органов власти необходимым видится всестороннее стимулирование и поддержка своих производителей, а со стороны предприятий – соблюдения принципов корпоративной социальной ответственности. Однако часто наблюдается противоположная ситуация, когда из-за отсутствия эффек-

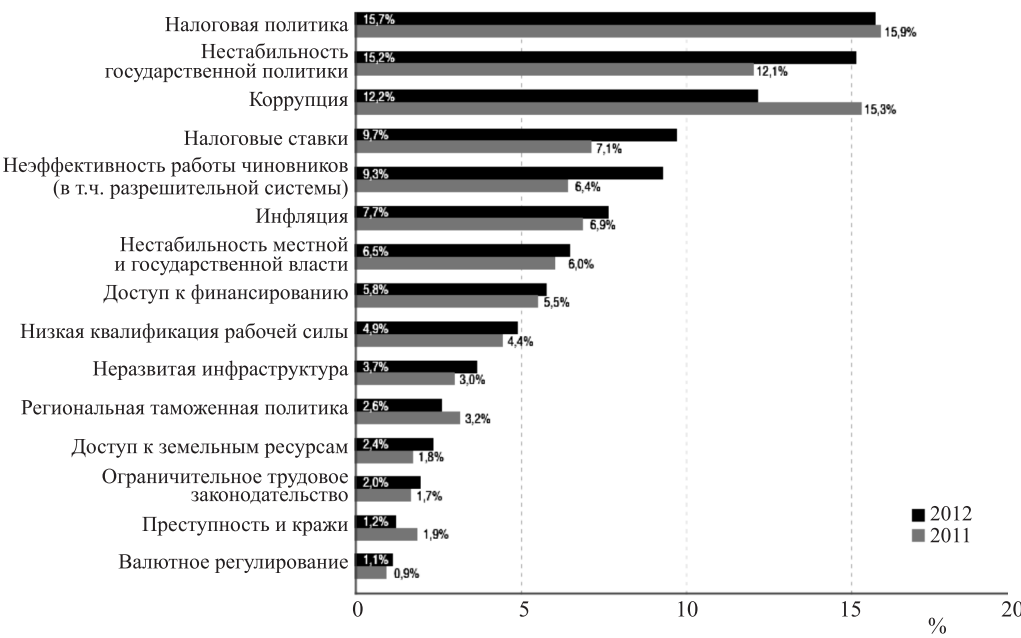


Рис. 2. Наиболее проблемные факторы для ведения бизнеса

тивных инструментов для решения конфликтов напрасно тратятся и время, и средства. Подобные неудачи приводят к неспособности как предприятиями, так и органами власти осуществлять любые изменения, в результате чего тормозятся все процессы социально-экономического развития общества.

Лучшим способом разрешения любых конфликтов, несомненно, является их предотвращение. Однако, если это абсолютно невозможно, то нужно хотя бы уменьшить их вероятность. Для реализации этой цели можно предложить концепцию развития всех субъектов, которая основывается на принципах самоорганизации, самоуправления и самоограничения (рис. 3).



Рис. 3. Концепция развития общества

Принцип самоорганизации проявляется через программу гармонизации общественных отношений, которая включает изменчивые во времени приоритеты, интересы, ценностные ориентиры, мотивы и цели относительно постоянных во времени законов организации [11, с. 169].

Принцип самоуправления означает самостоятельность в управлении своими делами. Принцип самоограничения является, пожалуй, одним из определяющих в этой концепции, поскольку выражает способность субъекта отказаться от удовлетворения какой-либо потребности для достижения более высокой цели. На это способны немногие, нужно четко осознавать, для чего это нужно.

В результате соблюдения вышеуказанных принципов возникает саморегулирующаяся система, которая при условии соблюдения принципов корпоративной социальной ответственности может стать основой социальной безопасности, а значит и социально-экономического развития общества. До тех пор пока обеспечение достойного уровня каждого отдельного человека, уважение его прав и свобод не станут приоритетом, говорить о каких-либо существенных положительных изменениях не приходится.

Заключение

Социально-экономические конфликты постоянно сопровождают нашу жизнь и играют важную роль в обеспечении развития общества. Разрешение конфликтов может иметь как отрицательные, так и положительные последствия. Для того чтобы эти конфликты имели положительное влияние на развитие всех субъектов хозяйствования, следует наладить эффективный диалог между сторонами конфликта (например, между органами местной власти и предприятиями), который бы способствовал достижению «баланса интересов» этих сторон. Это возможно сделать при условии соблюдения принципов корпоративной социальной ответственности не только субъектами хозяйствования, но и органами государственной и местной власти. Безусловно, «баланс интересов» является идеальной моделью взаимоотношений, которая практически недостижима, но к этому надо стремиться, чтобы обеспечить высокий уровень социально-экономического развития общества. Достойный уровень жизни населения должен стать целью экономической и социальной политики государства и целью функционирования каждого субъекта хозяйствования.

Литература

1. Акофф Р. Акофф о менеджменте / пер. с англ.; под ред. Л.А. Волковой. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
2. Аницупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2009. 304 с.
3. Аницупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 528 с.
4. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 240 с.
5. Словарь по общественным наукам. Глоссарий.ру. [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social/

6. *Цыбульская М.В., Яхонтова Е.С.* Конфликтология / Моск. междунар. ин-т эконо-
метрики, информатики, финансов и права. М., 2003. 100 с.
7. *Білоус В.С.* Синергетика та самоорганізація в економічній діяльності: навч. посіб.
К.: КНЕУ, 2007. 376 с.
8. *Недобега О.О.* Податкова політика як компонента системи соціальної безпеки
України // Пподаткова політика: стратегія соціального розвитку: монографія /
[колектив авторів] за наук. ред. Т.В. Калінеску. Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля,
2013. С. 170–178.
9. *Nedobega Y.* Conflicts of interests of companies and regional governments in Ukrai-
ne // Confligo: Conflict in a Society in Transition: monography / [Edited by Doris
A.Segal and Istvan Andras]. Hungary: Dunaujvaros College Press, 2011. P. 183–199.
10. *Недобега О.О.* Соціально-економічні конфлікти у забезпеченні податкової
самодостатності регіонів // Механізми забезпечення податкової самодостатності:
монографія / [Колектив авторів] за наук. ред. Т.В. Калінеску. Луганськ: вид-во
СНУ ім. В. Даля, 2011. С. 77–86.
11. *Калінеску Т.В., Ліхоносова Г.С., Кирилов О.Д., Наталенко М.О.* Соціально-
економічні каталізатори інноваційної активності підприємств: монографія. Лу-
ганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2012. 288 с.
12. *Бондарева А.* Законодательные изменения в налогообложении прибыли – на-
логовая революция или эволюция? [Электронный ресурс]. URL: [http://ubr.ua/
finances/taxes/zakonodatelnye-izmeneniia-v-nalogooblojenii-pribyli-nalogoivaia-
revoluciia-ili-evoluciia-245336/](http://ubr.ua/finances/taxes/zakonodatelnye-izmeneniia-v-nalogooblojenii-pribyli-nalogoivaia-revoluciia-ili-evoluciia-245336/)
13. Наиболее проблемные факторы для ведения бизнеса [Электронный ресурс].
URL: http://competitiveukraine.org/uploadfiles/reports/files/6_chapter_4_rus.pdf
14. Украина – одна из последних в Рейтинге экономических свобод [Электронный
ресурс]. URL: <http://www.epravda.com.ua/rus/news/2013/01/11/355596/>

Bibliography

1. *Akoff R.* Akoff o menedzhmente / per. s angl.; pod red. L.A. Volkovoj. SPb.: Piter, 2002.
448 p.
2. *Ancupov A.Ja., Baklanovskij S.V.* Konfliktologija v shemah i kommentarijah: ucheb.
posobie. 2-e izd., pererab. SPb.: Piter, 2009. 304 p.
3. *Ancupov A.Ja., Shipilov A.I.* Slovar' konfliktologa. 2-e izd. SPb.: Piter, 2006. 528 p.
4. *Vorozhejkin I.E., Kibanov A.Ja., Zaharov D.K.* Konfliktologija: uchebnik. M.:
INFRA-M, 2004. 240 p.
5. Slovar' po obshhestvennym naukam. Glossarij.ru. [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://
slovari.yandex.ru/dict/gl_social/](http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social/)
6. *Cybul'skaja M.V., Jahontova E.S.* Konfliktologija / Mosk. mezhdunar. in-t jekonometriki,
informatiki, finansov i prava. M., 2003. 100 p.
7. *Bilous V.S.* Sinergetika ta samoorganizacija v ekonomichnij dijal'nosti: navch. posib. K.:
KNEU, 2007. 376 p.
8. *Nedobega O.O.* Podatkova politika jak komponenta sistemi social'noї bezpeki
Ukraїni // Ppodatkova politika: strategija social'nogo rozvitku: monografija / [kolek-
tiv avtoriv] za nauk. red. T. V. Kalinesku. Lugans'k: vid-vo SNU im. V. Dalja, 2013.
P. 170–178.
9. *Nedobega Y.* Conflicts of interests of companies and regional governments in Ukraine
// Confligo: Conflict in a Society in Transition: monography / [Edited by Doris A.Segal
and Istvan Andras]. Hungary: Dunaujvaros College Press, 2011. P. 183–199.
10. *Nedobega O.O.* Social'no-ekonomichni konflikti u zabezpechenni podatkovoi sa-
modostatnosti regioniv // Mehanizmi zabezpechennja podatkovoi samodostatnosti:
monografija / [Kolektiv avtoriv] za nauk. red. T. V. Kalinesku. Lugans'k: vid-vo SNU
im. V. Dalja, 2011. P. 77–86.

11. *Kalinesku T.V., Lihonosova G.S., Kirilov O.D., Natalenko M.O.* Socialno-ekonomichni katalizatori innovacijnoi aktivnosti pidpriemstv: monografija. Lugans'k: vid-vo SNU im. V. Dalja, 2012. 288 p.
12. *Bondareva A.* Zakonodatelnye izmenenija v nalogooblozhenii pribyli – nalogovaja revoljucija ili jevoljucija? [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ubr.ua/finances/taxes/zakonodatelnye-izmeneniia-v-nalogooblozhenii-pribyli-nalogovaia-revoluciia-ili-evoluciia-245336/>
13. Naibolee problemnye faktory dlja vedenija biznesa [Elektronnyj resurs]. URL: http://competitiveukraine.org/uploadfiles/reports/files/6_chapter_4_rus.pdf
14. Ukraina – odna iz poslednih v Rejtinge jekonomicheskikh svobod [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.epravda.com.ua/rus/news/2013/01/11/355596/>

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 628.17

АНАЛИЗ ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОДОСНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА

В.Н. Афанасьев

Оренбургский государственный университет

С.А. Журавлев

Оренбург Водоканал

E-mail: Afanassiev@rambler.ru

В статье представлена теоретическая интерпретация основных проблем тарифной политики коммунального комплекса в Российской Федерации на основе исследования содержания методик формирования тарифов в стране и за рубежом, а также анализа методов и форм отношений государства и предпринимательских структур в виде частно-государственного партнерства; в результате многомерного статистического анализа временных рядов, структурных различий, причинных связей статистически доказаны: опережающий рост изменения тарифов на водоснабжение населения города по сравнению с ростом номинальных доходов; высокий уровень изношенности основных средств и прямое тесное влияние обновления основных средств на качество предоставляемых услуг по водоснабжению и водоотведению населения г. Оренбурга; дополнена методика управления затратами посредством совершенствования структурного анализа затрат по обеспечению услуг водоснабжения и водоотведения; экспертных оценок выявленных статистических показателей, оказывающих существенное влияние на формирование тарифов; схемой и «деревом решений» в основном этапе формирования тарифов – управления затратами; впервые проведено статистическое прогнозирование тарифов по одномерным моделям временных рядов и результатам многофакторного моделирования тарифов на услуги ООО «Оренбург Водоканал».

Ключевые слова: тарифы коммунальной сферы, методология статистического анализа, структура тарифов.

ANALYSIS OF TARIFF POLICY IN PUBLIC WATER SUPPLY SUSTEM

V.N. Afanasjev

Orenburg State University

S.A. Zhuravlev

Orenburg Vodokanal

E-mail: Afanassiev@rambler.ru

The report provides theoretical interpretation of main public tariff policy challenges in the Russian Federation based on the investigation of the content of tariff forming methods in the country and abroad, and on the analysis of methods and types of state and business

structures in the form of private-public partnership; as a result of multidimensional statistical analysis of time series, structural differences, and causalities was proved faster growth of changing public water supply tariff compared to the nominal income growth, and high level of assets depreciation and direct influence of assets renewal on quality of public water supply and disposal services in Orenburg; cost managing methods were supplemented by improved structural analysis of costs on providing water supply and disposal services, of expert assessment of discovered statistical parameters which significantly influence tariff formation; by scheme and decision tree at the main stage of tariff formation – cost management; for the first time statistic tariff forecasting is conducted according to one-dimensional models of time series and results of multi-factor tariff modeling for the services rendered by Orenburg Vodokanal, OOO.

Key words: municipal services tariffs, statistical analysis methods, tariff structure.

Введение

Проблемой, сдерживающей процессы реформирования коммунальной сферы, является несовершенство тарифной политики. К основным ее недостаткам следует отнести затратную методологию формирования тарифа и отсутствие формализации целей тарифного регулирования.

Существующая система регулирования ценообразования, основанная на ограничении рентабельности предприятий, не заинтересовывает последних в снижении затрат, не создает стимулов к повышению эффективности их деятельности.

В сложившихся экономических условиях одна из задач тарифной политики должна состоять в формировании финансовой базы коммунальных предприятий, однако в реальности этого не происходит. Для того чтобы коммунальное предприятие могло предоставлять услуги потребителям сейчас и в будущем, оно должно получать объем выручки, достаточный для покрытия всех расходов, которые оно несет при предоставлении коммунальных услуг и выполнении производственной и инвестиционной программ, направленных на поддержание имущества предприятий в таком техническом состоянии, которое обеспечит его нормальное функционирование в будущем.

В связи с этим статистический анализ тарифной политики одной из важнейших коммунальных услуг – водоснабжения населения города является несомненно актуальной.

1. Базовые принципы и методологические подходы статистического исследования отечественной и зарубежных методик формирования тарифов

Тарифы на услуги организаций коммунального комплекса (ОКК) представляют собой цены на услуги этих организаций и подвергаются государственному регулированию, поскольку главным образом влияют на уровень жизни населения.

Доходы коммунальных предприятий определяются ценой единицы материального носителя услуги, т.е. тарифом, и фактическим объемом потребления, что обуславливает заинтересованность коммунальных предприятий лишь в росте объемов реализации услуг.

Оплата коммунальных услуг в городах России рассчитывается по однокомпонентному или одноставочному тарифу, умноженному на объем потребления материального носителя услуги, который определяется по показаниям приборов учета, но чаще – по установленному нормативу потребления. Дифференцированная система оплаты услуг за нормативное и сверхнормативное потребление также ставит доходы коммунальных предприятий в прямую зависимость от объема производства услуг и нерационального использования воды, тепловой энергии и других ресурсов.

Основным этапом анализа и планирования величины тарифов является формирование критериев качества услуг. Необходимо разработать единые критерии – показатели качества обслуживания, которые можно измерять, контролировать, проверять и обеспечивать. Говоря о качестве услуг, имеющих жизненно важное значение, следует иметь в виду, что в ряде случаев отклонение от установленных параметров недопустимо ни при каких условиях, например, увеличение предельно допустимых концентраций (ПДК) в воде – повышенное содержание хлора, других вредных частиц и т.д.

Важным новшеством в тарифной политике на услуги коммунального комплекса является введение системы надбавок к тарифу. Другим источником финансирования инвестиционных программ, кроме надбавок к тарифам на услуги коммунального комплекса, является плата за подключение к сетям инженерно-технического обеспечения.

Принятые в Российской Федерации методики формирования тарифов на коммунальные услуги из расчета «себестоимость плюс рентабельность» способствуют наращиванию объемов реализации услуг, между тем реальные объемы их потребления имеют устойчивую тенденцию к снижению. Вследствие этого структура тарифа не соответствует реальным финансовым потребностям предприятия. Существующие процедуры формирования тарифов, как правило, не учитывают, прежде всего, фактор платежеспособности потребителей и качество оказываемых услуг.

Опыт многих стран, в том числе России, показывает, что коммунальные предприятия тесно связаны с местными властями и обычно являются собственностью властей (исключение составляют электро- и газовые компании, а также телефонная связь). Такой статус нередко способствует проявлению к ним неправильного потребительского отношения со стороны обслуживаемого населения – многие абоненты смотрят на работу коммунальных предприятий как на обязательную, не зависящую от ее оплаты. Соответственно на муниципалитеты оказывается политическое давление снизу в пользу бесперебойной, пусть даже убыточной работы коммунальных предприятий. С этим давлением необходимо считаться, но его нельзя назвать оправданным.

В мировом опыте существует, по крайней мере, два подхода к определению финансовых потребностей предприятия. Первый из них – подход на основе денежных потоков, второй – подход на основе прибылей и затрат. Подход к установлению тарифа на основе прибылей и затрат может применяться в случае, когда коммунальное предприятие находится в частной собственности. Поскольку практически все российские коммунальные предприятия ВКХ и большая часть теплоснабжающих предприятий находится в муниципальной или государственной собственности, для определения

их финансовых потребностей более применим метод денежных потоков. Он позволяет собственнику имущества определить наиболее приоритетные направления расходования средств коммунальными предприятиями, а также осуществлять управление муниципальным имуществом этих предприятий.

Существующий в настоящее время подход к формированию тарифа на большинстве российских муниципальных коммунальных предприятиях не имеет ничего общего с концепцией формирования тарифов за рубежом. Вместо определения реальных финансовых потребностей (по компонентам) используется расчет себестоимости, к которой прибавляется определяемый достаточно произвольным образом процент рентабельности. Такую структуру тарифа можно назвать «бухгалтерской», так как именно правила бухгалтерского учета определяют формирование себестоимости услуг регулируемого предприятия. Структура тарифа должна строиться исходя из экономических и финансовых соображений, а не из правил бухгалтерского учета в отношении того, какие затраты можно относить на себестоимость.

В исследуемой отрасли аудит играет весьма важную роль. Система организаций коммунального комплекса предусматривает обслуживание населения, сбор денежных средств, представление в органы государственной власти информации о состоянии и платежеспособности населения в целях выделения субсидий, льгот и дотаций из бюджетов разного уровня, а также защиты прав населения в условиях роста тарифов. Аудит позволяет выявить непроизводительные затраты и внутренние резервы предприятий с целью повышения эффективности производства, а также способствует более высокой ответственности предприятий за экономическое обоснование тарифов на оказываемые услуги. Сближение правил российского аудита с положениями международных стандартов аудита укрепляет отрасль и увеличивает ее инвестиционную привлекательность.

Оценка эффективности частно-государственного партнерства (ЧГП) в коммунальном хозяйстве – понятие комплексное и имеет свои особенности, включающие в себя как интересы предприятия, так и интересы общества (государства). Большая часть услуг, обеспечиваемых местными органами власти, становится выгодной от соединения усилий частного и государственного секторов. ЧГП в области и водоснабжения успешно действуют или готовятся практически во всех развитых странах – Австрии, Бельгии, Канаде, Ирландии, Италии, Португалии, ЮАР, Испании, Великобритании, США. Анализ реализации проектов ЧГП в ряде европейских стран показывает, что необходимость их использования в первую очередь обусловлена приватизацией и либерализацией в государственном секторе. Позитивные результаты проектов связаны с более низкими затратами на инвестиции и (или) с более низкой стоимостью оказываемых общественных услуг. Устойчивость этих преимуществ с учетом накопленного опыта реализации проектов ЧГП можно считать доказанной.

В России имеется большой, но пока мало используемый потенциал частно-государственного партнерства. ООО «Оренбург Водоканал» – пилотный проект Альфа-групп и ее дочернего подразделения ООО «Росводоканал» по созданию частного оператора в системе ВКХ. На момент передачи в аренду «Оренбург Водоканалу» водопроводно-канализационное хозяй-

ство города находилось в сложном состоянии. Износ водопроводно-канализационных сетей достигал 80%, аварийность почти в шесть раз превышала допустимый уровень. В результате взаимодействия частного инвестора в лице ГК «Росводоканал» и Администрации г. Оренбурга на основе «арендной схемы» был реализован один из первых проектов частно-государственного партнерства в водопроводно-канализационном хозяйстве России.

2. Методология статистического исследования, направленная на измерение эффективности тарифной политики в коммунальном комплексе

Значимость проблемы обеспечения жителей г. Оренбурга и области питьевой водой нельзя переоценить. В то же время рост тарифов на обязательные услуги коммунального комплекса значителен на протяжении последних 10 лет не только в Оренбургской области, но и в целом по стране.

Для сравнительной оценки интенсивности изменения доходов населения г. Оренбурга и величины тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения, были рассчитаны относительные показатели динамики по исследуемым показателям. Основным источником денежных доходов жителей г. Оренбурга является начисленная заработная плата, в связи с чем именно этот показатель являлся характеристикой доходов населения города.

Статистический анализ выявил, что интенсивность изменения анализируемых тарифов и уровня среднемесячной заработной платы по г. Оренбургу значительно разнится – рост тарифов происходит намного быстрее, чем рост заработной платы жителей города. Если в 2001 г. этот разрыв был невелик – темп прироста тарифов на водоснабжение был даже ниже темпа прироста среднемесячной заработной платы на 0,9 п.п., а изменение тарифов на водоотведение выше только на 23,7 п.п., то в последующие годы базисные темпы прироста тарифов (к 2000 г.) превышали базисные темпы роста заработной платы в разы.

Если такие огромные разрывы наблюдаются в интенсивности роста тарифов и среднемесячной заработной платы жителей г. Оренбурга, то ситуация в сравнительном анализе роста тарифов и изменения среднемесячных начисленных пенсий населения города будет выглядеть еще более сложной, так как темпы изменения уровня пенсий несопоставимы с темпами изменения заработной платы, в то время как доля населения старше трудоспособного возраста в г. Оренбурге за рассматриваемый период составляла около 20 %, постоянно возрастающая в связи со старением населения города.

Следует отметить, что представленная ситуация наблюдается в длительной динамике. Рассчитанные коэффициенты соотношения темпов изменения заработной платы и тарифов на водоснабжение и водоотведение наглядно характеризуют не только неадекватное изменение заработной платы по сравнению с данными тарифами, но и тенденции снижения данных коэффициентов в динамике, описываемые уравнениями логарифмической кривой. Неадекватное изменение темпов роста тарифов на водоснабжение и водоотведение и среднемесячной заработной платы жителей г. Оренбурга свидетельствует о негативном влиянии инфляционных процессов в области

услуг коммунального комплекса на благосостояние и уровень жизни населения города.

Рост тарифов в коммунальном хозяйстве РФ, обосновывается управляющими структурами этой сферы изношенностью основных средств, используемых при водоснабжении и водоотведении, поэтому одной из задач исследования являлось изучение обоснованности данных причин на примере предприятия – локального монополиста в водоснабжении и водоотведении ООО «Оренбург Водоканал».

Удельный вес и сумма активной части основных производственных фондов предприятия несколько снизились на конец 2010 г. по сравнению с предыдущим годом, тогда как доля и сумма пассивной части основных фондов, напротив, увеличились (рис. 1).

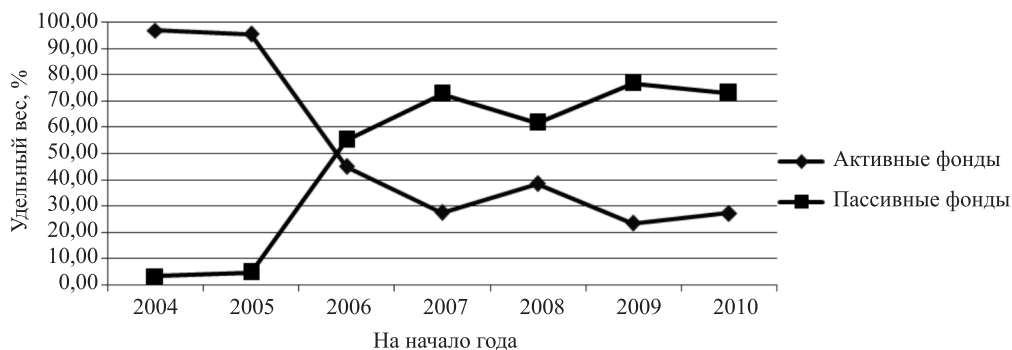


Рис. 1. Динамика активной и пассивной части основных фондов «Оренбург Водоканал»

Организация имеет многомиллионные основные средства, наличие которых позволяет почти на 19,5 % увеличивать объем продаж. Общая стоимость эксплуатируемых основных средств возросла в 2010 г. на 4 %, причем более быстрыми темпами росла их активная часть – 133,1 % к показателям прошлого года, что позволило улучшить структуру основных средств. Коэффициент износа, характеризующий состояние всех основных средств на основании данных их средней первоначальной стоимости и начисленной амортизации за 2009–2010 гг., снизился на 5 %.

Уровень рассмотренных коэффициентов свидетельствует о том, что в составе основных средств находятся достаточно «старые» средства, однако прослеживается стремление компании поддерживать состояние основных средств на уровне, соответствующем современному развитию техники, о чем свидетельствует рост остатков незавершенного строительства. В качестве мер по оптимизации структуры основных средств необходимо увеличить долю активных фондов.

Общая стоимость эксплуатируемых основных средств постоянно растет, причем наибольшее изменение (82,1 %) произошло в группе со сроком службы от 1 года до 5 лет. К этой группе относится большая часть машин и оборудования – активной части основных средств, участвующих в производстве продукции. Обновление основных производственных средств составило 8 %. Так как коэффициент обновления больше коэффициента вы-

бытия, организация успешно выполняет программу обновления основных средств, что подтверждает правильность вывода, сделанного ранее.

Остаточная стоимость основных фондов «Оренбург Водоканала» за период с октября 2003 г. по декабрь 2010 г. постоянно росла. Данная тенденция была подтверждена методом Фостера–Стюарта и рассчитанными критерием серий, основанным на медиане выборки, и критерием «восходящих и нисходящих» серий. Проведенный анализ точности и адекватности кривой роста позволяет сделать вывод, что с 99,5%-й вероятностью для остаточной стоимости основных фондов целесообразно использовать параболическую кривую второго порядка с некоррелируемыми остатками, которая имеет наименьшие ошибку аппроксимации и среднее квадратическое отклонение.

По полученной модели тенденции рассчитаны пессимистичный, модельный и оптимистичный прогнозы остаточной стоимости основных средств. Кроме аналитического выравнивания было проведено моделирование и прогнозирование тенденции адаптивным методом. Оценив параметры, получили с 95%-й вероятностью адекватную модель ARIMA (1,1,1) вида

$$\Delta_t^1 = -0,1579 \cdot \Delta_{t-1}^1 + \varepsilon_t - 0,0931 \cdot \varepsilon_{t-1}.$$

Прогнозные значения по параболической модели вошли в интервалы теоретических значений модели авторегрессии и свидетельствуют о росте анализируемого показателя на среднесрочную перспективу.

Оценка эффективности использования основных средств была основана на применении общей для всех видов ресурсов технологии, которая предполагает расчет и анализ показателей отдачи и емкости. За исследуемый период рост фондоотдачи на «ООО Водоканал» был обусловлен превышением темпов роста объема выпуска продукции над темпами роста среднегодовой стоимости оборудования. На каждый процент прироста основных средств прирост выпуска составил 3,2 пункта.

Факторный анализ выявил, что прирост объема выпуска продукции определялся влиянием расширения производственного потенциала и повышением эффективности его использования. Доля влияния расширения основных средств на объем выпуска составляет 31,5 %; доля влияния фондоотдачи – 68,5 %. Сложившееся соотношение влияния двух факторов на объем выпуска продукции служит предпосылкой роста рентабельности производства.

С целью выявления причинно-следственных связей способом абсолютных разниц были построены детерминированные факторные модели зависимости фондоотдачи основных средств (ОС) от фондоотдачи активной части ОС и удельного веса активной части ОС, а также модель зависимости фондоотдачи ОС от фондоотдачи действующих машин и оборудования, удельного веса активной части в стоимости ОС и удельного веса активной части действующего оборудования.

В результате были получены численные значения уровней влияния факторов на фондоотдачу с учетом их соподчиненности (табл. 1).

Воспроизводство основных средств оказывает непосредственное влияние на динамику тарифов. Анализ воспроизводства основных средств «Оренбург Водоканала» отразил, что в 2010 г. на предприятии «Оренбург

Таблица 1

Влияние факторов на фондоотдачу основных средств «ООО Водоканал»

Фактор	Размер влияния на фондоотдачу действующего оборудования	Удельный вес влияния, %
Первый уровень влияния		
Удельный вес активной части ОС	0,026	11,8
Удельный вес действующего оборудования	–0,018	–8,2
Фондоотдача действующего оборудования	0,212	96,4
Итого	0,220	100,0
Второй уровень влияния		
Сменность работы оборудования	0,272	69,9
Загрузка оборудования	0,043	11,1
Количество рабочих дней	0	0
Средняя цена единицы оборудования	0,231	59,4
Производительность единицы оборудования (выработка)	–0,157	–40,4
Итого	0,389	100,0

Водоканал» требовалась замена большей части водопроводных сетей – только 29,7 % водопровода технически пригодны. В замене нуждаются 83,1 % уличной водопроводной сети, 72,7 % внутриквартальной и внутридворовой сети и 20,5 % водоводов. В результате проведенных работ по ремонту и профилактике канализационных сетей все еще необходимо заменить 61 % из них.

При отсутствии интереса со стороны инвесторов к коммунальному хозяйству, в условиях ограничения бюджетных расходов на финансирование отрасли немаловажным негативным фактором является задолженность абонентов предприятий коммунального комплекса. Прослеживая структуру дебиторской задолженности ООО «Оренбург Водоканал», можно отметить, что наибольшую часть в ее объеме составляет задолженность покупателей услуг водоснабжения и водоотведения (рис. 2). Просроченная задолженность, образовавшаяся из-за неплатежей потребителей, превышает текущую задолженность.

Техническая оснащенность и финансовое состояние предприятий водоснабжения и водоотведения оказывают непосредственное влияние на качество питьевой воды. Питьевая вода должна быть безопасна в эпидемическом отношении, безвредна по химическому составу и обладать благоприятными органолептическими свойствами. На этих принципах основано «Руководство по контролю качества питьевой воды», изданное Всемирной организацией здравоохранения в 1984 и 1994 гг., и создаются национальные нормативные документы в области качества питьевой воды и контроля качества. Основными обобщающими показателями качества воды, как показал анализ отчетов Управления Роспотребнадзора по Оренбургской области, являются средние проценты нестандартных проб, исчисляемые по городам и районам области по группам показателей, характеризующих загрязнение воды.

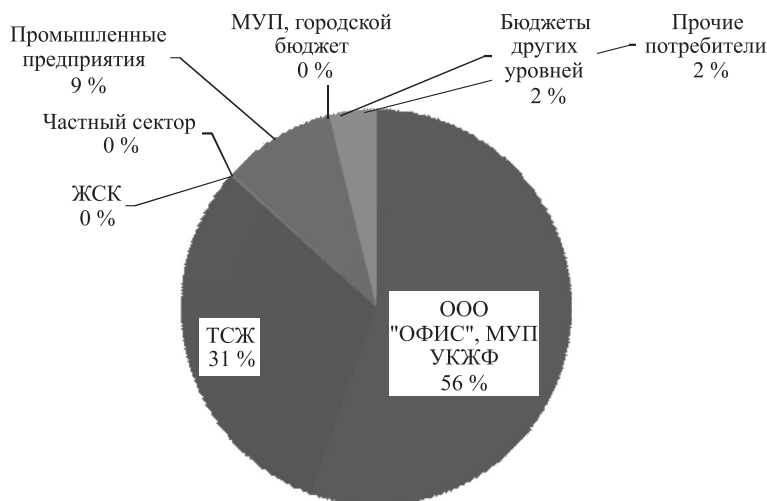


Рис. 2. Структура просроченной задолженности по хозяйствующим субъектам

Для выявления факторов, влияющих на качество питьевой воды г. Оренбурга, были построены регрессионные модели, где в качестве переменных выступили следующие факторы: X_1 – коэффициент обновления основных средств предприятий, занятых производством и распределением электроэнергии, газа и воды, %; X_2 – коэффициент износа основных средств предприятий, занятых производством и распределением электроэнергии, газа и воды, %; X_3 – инвестиции в основной капитал предприятий, занятых производством и распределением электроэнергии, газа и воды, млн руб.; X_4 – благоустройство жилищного фонда водопроводом (в % к общей площади); X_5 – использовано свежей воды, млн m^3 ; X_6 – сброс сточных вод в поверхностные водные объекты, млн m^3 .

В качестве результата применены два показателя, характеризующие качество питьевой воды в г. Оренбурге: Y_1 – средний процент нестандартных проб воды, взятых из водопроводной сети; Y_2 – средний процент нестандартных проб воды, взятых из поверхностных источников.

Для выбора наиболее результативных факторов из исходной информации предварительно были построены матрицы парных коэффициентов корреляции. С целью устранения мультиколлинеарности между факторными признаками методом пошаговой регрессии построены модели регрессии с включением фактора времени (табл. 2).

При увеличении коэффициента обновления основных средств предприятий, занятых производством и распределением электроэнергии, газа и воды на 1 %, средний процент нестандартных проб воды, взятых из водопроводной сети, уменьшится на 1,4 %. Рост благоустройства жилищного фонда водопроводом на 1 % уменьшает средний процент нестандартных проб воды, взятых из водопроводной сети на 0,5 %. Таким образом, качество воды из водопроводной сети во многом зависит от благоустройства соответствующих сооружений. Увеличение сброса сточных вод в поверхностные водные объекты на 1 млн m^3 , приводит к росту среднего процента нестандартных проб воды на 0,8 %.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа средних процентов нестандартных проб воды в г. Оренбурге за 2001–2010 гг.

По пробам	Уравнение регрессии	R^2	$t_{\text{набл}}$ ($\alpha = 0,05$)	F-критерий	
				фак- тиче- ский	таблич- ный ($\alpha = 0,05$)
Взятым из водопроводной сети	$Y1 = 70,49 - 1,4 \cdot X1 - 0,48 \cdot X4 + 0,04 \cdot t$ (3,04) (3,28) (2,84)	0,94	2,62	53,3	6,94
Взятым из источников	$Y2 = -8,11 - 0,182 \cdot X3 - 0,839 \cdot X6 + 0,12 \cdot t$ (3,98) (4,26) (2,84)	0,95	2,62	60,4	6,94

Факторы, включенные в модели, объясняют 94 и 95 % колеблемости результативных признаков. Для того чтобы сравнивать влияние колеблемости различных факторов на колеблемость исследуемых показателей, были рассчитаны β -коэффициенты и коэффициенты эластичности, показавшие наибольшую роль в объяснении колеблемости средних нестандартных проб воды, взятых из водопроводной сети в г. Оренбурге, за счет благоустройства жилищного фонда водопроводом объясняется 41 % колеблемости. Увеличение данного фактора на 1 % повлечет снижение нестандартных проб воды из водопровода 0,62 %.

Колеблемость средних проб воды, взятой из источников, на 47 % объясняется колеблемостью сброса сточных вод в поверхностные водные объекты. Рост данного фактора на 1 % приведет к росту результативного признака на 8,11 %. F-критерий, полученный по всем моделям, превышает табличные значения на заданном уровне значимости, что подтверждает значимость уравнений в целом. По всем факторам, включенным в модели, расчетные значения t -статистики Стьюдента больше табличных, следовательно, коэффициенты регрессии при всех включенных в модель факторах также статистически значимы.

3. Статистическая оценка структуры затрат

Тариф есть следствие координации производственных затрат водоканалов, поэтому целесообразно оценить их состав и структуру. Структурно-динамический анализ затрат ООО «Оренбург Водоканал» показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода (2008–2011 гг.) наблюдалась тенденция к увеличению совокупных затрат. Значительный рост характерен для затрат на электроэнергию и на все виды ремонтов. Затраты на электроэнергию изменялись в интервале от 29,6 до 31,8 %, а на все виды ремонтов от 23,5 до 25,8 %. Следует отметить, что значения данных показателей несколько снизились к началу 2009 г. Минимальное значение удельного веса в структуре затрат характерно для амортизации. Значение данного показателя за период с 2008 по 2010 г. изменялось от 1,1 до 3,5 %, в 2011 г. произошло незначительное снижение его значения (рис. 3).

Разный уровень тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения объясняется обособленным функционированием взаимно не интегриро-

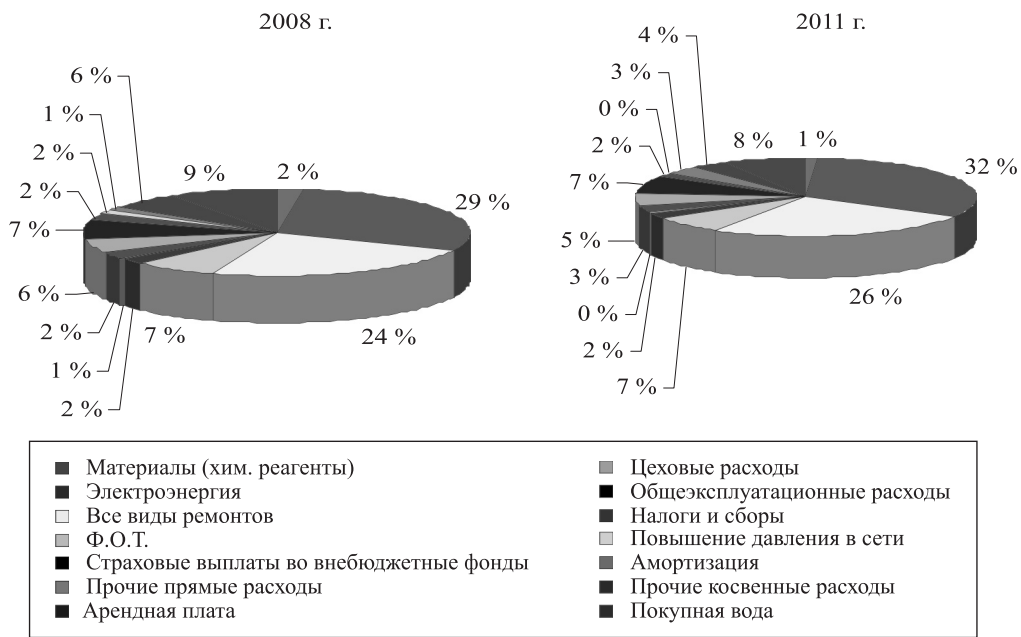


Рис. 3. Распределение затрат ООО «Оренбург Водоканал» по обеспечению услуг водоснабжения за 2008, 2011 г.

ванных базовых элементов ИТСВ. В отличие от оказания услуг в сфере водоснабжения, при оказании услуг водоотведения наибольший удельный вес в структуре затрат занимают все виды ремонтов.

Значения данного показателя изменялись от 27,3 до 29,3 %. Затраты на электроэнергию варьировались в интервале от 14,38 до 15,6 %.

Для оценки структурных различий затрат, используемых при формировании тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения ООО «Оренбург Водоканал», были рассчитаны индивидуальные и интегральные характеристики структурных различий (табл. 3).

Таблица 3

Обобщающие показатели структурных сдвигов основных статей затрат на услуги водоснабжения и водоотведения за 2008 и 2011 гг.

Показатели	Водоснабжение	Водоотведение
Линейный коэффициент «абсолютных» структурных сдвигов	2,40	2,10
Квадратический коэффициент «абсолютных» структурных сдвигов	1,48	1,79
Интегральный показатель структурных сдвигов К. Гатева	0,09	0,12
Индекс структурных различий А. Салаи	0,34	0,24
Критерий В. Рябцева	0,06	0,08

Полученные значения коэффициентов свидетельствуют о том, что структурные сдвиги незначительны, а исследуемые структуры затрат устойчивы.

В настоящее время водоканалы не имеют возможности перейти на рыночное ценообразование, не отвечающее ожиданиям потребителей, и получать экономические выгоды. Преодоление данного противоречия возможно через реализацию «стимулирующего» механизма расчета тарифов на услуги водоканалов, основанного на учете основных рисков. Анализ рисков, связанных с формированием тарифов на предприятиях коммунального комплекса, представляет собой процесс, направленный на прогнозирование возможных ситуаций и минимизацию потерь, возникающих в финансово-хозяйственной деятельности.

Для применения метода эвристического прогнозирования влияния и оценки вероятности наступления факторов на формирование тарифа ООО «Оренбург Водоканал» по обеспечению услуг водоснабжения на 2012 г. были отобраны специалисты ООО «Оренбург Водоканал» со стажем работы более 10 лет в следующих специализациях: экономика, статистика, бухгалтерский учет, финансовый учет и финансовый менеджмент. Для проведения исследования была разработана анкета опроса, а по результатам опроса экспертов сформирована «Матрица компетенции экспертов». В качестве меры точности экспертных методов было принято среднее значение относительной погрешности. Прогнозная оценка степени влияния факторов на формирование тарифа на услуги водоснабжения в г. Оренбурге охарактеризована как существенная. Важнейшим фактором, влияющим на формирование тарифа, экспертами названо проведение ремонтных работ. По оценкам экспертов, в г. Оренбурге в 2012 г. вероятность роста тарифа на электроэнергию близка к 100 %, а проведение ремонтных работ на водоканале оценивается как 98 %.

Имея в своем распоряжении основные статьи затрат, входящие в структуру тарифа на холодное водоснабжение 2011 г., и результаты метода экспертных оценок, прогнозируется величина тарифа на 2012 г. С этой целью была проведена декомпозиция задач прогнозирования и выделение набора отдельных вариантов развития событий, в совокупности охватывающих все возможные варианты развития, а затем проанализирована структура тарифа и оценены будущие затраты, оказывающие наибольшее влияние на величину тарифа.

Таким образом, было получено «дерево решений» на этапе управления затратами. Возможные экономические ситуации, их вероятности и обобщающие показатели представлены на рис. 4. Наименьшая величина себестоимости достигается в случае отсутствия ремонтных работ и отсутствия роста цены на электроэнергию. Вероятность наступления такого события экспертами оценивается как очень низкая. Это можно объяснить тем, что в г. Оренбурге, как и в других городах России, неизбежный рост тарифов на электроэнергию обусловлен увеличением стоимости производства (в первую очередь ростом затрат на топливо для электростанций), износом сетевого оборудования, увеличивающего потери электроэнергии при транспортировке, неплатежами потребителей за электроэнергию и ростом энергопотребления. Кроме того, изношенность оборудования ООО «Оренбург Водоканал» составляет 70–80 %, что в конечном итоге приводит к росту затрат.

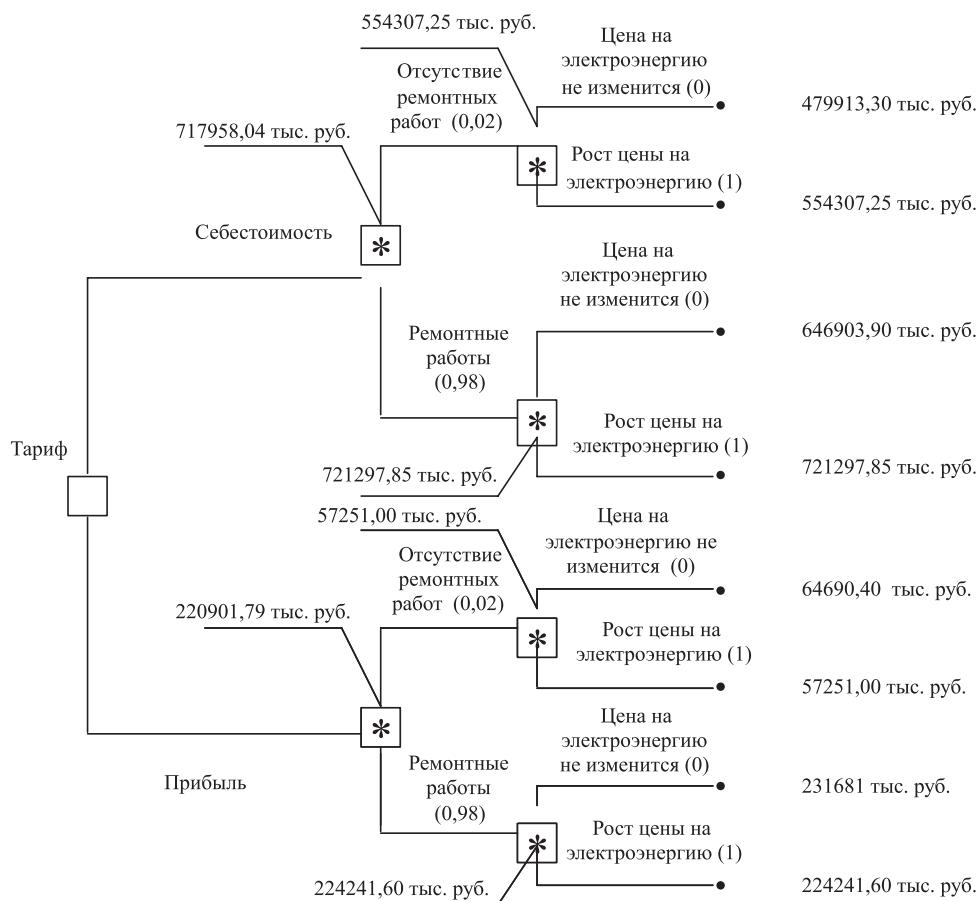


Рис. 4. «Дерево решений» формирования прогнозного значения тарифа: □ – решение (решение принимает предприятие); * – случай (решение «принимает» случай)

В связи с высоким износом объектов инженерно-технической системы водоканалов (ИТСВ) повышается риск снижения подачи воды по сравнению с нормальным уровнем по причине возрастающего гидравлического сопротивления водопроводной сети из-за отключения ремонтных участков. Ежегодно на городском водоканале фиксируется в среднем 300 отказов – протечки сальников, разрывы, трещины, переломы, течи стыков и др. Аварийность приводит к потерям воды, загрязнению окружающей среды, дополнительным дорогостоящим земляным работам, повышению расхода электроэнергии, росту затрат. В работе водоканалов появляются затраты, меняющиеся ситуационно, или форс-мажорно – аварийный ремонт, отказ оборудования по причине природных рисков, неадекватные действия персонала.

При систематической реставрации имеющихся основных фондов прибыль предприятия увеличивается, так как повышается эффективность оказываемой услуги. Используя основную процедуру формирования тарифа на предприятии коммунального комплекса, можно сказать, что размер тарифа по обеспечению услуг холодного водоснабжения в 2012 г. составит 17,75 руб./м³.

В результате проведенного анализа можно сказать, что к факторам, ведущим к снижению тарифа, относятся: инвестиции в развитие и модернизацию основных фондов, государственное регулирование цен на энергоносители, контроль за установленными предельными уровнями расходов статей затрат и их снижение. К факторам, ведущим к увеличению тарифа, относятся: удорожание энергоносителей, инфляция, неудовлетворительное состояние основных фондов, непроизводительные потери, превышение установленных предельных уровней расходов статей затрат.

Далее в работе были использованы два класса формализованных методов прогнозирования тарифов на водоснабжение и водоотведение: по одномерному временному ряду и многофакторные модели. Метод аналитического выравнивания позволил получить для описания тенденций исследуемых временных рядов (период 2001–2011 гг.) адекватные модели полиномов второго порядка с минимальными ошибками аппроксимации (7 и 6 % соответственно)

$$\begin{aligned}\hat{y}_{\text{водоснабжение}} &= 0,2782 + 0,289t + 0,0735t^2, \\ \hat{y}_{\text{водоотведение}} &= 0,0623 + 0,2219t + 0,0468t^2\end{aligned}$$

и три варианта прогнозных значений на среднесрочную перспективу – оптимистический, модельный и пессимистический.

Для построения моделей авторегрессии был проведен предварительный анализ автокорреляционной и частной автокорреляционной функции исследуемых рядов, которые затухают, имея выброс на 1 лаге, причем ряды являются нестационарными. В связи с этим для описания тенденций исследуемых временных рядов были применены модели ARIMA первого порядка (табл. 4).

Таблица 4

Моделирование ARIMA-процессов для уровней ряда

Модель ARIMA	Тариф на водоснабжение		Тариф на водоотведение	
	Вид модели	$ \bar{\delta} $, %	Вид модели	$ \bar{\delta} $, %
(1,1,0)	$\hat{y}_t = 1,9094 \cdot y_{t-1} - 0,9094 \cdot y_{t-2}$	15,7	$\hat{y}_t = 1,9279 \cdot y_{t-1} - 0,9279 \cdot y_{t-2}$	97
(0,1,1)	$y_t = y_{t-1} + \varepsilon_t - 0,6051 \cdot \varepsilon_{t-1}$	19,8	$y_t = y_{t-1} + \varepsilon_t - 0,5764 \cdot \varepsilon_{t-1}$	17,9
(1,1,1)	$\hat{y}_t = 1,99974 \cdot y_{t-1} - 0,99974 \cdot y_{t-2} + \varepsilon_t - 0,42777 \cdot \varepsilon_{t-1}$	12,3	$\hat{y}_t = 1,99963 \cdot y_{t-1} - 0,99963 \cdot y_{t-2} + \varepsilon_t - 0,28758 \cdot \varepsilon_{t-1}$	89

Лучшим качеством из ARIMA-моделей обладают модели ARIMA(1,1,1). Динамика теоретических значений, рассчитанных по данным моделям, представлена на рис. 5.

Отклонения от фактических значений от теоретических незначительны, что подтверждает высокое качество полученных моделей и высокую вероятность полученных по данным моделям точечных и интервальных прогнозных значений.

В качестве следующего метода прогнозирования тарифов была использована модель экспоненциального сглаживания Ч. Хольта. По ряду дина-

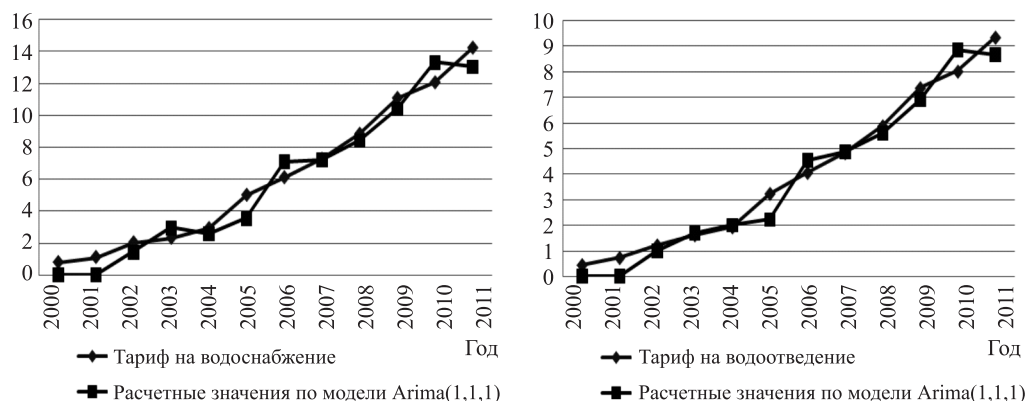


Рис. 5. Теоретические значения ARIMA (1,1,1) для тарифов на водоснабжение и водоотведение

мики тарифов на водоснабжение наилучшими значениями для параметра адаптации являются $\alpha_1 = 0,7$, $\alpha_2 = 0,7$. При них наблюдаются наименьшие величины суммы квадратов отклонений и средних квадратов, а для модели тарифов на водоотведение наилучшими являются значения $\alpha_1 = 0,7$, $\alpha_2 = 0,8$, которые обеспечивают те же самые условия. Средняя относительная ошибка аппроксимации для полученных моделей составила менее 20 %, что говорит об их удовлетворительном качестве и возможности прогнозирования.

В соответствии с постановлением правительства Российской Федерации от 26 августа 2004 г. № 441 «О федеральных стандартах оплаты жилья и коммунальных услуг и порядке возмещения расходов на капитальный ремонт жилья на 2005 год» с 2005 г. граждане вносят платежи за предоставляемые жилищно-коммунальные услуги в размере 100 % федерального стандарта их предельной стоимости. В этих условиях возникает вопрос о разработке механизма, который бы смягчил для населения системы оплаты коммунальных услуг при системе безубыточного функционирования организаций коммунального комплекса и выявления причин, обуславливающих рост тарифов на услуги ОКК.

Для построения регрессионной модели тарифов на водоснабжение и водоотведение ООО «Оренбург Водоканал» (2000–2010 гг.) были выделены следующие факторы: X_1 – ИПЦ по Оренбургской области, в % к декабрю предыдущего года; X_2 – средний размер назначенных пенсий в г. Оренбурге, руб.; X_3 – сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, тыс. руб.; X_4 – средний тариф на электроэнергию, руб./кВт·ч; X_5 – коэффициент износа основных средств в г. Оренбурге, %; X_6 – инвестиции в основной капитал в г. Оренбурге, млн руб.; X_7 – фактор времени. Оценки полученных методом пошаговой регрессии уравнений отражены на рис. 6.

Полученные регрессионные модели отразили следующие зависимости: с увеличением среднего тарифа на электроэнергию для юридических лиц на 1 руб. тариф на водоснабжение увеличится на 8,78 руб., а тариф на водоотведение – на 5,89 руб.; под влиянием фактора времени тарифы ежегодно увеличиваются на 0,77 и на 0,52 коп. соответственно.

Regression Summary for Dependent Variable: Y1 (Водоснабжение) R= ,98559544 R²= ,97139837 Adjusted R²= ,96424796 F(2,8)=135,85 p<,00000 Std. Error of estimate: ,75303							Regression Summary for Dependent Variable: Y2 (водоотведение) R= ,98657047 R²= ,97332129 Adjusted R²= ,96665161 F(2,8)=145,93 p<,00000 Std. Error of estimate: ,48772								
N=11	Beta	Std. Err. of Beta	B	Std. Err. of B	t(8)	p-level	N=11	Beta	Std. Err. of Beta	B	Std. Err. of B	t(8)	p-level		
	Intercept		-3,37842	0,815373	-4,14340	0,002509		Intercept		-2,33451	0,542566	-4,30272	0,001983		
	X4	0,968540	0,082952	8,78194	0,752144	11,67588		0,000001	X4	0,969034	0,082309	5,89232	0,500491	11,77306	0,000001
	X7	0,637839	0,208909	0,76690	0,250853	3,05319		0,015744	X7	0,647024	0,201764	0,52102	0,162473	3,20684	0,012483

Рис. 6. Оценки уравнений регрессии для тарифов на водоснабжение и на водоотведение ООО «Оренбург Водоканал»

Построенные модели в целом и их параметры с вероятностью 95 % являются статистически значимыми по *F*-критерию Фишера и *t*-статистике Стьюдента. Факторы, включенные в модель, объясняют более 96,4 % колеблемости результативного признака. Рассчитанные стандартизованные коэффициенты регрессии, коэффициенты эластичности и раздельной детерминации отразили, что наибольшую роль в объяснении колеблемости тарифов на водоснабжение и водоотведение в г. Оренбурге также играет величина среднего тарифа на электроэнергию, за счет него объясняется 71 и 72 % колеблемости тарифов соответственно.

По набору отобранных признаков был проведен компонентный анализ, по результатам которого были получены две главные компоненты, объясняющие 69,0 и 13,1 % суммарной дисперсии соответственно. Первая главная компонента аккумулировала показатели, характеризующие общее влияние инфляции, исходя из чего была интерпретирована «Уровень инфляции». Вторая главная компонента тесно связана (коэффициент корреляции больше 0,7) с такими исходными признаками: сальдированный финансовый результат (прибыль «минус» убыток) деятельности предприятий и организаций, коэффициент износа основных средств и инвестиции в основной капитал и была интерпретирована «Экономическое состояние предприятий г. Оренбурга». Рассчитанные индивидуальные значения данных компонент были использованы для построения регрессионной модели зависимости тарифов на водоснабжение и водоотведение от выделенных факторов:

$$\begin{aligned}\hat{y}_{\text{водоснабжение}} &= -1,933 + 3,92 \times Z_1 - 0,391 \times Z_2, \\ \hat{y}_{\text{водоотведение}} &= -1,007 + 2,63 \times Z_1 - 0,263 \times Z_2.\end{aligned}$$

Уравнения показывают, что с ростом уровня инфляции на 1 пункт своего значения тариф в среднем увеличится на 3,92 руб. за 1 м³ воды и на 2,63 руб. за 1 м³ стоков. Увеличение показателя «Экономическое положение предприятий г. Оренбурга» на 1 единицу своего измерения приведет к снижению тарифов в среднем на 39 и 26 коп. соответственно.

Параметры моделей регрессии являются статистически значимыми по *t*-критерию Стьюдента и сама модель значима по *F*-критерию Фишера, что дает возможность полагать, что они могут быть использованы для построения прогноза. Для оценки качества уравнений были также рассчитаны средние относительные ошибки аппроксимации, составившие 13,0 и 17,3 % соответственно для тарифов на водоснабжение и водоотведение, что говорит о хорошем качестве построенных моделей. Согласно полученным мно-

гофакторным уравнениям регрессии с вероятностью 95 % прогноз тарифов на водоснабжение и водоотведение на 2012 г. при планируемом увеличении уровня инфляции на 0,5 пунктов и экономического состояния предприятий г. Оренбурга на 0,3 пункта составит 12,79 и 8,24 руб. за 1 м³.

Заключение

Предложенные в статье теоретические и практические разработки по методологическим вопросам статистического исследования тарифной политики в водоснабжении населения города следует использовать в дальнейшем развитии статистической методологии исследования тарифной политики в коммунальном комплексе, в совершенствовании тарифной политики в Российской Федерации, результативном управлении затратами в предприятиях коммунального комплекса, для повышения эффективности частно-государственного партнерства государства и предпринимательских структур, качественного и доступного предоставления услуг населению РФ.

Литература

1. *Афанасьев В.Н., Петрова Е.В., Савельев А.Б.* Оценка эффективности реализации экономической политики государства / под ред. В.Н. Афанасьева. М.: Финансы и статистика, 2005. 236 с.
2. *Журавлев С.А.* Пилотный проект, ставший образцовым: ООО «Оренбург Водоканал» – успешный пример реализации государственно-частного партнерства // Энергетика. Энергосбережение. Экология. 2011. № 5. С. 36–39.
3. *Журавлев С.А., Афанасьев В.Н.* Совершенствование методологии статистического исследования качества услуг населению на рынках муниципальных образований // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 3. С. 116–127.
4. *Журавлев С.А.* Об эффективности механизма реализации частно-государственного партнерства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 13. С. 137–145.
5. *Журавлев С.А., Афанасьев В.Н.* Статистическое исследование влияния динамики тарифов на социально-экономическое развитие региона // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2013. Вып. 1. Т. 13. С. 14–19.
6. *Журавлев С.А., Афанасьев В.Н.* Теоретические парадигмы в истории частно-государственного партнерства как формы управления предприятием // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 1. С. 118–127.

Bibliography

1. *Afanas'ev V.N., Petrova E.V., Savel'ev A.B.* Ocenka jeffektivnosti realizacii jekonomicheskoj politiki gosudarstva / pod red. V.N. Afanas'eva. M.: Finansy i statistika, 2005. 236 p.
2. *Zhuravlev S.A.* Pilotnyj proekt, stavshij obrazcovym: ООО «Orenburg Vodokanal» – uspeshnyj primer realizacii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Jenergetika. Jenergoberezhenie. Jekologija. 2011. № 5. P. 36–39.
3. *Zhuravlev S.A., Afanas'ev V.N.* Sovershenstvovanie metodologii statisticheskogo issledovanija kachestva uslug naseleniju na rynkah municipal'nyh obrazovanij // Intellekt. Innovacii. Investicii. 2012. № 3. P. 116–127.

4. *Zhuravlev S.A.* Ob jeffektivnosti mehanizma realizacii chastno-gosudarstvennogo partnerstva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 13. P 137–145.
5. *Zhuravlev S.A., Afanas'ev V.N.* Statisticheskoe issledovanie vlijanija dinamiki tarifov na social'no-jekonomicheskoe razvitie regiona // Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2013. Vyp. 1. T. 13. P. 14–19.
6. *Zhuravlev S.A., Afanas'ev V.N.* Teoreticheskie paradigmy v istorii chastno-gosudarstvennogo partnerstva kak formy upravlenija predprijatiem // Intellect. Innovacii. Investicii. 2013. № 1. P. 118–127.

УДК 330.56

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ДОХОДОВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА

Л.Н. Федорова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: Lyufyodorova@yandex.ru

Рассмотрена структура формирования личных доходов как иерархического образования, включающего совокупность элементов и функций, совершающегося под влиянием факторов и институтов общества. Выделены стадии, образующие вертикальную структуру процесса формирования личных доходов как вторичной подсистемы глобальной социальной системы.

Дано теоретическое обоснование особенностей исследуемого объекта в условиях социально-экономической трансформации и охарактеризованы тенденции, оказывающие влияние на формирование личных доходов. Показаны реальные тенденции преобразовательного процесса.

Ключевые слова: доходы, социальная подсистема, структура, трансформация, дифференциация.

PERSONAL INCOME GENERATION AS SOCIAL SUBSYSTEM

L.N. Fyodorova

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: Lyufyodorova@yandex.ru

The structure of forming of the personal incomes is considered as hierarchical education, including totality of elements and functions, accomplished under influence of factors and institutes of society. The stages formative the vertical structure of process of forming of the personal incomes as a secondary subsystem of global frame of society are distinguished.

The theoretical justification of the features of the object in terms of socio-economic transformation is given and the trends that influence the formation of personal income are described. The real trends of the transformational process are showing.

Key words: income, social subsystem, structure, transformation, differentiation.

Доходы гражданина и семьи в целом являются реальной основой развития способностей работника и предпринимателя, реализации запросов современного человека, условием обеспечения равенства шансов как важнейшего принципа гражданского общества. Исследовательские возможности процесса формирования личных доходов, включая трансформационные условия, можно считать достаточно основательными, если рассматривать соответствующий объект как органическую часть глобальной социальной системы в целом. Исходным пунктом обоснования такого подхода может быть признание того, что функциональное (первичное) распределение национального продукта и персональное (вторичное) распределение, в ходе которого образуются доходы семей (домохозяйств), происходят под влиянием многообразных факторов и институтов общества как проявления активного отношения субъектов хозяйственной деятельности к реальной

действительности. Такой подход предполагает, в сущности, междисциплинарное исследование «на стыке» экономической теории, теоретической и прикладной социологии. В данной статье охарактеризуем основные свойства процесса формирования личных доходов как подсистемы глобальной социальной системы, обращая главное внимание на специфические черты данного объекта и сложившиеся тенденции периода социально-экономической трансформации.

Элементы и взаимосвязи формирования доходов

Традиции исследования общества в качестве социальной системы принадлежат экономической социологии, как правило, их связывают с именами Т. Парсонса и М. Вебера, представляющих в определенной степени разные подходы к объяснению природы социального объекта. Т. Парсонс рассматривает общество как социальную макроструктуру, возникающую вследствие предшествующей деятельности людей [6]. С точки зрения М. Вебера, главным объектом исследования должны быть сами экономические субъекты (акторы), их социальное поведение, статус, сфера общественных взаимодействий [2]. Однако следует признать и то, что марксистская теория объединяет две названные выше парадигмы, поскольку функционирование и развитие общества рассматривается в контексте экономических устремлений представителей разных социальных слоев, а К. Маркс – исторически первый представитель и основоположник системного подхода к исследованию общества.

Формирование личных доходов представляет собой подсистему в рамках глобальной системы, одну из ее многочисленных проекций, возникающую как результат взаимодействия экономических субъектов «здесь и сейчас» и одновременно как продукт исторического развития любого общества. С точки зрения внутреннего устройства формирование личных доходов как процесс представляет собой движение от одной стадии к другой, смену форм, состояний, содержания прямых и обратных взаимосвязей в рамках самого объекта и с внешней средой. Следует выделить три стадии данного процесса: соединение факторов производства с целью создания экономического блага как носителя стоимости (ценности); приобретение стоимостью денежной формы и образование доходов собственников ресурсов; формирование денежных доходов домохозяйств. В рамках глобальной системы названные стадии осуществляются последовательно и в то же время параллельно по отношению друг к другу, поскольку существует большое число взаимодействующих институциональных единиц, принимающих участие в распределении и перераспределении национального продукта. На входе в данную подсистему общества – рынки ресурсов труда и капитала, на выходе – удовлетворение потребностей экономических субъектов.

Имеет смысл выделять системообразующие и системообразующие элементы любой системы или подсистемы общества. К числу первых относят людей как биологических существ, их отношения и социологические алгоритмы действий, системообразующие элементы – материальные и идеальные результаты деятельности человека [3, с. 4]. В контексте нашего исследования к системообразующим элементам мы относим эконо-

мических субъектов (акторов), действующих в пространстве социальных институтов и создающих эти институты, стимулы и мотивы поведения, к системообразующим – ценность создаваемых экономических благ и доходы. Все взаимосвязи в рамках распределения и перераспределения доходов изначально в системе рыночных отношений осуществляются посредством денег и механизма ценообразования.

Таким образом, формирование личных доходов как система представляет собой сложное иерархическое образование. По вертикали – это указанные выше стадии распределения и перераспределения национального продукта, совершающиеся на разных уровнях иерархии (фирмы разных типов, домохозяйства, социальные слои), по горизонтали – факторы и институты, воздействующие на процесс создания экономических благ, принципы распределения и присвоения денежных доходов собственниками труда и капитала, вторичное распределение.

Особенности процесса в условиях трансформации экономической системы

Несмотря на то что состояние любой социальной системы в переходное время можно рассматривать как межсистемное, так как одна система уходит в прошлое, а другая зарождается и развивается, даже формально существующие новые структуры и институты коренным образом меняют взаимосвязи между экономическими субъектами. Как вторичная подсистема общества, расположенная на границах его функциональных подсистем – производства, политической и культурно-мотивационной, формирование доходов испытывает на себе влияние общества как глобальной системы [12]. В условиях трансформационных сдвигов в глобальной системе формирование личных доходов не может не подвергаться воздействию соответствующих процессов. Под трансформацией какого-либо объекта чаще всего понимается его превращение, связанное с изменением форм и существенных характеристик. Причем, как правило, не обращается внимания на характер взаимосвязи изменений данного объекта с состоянием внешней среды. Более строгий подход к раскрытию содержания понятия «трансформация» предполагает указание на способность объекта к самостоятельному, автономному преобразованию и самоорганизации. С этой точки зрения качественные изменения процесса формирования доходов в условиях трансформации социально-экономической системы в целом целесообразно рассматривать, с нашей точки зрения, как его преобразование, а не трансформацию в классическом виде. В связи с этим роль субъективного фактора в изменении качественных характеристик формирования доходов можно рассматривать как наиболее важную.

Когда происходят трансформационные изменения, системные функции не могут быть реализованы в полной мере, любой системе в этих условиях присущи разрывы, разломы, обостряются противоречия. Так, снижение темпов роста экономики, тем более суженное воспроизводство, порождают проблему недостатка экономических благ, кризис в политике – неудовлетворительную организацию общественно-политической и экономической жизни, размытость культурно-мотивационных установок – разрушение

интегрирующего начала в обществе. Общество в целом находится в нестабильном состоянии, проявлением которого являются неравномерные темпы роста экономики, расколотость пространства и нелинейность процессов, диффузия институтов и преобладание неэкономических детерминант [10, с. 14]. Такое состояние общественной системы и ее подструктур оказывает определяющее влияние на характер и все стадии распределения национального продукта. В то же время процесс формирования доходов оказывает обратное влияние на общество, затрагивая, практически, все важнейшие процессы, совершающиеся в его рамках.

Благодаря формированию доходов своих граждан, общество должно получать ресурсы жизнедеятельности для своего существования. Как интегральная функция процесса формирования личных доходов обеспечение ресурсами жизнедеятельности включает, по крайней мере, три важнейшие составляющие: воспроизводство способностей к труду совокупного работника и развитие человеческого капитала, создание стимулов к более производительному труду, включая предпринимательскую деятельность, формирование платежеспособного спроса и инвестиционных возможностей. Выполнение данной функции, которую мы рассматриваем как функцию целедостижения, становится невозможным в условиях трансформации в полной мере, поскольку не могут быть реализованы также достаточно полно основополагающие функции данной подсистемы: целостность, способность к адаптации, воспроизводство своих структур. В то же время нельзя рассматривать межсистемное состояние социальной системы как такое, в котором системные функции вообще не реализуются. Ведь иначе никакой объект не мог бы существовать как более или менее целостное образование и распался бы, исчез, будучи неспособным выполнять свои функции хотя бы в каком-то объеме.

Реализация своих функций любой социально-экономической системой связана с наличием определенной институциональной среды, поскольку любой фактор воздействует на соответствующий объект через общественные институты. Трансформация экономики и общества предполагает качественные изменения в системе институционального устройства и это уже изначально порождает серьезные проблемы в возможностях любой подсистемы общества реализовать свои функции. Главной формой существования в этом случае становится не стабильность и функционирование, а преобразование, трансформация, определенная траектория движения. В связи с этим особенно важной становится характеристика институциональной среды периода трансформации, структуры и качества институтов с точки зрения их воздействия на распределительные отношения. Одновременно необходимо оценивать характер движения к новому типу отношений, его этапы, скорость продвижения, проблемы и противоречия, сопровождающие этот путь. Необходимо оценивать, какой в действительности является траектория движения, насколько она соответствует существующим целевым установкам.

Процесс формирования доходов в период трансформации всех общественных структур осуществляется, в первую очередь, на основе эволюции ранее существующих институтов, причем состояние неформальных правил поведения, ментальных характеристик приобретает определяющее значе-

ние. В условиях отсутствия социально-экономической целостности системы неэкономические факторы всегда превращаются в основную детерминанту выбора путей развития [10, с. 14]. Неформальные институты намного более инертны, медленно изменяются, но именно ценностные предпочтения и мотивы поведения, в конечном счете, предопределяют возможность адаптации экономических субъектов к новым формальным институтам, импортируемым извне. Но это означает и то, что формально узаконенные права собственности, влияющие на распределение доходов, трудовое, договорное законодательство и пр., могут быть реализованы в полной мере только при условии наличия соответствующих установок у самих экономических субъектов.

Трансформационный процесс в сфере формирования доходов предполагает не только эволюционные явления, которые всегда преобладают, но и действие дезэволюционных, толчковых факторов, что соответствует закономерностям качественных преобразований в обществе в целом [5, с. 46–47]. В связи с этим большое значение в исследовании отношений распределения приобретает анализ поведения и предпринимаемых действий властных структур, от которых зависит импорт институтов извне. При этом роль государства в российском обществе с его традициями «сильной руки» и государственности может оказаться определяющей.

Так как в условиях трансформации главным является выяснение траектории движения, динамики процессов, для оценки происходящих изменений необходимо выявлять складывающиеся тенденции и закономерности, как достаточно устойчивые соотношения между определенными параметрами институциональной среды и формированием доходов внутри самого процесса формирования доходов. Так, в качестве своеобразных критических точек или промежуточных целевых ориентиров развития целесообразно, с нашей точки зрения, рассматривать законодательно формируемые социальные нормативы, в том числе наиболее актуальные для российских условий – величину прожиточного минимума, восстановительный потребительский бюджет, бюджет высокого достатка. Для оценки уровня и характера дифференциации личных доходов необходимо использовать комплекс статистических характеристик, дающих представление не только о динамике среднего уровня доходов и дифференциации в обобщенном виде, но и отражающих различные аспекты соответствующих процессов, в частности, степень вариации и асимметрии значений того или иного признака [13].

Выявление закономерностей преобразовательных процессов позволяет оценить степень устойчивости общественных взаимосвязей, которая является признаком относительной завершенности трансформационного периода или, напротив, его незавершенности. Если период качественных преобразований продолжается достаточно долго, что и наблюдается в России, появляется возможность анализировать закономерности самого трансформационного процесса. Экономическая система РФ пережила несколько кризисных потрясений, причем на фоне глубокого системного кризиса, затрагивающего все стороны общественной жизни. В связи с этим важно выявить общее и различия в тенденциях формирования доходов по периодам в течение последних 20 лет, а общие черты динамики спадов и подъемов,

соотношений между изучаемыми параметрами может означать наличие определенных закономерностей преобразовательного процесса непосредственно в сфере формирования личных доходов.

Реальные тенденции и качество преобразовательного процесса

Переход от планово-управляемой экономики к рыночной предполагал отказ от принципов распределения, существующих в виде некоего идеала, но, фактически, в модифицированных формах реального социализма. Общественному устройству этого периода были присущи два типа отношений: адекватные, с теоретической точки зрения, социалистическим принципам, базирующиеся на отношениях общественной собственности на средства и результаты труда, и чужеродные ему формы, как наследие прошлых периодов, включая рыночный тип отношений. Именно эти два типа отношений стали определяющими в формировании трансформационных тенденций экономической системы, поскольку процесс формирования доходов в переходное время возникает не на пустом месте, а вырастает из того, что есть в обществе, и в то же время под влиянием новых экономических, властных и ментальных явлений.

Некоторые исследователи выделяют, по крайней мере, четыре тенденции в трансформационной экономике: постепенное умирание характерных признаков реального социализма; генезис отношений позднего капитализма в виде глобальной гегемонии корпоративного капитализма и связанных с этим процессов; возрождение добуржуазных отношений, возникающих на фоне авторитарно-бюрократических методов управления; всемирный нелинейный процесс социализации и гуманизации. Для трансформационной экономики России как никакой другой характерен процесс интеграции принципов и черт тоталитарно-государственной собственности прошлого с различными деформациями тенденции корпоративизации, свойственной позднему капитализму, и воссоединением добуржуазных форм принуждения и зависимости [10, с. 252–253]. В контексте нашего анализа эти тенденции следует рассматривать как определяющие для формирования принципов распределения и перераспределения национального продукта в условиях социально-экономической трансформации.

Обращаясь к предмету нашего исследования, названные тенденции целесообразно анализировать под углом зрения разрушительного и созидательного процессов. В узком смысле под разрушением применительно к российской ситуации можно понимать уход от реального социализма, поскольку на рубеже 1980–1990 гг. в стране была поставлена радикальная задача перехода к рыночным отношениям. Созидание же новых отношений предполагало конструирование рыночных взаимосвязей и соответствующих им институтов. Но, поскольку движение вперед, к рынку, с теоретической точки зрения и на практике не сопровождается только прогрессивными изменениями, разрушительную и созидательную тенденции необходимо оценивать, выделяя позитивное и негативное начало (см. рисунок). В связи с этим охарактеризованные выше четыре тенденции трансформации могут содержать как положительную, так и отрицательную динамику.



Виды тенденций трансформационной экономики, оказывающих влияние на формирование личных доходов

Так как отношения распределения периода государственного социализма, как уже подчеркивалось выше, содержали разнородные явления, соответствующие сущности социализма, и неадекватные социализму формы, тормозящие развитие, их разрушение в процессе трансформации следует оценивать по-разному. А именно: позитивным явлением можно считать ликвидацию государственно-бюрократических способов распределения доходов, статусных принципов распределения и т. п., негативным – уничтожение элементов распределения пропорционально труду и потребностям, социальных гарантий (развитая система общественных фондов потребления), ориентации на социальную справедливость.

Точно так же переход к рыночному типу взаимосвязей содержит в себе потенциально позитивное и негативное начало. В качестве положительно-го процесса можно считать наблюдаемую в развитых экономиках, хотя и в противоречивых формах, тенденцию к социализации и гуманизации общественных отношений. Негативная составляющая созидательного процесса перехода к рыночным отношениям на рубеже XX–XXI вв. естественным образом может быть связана с распространением власти капитала на разнообразные стороны общественной жизни и порождением в связи с этим острых противоречий, проявляющихся в каких-либо формах в социальной сфере.

Главная проблема постреформенной России заключается в неравномерности развития различных сфер жизни и дисбалансе в системе социальных,

политических, культурных и других факторов производства, попытках перейти на постиндустриальный путь развития и одновременно использовании модели социальной политики, сложившейся еще в индустриальную эпоху [4, с. 21]. Переход к новым отношениям распределения в виде пофакторного распределения доходов сопровождается формированием отношений, несвойственных экономическим системам развитых экономик или вообще неизвестных ранее. Так, становление новой системы социальных стандартов наследует традиции эпохи государственного социализма и вместе с тем дополняется формами, соответствующими рыночным принципам в эпоху глобализации. Элементы социального неравенства, связанные с «закрытым распределением» по статусному принципу, бюрократическими привилегиями, и одновременно определенная уравнительность в «распределении по труду» в условиях государственного социализма стали реальной почвой сохранения этих отношений в настоящее время, но уже в новых модифицированных формах, обусловленных рыночными принципами взаимоотношений, далекими от их классических форм. Одновременно вместе с невысокими потребительскими стандартами и, напротив, высокой степенью терпимости в обществе названные выше характерные черты способствуют развитию добуржуазных отношений, существованию патерналистских отношений между работником и работодателем. Эти явления превратились и в благодатную почву для различных форм социальной несправедливости в период разгосударствления и приватизации государственной собственности.

Наиболее зримо в постреформенной России проявляются разрушительно-негативные тенденции. Несмотря на запаздывание с принятием нового трудового законодательства, легче и быстрее всего в 1990-е гг. были ликвидированы элементы распределения пропорционально труду и потребностям, что в значительной степени было связано с общими глобальными изменениями – приватизацией государственной собственности как формально созидательным процессом и начавшейся инфляцией. Возникла глубокая дифференциация в доходах наемных работников и владельцев объектов приватизированной собственности, с одной стороны, а с другой – между разными категориями работников, которую следует рассматривать как проявление характерной черты формирующегося капиталистического рынка. Отражением этих неблагоприятных тенденций служит, в частности, рост коэффициента фондов по доходам: с 7,8 [9, с. 111] в 1990 г. до 16,4 [8, с. 130] – в 2012 г. Уровень заработной платы российского работника существенно отстает от оплаты труда в странах с развитой экономикой, хотя и выше большинства стран ближнего зарубежья (табл. 1). Неблагоприятная ситуация в сфере оплаты труда связана также с существенной и зачастую неоправданной дифференциацией заработной платы по видам экономической деятельности и профессиональным группам, высокой асимметрией в распределении работников по уровню заработной платы.

В 2000-е гг. в целом наблюдались положительные темпы роста номинальной заработной платы. Увеличение минимального размера оплаты труда с 2300 руб. в 2008 г. до 4330 руб. в 2009 г. приблизило его к величине прожиточного минимума до 78,8 % [7, с. 184–185]. Это нашло отражение в резком снижении фондового коэффициента по заработной плате: если в 2007 г. он составлял 22,1, то в 2009 г. – 14,7, индекс Джини соответствен-

Таблица 1
Средняя заработная плата в странах
мира в 2013 г.

Страны мира	Среднемесячная заработная плата, долл. США
Норвегия	5500
США	4300
Германия	4000
Япония	3900
Греция	2400
Южная Корея	2200
Эстония	1150
Чехия	1300
Болгария	1000
Россия	900
Казахстан	640
Грузия	420
Украина	390
Таджикистан	120

Источник: [14].

численность населения, получающего эту и превышающую средний уровень сумму денег, заметно меньше, чем те, кто не имеет даже этой средневзвешенной величины. По нашим данным, коэффициент асимметрии, рассчитанный по отношению к медианному уровню заработной платы, в 2007 г. в российской экономике составлял 0,67, причем в 2000-е гг. просматривалась тенденция его роста.

Кроме того, модальный, т.е. наиболее распространенный уровень заработной платы, по нашим расчетам, не превышает одной трети от среднемесячной величины заработной платы. Это означает, что в 2007 г., например, около 17 % российских работников имели чрезвычайно низкие семейные доходы, так как получали не более 4200 руб. в месяц [11, с. 425].

но снизился с 0,447 до 0,418 [11, с. 425]. Однако в последующие годы ситуация в сфере оплаты труда вновь ухудшилась, так как, после 2009 г. на законодательном уровне величина МРОТ не пересматривалась, делалась ее корректировка лишь в соответствии с темпом роста цен. Вследствие этого отношение МРОТ к величине прожиточного минимума заметно снизилось и в 2012 г. составляло только 67,5 % [11, с. 185].

Отставание по уровню оплаты труда сочетается с высокой степенью асимметрии в распределении российских работников по уровню заработной платы. Из данных Росстата следует, что в 2011 г. при средней заработной плате в экономике в целом 23369 руб. оплату труда не более 20 тыс. руб. имели 62 % работников [11, с. 425]. Средний уровень заработной платы, следовательно, в сущности не является средним, поскольку

Таблица 2

Группировка населения РФ по доходам, используемым на потребление,
на основе потребительских бюджетов разного уровня материального достатка
(в среднем за месяц), % к общей численности населения*

Группы населения	Удельный вес группы населения, %	
	1990 г.	2010 г.
Наиболее нуждающиеся (ниже ПК – потребительской корзины прожиточного минимума)	0,2	17,4
Низкообеспеченные (ПК – 3 ПК)	31,7	53,6
Обеспеченные ниже среднего уровня (3 ПК – 7 ПК)	60,8	24,6
Среднеобеспеченные (7 ПК – 11 ПК)	6,7	3,4
Высокообеспеченные (выше 11 ПК)	0,7	1,0

* По данным экспертов Всесоюзного центра уровня жизни [1, с. 19].

Проявление разрушительно-негативных тенденций, выразившееся в резком снижении жизненного уровня населения в 1990-е гг. и попытках выйти на дореформенный уровень в 2000-е, сочетается с отсутствием разрушительно-позитивных тенденций, которые гипотетически также могли быть. Это выражается в том, что государственно-бюрократические способы распределения доходов в обществе не исчезли совсем, а модифицировались, став частью нового властного пространства. Как следствие этих явлений – углубление дифференциации доходов домохозяйств и групп населения (табл. 2). Таким образом, потенциально возможные разрушительно-позитивные тенденции периода трансформации, трансформировались в созидательно-негативные процессы как характерную черту социальной сферы российского общества.

Основные выводы

Исследование процесса формирования личных доходов как вторичной подсистемы общества предполагает анализ взаимосвязей ее системных элементов, под которыми понимаются, во-первых, отношения и направленность деятельности экономических субъектов, во-вторых, результаты этой деятельности – экономические блага и доходы. Вертикальная структура подсистемы может быть представлена стадиями формирования личных доходов, охватывающих процесс создания ценности экономического блага, первичного и вторичного распределения национального продукта. Горизонтальный срез подсистемы – факторы и институты, посредством которых осуществляются взаимодействия акторов.

Преобразование процесса формирования личных доходов в условиях трансформационной экономики происходит под влиянием тенденций, типология которых возможна в разрезе положительных и отрицательных, разрушительных и созидательных процессов. Определяющее значение в преобразовании качества исследуемой подсистемы имеют закономерности и характеристики прошлых периодов и одновременно толчковые факторы, формируемые властными структурами. Не меньшее значение имеют неформальные институты, воздействующие в своей совокупности на поведенческие мотивы различных социальных групп общества.

Анализ существенных черт отношений распределения в ходе трансформации экономической системы позволяет сделать вывод о том, что гипотетически возможный созидательно-позитивный процесс в данном сегменте, благодаря вхождению России в число стран, идущих по пути социализации и гуманизации общественных отношений, был перечеркнут преобладанием негативных явлений разрушительно-созидательного характера.

Такая оценка происходящих процессов дает основание полагать, что из числа системообразующих функций процесса формирования личных доходов наименее выполняемой является функция целедостижения. За годы социально-экономической трансформации сложился достаточно целостный, способный к воспроизводству, преобразованию и адаптации процесс распределения и перераспределения создаваемого общественного продукта. Но это такой механизм, который пока еще не способен дать обществу необходимые ресурсы развития человеческого капитала, потребительского и инвестиционного рынков, общества как социальной системы в целом.

Литература

1. Бобков В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 11–28.
2. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.И. Левина и др. М., 1990.
3. Давыдов А. Конкурентные преимущества теоретической социологии. М., 2008.
4. Малева Т., Овчарова Л. Социальная модернизация: что модернизировать и кто модернизаторы? // SPERO. 2010. № 13. Осень–Зима. С. 21–34.
5. Мартынов А. Как оценить итоги трансформации социального макроса? // Общество и экономика. 2009. № 2. С. 46–117.
6. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. Ф. Чесноковой и С. Белановского. М., 2002.
7. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2013.
8. Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2013.
9. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. М., 1997.
10. Трансформационная экономика России: учеб. пособие / под ред. А. Бузгалина. М., 2006.
11. Труд и занятость. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.
12. Фиськова Л. Процесс распределения и формирования доходов как вторичная подсистема общества // Известия ИГЭА. 2008. № 1 (57). С. 10–13.
13. Фиськова Л. Дифференциация оплаты труда в реформируемой экономике // Вестник НГУ. Серия Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. Вып. 3. С. 25–33..
14. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2013.html>. Дата обращения: 3.10.2013.

Bibliography

1. Bobkov V. Udruchajushhie social'nye rezul'taty dvadcatiletnej kapitalisticheskoy transformacii Rossii // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. 2012. № 2. P. 11–28.
2. Veber M. Izbrannye proizvedenija / per. s nem. M.I. Levina i dr. M., 1990.
3. Davydov A. Konkurentnye preimushhestva teoreticheskoy sociologii. M., 2008.
4. Maleva T., Ovcharova L. Social'naja modernizacija: chto modernizirovat' i kto modernizatory? // SPERO. 2010. № 13. Osen'-Zima. P. 21–34.
5. Martynov A. Kak ocenit' itogi transformacii social'nogo makrosa? // Obshhestvo i jekonomika. 2009. № 2. P. 46–117.
6. Parsons T. O social'nyh sistemah / pod red. F. Chesnokovoj i S. Belanovskogo. M., 2002.
7. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2012: Stat. sb. / Rosstat. M., 2013.
8. Rossiya v cifrah. 2013: Krat. stat. sb. / Rosstat. M., 2013.
9. Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naselenija Rossii: Stat. sb. M., 1997.
10. Transformacionnaja jekonomika Rossii: ucheb. posobie / pod red. A. Buzgalina. M., 2006.
11. Trud i zanjatost'. 2012: Stat. sb. / Rosstat. M., 2012.
12. Fis'kova L. Process raspredelenija i formirovanija dohodov kak vtorichnaja podsystema obshhestva // Izvestija IGJeA. 2008. № 1 (57). P. 10–13.
13. Fis'kova L. Differencijacija oplaty truda v reformiruemoj jekonomike // Vestnik NGU. Serija Social'no-jekonomicheskie nauki. 2008. T. 8. Vyp. 3. P. 25–33.
14. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2013.html>. Data obrashhenija: 3.10.2013.

УДК 332.144:330.131.7:351:863

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ С УЧЕТОМ ЦИКЛИЧНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ¹

И.А. Иванова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

E-mail: ivia16@mail.ru

В статье проведено исследование устойчивости агропродовольственной системы, базирующееся на изучении пространственно-временных закономерностей цикличности развития сельского хозяйства как основного компонента системы продовольственной безопасности. Для обоснования цикличности процессов в сельском хозяйстве построена с помощью спектрального анализа математическая модель прогнозирования на базе анализа временных рядов урожайности зерновых Европейской части Российской Империи, СССР и РФ в современных границах с 1883 по 2010 г.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, прогнозирование, цикличность, устойчивость, сельское хозяйство, производство.

FORECASTING OF AGRICULTURAL ECONOMIC RISK BASED ON ITS DEVELOPMENT CYCLE

I.A. Ivanova

Ogarev Mordovia State University

E-mail: ivia16@mail.ru

This article considers the research of agricultural system stability based on the observation of spatiotemporal common factors of agriculture development cyclicity as a main component of the food supply security system. With the help of the spectral analysis the mathematical model of forecasting was developed to demonstrate the cycling of events in the agricultural sector. This model is based on the dynamic series of grain yield level in the European part of Russian Empire, USSR and Russian Federation in its modern boundaries for the period from 1883 till 2010.

Key words: food supply security, forecasting, periodicity, stability, agriculture, manufacture.

Введение

Обеспечение национальной продовольственной безопасности связано с исследованием и преодолением влияния негативных факторов, которые обуславливают ее угрозы и риски.

Наиболее значимые риски относятся к следующим категориям:

– макроэкономические риски, обусловленные снижением инвестиционной привлекательности отечественного реального сектора экономики и конкурентоспособности отечественной продукции, а также зависимостью важнейших сфер экономики от внешнеэкономической конъюнктуры;

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00200 А «Математическое и геоинформационное моделирование инновационного развития сельского хозяйства».

– технологические риски, вызванные отставанием от развитых стран в уровне технологического развития отечественной производственной базы, различиями в требованиях к безопасности пищевых продуктов и организации системы контроля их соблюдения;

– агроэкологические риски, обусловленные неблагоприятными климатическими изменениями, а также последствиями природных и техногенных чрезвычайных ситуаций;

– внешнеторговые риски, вызванные колебаниями рыночной конъюнктуры и применением мер государственной поддержки в зарубежных странах [14].

Многогранность проблем национальной продовольственной безопасности предопределяет необходимость системного анализа и разработки методологического инструментария ее обеспечения в условиях неопределенности и риска. Понимание цикличности развития экономики в целом и отдельных ее секторов обуславливает эффективность разработки механизма регулирования и прогнозирования социально-экономических процессов, позволяющего если не избежать экономических кризисов в целом, то минимизировать издержки, вызываемые ими, и стимулировать новые экономические подъемы.

Разработка теории цикличности и практическое применение ее результатов позволяют спрогнозировать развитие социально-экономических процессов в будущем, скорректировать национальную экономическую политику и повысить ее эффективность. В зависимости от временной протяженности выделяют несколько видов циклических колебаний: сезонные; годовые; краткосрочные, циклы Китчина (3–4 года) [12]; среднесрочные или циклы Жуглара (8–12 лет) [11]; долгосрочные, включая циклы Кузнеца (15–25 лет) [13], волны Кондратьева (40–60 лет) [5], «вековые циклы» Броделя [2]; Форрестера (200 лет) [10], Тоффлера (1000–2000 лет) (развитие цивилизаций) [9].

Особое место в разработке теории цикличности принадлежит русскому ученому Н.Д. Кондратьеву (теория больших циклов, новая парадигма предвидения и методология перспективного планирования) [6]. Согласно его концепции «больших циклов конъюнктуры» развитию экономики наряду со средними и короткими циклами свойственны продолжительные длинноволновые колебания, охватывающие период от 40 до 60 лет. К такому выводу Н.Д. Кондратьев пришел на основе анализа статистических данных (динамики цен, заработной платы, внешнеторгового оборота, добычи угля, золота, производства чугуна, стали и т.д.) экономического развития Англии, США, Франции за 100–150 лет.

Процессы в сельском хозяйстве в отличие от других отраслей народного хозяйства имеют ряд существенных особенностей, которые необходимо учесть при их моделировании и прогнозировании. К их числу относятся:

– существенное влияние на сельское хозяйство природных условий территории и природных циклов;

– наличие сезонных колебаний в течение года в самой отрасли;

– относительно высокая инерционность и стабильность;

– большая продолжительность аграрных кризисов и большая длительность возврата в исходное состояние;

– значительная зависимость от организационно-производственных изменений (смена систем земледелия, уровень механизации, химизации и мелиорации, диффузия инноваций).

Большие циклы оказывают существенное влияние на сельское хозяйство. Циклы Кондратьева включают две фазы – (А) роста и (В) стагнации. Основой больших циклов, по Кондратьеву, является изнашивание, смена и расширение основных производственных фондов, обновление которых требует определенного времени, финансовых и материальных ресурсов. Современные исследователи связывают цикличность также с внедрением более совершенных технологий и новых способов организации производства, крупными изобретениями и геополитическими сдвигами [7]. При исследовании цикличности сельского хозяйства в силу его особенностей более целесообразно, на наш взгляд, использование теории длинных волн Н.Д. Кондратьева.

Необходимость, актуальность и практическая значимость предлагаемого исследования определяются стратегическим значением совершенствования процессов продовольственного обеспечения в современных условиях.

Методика статистического исследования

Цель исследования – статистическое моделирование сельскохозяйственных экономических систем Европейской России для выявления пространственно-временных закономерностей их циклического развития (с использованием теории «длинных волн» Н.Д. Кондратьева) и научное обоснование оптимальных вариантов аграрной политики. Объектом исследования является сельское хозяйство Европейской части Российской Империи, СССР и России в современных границах. Хронологические рамки исследования – с конца 80-х гг. XIX в., когда появились первые достоверные статистические сведения по сельскому хозяйству, по 2011 г.

Исторический и экономический анализ эволюции и функционирования сельского хозяйства проведен на основе собранной статистической информации о пространственно-временных сельскохозяйственных показателях и созданных электронных баз данных более чем за 100-летний период. В рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ № 11-06-00177 «Математическое и компьютерное моделирование экономических циклов в сельском хозяйстве», построен временной ряд урожайности зерновых в РФ с 1883 по 2010 г.

На любое изучаемое явление, в том числе и на урожайность зерновых, оказывает влияние большое количество факторов (макроэкономические, природные, техногенные, технологические, агроэкологические, социальные, торговые, экономические, политические), действующих с разной силой и в разных направлениях, которые по характеру непосредственного воздействия можно разделить на:

- факторы, формирующие основную тенденцию динамики временного ряда;
- факторы, вызывающие циклические и сезонные колебания;
- случайные факторы.

Фактический уровень временного ряда может содержать все четыре компоненты и формироваться под воздействием тенденции, сезонных (циклических) колебаний и случайной компоненты.

Традиционные подходы к анализу структуры временных рядов, описывающих динамику процессов сельского хозяйства, содержащих сезонные или циклические колебания, используют ряд методов.

1. Метод вычисления сезонной компоненты и построение аддитивной (если амплитуда колебаний приблизительно постоянна) или мультипликативной (если амплитуда колебаний возрастает или уменьшается) модели временного ряда:

- расчет значений параметров трендовой (T), циклической или сезонной (S) и случайной (E) составляющих для каждого уровня ряда;
- выравнивание исходного ряда (методом наименьших квадратов, сплайн-функциями, методом скользящей средней, медианного, экспоненциального сглаживания, аналитического выравнивания и др.);
- расчет значений компоненты S (абсолютного отклонения для аддитивной модели, индекса сезонности – для мультипликативной модели);
- устранение сезонной компоненты из исходных уровней ряда и получение выровненных данных ($T + E$) в аддитивной или ($T \cdot E$) в мультипликативной модели;
- аналитическое выравнивание уровней ($T + E$) или ($T \cdot E$) и расчет значения T с использованием полученного уравнения тренда;
- расчет полученных по модели значений ($T + S$) или ($T \cdot S$);
- расчет абсолютных и/или относительных ошибок (если полученные значения ошибок не содержат автокорреляции, ими можно заменить исходные уровни ряда для регрессионного анализа) [4].

2. Построение модели регрессии с включением фиктивных переменных и фактора времени t . Каждая фиктивная переменная отражает циклическую компоненту временного ряда для какого-либо одного периода (равна единице для данного периода и нулю для всех остальных). Недостаток модели с фиктивными переменными – наличие большого количества переменных.

3. Построение модели регрессии с использованием гармонического анализа (тригонометрических рядов Фурье) [3].

Актуальность, с одной стороны, и с другой, недостаточная разработанность спектра системных проблем поиска и визуализации циклов сельского хозяйства, количественного расчета их параметров, необходимость совершенствования методологии требуют наряду с использованием традиционных подходов к изучению проблемы цикличности развития сельского хозяйства обратиться к новым подходам. В частности, построение систем универсальных аналитических непрерывных моделей с концепцией «кусочного» моделирования и экономического анализа с техникой реализации кусочно-полиномиальными сплайн-функциями, вейвлет-анализ. Вейвлет-анализ позволяет выделить высокочастотные компоненты короткой длительности с протяженными низкочастотными компонентами с локализацией их на временной оси для анализа эволюционирующей сезонности [1].

Тенденция динамики урожайности зерновых связана с биологической продуктивностью почв, развитием агротехники, селекции и семеноводства,

прикладного почвоведения, с укреплением экономики сельских хозяйств, повышением эффективности организации и управления производством. Цикличность урожайности вызвана чередованием благоприятных и неблагоприятных погодных условий, циклами солнечной активности и, следовательно, неравномерным (периодичным) развитием болезней растений и размножением насекомых-паразитов и т.д.

В статистическом моделировании и прогнозировании динамики временных рядов большое место занимает вопрос о закономерностях их динамики на протяжении длительного периода.

Функциональную форму кривой роста (модели тренда), образующей длительную тенденцию развития процесса, можно определить с помощью графического метода, метода конечных разностей, метода наименьших квадратов и т.д. Наилучшей кривой роста (моделью тренда) для прогнозирования урожайности зерновых является полиномиальная кривая второго порядка (R^2 – статистика равна 0,817), уравнение которой

$$y = 6,7899 - 0,0594t + 0,0013t^2.$$

Графики динамики урожайности зерновых в России с 1883 по 2010 г. и трендовой полиномиальной кривой представлены на рис. 1.

Цикличность во временных рядах можно представить как комбинацию трех видов циклов с разными весами:

- пилообразной цикличностью;
- больших (долгопериодических) циклов колебаний;
- случайных циклов.

Долгопериодические циклические колебания характеризуются наличием многих последовательных отклонений одного знака, затем сменяющихся несколькими отклонениями противоположного знака подряд. Если равенство отдельных циклов существенно нарушается, то говорят о квазициклической колеблемости.

Для прогнозирования цикличности необходимо выявить постоянную длину цикла. Одним из методов определения длины цикла является последовательное вычисление коэффициентов автокорреляции отклонений от тренда разных порядков. Длина цикла, таким образом, определяется поряд-

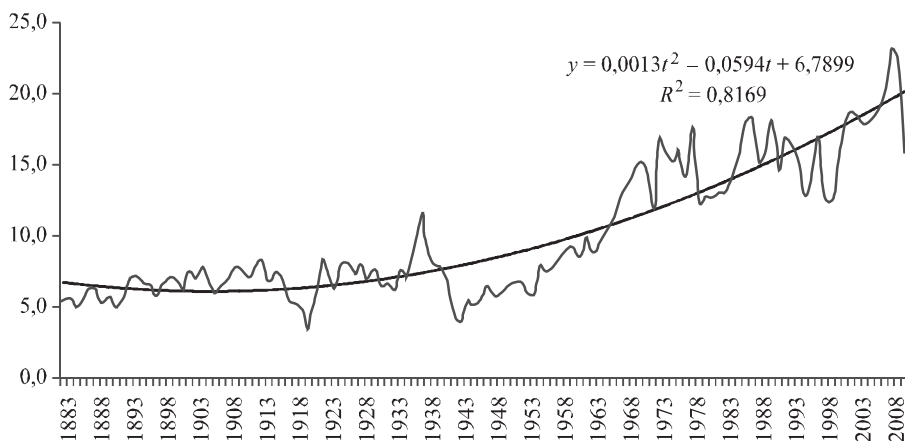


Рис. 1. Динамика урожайности зерновых в России с 1883 по 2010 г.

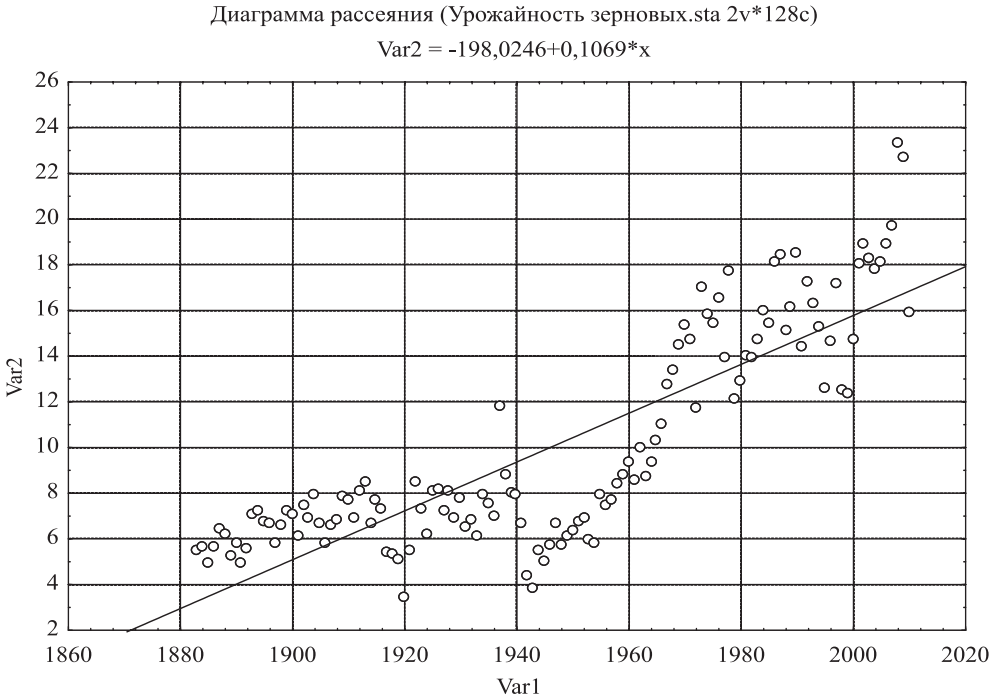


Рис. 2. Диаграмма рассеяния и линия тренда для временного ряда урожайности зерновых в России с 1883 по 2010 г.

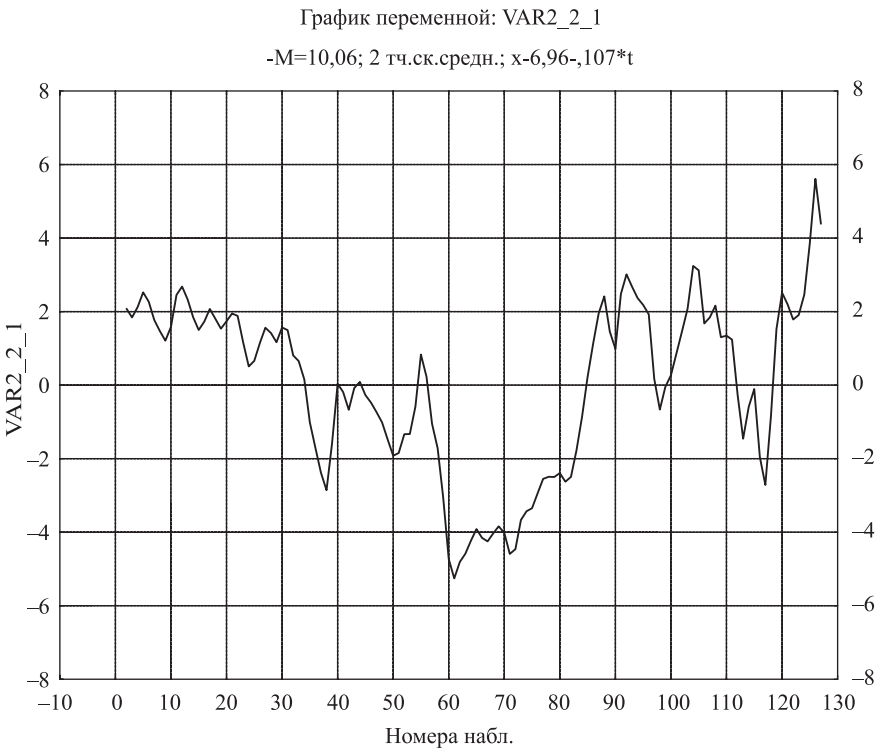


Рис. 3. Диаграмма преобразованного временного ряда урожайности зерновых в России с 1883 по 2010 г.

ком наибольшего по абсолютной величине коэффициента автокорреляции. Методом выявления цикличности процесса является также спектральный анализ, цель которого – распознать циклические колебания различной длины в динамике, в частности сельскохозяйственных процессов. Применяя этот анализ, можно попытаться выяснить, действительно ли сельскохозяйственные процессы, и в частности урожайность зерновых, имеют циклическую природу.

Проведем спектральный анализ динамики урожайности зерновых в Европейской части России с 1883 по 2010 г. с помощью ППП Statistica [8].

Для того чтобы к временному ряду можно было применять методы спектрального анализа, его необходимо привести к стационарному виду. В построенном временном ряду прослеживается с годами тенденция роста, которую можно выразить линейной моделью тренда (рис. 2).

Но прежде чем выявим тенденцию временного ряда, преобразуем его, исключая среднее значение и ярко выраженную линейную тенденцию (рис. 3).

Теперь к преобразованным данным применим одномерный анализ Фурье (табл. 1).

Таблица 1

Результаты одномерного анализа Фурье, полученные с помощью ППП Statistica

Перемен.: VAR2_2_2: -M=10,06; x-6,90-,107*t
Число наблюдений: 128 Первое: 1 Последнее: 128
N набл. после доб. конст: 128
Преобразования: Сред=-,0000 вычтено; Уд. тренд
Пять наиб. пиков периодогр. (значение:частота):
(1)383,3;0,0078 (2)77,51;0,0234 (3)58,73;0,0156 (4)33,72;0,0547 (5)30,85;0,06

Анализ данных табл. 1 позволяет выявить пять наибольших пиков периодограммы (по частоте), из которых выделяются три пика на частотах 0,0234; 0,0547 и 0,06.

Рассмотрим значения периодограммы (рис. 4).

На графике периодограммы видны несколько четких пиков. Максимальный пик – на частоте примерно 0,01. Все значения периодограммы (и другие результаты) представлены в табл. 2.

Частота – это число циклов в единицу времени (где каждое наблюдение составляет одну единицу времени). Таким образом, частота 0,023438 соответствует значению 42 периода (число единиц времени, требующихся на полный цикл). Поскольку данные представляют собой годовые наблюдения, можно заключить, что есть признаки существования примерно 64-летнего и 42-летнего циклов и слабые колебания 11–12 летних циклов. Прогнозирование урожайности зерновых в России до 2042 г. с учетом полиномиальной возрастающей тенденции и циклической модели Фурье представлено на рис. 5.

Таким образом, проведен анализ долговременной динамики урожайности зерновых, включая измерение основной тенденции, циклической компоненты, уточнена и дополнена методика выбора типа тренда, оценки на-

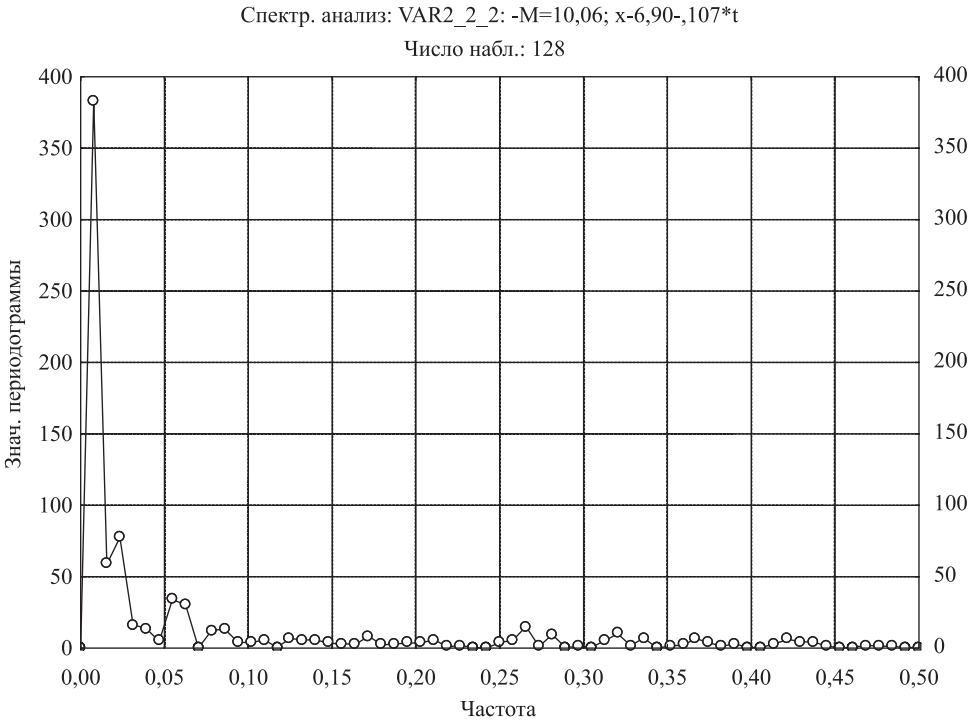


Рис. 4. Периодограмма для временного ряда урожайности зерновых в России с 1883 по 2010 г.

Таблица 2

Результаты спектрального анализа

Спектр. анализ: VAR2_2_2: -M=10,06; x-6,90-,107*t (Таблица данных 7) Число набл.: 128							
	Частота	Период	Косинус	Синус	Периодо- грамма	Плотн.	Хемминг
0	0,000000		-0,000000	0,000000	0,0000	189,0008	0,035714
1	0,007813	128,0000	2,442012	-0,160147	383,3006	201,7325	0,241071
2	0,015625	64,0000	-0,941162	0,178630	58,7325	137,8946	0,446429
3	0,023438	42,6667	0,701295	0,848075	77,5070	66,9036	0,241071
4	0,031250	32,0000	0,081009	-0,500334	16,4414	31,6072	0,035714
5	0,039063	25,6000	0,457807	-0,071347	13,7394	15,2357	
6	0,046875	21,3333	0,274872	0,006068	4,8379	15,2891	
7	0,054688	18,2857	0,190417	-0,700402	33,7166	24,1557	
8	0,062500	16,0000	-0,500813	-0,480872	30,8513	22,5791	
9	0,070313	14,2222	0,032982	-0,054643	0,2607	12,2237	
10	0,078125	12,8000	-0,075454	0,433453	12,3888	10,0791	
11	0,085938	11,6364	-0,287719	-0,356198	13,4182	10,1270	
12	0,093750	10,6667	0,255249	-0,005208	4,1715	6,6602	
13	0,101563	9,8462	-0,242734	-0,014689	3,7847	4,6042	
14	0,109375	9,1429	0,117978	0,277927	5,8344	4,0630	

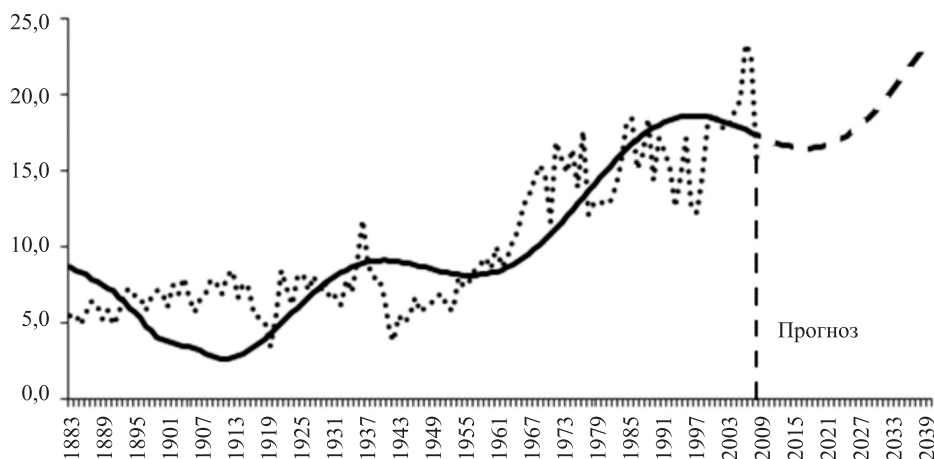


Рис. 5. Прогнозирование урожайности зерновых в России до 2042 г. с учетом полиномиальной возрастающей тенденции и циклической модели Фурье

дежности статистических характеристик динамики и анализа цикличности в развитии агропродовольственной системы. При этом дана оценка различных методов выявления тренда как необходимого этапа для получения «чистой» сезонной волны, апробирован метод гармонического анализа для выявления дополнительных циклов, определения факторов периодичности и построена модель прогнозирования урожайности зерновых в России до 2042 г. с учетом полиномиальной возрастающей тенденции и циклической модели Фурье.

Статистическое моделирование сельскохозяйственных экономических систем Европейской России для выявления пространственно-временных закономерностей их циклического развития (с использованием теории «длинных волн» Н.Д. Кондратьева) позволяет дать научное обоснование оптимальных вариантов аграрной политики.

Литература

1. Афанасьев В.Н. Развитие системы методов статистического исследования временных рядов // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 10–24.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 66.
3. Глинский В.В., Ионин В.Г. Статистический анализ: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 3-е изд., 2002. С. 165–169.
4. Дуброва Т.А. Прогнозирование социально-экономических процессов: учеб. пособие / 2-е изд., испр. и доп. М.: Маркет ДС, 2010. С. 75–93.
5. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 767 с.
6. Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Избр. труды. М.: Экономика, 2002. С. 708–713.
7. Носонов А.М., Ямашкин А.А. Циклическое развитие региональных систем сельского хозяйства // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 3. С. 38–50.
8. Сажин Ю.В., Шаранов И.М., Бажанова С.В. Обработка статистической информации на ПЭВМ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. С. 107–125.

9. *Толфлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
10. *Forrester Jay W.* Industrial Dynamics. MIT Press. 1961.
11. *Juglar Clement.* Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis. Paris: Guillaumin, 1862.
12. *Kitchin Joseph.* Cycles and Trends in Economic Factors // Economics and Statistics. Vol. 5, N 1, Jan., 1923. P. 10–16.
13. *Kuznets S.* Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston: Houghton Mifflin, 1930.
14. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14857.19.htm>

Bibliography

1. *Afanasyev V.N.* The development of the system of methods of statistical investigation of time series // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 10–24.
2. *Braudel F.* Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries. V. 3. World time. M., 1992. P. 66.
3. *Glinskij V.V., Ionin V.G.* Statisticheskij analiz. M.: INFRA-M, 3rd edition, 2002. P. 165–169.
4. *Dubrova T.A.* Prediction of social and economic processes. M.: Market DS, 2010. P. 75–93.
5. *Kondratiev N.D.* Big cycles environment and the theory of foresight. M.: Economics, 2002. 767 p.
6. *Kondratiev N.D., Yakovets Yu.V., Abalkin L.I.* Big cycles environment and the theory of foresight / Selected works. M.: Economics, 2002. P. 708–713.
7. *Nosonov A.M., Yamashkin A.A.* Cyclic development of regional systems of agriculture // ETAP: Economic theory, analysis, practice. 2011. № 3. P. 38–50.
8. *Sazhin J.V., Sharanov I.M., Bazhanova S.V.* Processing of statistical information on the PC. Saransk: Ogarev Mordovia State University, 2009. P. 107–125.
9. *Toffler A.* The Third Wave. M.: AST, 2010. 784 p.
10. *Forrester Jay W.* Industrial Dynamics. MIT Press. 1961.
11. *Juglar Clement.* Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis. Paris: Guillaumin, 1862.
12. *Kitchin Joseph.* Cycles and Trends in Economic Factors // Economics and Statistics. Vol. 5, N 1, Jan., 1923. P. 10–16.
13. *Kuznets S.* Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston: Houghton Mifflin, 1930.
14. Doctrine of the food supply security of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14857.19.htm>

УДК 331.55

ВЕДЕТ ЛИ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ К МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В РОССИИ?

Е.С. Вакуленко

Национальный исследовательский университет

Высшая школа экономики

E-mail: esvakulenko@hse.ru, esvakulenko@gmail.com

В данной работе исследовано влияние миграции населения на заработные платы, уровень безработицы и среднедушевые доходы населения в российских регионах. С использованием официальных данных Росстата за период с 1995 по 2010 г. построена динамическую модель на панельных данных с пространственными эффектами, которая показала отсутствие существенного влияния миграции на уровень безработицы. Были выявлены значимые положительные пространственные эффекты для заработных плат и уровней безработицы. Найдена отрицательная взаимосвязь между коэффициентом чистой миграции и заработной платой, и среднедушевыми доходами, которая объясняется положительной зависимостью между оттоком мигрантов из регионов с данными показателями. Однако эффект миграции невелик. Статистически значимых различий в межрегиональных индексах Джини по заработной плате, среднедушевым доходам и уровням безработицы с учетом миграции и без нее не выявлено. Результаты расчетов позволяют сделать вывод, что миграция не оказывает влияние на межрегиональную конвергенцию по рассматриваемым экономическим показателям. Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0175.

Ключевые слова: конвергенция, миграция, уровень безработицы, заработные платы, среднедушевые доходы населения, динамические модели на панельных данных с пространственными эффектами.

DOES MIGRATION LEAD TO REGIONAL CONVERGENCE IN RUSSIA?

E.S. Vakulenko

National Research University Higher School of Economics

E-mail: esvakulenko@hse.ru, esvakulenko@gmail.com

We analyze the impact of migration on wage, unemployment rate and income. Using Russian official statistical database from 1995 to 2010 we estimate dynamic panel data model with spatial effects. There is no significant impact of migration on unemployment rate. There is a positive spatial effect for wage and unemployment. We find negative relationship between net internal migration, and both wage and income, which is explained by positive effect of out-migration on wage and income. However, the migration benefits are not big enough to make a difference on Gini index across regions. We conclude that migration does not affect regional convergence of economic indicators. This study was carried out within The National Research University Higher School of Economics' Academic Fund Program in 2013–2014, research grant N 12-01-0175.

Key words: convergence, migration, unemployment rate, wages, average per capita income, dynamic models based on panel data with spatial effects.

1. Введение

В 2000-х гг. стали наблюдаться процессы межрегиональной конвергенции по показателям среднедушевых доходов, заработных плат, уровней [16]. В данной работе оценивается вклад миграции в наблюдаемую межрегиональную конвергенцию. Миграционные потоки – это источник трудовых ресурсов в регионах. При свободном перемещении миграция населения способна оказывать воздействие на возникшие дисбалансы внутри страны.

Используя официальные региональные данные Росстата за период с 1995 по 2010 г., анализируем влияние миграции на заработные платы, среднедушевые доходы и уровень безработицы. Существует много эмпирических работ, в которых изучается влияние миграции на конвергенцию по различным экономическим показателям. Однако результаты, которые получают авторы, оказываются различными. В ряде работ установлено, что миграция приводит к межрегиональной конвергенции, т.е. к снижению межрегиональной дифференциации. В других работах показано, что, наоборот, миграция приводит к дивергенции. Существуют также работы, в которых показано, что миграция не оказывает влияния на процессы конвергенции (табл. 4 в приложении). Однако не только в эмпирических исследованиях нет единства. В теоретических работах по изучению влияния миграции на конвергенцию также приводятся различные доводы в пользу одного или другого результата. Например, есть, по крайней мере, два подхода, аргументирующие различные исходы: неоклассические теоретические модели и модели Новой экономической географии. Таким образом, исследование роли миграции в межрегиональных процессах конвергенции – это во многом эмпирический вопрос, требующий тестирования выдвигаемых предположений на данных.

Проведенный нами анализ показал, что отток мигрантов из регионов вызывает рост заработных плат и среднедушевых доходов в них. Однако этот эффект слишком мал, чтобы привести к снижению межрегионального неравенства. Сравнение индексов Джини межрегионального неравенства с учетом движения населения и без него показало, что различия незначимые. Следовательно, миграция населения не приводит к межрегиональной конвергенции по рассматриваемым экономическим показателям.

Данная статья имеет следующую структуру: во втором разделе представлен обзор литературы теоретических и эмпирических работ. В третьем разделе описаны данные. В четвертом разделе предложена эмпирическая модель, в пятом – результаты ее оценивания. В последнем разделе делается заключение по проделанной работе.

2. Обзор литературы

2.1. Теоретические работы

Теоретической основой изучения межрегиональных неравенств по доходам является теория экономического роста, начиная с простой модели Солоу и модели эндогенного роста [12, 18, 27]. Также рассматривают модель с человеческим капиталом, например, модель Мэнкью, Ромера и Вейла, модели Ромера и модель Лукаса [22] о влиянии обмена идеями на экономи-

ческий рост. С помощью модификации неоклассической модели экономического роста (путем ввода мобильности трудовых ресурсов) проводится анализ влияния миграции на экономический рост.

Существуют различные концепции взаимосвязи между миграцией и межрегиональной дифференциацией, поскольку миграция порождает одновременно два эффекта: со стороны спроса на труд и со стороны предложения труда. Со стороны предложения труда трудовые мигранты могут снижать межрегиональную дифференциацию, перемещаясь в более перспективные регионы. Таким образом, предложение труда в регионе выбытия снижается, а предложение труда в регионе прибытия растет. В результате чего заработная плата в регионе выбытия (i) растет, а в регионе прибытия (j) снижается. Эта ситуация проиллюстрирована на рис. 1. Таким образом, миграция вызывает выравнивание заработных плат в регионах выбытия и прибытия, также происходит выравнивание уровней безработицы.

Со стороны спроса на труд миграция вызывает, наоборот, рост межрегиональных различий. Поскольку мигранты приводят к росту спроса на товары и услуги в регионе прибытия, то это ведет к росту спроса на труд. Рост спроса на труд приводит к росту заработных плат. Таким образом, заработная плата в регионе прибытия продолжает расти и межрегиональные различия не сокращаются.

Неоклассическая теория предполагает, что эффект предложения труда доминирует эффект со стороны спроса на труд. Основные предпосылки неоклассической теории: однородность труда, постоянная отдача от масштаба и убывающая предельная отдача, совершенная конкуренция. С другой стороны, модели Новой экономической географии предполагают, что эффект спроса на труд доминирует эффект предложения труда, если рассматривать несовершенную конкуренцию, в частности монополистическую конкуренцию. В этих моделях центральные регионы выигрывают от притока мигрантов в терминах более высоких реальных заработков и более низких уровней безработицы. А периферийные регионы, наоборот, проигрывают от оттока мигрантов [20]. Таким образом, в моделях Новой

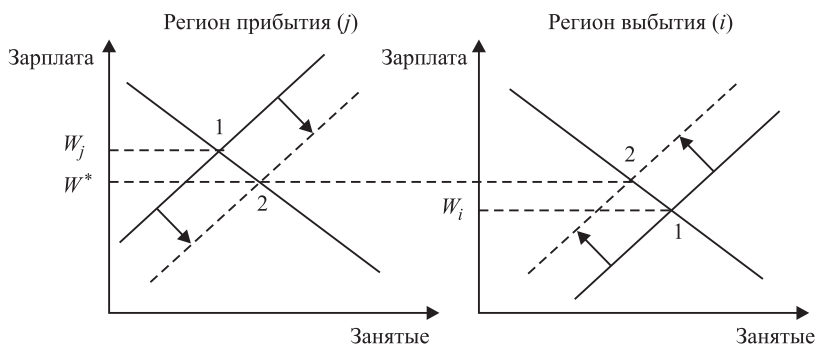


Рис. 1. Иллюстрация эффекта влияния миграции на заработную плату со стороны предложения труда

W_i – заработная плата в регионе выбытия до миграции, W_j – заработная плата в регионе прибытия до миграции, W^* – равновесная заработная плата, установившаяся в результате миграции населения. 1 – равновесие на рынках труда до миграции, 2 – равновесие, установившееся в результате миграции населения

экономической географии межрегиональные различия растут вследствие миграции населения.

Ниже рассмотрим работы, в которых представлены те или иные модификации основных концепций.

В работе [29] изучается влияние неоднородности трудовых ресурсов, в том числе мигрантов, в моделях Новой экономической географии на пространственное распределение производства и как следствие на различия в заработных платах.

В работе [28] мобильность трудовых ресурсов вводится в неоклассическую теорию роста [12, 18, 27]. Показано, что для малой открытой экономики с капиталом ниже равновесного уровня отток мигрантов приводит к быстрой конвергенции по доходам, но при этом снижаются стимулы делать инвестиции в основной капитал. Однако при низком уровне доходов снижение стимула к инвестированию может доминировать, что приведет к тому, что трудовая мобильность, наоборот, может замедлить темпы сходимости по доходам.

В статье [21] строится теоретическая модель, в которой развивается модель перекрывающихся поколений и анализируется, как миграция влияет на экономический рост и сходимость в терминах отношения капитала к труду и заработных плат. Получены результаты положительного эффекта миграции на «отправляющую» страну, поскольку улучшается состояние с отношением капитала к труду, а также в связи со сбережениями, которые делают возвратившиеся работники. Показано, что в долгосрочной перспективе различия, существующие между странами, не обязательно исчезнут, поскольку конвергенция по доходам не означает уменьшение дифференциации, а также существует немалая вероятность того, что мигранты вернутся в ту страну, из которой они уехали.

В работе [14] приводится теоретическая модель с эндогенным человеческим капиталом, анализирующая влияние миграции высококвалифицированных работников на межрегиональные неравенства. Показано, что если будет происходить самоотбор мигрантов таким образом, что будут мигрировать только высококвалифицированные специалисты, поскольку в среднем эти работники быстрее окупают издержки миграции и мигрируют в основном в более успешные регионы, то может возникнуть ситуация, не сглаживающая межрегиональные неравенства, а наоборот увеличивающая различия в среднедушевых доходах.

Изучению эффекта высококвалифицированных мигрантов на рынки труда посвящена работа [10]. Автора заинтересовало, какой эффект оказывают на рынки труда аспиранты, которые приезжают на обучение в США, а потом остаются там работать. Это высококвалифицированные работники с докторской степенью. Эмпирические оценки показали, что увеличение предложения труда за счет притока высококвалифицированных мигрантов на 10 % снижает заработные платы работников той же квалификации на 3 %.

Также существует ряд работ, где авторы изучают изменение заработных плат коренного населения и заработных плат мигрантов вследствие иммиграции [8, 9, 13].

В работе [11] рассмотрены теоретические модели эффекта иммиграции на уровень заработной платы в стране прибытия. Показано, что в кратко-

срочном периоде приток мигрантов вызывает снижение заработной платы, а в долгосрочном периоде эффект также может быть отрицательным, если эффект спроса на труд доминирует эффект предложения труда. В работах [5, 9] получены эмпирические оценки этой теоретической модели для Канады, Мексики и США на основании данных переписей. Оказалось, что для этих стран увеличение предложения труда вследствие иммиграции на 10 % сокращает заработную плату на 3–4 %. Однако, несмотря на одинаковые эффекты в реакции заработной платы, эффект иммиграции на структуру заработных плат оказался различным для этих стран. Международная миграция снижает различия в заработных платах в Канаде, повышает в США и снижает относительные заработные платы для низкоквалифицированных работников в Мексике.

В работе [2] проведена калибровка и эмпирическое тестирование модели Лукаса [22] с добавлением в модель миграции. Введение миграции в модель позволяет объяснить конвергенцию ВВП на душу между странами. Причем *наибольший* вклад миграция вносит в быстрорастущих развивающихся странах, *средний* эффект получен для развитых стран и *наименьший* для бедных развивающихся стран. В работе показано, что влияние миграции на конвергенцию стран по ВВП происходит благодаря распространению технологий между странами (обмен идеями).

Таким образом, на основании вышеперечисленных работ можно сделать вывод, что в теории нет однозначного ответа на вопрос, приводит ли миграция к снижению межрегиональных различий или наоборот сглаживает их. Ответ зависит от множества условий, которые рассматриваются в моделях.

2.2. Эмпирические работы. Понятие бета- и сигма-конвергенции

Эмпирические исследования влияния миграции на уменьшение межрегионального неравенства проводились во многих странах мира, в частности, первые работы были сделаны для экономики США [6]. После чего появился цикл работ, посвященных межрегиональной конвергенции и внутренней миграции для стран Европы, Азии, Латинской Америки. В этих работах анализировалась скорость сходимости, а также в какой степени эта скорость зависит от миграции населения между регионами.

Рассмотрим более подробно базовую работу [6], в которой определяют две концепции конвергенции. *Абсолютная* или β -*конвергенция* означает, что бедные регионы имеют тенденцию расти более быстрыми темпами, чем богатые, а значит, вскоре разрывы между регионами по рассматриваемым показателям сократятся. Вторая концепция, σ -*конвергенция* или *относительная конвергенция*. Регионы сходятся в смысле сигма-конвергенции, если межрегиональная дисперсия (или индекс Джини, индекс Тейла и др.) рассматриваемых реальных показателей снижается со временем. Исходя из неоклассической теории роста, Barro, Sala-I-Martin предложили эконометрическую модель:

$$(1/T)\log(y_{it}/y_{i,t-T}) = \alpha + [\log(y_{i,t-T})][(1 - e^{-\beta T})/T] + u_{it}, \quad (1)$$

где y_{it} – ВРП или среднее значение доходов на душу населения для региона i в момент времени t ; T – длина рассматриваемого интервала.

Модель (1) является моделью *безусловной или абсолютной конвергенции*. β -параметр сходимости или конвергенции. Если $\beta < 0$, то это означает, что регионы с первоначально более низкими доходами растут быстрее тех регионов, которые первоначально имели более высокие доходы, т.е. происходит сходимость. Если, наоборот, $\beta > 0$, то неравенство еще больше усугубляется и наблюдается, наоборот, расхождение. Однако в этой модели нет никаких контрольных переменных, поэтому ее называют безусловной. Если же в модель (1) внести другие объясняющие переменные, то такая модель уже будет называться моделью *условной конвергенции*. Модель условной конвергенции предполагает, что траектории сбалансированного роста для разных регионов разные. Именно поэтому условная конвергенция не означает снижение межрегиональной дифференциации.

В работе [1] приводятся доказательства, показывающие, что анализ безусловной и условной сходимости бесполезен при исследовании динамики межрегиональных неравенств по доходам, ссылаясь на парадокс Гальтона (двусторонняя β -сходимость). Поэтому разумнее анализировать непосредственно динамику показателей неравенства таких, как стандартное отклонение логарифмов дохода, коэффициент Джини, индекс Тейла, коэффициент вариации и др. (σ -конвергенция).

Barro и Sala-I-Martin [6] исследовали влияние миграции населения на конвергенцию, оценивая уравнение (2). Оценивалось такое уравнение методом инструментальных переменных, поскольку переменная миграции является эндогенной в модели. В качестве инструментов для коэффициентов миграционного прироста брались плотность населения и среднее число теплых дней в году:

$$y_i^t - y_i^{t-1} = \alpha y_i^{t-1} + \delta Z_i^t + \gamma M_i^t + \lambda_t + \mu_i + \varepsilon_i^t, \quad (2)$$

где y_i^t – логарифм ВРП или среднедушевых доходов населения для региона i в момент времени t ; y_i^{t-1} – логарифм ВРП или среднедушевых доходов населения для региона i в момент времени $t - 1$; Z_i^t – группа контрольных переменных для региона i в момент времени t ; M_i^t – чистый миграционный поток для региона i в момент времени t ; λ_t – временные эффекты, учитываемые с помощью набора дамми переменных; μ_i – индивидуальный эффект региона. Проводится отдельно анализ того, является ли он детерминированным или случайным. ε_i^t – случайная составляющая; α, δ, γ – коэффициенты модели, подлежащие оцениванию. Причем $\alpha = (1 - e^{-\beta T})/T$, где β – параметр сходимости или конвергенции, T – длина рассматриваемого интервала времени.

Сравнение значений параметров β для моделей (2) с миграционным приростом и без него дает понять, влияет ли миграция на конвергенцию. В случае если β различаются, то говорят, что миграция оказывает влияние на скорость сходимости, иначе такого эффекта нет.

В результате оценки модели с миграцией оказалось, что коэффициент $\beta = 0,0214$, а коэффициент перед переменной коэффициента миграционного прироста оказался вообще незначимым. Сравнивая модели для разных периодов, авторы делают вывод, что миграция практически не оказывает никакого эффекта или очень маленький эффект на снижение дифференциации между штатами в Америке.

Модель (2) оценивалась многими авторами для разных стран и разных временных периодов (см. в приложении табл. 4). В работе [24] проводится мета-анализ эмпирических работ, в которых изучается взаимосвязь между миграцией и конвергенцией по доходам. Для 67 оценок коэффициентов модели условной бета-конвергенции получено, что взвешенная оценка скорости сходимости равна 2,7 %. А увеличение на 1 процентный пункт коэффициента чистого миграционного прироста ведет к увеличению темпов роста среднедушевых доходов на 0,1 процентный пункт. Используя оценки коэффициентов в качестве наблюдений, авторы построили эконометрическую модель. И получили, что коэффициент при миграции в уравнении (2) при оценивании на панельных данных или при использовании метода инструментальных переменных более низкий. Однако к противоположному эффекту ведет учет высококвалифицированных мигрантов.

В статье [25] также изучается влияние миграции на региональную сходимость. Причем авторы показали на примере Норвегии и Швеции 1980–2000 гг., что приток и отток мигрантов по-разному влияет на конвергенцию в разных странах (модель 3). Миграционный поток рассматривается не как разница между прибытием и выбытием, а отдельно число мигрантов, прибывших в регион i в год t MI_i^t и выбывших из региона MO_i^t :

$$y_i^t - y_i^{t-1} = \alpha y_i^{t-1} + \delta Z_i^t + \gamma_1 MO_i^t + \gamma_2 MI_i^t + \lambda_t + \mu_i + \varepsilon_i^t. \quad (3)$$

Чтобы избежать проблемы эндогенности, авторы переходят к динамической модели на панельных данных:

$$y_i^t = \alpha' y_i^{t-1} + \delta Z_i^t + \gamma_1 MO_i^t + \gamma_2 MI_i^t + \lambda_t + \mu_i + \varepsilon_i^t, \quad (4)$$

где $\alpha' = 1 + \alpha$.

В качестве инструментов в модели (4) берутся лаги переменных, участвующих в модели. Это метод Ареллано–Бонда, согласно которому первоначально осуществляется переход к уравнению в разностях (модель 5), а затем все эндогенные переменные инструментируются своими лагами:

$$\Delta y_i^t = \alpha' \Delta y_i^{t-1} + \delta \Delta Z_i^t + \gamma_1 \Delta MO_i^t + \gamma_2 \Delta MI_i^t + \lambda_t + \Delta \varepsilon_i^t. \quad (5)$$

Как уже говорилось, в эмпирических работах также нет единства по поводу влияния миграции на межрегиональное неравенство (см. табл. 4 в приложении). Есть ряд работ, где влияние миграции на конвергенцию положительное, отрицательное, а также незначимое.

3. Данные

Мы используем официальные данные Росстата¹ для 77 российских регионов и 15 лет за период с 1996 по 2010 г. Из рассмотрения исключены Республика Ингушетия, Республика Чечня и Чукотский автономный округ из-за неполноты данных по ним. Помимо этого не рассматривались 9 автономных округов, входящих в состав более крупных регионов (Ненецкий, Коми-Пермяцкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский

¹ www.gks.ru, Сборники Росстата «Регионы России».

Бурятский и Корякский). Описательные статистики по всем исследуемым показателям представлены в приложении (табл. 5 в приложении). Среднедушевые доходы и заработные платы разделены на величину прожиточного минимума для учета различий в региональных уровнях цен. Тем самым мы также учитываем инфляцию в регионах России.

Основная цель работы – исследование взаимосвязи между миграцией и экономическими показателями. Для этого мы используем данные о миграции, предоставляемые Росстатом². Мы рассматриваем как внешних, так и внутренних мигрантов в России. На рис. 2 представлена динамика внутренней регистрируемой миграции в России (межрегиональная и внутрирегиональная). Приблизительно межрегиональная и внутрирегиональная миграция делит в равной пропорции общий объем внутренней миграции. С 1995 г. внутренняя миграция населения снижалась. Многие исследователи счита-

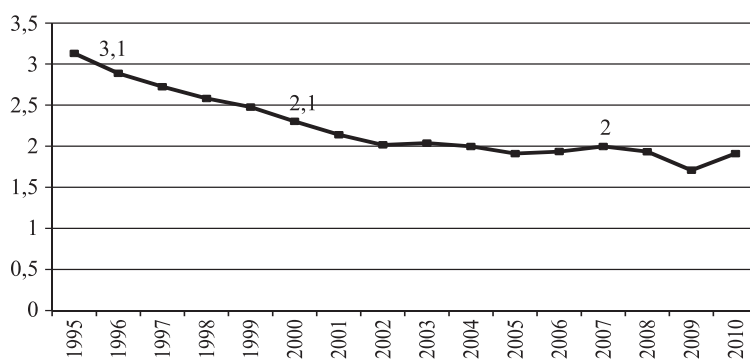


Рис. 2. Внутренняя миграция в России, млн человек



Рис. 3. Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. населения в среднем за период 1997–2009 гг.

² Стоит заметить, что это только зарегистрированные мигранты, которые сменили место постоянного жительства.

ют, что это связано со сменой форм пространственной мобильности: постоянная миграция заменяется временной миграцией [3]. Начиная с 2002 г. численность регистрируемых внутренних мигрантов в России установилась на уровне 1,9 млн человек.

Рассмотрим направления миграционных потоков между регионами России. Для этого обратимся к коэффициентам миграционного прироста/убыли для каждого региона. Коэффициент миграционного прироста населения – это разность числа прибывших и выбывших мигрантов, отнесенная к среднегодовой численности населения. Часто этот коэффициент называется также коэффициентом чистой миграции. На карте (рис. 3) изображены данные коэффициенты. Видно, что больше «темных мест», характеризующих большие коэффициенты миграционного прироста, в центральной части России. Вся же восточная часть характеризуется миграционной убылью населения. Если же посмотреть на сальдо миграции между федеральными округами России, то положительное сальдо миграции в 2000-е гг. у Центрального и Северо-западного федеральных округов, и это благодаря, прежде всего, «столицам». Во всех федеральных округах снижается численность населения в пользу Центрального округа. В целом миграционные потоки имеют направление с востока на запад и с севера на юг. Движение населения России с востока на запад получило в литературе название «Западный дрейф» [3].

4. Исследование межрегиональной конвергенции в России

Как уже было сказано ранее, для исследования изменений межрегиональных различий наилучший способ – это изучение так называемой сигма-конвергенции. На рис. 4 изображена динамика взвешенных по населению стандартных отклонений логарифмов региональных реальных среднедушевых доходов³, реальных заработных плат и уровней безработицы. Невзвешенные по населению стандартные отклонения по тем же показателям представлены в приложении и на рис. 6. Динамика невзвешенных показателей оказалась такой же.

В 1990-е гг. не наблюдалась сигма-конвергенция по рассматриваемым показателям, наоборот, по некоторым была даже дивергенция. Но ситуация существенно изменилась в 2000-х гг. Процессы сигма-конвергенции стали наблюдаться с 2000 г. для среднедушевых доходов и с 2001 г. для заработных плат. По уровням безработицы ситуация не столь ясная, но можно сказать, что с 2005 г. дифференциация и по уровням безработицы стала снижаться.

Итак, проведенные исследования межрегиональной конвергенции по среднедушевым доходам, заработным платам и уровням безработицы показали, что в 2000-х гг. стали наблюдаться процессы сигма-конвергенции.

³ Стандартные отклонения показателей, взвешенные по населению, рассчитывались

следующим образом: $\sigma = \sqrt{\sum_{i=1}^{78} (x_i - \bar{x})^2 \frac{n_i}{N}}$, где n_i – численность населения в регионе i , N – численность населения в 78 регионах, $\bar{x} = \sum_{i=1}^{78} x_i n_i / N$, x_i – это логарифм рассматриваемых показателей.

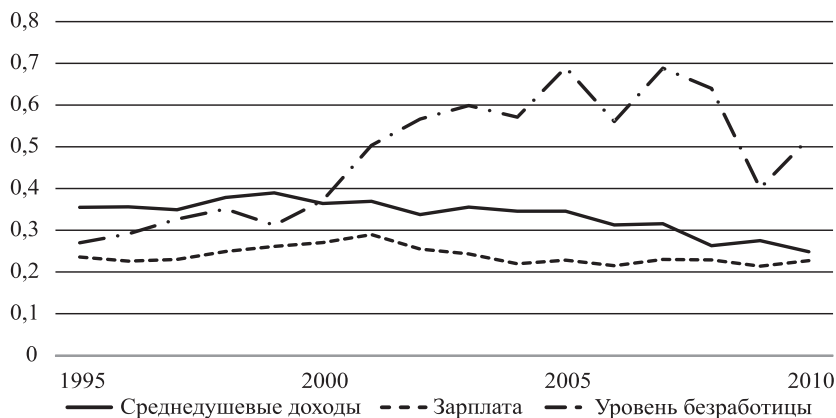


Рис. 4. Различия между российскими регионами в терминах взвешенных по населению стандартных отклонений логарифмов реальных среднедушевых доходов, реальных заработных плат и уровня безработицы⁴

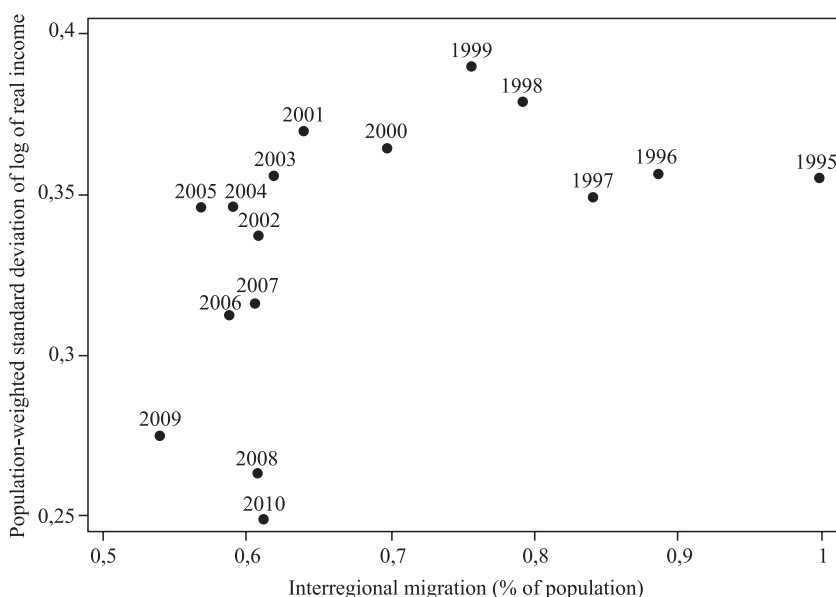


Рис. 5. Межрегиональная миграция и межрегиональные различия в реальных среднедушевых доходах

Как это согласуется с изменениями объемов межрегиональной миграции? На рис. 5 изображена диаграмма рассеивания в осях: межрегиональные различия по доходам и динамика межрегиональной миграции в процентах от населения. Точки на этом графике показывают значения взвешенных по населению стандартных отклонений по доходам и отношение межрегиональной миграции к населению в конкретном году. Видно, что если следить за динамикой межрегиональной миграции, то это движение на графике справа налево, т.е. с годами межрегиональная миграция снижалась. Однако в то же время динамика межрегиональных различий в рассматриваемый

⁴ Для сопоставления межрегиональных уровней цен мы разделили все номинальные показатели на величину прожиточного минимума в регионе.

период времени также снижалась. Значит ли это, что миграционные потоки не вносят вклад в снижение межрегиональной миграции? Результаты предыдущих исследований [17] показали: межрегиональные миграционные потоки в 1990-е гг. снижались вследствие того, что многие регионы находились в ловушках бедности, что стало серьезным ограничением миграции. В 2000-х гг., когда ловушки бедности стали исчезать, миграционные потоки не увеличились, поскольку существенно снизились межрегиональные различия в среднедушевых доходах и у мигрантов пропал стимул мигрировать.

5. Эконометрическая спецификация

Как уже было сказано ранее, основой всех исследований, посвященных изучению взаимосвязи миграции и процессов конвергенции, является модель условной бета-конвергенции, предложенной [6]. Однако мы расширяем эту базовую модель, включая ряд контрольных переменных:

$$\ln\left(\frac{y_{i,t}}{y_{i,t-1}}\right) = \alpha_i + \delta_t - \beta \ln(y_{i,t-1}) + \gamma \text{Migration}_{i,t-1} + \sum_{k=1}^K \theta_k X_{k,i,t} + \varepsilon_{i,t}, \quad (6)$$

где $y_{i,t}$ – зависимая переменная для региона i в году t . Мы исследуем три различные зависимые переменные: реальную заработную плату, реальные среднедушевые доходы и уровень безработицы. Величины α_i – детерминированный индивидуальный эффект региона, δ_t – детерминированный временной эффект, задаваемый рядом дамми переменных на года. $X_{k,i,t}$ – набор объясняющих переменных, j – индекс фактора, i – индекс региона, t – индекс года. β, γ, θ_j – набор параметров, подлежащих оцениванию.

Для каждого уравнения помимо переменных, характеризующих миграцию, мы включили различные контрольные переменные ($X_{k,i,t}$). Включены демографические индикаторы: темп роста населения, доля населения моложе 18 лет, доля населения старше пенсионного возраста, численность студентов на душу населения в регионе, коэффициент младенческой смертности, как прокси переменная уровня развития региона. Для подвыборки 2005–2010 гг. в модель также включена отраслевая структура экономики: доля работников, занятых в сельском хозяйстве, добывающей промышленности, образовании и здравоохранении. Для других периодов времени этих данных не удалось найти в открытом доступе на сайте Росстата. Описание всех переменных и их дескриптивные статистики представлены в приложении (см. табл. 5 в приложении).

Модель для уравнения среднедушевых доходов более сложная. Поскольку доходы состоят из трех частей: заработная плата, социальные трансферты и доходы на капитал (иные доходы). Следовательно, необходимо включить в модель факторы, которые влияют на каждую из данных частей. Поэтому в модель для доходов включены все те же факторы, что и в модель для заработной платы, а также трансферты из федерального бюджета (дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности из фонда финансовой поддержки регионов) на душу населения и инвестиции в основной капитал на душу населения. Включение показателя трансфертов и инвестиций позволяет учесть вклад государства и мобильности капитала в межрегиональную сходимость.

Уравнение (6) можно переписать в следующем виде:

$$\ln(y_{i,t}) = \alpha_i + \delta_t + (1 - \beta) \ln(y_{i,t-1}) + \gamma \text{Migration}_{i,t-1} + \sum_{k=1}^K \theta_k X_{k,i,t} + \varepsilon_{i,t}. \quad (7)$$

Таким образом, уравнение (7) представляет собой динамическую модель на панельных данных, поскольку в правой части уравнения присутствует лаг зависимой переменной в качестве регрессора⁵. Однако мы также хотим учесть пространственное взаимодействие между регионами. Для этого мы включаем в правую часть уравнения (7) так называемый пространственный лаг [23]. И получаем уравнение следующего вида:

$$\ln(y_{i,t}) = \alpha_i + \delta_t + (1 - \beta) \ln(y_{i,t-1}) + \rho \sum_{j=1}^J \omega_{i,j} \ln(y_{j,t}) + \gamma \text{Migration}_{i,t-1} + \sum_{k=1}^K \theta_k X_{k,i,t} + \varepsilon_{i,t}, \quad (8)$$

где $\sum_{j=1}^J \omega_{i,j} \ln(y_{j,t})$ – средневзвешенная зависимая переменная по всем регио-

нам с весами $\omega_{i,j}$. В качестве весов в подобных моделях, как правило, берут или матрицу соседства, или обратные расстояния между парами регионов. Матрица соседства – это квадратная матрица, размер которой равен количеству рассматриваемых регионов. Элементы этой матрицы – это значения 0, если регионы не являются соседями, т.е. не имеют общей границы, и 1 – иначе. Матрица обратных расстояний представляет собой матрицу, элементы которой обратные расстояния между парами регионов⁶. В данном исследовании мы остановились на матрице обратных расстояний. Результаты с матрицей соседства оказались схожими.

Таким образом, модель (8) – это динамическая модель на панельных данных с пространственными эффектами⁷. Для тестирования значимости пространственных корреляций мы использовали I статистику Морана. Для оценивания модели (8) использовался обобщенный метод моментов для систем уравнений [7]. Суть метода состоит в том, что одновременно оцениваются два уравнения: уравнение в уровнях и уравнение в первых разностях переменных. Для уравнения, где все переменные взяты в уровнях, в качестве инструментов брались лагированные разности переменных. А для уравнения в разностях в качестве инструментов берутся лаги переменных в уровнях. В работе [7] показано, что такая оценка позволяет избежать смещения, наблюдаемого при использовании МНК, что подтверждается Монте-Карло симуляциями. Возможность использования оценки системного

⁵ Заметим, что теперь конвергенция будет в случае, если коэффициент при лагированном значении зависимой переменной меньше 1.

⁶ Матрицу нормируют таким образом, чтобы сумма элементов по строке была равна 1. Расстояние между парами регионов измерялось между столицами регионов по железным дорогам (или автомобильным, если нет железнодорожного сообщения).

⁷ Стоит отметить, что пространственное взаимодействие в нашем случае измерялось в виде SAR модели, также могут быть оценены SMA модели, когда пространственное взаимодействие учитывается в ошибках. Однако нет особых различий в том, каким образом учитывать пространственные взаимодействия.

ГММ для анализа моделей, включающих пространственные компоненты, исследована и доказана в статье [19]. Для тестирования валидности инструментов мы проводим тест Саргана и тестируем наличие автокорреляции с помощью теста Ареллано–Бонда.

Для оценивания эффекта миграции на интересующие нас показатели мы включали различные переменные: коэффициенты миграции только внутренней и отдельно только внешней, а также совместно внутреннюю и внешнюю миграцию. Также рассматривали отдельно эффекты притока и оттока мигрантов в регион [25]. Все показатели миграции включены с лагом в один год для учета эндогенности.

6. Анализ результатов

6.1. Модели для заработных плат

Рассмотрим модели для заработных плат. Как было показано в предыдущем разделе, сигма-конвергенция наблюдалась по этому показателю в 2001–2010 гг. Рассмотрим более подробно именно этот период времени. Оказалось, что p -value I статистики Морана для заработных плат всего рассматриваемого периода меньше 5 % уровня значимости. Таким образом, мы отвергаем нулевую гипотезу о нулевой пространственной автокорреляции. Следовательно, пространственный лаг в модели (8) для заработных плат уместен.

В табл. 1 представлены результаты для модели заработных плат 2001–2010 гг. Во-первых, стоит отметить наличие бета-конвергенции для заработных плат. Первый лаг заработной платы оказался значимым, как и пространственный лаг, для различных спецификаций модели. Коэффициенты миграции как внешней, так и внутренней являются незначимыми во всех спецификациях модели. Однако если мы отдельно рассмотрим приток и отток мигрантов, то оказывается, что отток мигрантов имеет положительный знак и значим. Таким образом, получается, что отток мигрантов из региона ведет к росту заработной платы в нем. А поскольку люди движутся из менее перспективных регионов в более успешные, как было показано ранее, то полученные результаты свидетельствуют о выравнивании заработных плат между регионами. Ловушки бедности в 2000-х гг. постепенно стали исчезать, а это значит, что люди стали перемещаться из регионов с более низкими заработками в регионы с более высокими. Отток мигрантов вызывает рост заработных плат, а значит, в менее успешных регионах заработные платы повышаются. Заметим, что приток мигрантов не оказывает никакого воздействия на заработную плату. Следовательно, в более успешных регионах заработная плата остается прежней. Таким образом, происходит ситуация, о которой говорилось ранее. Реализуется неоклассический сценарий, т.е. эффекты со стороны предложения труда доминируют эффекты со стороны спроса на труд.

Что касается результатов теста Саргана, то он показал, что инструменты в модели валидны. Проведя тест Ареллано–Бонда на автокорреляцию, мы не можем отвергнуть гипотезу, что нет автокорреляции 2-го порядка.

Таблица 1

Результаты для заработных плат 2001–2010 гг.

Переменные	Асимметрич- ное влияние с внешней миграцией	Асиммет- ричное влияние	Коэф- фициент миграции	Коэффици- ент миграции (внешняя и внутренняя)	Без миграции
Зарплата ($t - 1$)	0,862*** (0,110)	0,861*** (0,108)	0,842*** (0,116)	0,848*** (0,113)	0,850*** (0,107)
Пространственный лаг	0,966*** (0,098)	0,974*** (0,098)	0,832*** (0,099)	0,864*** (0,098)	0,827*** (0,103)
Отток миграции ($t - 1$)	0,012* (0,006)	0,008** (0,004)			
Приток миграции ($t - 1$)	-0,003 (0,006)	0,000 (0,004)			
Коэффициент миграции (внешняя) ($t - 1$)	0,003 (0,004)		0,003 (0,003)		
Коэффициент миграции (внутренняя) ($t - 1$)			-0,007 (0,006)		
Коэффициент миграции ($t - 1$)				-0,001 (0,001)	
Демографические показате- ли, численность студен- тов, младенческая смерт- ность, временные дамми	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдения	770	770	770	770	770
Кол-во регионов	77	77	77	77	77
AR(2), p-value	0,2664	0,2854	0,2532	0,2852	0,2930
Тест Саргана, p-value	0,1227	0,1261	0,1540	0,1722	0,2141

Примечание: в скобках робастные стандартные отклонения. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. AR(2) – тест Ареллано–Бонда на автокорреляцию второго порядка.

Для 1995–2010 гг. (табл. 6 в приложении) значим также приток мигрантов, но для модели без учета пространственного лага. Коэффициент при этой переменной имеет отрицательный знак. Для периода 2005–2010 гг. (табл. 7 в приложении) значим коэффициент миграции, знак отрицательный. Опять же полученные результаты согласуются с неоклассической теорией.

6.2. Модели для безработицы

Для уровней безработицы p-value I статистики Морана для всех лет оказалось меньше 5 % уровня значимости, мы отвергаем гипотезу о нулевых пространственных корреляциях. Следовательно, необходимо включить пространственные лаги в модель.

Результаты оценивания модели (8) для 2001–2010 гг. представлены в табл. 2. Временной лаг в один год и пространственный лаг значимы во всех спецификациях модели. Следовательно, уровни безработицы для близко

Таблица 2

Результаты для уровней безработицы 2001–2010 гг.

Переменные	Асимметрич- ное влияние с внешней миграцией	Асиммет- ричное влияние	Коэф- фициент миграции	Коэффициент миграции (внешняя и внутренняя)	Без миграции
Безработица ($t - 1$)	0,319*** (0,065)	0,319*** (0,067)	0,330*** (0,061)	0,334*** (0,062)	0,347*** (0,064)
Пространственный лаг	0,574*** (0,188)	0,564*** (0,194)	0,542*** (0,192)	0,513*** (0,196)	0,509*** (0,193)
Отток миграции ($t - 1$)	0,020 (0,028)	0,005 (0,010)			
Приток миграции ($t - 1$)	-0,039 (0,029)	-0,025 (0,017)			
Коэффициент миграции (внешняя) ($t - 1$)	0,015 (0,024)		0,018 (0,029)		
Коэффициент миграции (внутренняя) ($t - 1$)			-0,029 (0,031)		
Коэффициент миграции ($t - 1$)				-0,003 (0,005)	
Демографические показате- ли, численность студен- тов, младенческая смерт- ность, временные дамми	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдения	770	770	770	770	770
Кол-во регионов	77	77	77	77	77
AR(2), p-value	0,2125	0,2254	0,2228	0,2427	0,2264
Тест Саргана, p-value	0,2880	0,2674	0,3645	0,3061	0,2396

Примечание: в скобках робастные стандартные отклонения. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. AR(2) – тест Ареллано–Бонда на автокорреляцию второго порядка.

расположенных регионов положительно коррелируют. Однако каким образом переменные миграции не были бы включены в модель, они оказываются незначимыми. Такие же результаты получаются и для других периодов времени (см. табл. 6, 7 в приложении).

6.3. Модели для доходов

Для среднедушевых доходов значение p-value статистики Морана с 1997 г. больше 5 % уровня значимости. Таким образом, мы не можем отвергнуть гипотезу о нулевой пространственной корреляции, следовательно, не нужно включать в модель для среднедушевых доходов пространственный лаг. Результаты оценивания модели для среднедушевых доходов представлены в табл. 3. В различных спецификациях оказывается, что отток миграции значим и имеет положительный коэффициент. Такой же результат был получен ранее для уравнения заработной платы. Коэффициент

Таблица 3

Результаты для среднедушевых доходов 2001–2010 гг.

Переменные	Асимметрич- ное влияние с внешней миграцией	Асиммет- ричное влияние	Коэф- фициент миграции	Коэффици- ент миграции (внешняя и внутренняя)	Без миграции
Доход ($t - 1$)	0,720*** (0,105)	0,720*** (0,104)	0,727*** (0,107)	0,729*** (0,108)	0,749*** (0,104)
Отток миграции ($t - 1$)	0,012* (0,006)	0,010** (0,004)			
Приток миграции ($t - 1$)	-0,011 (0,008)	-0,009 (0,008)			
Коэффициент миграции (внешняя) ($t - 1$)	0,002 (0,005)		0,002 (0,005)		
Коэффициент миграции (внутренняя) ($t - 1$)			-0,012** (0,006)		
Коэффициент миграции ($t - 1$)				-0,004** (0,002)	
Трансферты (log)	-0,000 (0,012)	0,001 (0,012)	-0,001 (0,012)	0,000 (0,012)	0,003 (0,011)
Инвестиции (log)	0,030 (0,020)	0,030 (0,020)	0,029 (0,020)	0,030 (0,020)	0,024 (0,018)
Демографические показате- ли, численность студен- тов, младенческая смерт- ность, временные дамми	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдения	634	634	634	634	634
Кол-во регионов	73	73	73	73	73
AR(2), p-value	0,8091	0,7843	0,8139	0,7744	0,8225
Тест Саргана, p-value	0,1203	0,1179	0,1254	0,1322	0,1102

Примечание: в скобках робастные стандартные отклонения. *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. AR(2) – тест Ареллано–Бонда на автокорреляцию второго порядка.

чистого миграционного прироста также оказался значимым и имеет отрицательный коэффициент. Опять же полученный результат согласуется с неоклассической моделью. Отток мигрантов повышает среднедушевые доходы в посылающем регионе. Высокие значения коэффициента чистого миграционного прироста приводят к снижению среднедушевых доходов в регионе. Коэффициент чистого миграционного прироста для внешней миграции незначим для всех моделей. Однако этот эффект может быть объяснен низким уровнем регистрации внешней миграции. В табл. 6 в приложении представлены результаты модели для 1995–2010 гг. В этом периоде пространственный лаг и показатели миграции оказались незначимыми. Результаты для 2005–2010 гг. (см. табл. 7 в приложении) оказались схожими с результатами модели 2001–2010 гг.

6.4. Миграция и динамика коэффициента Джини

Для того чтобы оценить влияние миграции на межрегиональную дифференциацию, мы обратились к сигма-конвергенции, а именно построили динамику коэффициентов Джини⁸. Как уже упоминалось ранее, Глуценко [1] показал, что только на основании сигма-конвергенции можно сделать вывод об изменении межрегиональной дифференциации. На рис. 6 представлена динамика коэффициента Джини для реальной заработной платы, уровня безработицы и реального среднедушевого дохода. Видно, что коэффициент Джини для среднедушевых доходов снижается, что говорит об уменьшении межрегиональной дифференциации. Для заработной платы коэффициент Джини начинает убывать с 2000-х гг., а для уровней безработицы только с 2007 г.

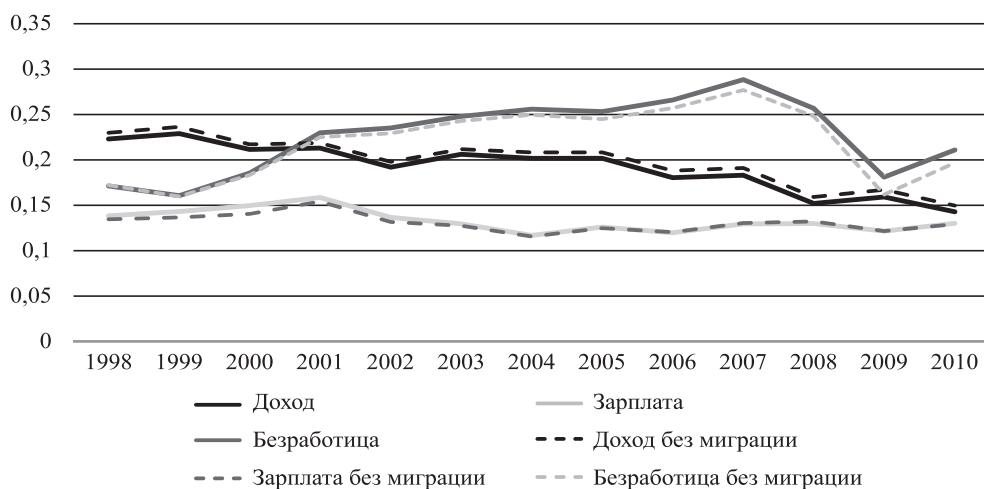


Рис. 6. Динамика коэффициента Джини для реальных среднедушевых доходов, реальных заработных плат и уровней безработицы без и с учетом миграции

Используя результаты модели (8) мы оценили, какими были бы заработные платы, уровень безработицы и среднедушевые доходы, если бы не было миграционных потоков между регионами. На рис. 6 коэффициенты Джини, рассчитанные по этим оцененным показателям, изображены пунктирными линиями. Видно, что различия между сплошными и пунктирными линиями практически неотличимы⁹. Следовательно, эффект миграции на межрегиональные различия несущественный.

7. Заключение

Мы рассмотрели модели условной бета-конвергенции на панельных данных с пространственными эффектами для заработной платы, уровня безработицы и среднедушевых доходов для 1995–2010 гг. В результате по-

⁸ Можно было бы построить и динамику взвешенных стандартных отклонений.

⁹ Для проверки статистических гипотез о равенстве двух коэффициентов Джини были проведены попытки построить доверительный интервал для коэффициента Джини с помощью команды `gspc` для Статы (Kolenikov S., Sajaia Z., 2010). Однако доверительные интервалы оказались очень широкими.

лучили, что отток мигрантов из регионов приводит к росту заработной платы и среднедушевых доходов в нем. Если учесть, что мигранты движутся из менее благополучных регионов в более благополучные, то миграционный отток приводит к выравниванию заработных плат и среднедушевых доходов. Что касается уровней безработицы, то здесь никаких эффектов миграции не было выявлено.

Стоит также отметить значимые пространственные эффекты как для уровней безработицы, так и заработных плат. Найдена положительная пространственная корреляция. Это значит, что заработные платы и уровни безработицы близких регионов положительно коррелируют. И это объясняется взаимосвязями рынков труда близких регионов. Чем ближе регионы друг к другу, тем больше они влияют друг на друга. Для среднедушевых доходов пространственных эффектов не было найдено.

Наши результаты согласуются с неоклассической теорией. Однако эффект миграции в краткосрочном периоде совсем небольшой. Исследуя динамику коэффициентов Джини с учетом миграции и без, оказалось, что различия несущественные. Таким образом, миграция не способствует сигма-конвергенции. Однако в данном исследовании проделаны только первые шаги по изучению эффекта миграции на межрегиональную сходимость. Этот вопрос еще предстоит изучать. Возможно, следует рассматривать миграцию между парами регионов, как это сделано в работе [26]. А также изучать не краткосрочное влияние миграции, а накопленные эффекты, т.е. смотреть, сколько человек уехало или приехало в регион за определенный период времени.

Что касается полученных результатов о малом эффекте миграции, то здесь можно предположить несколько объяснений. Во-первых, потоки регистрируемой миграции очень маленькие, это всего 2 % населения и только 1 % населения – это межрегиональные мигранты. Возможно, что потоки реальной миграции, в том числе нерегистрируемой, значительно выше, поэтому эффекты миграции могут быть на самом деле иными. Во-вторых, изучая процессы межрегиональной сходимости очень сложно разделить эффекты различных источников. Это и потоки капитала, и государственные вмешательства. Изучению декомпозиции межрегиональной сходимости в России в 1995–2010 гг. по различным источникам посвящена работа [16], где было показано, что вклад потоков капитала в межрегиональную сходимость наибольший. Согласно вышесказанному, миграция населения вызывает сразу два эффекта: эффект со стороны спроса и со стороны предложения, которые разнонаправленные. Поэтому эти два эффекта могут исключать друг друга и как результат эффект миграции может быть нулевым.

Литература

1. *Глуценко К.П.* Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4(16). С. 27–44.
2. *Кривенко П.А.* Обмен идеями, миграция и экономический рост / Препринт WP12/2010/05. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: ГУ – ВШЭ, 2010. 48 с.
3. *Мкртчян Н.В.* Миграция в России: западный дрейф. Информационный бюллетень / Центр демографии и экологии человека ИНП РАН. М., 2004. № 87.

4. *Arellano M., Bond S.* Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *The Review of Economic Studies*. 1991. Vol. 58, N 2. P. 277–297.
5. *Aydemir A., Borjas G.J.* A Comparative Analysis of the Labor Market Impact of International Migration: Canada, Mexico, and the United States / NBER Working Papers 12327, National Bureau of Economic Research, Inc. 2006.
6. *Barro R.J., Sala-i-Martin X.* Convergence across States and Regions. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1991 (1). P. 107–182.
7. *Blundell R., Bond S.* Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics* 87. 1998 P. 115–143.
8. *Borjas G.J.* Self-Selection and the Earnings of Immigrants // *American Economic Review*. 1987. 77(4). P. 531.
9. *Borjas G.J.* The Labor Demand Curve Is Downward Sloping: Reexamining The Impact Of Immigration On The Labor Market // *The Quarterly Journal of Economics*, MIT Press. 2003. 118(4). P. 1335–1374.
10. *Borjas G.J.* The Labor-Market Impact of High-Skill Immigration // *American Economic Review*. 2005. 95(2). P. 56–60.
11. *Borjas G.J.* The Analytics of the Wage Effect of Immigration / NBER Working Papers 14796, National Bureau of Economic Research, Inc. 2009.
12. *Cass D.* Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation // *Review of Economic Studies*. 1965. 32. P. 233–240.
13. *Dustmann C., Frattini T., Preston I.* The Effect of Immigration along the Distribution of Wages, CReAM Discussion Paper Series 0803, Centre for Research and Analysis of Migration (CReAM), Department of Economics, University College London. 2008.
14. *Fratesi U., Riggi M.R.* Does migration reduce regional disparities? The role of skill-selective flows. *RURDS*, 2007. Vol. 19. N 1.
15. *Gluschenko K.* Methodologies of analyzing inter-regional income inequality and their applications to Russia. MPRA Paper N 18443. 2009. URL:<http://mpra.ub.uni-muenchen.de/18443/>
16. *Guriev S., Vakulenko E.* Convergence among Russian regions. CEFIR / NES Working Paper. 2012. N 180.
17. *Guriev S., Vakulenko E.* Internal Migration and Interregional Convergence in Russia. Social Science Research Network Working Paper Series. № 2200539. 2013.
18. *Koopmans T.C.* On the Concept of Optimal Economic Growth / *The Econometric Approach to Development Planning*. Amsterdam: North Holland. 1965.
19. *Kukenova M., Monteiro J.-A.* Spatial Dynamic Panel Model and System GMM: A Monte Carlo Investigation, MPRA Paper 13404, University Library of Munich, Germany. 2008.
20. *Krugman P.* Increasing returns and Economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. N 3.
21. *Larramona G., Sanso M.* Migration dynamics, growth and convergence // *Journal of Economic Dynamics & Control*. 2006. N 30. P. 2261–2279.
22. *Lucas R.* Ideas and Growth / NBER Working Paper N W14133. 2008.
23. *Niebuhr A., Granato N., Haas A., & Hamann S.* Does Labour Mobility Reduce Disparities between Regional Labour Markets in Germany? // *Regional Studies*. 2011. P. 1–18.
24. *Ozgen C., Nijkamp P., Poot J.* The effect of migration on income growth and convergence: Meta-analytic evidence // *Papers in Regional Science*. 2010. 89(3). P. 537–561.
25. *Østbye S. and Westerlund O.* Is Migration Important for Regional Convergence? Comparative Evidence for Norwegian and Swedish Counties, 1980–2000 // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41.7, P. 901–915.
26. *Phan D., Coxhead I.* Inter-provincial migration and inequality during Vietnam's transition // *Journal of Development Economics*. 2010. N 91. P. 100–112.
27. *Ramsey F.* A Mathematical Theory of Saving // *Economic Journal*. 38. P. 543–559.

28. *Rappaport J.* (2005). How does labor mobility affect income convergence? // *Journal of Economic Dynamics & Control*. 1928. N 29. P. 567–581.
29. *Tabuchi T., Thisse J.-F.* Taste heterogeneity, labor mobility and economic geography // *Journal of Development Economics*. 2002. N 69. P. 155–177.

Bibliography

1. *Glushhenko K.P.* Mify o beta-konvergencii // *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii*. 2012. № 4(16). P. 27–44.
2. *Krivenko P.A.* Obmen idejami, migracija i jekonomicheskij rost / Preprint WP12/2010/05. Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki. M.: GU – VShJe, 2010. 48 p.
3. *Mkrтчjan N.V.* Migracija v Rossii: zapadnyj drejf. Informacionnyj bjulleten' / Centr demografii i jekologii cheloveka INP RAN. M., 2004. № 87.
4. *Arellano M., Bond S.* Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *The Review of Economic Studies*. 1991. Vol. 58, N 2. P. 277–297.
5. *Aydemir A., Borjas G.J.* A Comparative Analysis of the Labor Market Impact of International Migration: Canada, Mexico, and the United States / NBER Working Papers 12327, National Bureau of Economic Research, Inc. 2006.
6. *Barro R.J., Sala-i-Martin X.* Convergence across States and Regions. *Brookings Paperson Economic Activity*, 1991 (1). P. 107–182.
7. *Blundell R., Bond S.* Initial conditions and moment restrictions in dynamic panel data models. *Journal of Econometrics* 87. 1998 P. 115–143.
8. *Borjas G.J.* Self-Selection and the Earnings of Immigrants // *American Economic Review*. 1987. 77(4). P. 531.
9. *Borjas G.J.* The Labor Demand Curve Is Downward Sloping: Reexamining The Impact Of Immigration On The Labor Market // *The Quarterly Journal of Economics*, MIT Press. 2003. 118(4). P. 1335–1374.
10. *Borjas G.J.* The Labor-Market Impact of High-Skill Immigration // *American Economic Review*. 2005. 95(2). P. 56–60.
11. *Borjas G.J.* The Analytics of the Wage Effect of Immigration / NBER Working Papers 14796, National Bureau of Economic Research, Inc. 2009.
12. *Cass D.* Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation // *Review of Economic Studies*. 1965. 32. P. 233–240.
13. *Dustmann C., Frattini T., Preston I.* The Effect of Immigration along the Distribution of Wages, CReAM Discussion Paper Series 0803, Centre for Research and Analysis of Migration (CReAM), Department of Economics, University College London. 2008.
14. *Fratesi U., Riggi M.R.* Does migration reduce regional disparities? The role of skill-selective flows. *RURDS*, 2007. Vol. 19. N 1.
15. *Gluschenko K.* Methodologies of analyzing inter-regional income inequality and their applications to Russia. MPRA Paper N 18443. 2009. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/18443/>
16. *Guriev S., Vakulenko E.* Convergence among Russian regions. CEFIR / NES Working Paper. 2012. N 180.
17. *Guriev S., Vakulenko E.* Internal Migration and Interregional Convergence in Russia. Social Science Research Network Working Paper Series. № 2200539. 2013.
18. *Koopmans T.C.* On the Concept of Optimal Economic Growth / *The Econometric Approach to Development Planning*. Amsterdam: North Holland. 1965.
19. *Kukenova M., Monteiro J.-A.* Spatial Dynamic Panel Model and System GMM: A Monte Carlo Investigation, MPRA Paper 13404, University Library of Munich, Germany. 2008.
20. *Krugman P.* Increasing returns and Economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. N 3.

21. *Larramona G., Sanso M.* Migration dynamics, growth and convergence // *Journal of Economic Dynamics & Control*. 2006. N 30. P. 2261–2279.
22. *Lucas R.* Ideas and Growth / NBER Working Paper N W14133. 2008.
23. *Niebuhr A., Granato N., Haas A., & Hamann S.* Does Labour Mobility Reduce Disparities between Regional Labour Markets in Germany? // *Regional Studies*. 2011. P. 1–18.
24. *Ozgen C., Nijkamp P., Poot J.* The effect of migration on income growth and convergence: Meta-analytic evidence // *Papers in Regional Science*. 2010. 89(3). P. 537–561.
25. *Østbye S. and Westerlund O.* Is Migration Important for Regional Convergence? Comparative Evidence for Norwegian and Swedish Counties, 1980–2000 // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41.7, P. 901–915.
26. *Phan D., Coxhead I.* Inter-provincial migration and inequality during Vietnam's transition // *Journal of Development Economics*. 2010. N 91. P. 100–112.
27. *Ramsey F.* A Mathematical Theory of Saving // *Economic Journal*. 38. P. 543–559.
28. *Rappaport J.* (2005). How does labor mobility affect income convergence? // *Journal of Economic Dynamics & Control*. 1928. N 29. P. 567–581.
29. *Tabuchi T., Thisse J.-F.* Taste heterogeneity, labor mobility and economic geography // *Journal of Development Economics*. 2002. N 69. P. 155–177.

Приложение

Таблица 4

Эмпирические исследования взаимосвязи миграции и межрегиональной сходимости

Авторы	Страна/период	Влияние на конвергенцию	Показатель
1	2	3	4
Persson (1994)	Швеция (1906–1990)	+	Среднедушевые доходы
Raymond, García (1996)	Испания (60s–80s)	+	Доходы
Cashin, Sahay (1996)	Индия (1961–1991)	Слабая +	Среднедушевые доходы
Луговой и др. (2006)	Россия (1998–2004)	+	ВВП на душу
Maza (2006)	Испания (1995–2002)	+	ВВП на душу
Østbye, Westerlund (2007)	Швеция (1980–2000)	+	ВВП на душу
Kırdar, Saraçoğlu (2008)	Турция (1975–2000)	Сильная +	Доходы
Hierro, Maza (2010)	Испания (1996–2005)	Слабая +	Доходы
Barro, Sala-i Martin (1992, 2004)	США (1880–1982) Япония (1930–1987)	Нет	Среднедушевые доходы
Cardenas, Ponton (1995)	Колумбия (1960–1989)	Нет	Доходы
Gezici, Hewings (2004)	Turkey (1987–1997)	Нет	ВВП на душу
Soto, Torche (2004)	Чили (1975–2000)	Нет	Доходы Уровень производительности
Toya, Hosono, Makino T. (2004)	Филиппины (1980–2000)	Нет	ВВВП на душу
Roses, Sanchez-Alonso (2004)	Испания (1850–1930)	Нет (слабая + зарплат в городе)	Зарплата
Čadil, Kaderabkova (2006)	Чехия (1995–2004)	Нет	ВВП на душу Номинальные заработные платы
Wolszczak-Derlacz (2009a)	ЕС (27) (1990–2007)	Нет	ВВП на душу
Rattsø and Stokke (2010)	Норвегия (1972–2003)	Нет	Среднедушевые доходы
Shioji (2001)	Япония (1960–1990)	Слабая –	Среднедушевые доходы
Peeters(2008)	Бельгия (1991–2000)	– (селективная миграция)	Среднедушевые доходы
Østbye, Westerlund (2007)	Норвегия (1980–2000)	–	ВВП на душу
Etzo (2008)	Италия (1983–2002)	– Различные эффекты оттока и притока мигрантов	ВВП на душу
Araghi, Rahmani (2011)	Иран (2000–2006)	–	ВВП на душу
Basile, Girardi, Mantuano (2012)	Италия (1995–2006)	–	Безработица
Nakamura (2008)	Япония (1955–2005)	+ 1970–1975 1989–1994 – дивергенция	ВВП на душу
Wolszczak-Derlacz (2009b)	Польша (1995–2006)	Нет (внутренняя) – (международный отток)	ВВП на душу

Окончание табл. 4

1	2	3	4
Phan, Coxhead (2010)	Вьетнам (1999–2002)	+ и –	Среднедушевые доходы
Niebuhr et al (2011)	Германия (1995–2005)	+ Нет	Безработица Заработная плата
Bunea (2011)	Румыния (2004–2009)	Нет Слабая +	ВВП на душу Безработица
Capasso, Carillo, De Siano (2011)	Италия (1964–2002)	– (высококвалифицированные) + (низкоквалифицированные)	ВВП на душу
Huber, Tondl (2012)	ЕС (27) (2000–2007)	Нет (Безработица) – ВВП на душу – производительность	Безработица ВВП на душу Производительность

Примечание: Знак «+» – миграция способствует ускорению конвергенции, знак «–» – миграция приводит к снижению скорости конвергенции. Источник: исследование автора.

Таблица 5

Описательные статистики переменных

Переменные	Описание	Временной период	Число наблюдений	Среднее	Ст. откл.	Минимум	Максимум
1	2	3	4	5	6	7	8
Отток мигрантов	Число выбывших мигрантов на 1000 населения	1995–2010	1248	8,89	7,48	2,40	101,92
Приток мигрантов	Число прибывших на 1000 населения	1995–2010	1248	7,01	3,41	1,98	26,76
Коэффициент внутренней миграции	Чистый миграционный прирост (внутренняя миграция) на 1000 населения	1995–2010	1248	–1,88	5,98	–80,61	8,24
Коэффициент внешней миграции	Чистый миграционный прирост (внешняя миграция) на 1000 населения	1997–2010	1092	–0,76	6,02	–65,32	13,68
Доля сельскохозяйственных работников	Численность сельскохозяйственных работников по отношению к численности занятых	2005–2010	468	0,12	0,06	0,00	0,28
Доля работников в добывающей промышленности	Численность работников добывающей промышленности по отношению к численности занятых	2005–2010	468	0,02	0,03	0,00	0,17
Доля работников в образовании	Численность работников, занятых в образовании, по отношению к численности занятых	2005–2010	468	0,10	0,02	0,06	0,23

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8
Доля работников в здравоохранении	Численность работников, занятых в здравоохранении, по отношению к численности занятых	2005–2010	468	0,07	0,01	0,05	0,17
Коэффициент миграции	Чистый миграционный прирост на 1000 населения	1997–2010	1092	–2,64	11,26	–120,11	19,49
Трансферты	Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности из фонда финансовой поддержки регионов на душу населения в логарифмах	2000–2010	708	7,45	1,33	–3,51	10,78
Инвестиции	Инвестиции в основной капитал на душу населения	1995–2010	1246	9,11	1,38	5,73	12,82

Таблица 6

**Результаты для заработной платы, среднедушевых доходов
и уровней безработицы 1995–2010 гг.**

Переменные	Зарплата	Зарплата с пространственными эффектами	Доходы	Доходы с пространственными эффектами	Уровень безработицы	Уровень безработицы с пространственными эффектами
1	2	3	4	5	6	7
$Y(t-1)$	0,758*** (0,071)	0,831 (1,349)	0,781*** (0,089)	0,807*** (0,076)	0,314*** (0,065)	0,283 (1,449)
$W*Y$ (пространственный лаг)		0,406 (19,867)		–0,159 (0,507)		1,075 (21,079)
Отток мигрантов ($t-1$)	0,013** (0,005)	0,013 (0,145)	0,009* (0,006)	0,004 (0,008)	0,007 (0,023)	0,009 (0,455)
Приток мигрантов ($t-1$)	–0,009* (0,005)	–0,008 (0,235)	–0,004 (0,008)	–0,003 (0,010)	–0,020 (0,026)	–0,036 (0,380)
Коэффициент миграции (внешняя) ($t-1$)	0,003 (0,003)	0,005 (0,129)	–0,001 (0,005)	–0,006 (0,008)	0,009 (0,019)	0,006 (0,069)
Временные эффекты	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Темп роста населения	–0,454* (0,274)	–0,505 (15,820)	–1,216*** (0,182)	–1,425*** (0,270)	–1,011 (1,215)	–1,450 (32,706)
Доля молодых (log)	–0,104 (0,253)	0,092 (2,954)	–0,065 (0,279)	–0,213 (0,303)	0,929 (0,678)	0,946 (10,883)

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7
Доля пожилых (log)	–0,206	0,034	0,125	0,020	–0,427	0,069
	(0,213)	(3,064)	(0,140)	(0,168)	(0,488)	(6,369)
Численность студентов (log)	0,038	0,012	–0,084*	–0,046	–0,069	–0,110
	(0,034)	(0,102)	(0,050)	(0,056)	(0,120)	(3,060)
Младенческая смертность (log)	–0,039	–0,050	0,010	0,020	0,064	0,003
	(0,033)	(0,392)	(0,027)	(0,036)	(0,087)	(0,941)
Трансферты (log)			–0,006	–0,006		
			(0,010)	(0,010)		
Инвестиции (log)			0,020	0,017		
			(0,019)	(0,022)		
Константа	1,367	–0,168	0,757	1,845	1,058	–2,535
	(1,480)	(7,316)	(1,146)	(1,651)	(3,469)	(36,085)
Наблюдения	1,001	1,001	695	695	1,001	1,001
Число регионов	77	77	73	73	77	77

Примечание. Здесь и в последующих таблицах данного раздела: *** ** * — значимость на уровне 1, 5, 10 % соответственно. В скобках приведены робастные стандартные отклонения коэффициентов. Y – заработная плата, среднедушевые доходы и уровень безработицы соответственно для последующих столбцов.

Таблица 7

Результаты для периода 2005–2010 гг.

Переменные	Зарботная плата		Среднедушевые доходы		Уровень безработицы
	Асимметричное влияние	Миграция (внутренняя и внешняя)	Асимметричное влияние	Миграция (внутренняя и внешняя)	Асимметричное влияние
1	2	3	4	5	6
$Y(t-1)$	0,562***	0,715***	0,658***	0,643***	0,228**
	(0,143)	(0,136)	(0,190)	(0,177)	(0,092)
$W*Y$ (пространственный лаг)	0,838*	0,637*			1,022***
	(0,503)	(0,376)			(0,292)
Отток мигрантов ($t-1$)	0,008**		0,008*		–0,001
	(0,004)		(0,005)		(0,011)
Приток мигрантов ($t-1$)	0,002		–0,007		–0,014
	(0,004)		(0,009)		(0,027)
Коэффициент миграции ($t-1$)		–0,002**		–0,004**	
		(0,001)		(0,002)	
Трансферты (log)			0,008	0,011	
			(0,015)	(0,016)	
Инвестиции (log)			0,003	0,011	
			(0,037)	(0,032)	

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6
Временные эффекты	Да	Да	Да	Да	Да
Темп роста населения	–0,336*	–0,332*	–0,915**	–0,971**	–1,553
	(0,194)	(0,189)	(0,378)	(0,380)	(0,967)
Младенческая смертность (log)	–0,040	–0,040	–0,007	–0,010	0,032
	(0,029)	(0,031)	(0,053)	(0,054)	(0,091)
Доля сельскохозяйственных работников	0,067	0,102	–0,014	–0,112	–1,243*
	(0,162)	(0,121)	(0,261)	(0,281)	(0,721)
Доля работников в добывающей промышленности	0,789	1,410	–1,362	–1,856	–0,496
	(1,105)	(0,925)	(2,501)	(2,246)	(2,525)
Доля работников в образовании	–1,219**	–0,905*	–2,354**	–2,388**	6,824**
	(0,610)	(0,498)	(1,110)	(1,106)	(3,122)
Доля работников в здравоохранении	–0,506	–0,111	–0,577	–0,695	7,163
	(0,924)	(0,957)	(1,462)	(1,375)	(5,017)
Константа	0,155	0,197	1,427***	1,434***	0,196
	(0,514)	(0,420)	(0,455)	(0,452)	(1,194)
Наблюдения	468	468	389	389	468
Число регионов	78	78	71	71	78
AR(2)	0,6467	0,6777	0,2052	0,2370	0,2406
Тест Саргана, p-value	0,0837	0,0592	0,0456	0,0527	0,2817

Примечание. Y – заработная плата, среднедушевые доходы и уровень безработицы соответственно для последующих столбцов.

БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

УДК 004.9

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Э. Герхардт

Университет прикладных наук
E-mail: eduard.gerhardt@hs-coburg.de

О. Богданов

Фирма Мехатрон
E-mail: bogdanov@metron.ru

Использование информационных систем для бизнеса подлежит, с одной стороны, постоянному адаптированию ИТ (информационно-технологических) систем к требованиям компаний, так как бизнес процессы постоянно меняются, с другой стороны, бизнес процессы должны быть согласованы с техническими возможностями ИТ-систем, так как информационные системы очень быстро развиваются. В области управления ИТ этот подход называется Business-IT-Alignment. К сожалению, практика показывает, что в области управления и использования информационных систем существуют значительные пробелы и недостатки. Это приводит к понижению эффективности и результативности информационной поддержки бизнес-процессов. Использование обратного инжиниринга (Reverse Business Engineering) в области информационных технологий, точнее, регулярная диагностика может помочь избежать расхождения между бизнесом и ИТ при помощи отслеживания транзакционных данных. Для этого подхода нужен комплексный анализ информационных систем с определением модификации системы, неиспользуемого функционала, аномалий в бизнес-процессах и т.д. Исправление таким образом найденных недостатков в информационных системах и в бизнес-процессах улучшает поддержку динамичной бизнес-стратегии и повышает конкурентоспособность предприятия.

Ключевые слова: бизнес-инжиниринг, обратный инжиниринг, бизнес-процессы.

EFFICIENCY AND EFFECTIVENESS OF USE OF INFORMATION SYSTEMS

E. Gerhardt

University of Applied Sciences
E-mail: eduard.gerhardt@hs-coburg.de

O. Bogdanov

Mehatron Company
E-mail: bogdanov@metron.ru

The use of information systems in business implies on the one hand that IT-systems are constantly adapting to the requirements of the company as business processes are changing all the time. On the other hand business processes should be aligned with technical

capacities of IT-systems as they develop very quickly. This approach is called Business-IT Alignment in IT management. Unfortunately the reality is there are significant gaps and weaknesses in the management and use of information systems. This leads to the decrease of efficiency and effectiveness of the business processes support. Reverse Business Engineering or to be more exact regular diagnostics used in the IT area can help to fill in the gap between business and IT by tracking transaction data, logfiles, and user behavior. This approach requires a comprehensive analysis of information systems to determine system modification, unused capacities, business process deviations, etc. So, fixing weaknesses that were found in this way in information systems and business processes improves dynamic business strategy support and increases competitiveness.

Key words: Reverse Business Engineering, Business-IT-Alignment, reverse engineering, business processes.

Без информационных технологий нет бизнеса!

Мир становится более динамичным, мобильным и скорость принятия стратегических решений все время увеличивается. В этих условиях информационные технологии (ИТ) приобретают ключевую роль для эффективного, бесперебойного, безопасного и конкурентоспособного развития бизнеса. В экономике и бизнесе информационные технологии применяются для обработки, сортировки и агрегирования данных, для организации взаимодействия участников процесса и вычислительной техники, для удовлетворения информационных потребностей, для оперативной связи и т.д.

С одной стороны, все хорошо знают, что эффективное принятие решений, прежде всего, основывается на грамотно построенных бизнес-процессах, разумном управлении и квалифицированных ресурсах. Но, с другой стороны, не все до конца осознают важность и значение профессионально созданной и хорошо отлаженной ИТ-базы для надежной работы бизнес-процессов. В современных условиях работа ни одной организации какого размера она не была бы без ИТ просто невозможна.

В то же время, к сожалению, не все собственники и топ-менеджеры обращают внимание на эффективность, рациональность и даже необходимость применения информационных технологий в бизнесе. Несмотря на очевидную зависимость бизнеса от информационных технологий, далеко не все руководители уделяют достаточно внимания вопросам, связанным с рациональным и эффективным использованием ИТ-инфраструктуры в целом, что приводит в итоге к серьезным финансовым потерям.

Главный вопрос сегодня, который стоит перед всеми пользователями ИТ, как наладить эффективность и результативность использования информационных систем, чтобы:

- сократить операционные затраты организаций до 50 % за счет грамотного использования ИТ-ресурсов;
- предотвратить сбои систем и как следствие колоссальные убытки организаций от непредвиденных простоев;
- обеспечить безопасность бизнеса от компьютерных атак;
- быстро и своевременно обрабатывать бизнес-критичную информацию.

Однако для того чтобы эти решения принимать взвешенно и эффективно, руководителям также необходимо сделать шаг в сторону постижения

языка ИТ, как в свое время они осваивали язык маркетинга, финансов и управления персоналом. Несмотря на то, что сегодня практически все являются активными пользователями мобильных устройств и социальных сетей, мало кто владеет глубокими знаниями в области корпоративных ИТ, которые необходимы для грамотного управления бизнес-процессами.

Информационные технологии могут ощутимо повлиять и на общую стратегию компании, и на изменения в отдельных областях ее деятельности, особенно в тех отраслях, где ИТ являются рыночным драйвером и способны создать значимые для бизнеса конкурентные преимущества, немного слабее – в отраслях, где бизнес не находится в жесткой зависимости от ИТ-составляющей, но очевидно одно: ИТ становятся самостоятельным компонентом бизнеса, способным в какой-то степени определять его развитие.

Business-IT-Alignment (Соответствие бизнеса и ИТ)

Современные ИТ-системы используются в компаниях в виде стандартного программного обеспечения. Они представляют собой компьютерную обработку информации по заранее отработанным алгоритмам, хранение больших объемов информации на разных носителях и передачу информации на любые расстояния. Хорошим примером этого является ERP-система немецкой компании SAP AG. ERP-системы являются интегрированными информационными системами для реализации бизнес-процессов многих пользователей на единой интегрированной базе данных [8].

ERP-система SAP создала новый жанр программного обеспечения – программную библиотеку [2]. Программная библиотека это «структурированный набор программ для решения экономических задач» [6]. Она поддерживает, например, различные бизнес-функции в учете затрат, в области финансового учета, человеческих ресурсов, продажи в планировании и контроля производства и т.д. Таким образом, ERP-система SAP обеспечивает широкий спектр функциональных возможностей и бизнес-процессов. Бизнес-функциональность, предоставленная программной библиотекой, может быть общей, специальной или альтернативной [2, 7]. Таким образом, программные библиотеки могут быть быстро и гибко настроены, более точно адаптированы для удовлетворения конкретных потребностей соответствующей компании [1].

Так же как в библиотеке, компания может выбрать и использовать только те бизнес-функции из системы ERP, которые требуют ее процессы. Если бизнес-процессы изменяются, то новые бизнес-функции должны быть адаптированы под них. Самое главное в этом подходе то, что бизнес-функции можно реализовать в любое время и без программирования. Это значительно повышает гибкость и скорость адаптации компании к внутренним и внешним изменениям.

Многие компании по всему миру эксплуатируют стандартное решение SAP ERP для того, чтобы оставаться конкурентоспособными и постоянно, лучше и быстрее следовать меняющейся бизнес-стратегии и соответственно бизнес-процессам [3, 5].

При использовании стандартного программного обеспечения компания должна решить два главных вопроса:

1. Нужно ли изменить свои бизнес-процессы и подогнать их к заранее отработанным алгоритмам в стандартном программном обеспечении?

2. Нужно ли изменить стандартное программное обеспечение и подогнать его к своим бизнес-процессам?

Английский термин Business-IT-Alignment точно описывает эту дилемму, так как Alignment означает «выравнивание». Так что же должно быть выровнено для эффективного и результативного использования информационных систем?

IT → Business Alignment

Большинство реализаций проектов в области стандартного программного обеспечения проходят в соответствии с принципом IT → Business Alignment. Это означает, что программное обеспечение максимально подгоняется к процессам компании. При этом бизнес-процессы остаются неизменными, а программное обеспечение адаптируется в трех вариантах:

1. **Параметризация:** Выбор и настройка необходимых бизнес-функций. ERP-система SAP предоставляет более 70000 различных опций настроек.

2. **ПО третьих фирм:** Приобретение ПО сторонних производителей, если внедряемое программное обеспечение не имеет необходимой функциональности.

3. **Программирование** собственных разработок, если внедряемое программное обеспечение не имеет необходимой функциональности и не существует продуктов сторонних производителей. Пользовательские программы существенно влияют на затраты по поддержке и сопровождению программного обеспечения.

Первый и второй варианты адаптации ПО не представляют каких-либо серьезных проблем и, как правило, не вызывают дополнительных затрат, так как стандартное программное обеспечение уже протестировано производителем. Компании могут извлечь дополнительную выгоду от использования стандартного программного обеспечения, поскольку оно постоянно развивается и совершенствуется – с каждым новым выпуском в него добавляются новые функции.

Третий вариант, при котором проводится доработка ПО под нужды определенных производственных и управленческих процессов, необходим в тех случаях, когда изменение структуры предприятия затруднительно из-за размеров, децентрализации и/или уникальности процессов управления, либо в случае принятия предприятием бизнес-практик, отсутствующих в базе внедряемой ERP-системы. Обычно по этому сценарию происходит внедрение модулей управления производством и автоматизация других специфичных для предприятия процессов. Переработка ПО связана со значительными затратами труда и времени, сопряжена с риском неудачного внедрения, а также предполагает дополнительные затраты на адаптацию новых версий. В то же время только таким образом можно реализовать принципиально новые организационные процессы, которые можно использовать для достижения конкурентного преимущества на рынке. Как

правило, такой вариант внедрения по карману лишь крупным компаниям, слишком далеко ушедшим в организационных инновациях, чтобы стесняться себя рамками уже сложившихся бизнес-практик, или слишком консервативным, чтобы менять привычный уклад.

Не все производственные или управленческие задачи можно решить посредством стандартного программного обеспечения, даже если оно разработано ведущими компаниями. В этом случае неизбежно придется или подстраивать рабочий процесс под имеющееся ПО, либо дорабатывать ПО под текущие нужды предприятия. Поэтому существует четвертый вариант адаптации стандартного ПО.

4. Изменение бизнес процессов и организационных структур неизбежно, если ПО третьих фирм и индивидуальное программирование не приемлемы по причинам высокой стоимости.

В данном случае внедрение ERP предваряется (зачастую коренной) перестройкой процессов функционирования предприятия под одну или несколько бизнес-практик, выбранных из базы Best Practics. Само внедрение интегрированной системы управления происходит в этом случае быстро и безболезненно, но реинжиниринг бизнес-процессов может потребовать значительных финансовых и временных затрат. Обычно к этому варианту внедрения прибегают предприятия, убедившиеся в неэффективности ранее существовавших бизнес-процессов и использующие ERP как средство модернизации структуры и организации работы. При корректной реализации «перестройка, вызванная внедрением ERP» может привести к значительному повышению эффективности работы автоматизируемого предприятия. В то же время использование уже опробованных бизнес-практик автоматически означает, что фирма просто перенимает чей-то опыт и не может использовать ERP-систему как средство внесения инноваций в процесс управления.

ERP-система способна обеспечить и поддержать много новых видов процессов, но задача самой компании решить, какими должны быть эти бизнес-процессы и как их использовать в дальнейшем. Эффективность использования системы зависит, в первую очередь, от реализации успешной стратегии бизнеса. Невозможно говорить о правильном и эффективном внедрении информационных технологий, призванных принципиально улучшать рыночную позицию компании, без рассмотрения достижения того или иного уровня ключевых показателей производительности компании.

Как правило, внедрение современной ERP-системы на предприятии – это процесс, который может длиться несколько лет. По статистике только в 16 % случаев внедрение информационных систем завершается вовремя, в рамках запланированного бюджета, с реализацией запланированной функциональности. Выполнение почти трети проектов досрочно прекращается, а по остальным превышаются сроки/бюджет или ограничивается запланированная функциональность [4].

Чем же объясняется столь печальная статистика? Ответ очевиден: внедрение ERP-системы – это не просто инсталляция программного обеспечения на рабочих местах пользователей, а довольно сложный процесс, сочетающий в себе как доработку ПО, так и проведение некоторых мероприятий по изменению основной деятельности, направленных на более

полное соответствие логике, заложенной внутри системы. Анализ провала проектов по внедрению стандартного ПО показал, что существуют две причины неудачного внедрения:

1. Полное отсутствие или низкое качество бизнес-плана внедрения, в котором описаны бизнес-требования и их увязка с существующими функциями в стандартном ПО.

2. Пренебрежительная подгонка бизнес-процессов и организационных структур к новым возможностям информационных технологий.

В заключение можно сказать, что нет общего ответа на вопрос о том, какая философия внедрения ИТ-систем ИТ→Business- или Business→ИТ-Alignment является лучшей. Изменения стандартного ПО в виде дополнительного индивидуального программирования (третий этап) вызывают различные критические ситуации в проекте и требуют многократного пересмотра. Как правило, четвертый этап, т.е. изменение процессов под возможности ПО, является более предпочтительным.

Внедрение стандартного ПО всегда предполагает серьезные изменения в бизнес-процессах компании, обусловленные методологией внедрения и имеющейся функциональностью внедряемой ERP-системы. Для одних систем общепринятая практика внедрения – изменение процессов компании под имеющуюся богатую функциональность системы, что влечет за собой серьезное увеличение затрат компании на управление проектом внедрения, а также изменения собственных процессов в соответствии с жестко реализованными алгоритмами. Для других систем присуща изначальная ориентация на адаптируемость к требуемым бизнес-процессам компании, т.е. фокус внедрения смещен в сторону процессов заказчика, а не на функциональность системы. А при наличии в ERP-системе интегрированной, высокоуровневой и полнофункциональной среды разработки возможно создание системы, которая будет настоящим произведением искусства, вышедшим из рук команды внедрения.

Непрерывное расхождение между Business и IT

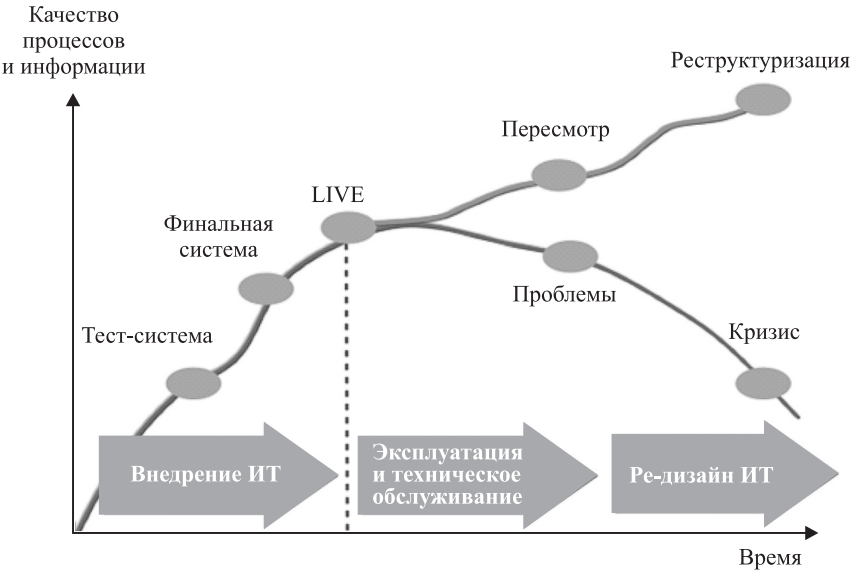
После внедрения стандартного программного обеспечения ERP-системы на предприятии процесс изменений не заканчивается! Это один из важных выводов исследования в области использования ERP-систем. Для этого есть две главные причины: изменения в компании, изменения в стандартном программном обеспечении.

Компании ежедневно сталкиваются с необходимостью производить те или иные изменения в своей деятельности, а этот процесс по определению не может быть гладким на 100 процентов. После создания корпоративной системы управления изменяются бизнес-процессы, функции ряда сотрудников, корректируются используемые методики работы. Соответственно изменяется и характер работы, а значит, и корпоративная культура. Важно отметить, что изменения не проводятся ради самого процесса изменений, они всегда преследуют цель улучшить бизнес: повысить конкурентоспособность, оптимизировать процессы, сократив тем самым затраты компании и улучшив качество работы сотрудников.

Параллельно к изменению процессов и организационных структур в компании изменяется сама ERP-система, так как производитель этого стандартного программного обеспечения продолжает ее дальше развивать в виде нового функционала, новой технологии, новых интерфейсов и т.д. Таким образом, система на стоит на месте! Предприятия могут использовать последние технические возможности для постоянного улучшения своих бизнес-процессов. Предоставление интерфейса к eВау рынку, например, позволяет компаниям немедленно использовать новые каналы сбыта! В этом случае бизнес-процессы подгоняются к новым техническим возможностям стандартного программного обеспечения: Business → IT-Alignment. Программное обеспечение является инициатором изменений в компании!

Обратим внимание, что ERP-система по определению предназначена для поддержки текущих бизнес-процессов компании. Современный бизнес характеризуется высокой степенью динамичности, что естественно приводит к необходимости периодической перепроектировки бизнес-процессов компании и поддерживающей их ERP-системы. Чем проще система позволяет перейти от старых процессов к новым и чем теснее она интегрирует оставшуюся неизменной старую часть системы с новой, тем легче будет поддерживать этот инструмент управления бизнесом в адекватном состоянии.

После многократной перепроектировки бизнес-процессов и соответственно изменения поддерживающих их ERP-систем на последних этапах эксплуатации возникают проблемы, которые могут вызвать негативные последствия (см. рисунок). ERP-системы стали старше и накопили в ходе времени балласт, состоящий из индивидуальных разработок (глава 2.1, третий этап), программ сторонних производителей (глава 2.1, второй этап), устаревшей концепции авторизацией и т.д. Статистика показывает, что многие SAP-системы содержат сотни неиспользуемых пользовате-



Жизненный цикл системы [1]

ских программ. Они были оставлены в системе из-за невозможности разобраться, где данный пользовательский код используется и используется ли вообще. Понимание того, какие пользовательские программы используются, а какие нет, дает возможность устранить избыточный пользовательский код в ходе реализации апгрейда.

Параллельно с этим новшества в стандартном программном обеспечении не используются, так как компании либо не видят ценность этих новшеств, либо просто избегают изменений под девизом «Никогда не меняйте работающей системы». А каждый новый SAP-релиз вносит в систему дополнительные функциональные возможности, однако лишь малая часть этих возможностей в дальнейшем используется. Многие заказчики ограничивают свою работу решением чисто технических вопросов, тем самым сокращают потенциал, заложенный в полной стоимости программного обеспечения SAP.

Все это приводит к увеличению расхождения между потребностями бизнес-процессов и возможностями ИТ. Эффективность и результативность использования информационных систем снижается, также снижается конкурентоспособность компании.

Как избежать расхождения между Бизнесом и ИТ?

Необходимость регулярной диагностики здоровья известна в медицинской отрасли. У заболеваний, обнаруженных на ранней стадии, стоимость лечения значительно ниже. Требование непрерывной диагностики для ИТ-систем, таких как ERP, очевидно. На основе структурированного анализа использования ИТ-систем можно систематично идентифицировать существующие расхождения между предоставленным потенциальным функционалом и его фактическим использованием. Эти несоответствия можно затем устранить. Самая простая форма анализа использования ИТ-систем известна из ОС Windows, когда операционная система на регулярной основе анализирует ссылки на рабочем столе, которые не были в эксплуатации в течение некоторого времени. Девиз этого анализа таков, когда на рабочем столе есть только ссылки, которые активно используются, то пользователь ПК является гораздо более эффективным в выполнении его работы.

Проблема несоответствия между бизнес-процессами и поддерживаемой ИТ в компании была признана на кафедре профессора Томе в Университете Вюрцбурга в 1994 г. В результате исследования был разработан инновационный метод ретроградного анализа использования ИТ-систем: Reverse Business Engineering (RBE). Компания IBIS Prof. Thome AG использовала методологию RBE при разработке комплекта инструментальных средств под названием RBE Plus для проведения детализированного анализа SAP-систем и определения потенциальных областей повышения эффективности использования ERP-решений. Здесь важно, чтобы настроенные функции в ERP-системе соответствовали функциям, фактически эксплуатирующимся в системе! В этом случае поддержка бизнес-процессов со стороны ИТ и пользователей проходит оптимально. Если система предоставляет слишком много или слишком мало, то это влечет лишние расходы и/или ошибки в эксплуатации.

При помощи инструментального ретроградного анализа продуктивной SAP-системы проводится сравнение текущего использования системы с лучшими бизнес-практиками и выделяются критические области, требующие пристального внимания. Используя RBE Plus, можно получить ответы на такие вопросы, как «Существует ли в системе большое количество неиспользованных основных данных?» или «Есть ли потенциал для улучшения в бизнес-процессах?», что поможет определить области системы, где можно упростить использование системы. В качестве примера можно назвать 500 условий оплаты, которые доступны в ERP-системе SAP. Нет никакого смысла хранить 500 условий оплаты в системе, когда только 20 из них активно используются! Еще пять лет назад аргументация ответственных ИТ-администраторов была такова, что ненужные программы, настройки и т.д. не предоставляют проблем! Эта аргументация устаревшая и просто неправильная. Расхождения между потенциальным функционалом и его использованием вызывают дополнительные затраты, которые, к сожалению, скрыты. Поиск правильного условия оплаты из 500 существующих длится слишком долго, кроме этого техническое обслуживание и проверка ненужных 480 условий оплаты требует дополнительных расходов.

Другим примером являются ошибки в процессах. Ошибки в бизнес-процессах, как правило, не заметны в повседневной работе! Инструментальный анализ объективно показывает, где в процессах находятся сбои! Анализ количества сторнированных или незаконченных документов в системе очень точно показывает, в каких процессах находятся ошибки.

Очистка системы от неиспользованных пользовательских программ и устранение ошибок позволит упростить систему и тем самым повысить качество обучения пользователей. Избавляясь от старых организационных единиц и конфигурационных настроек, улучшается результативность использования информационных систем.

Заключение

Возврат от инвестиций в ERP-систему идет не от самой системы, а от повышения эффективности бизнес-процессов, которые она поддерживает. Сама по себе система управления ресурсами предприятия, независимо от того, насколько хороша она, привносит слабое влияние на увеличение производительности компании. Если вы продолжите следовать прежним бизнес-процессам после внедрения новой системы, вы можете ожидать только такую же, или, наиболее вероятно, худшую производительность.

Система должна быть настроена на достижение стратегических и тактических целей организации. Если компании при внедрении ERP-системы игнорируют корпоративную стратегию и рассматривают ее использование как технологию реализации исключительно тактических задач, то несмотря на бесспорные полученные преимущества принципиальных улучшений в бизнесе компании может и не наступить. Сравнительные выгоды в таких проектах зачастую настолько малы, что многие начинают считать современные системы излишне дорогим удовольствием. Тем самым полезность системы существенно уменьшается, что является критичным даже при относительно небольшой совокупной стоимости владения.

Изменения в бизнесе напрямую влияют на изменения в ИТ-инфраструктуре. Однако существует и обратный процесс: создание автоматизированных систем управления является источником и проводником качественных и количественных изменений на всех уровнях деятельности компании, поскольку вызывает «цепную реакцию» изменений – начиная от производственных процессов и методов управления и заканчивая организационной структурой и корпоративной культурой.

Существует хорошо известный факт, для того чтобы инновации работали, 30 % ИТ-бюджета организации должно идти на поддержание существующей инфраструктуры, а 70 % – на разработку и внедрение новых решений, а не наоборот! Чтобы добиться этого баланса надо систематически избегать расхождения между ИТ и бизнес-процессами! Инструментальный ретроградный анализ на основе системных данных играет большую роль в этом подходе.

Литература

1. *Davenport T.* The Future of Enterprise System-Enabled Organizations // *Information Systems Frontiers*. 2000. 2(1). P. 163–180.
2. *Hufgard A.* Mertens et. al. (Hrsg) *Lexikon der Wirtschaftsinformatik*. 4. Aufl., Springer, Berlin, 2001. P. 5–6.
3. *Robey D., Ross J., Boudreau M.* Learning to Implement Enterprise Systems: An Exploratory Study of the Dialectics of Change // *Journal of Management Information Systems*. 2002. 19(1). P. 17–46.
4. Standisch Group: Chaos Report. URL: <http://www.domendos.com/fachlektuere/fachartikel/artikel/scheitern-von-it-projekten/>
5. *Strathman J.K., Roth A.V.* Enterprise resource planning (ERP) competence constructs: two stage multi-item scale development and validation // *Decision Sciences*. 2002. Vol. 33. P. 601–628.
6. *Thome R., Hufgard H.* Continuous System Engineering. Vogel, Würzburg, 1999.
7. *Winkelmann A.* Dynamic Reconfiguration of ERP Systems – Design of Information Systems and Information Models. Post-Doctoral Thesis, Münster, 2010.
8. *Wei H.-L., Wang E.T.G., Ju P.-H.* Understanding misalignment and cascading change of ERP implementation: a stage view of process analysis // *European Journal of Information Systems*. 2005. Vol. 14. P. 324–334.

Bibliography

1. *Davenport T.* The Future of Enterprise System-Enabled Organizations // *Information Systems Frontiers*. 2000. 2(1). P. 163–180.
2. *Hufgard A.* Mertens et. al. (Hrsg) *Lexikon der Wirtschaftsinformatik*. 4. Aufl., Springer, Berlin, 2001. P. 5–6.
3. *Robey D., Ross J., Boudreau M.* Learning to Implement Enterprise Systems: An Exploratory Study of the Dialectics of Change // *Journal of Management Information Systems*. 2002. 19(1). P. 17–46.
4. Standisch Group: Chaos Report. URL: <http://www.domendos.com/fachlektuere/fachartikel/artikel/scheitern-von-it-projekten/>
5. *Strathman J.K., Roth A.V.* Enterprise resource planning (ERP) competence constructs: two stage multi-item scale development and validation // *Decision Sciences*. 2002. Vol. 33. P. 601–628.

6. *Thome R., Hufgard H.* Continuous System Engineering. Vogel, Würzburg, 1999.
7. *Winkelmann A.* Dynamic Reconfiguration of ERP Systems – Design of Information Systems and Information Models. Post-Doctoral Thesis, Münster, 2010.
8. *Wei H.-L., Wang E.T.G., Ju P.-H.* Understanding misalignment and cascading change of ERP implementation: a stage view of process analysis // *European Journal of Information Systems*. 2005. Vol. 14. P. 324–334.

УДК 004.9:378

ИТ-ИНФРАСТРУКТУРА ВУЗА КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ж.Д. Мамыкова, Г.М. Мутанов

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
e-mail: Zhanl.Mamykova@kaznu.kz

Л.К. Бобров

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
e-mail: bobrov@nsuem.ru

Статья посвящена вопросам формирования ИТ-инфраструктуры вуза. Стратегия развития ИТ-инфраструктуры рассматривается как элемент общей ИТ-стратегии, обеспечивающий эффективную информационную поддержку основных бизнес-процессов университета путем формирования и обработки различных информационных ресурсов. Формулируются требования к ИТ-инфраструктуре, релевантные идеям Smart-общества. Описываются основные компоненты и обсуждается идея опережающего развития ИТ-инфраструктуры.

Ключевые слова: ИТ-инфраструктура, стратегическое управление, информационные системы.

IT INFRASTRUCTURE HIGH SCHOOL AS A PLATFORM FOR THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGY

Z.D. Mamykova, G.M. Mutanov

Al-Farabi Kazakh National University
e-mail: Zhanl.Mamykova@kaznu.kz

L.K. Bobrov

Novosibirsk State University of Economics and Management
e-mail: bobrov@nsuem.ru

The article is devoted to the formation of the IT infrastructure of the university. The development strategy of the IT infrastructure is presented as part of the overall IT strategy that focuses on effective information support core business processes of the University by processing of various information resources. Formulated requirements to its IT infrastructure, relevant Smart-society ideas. Describes the major components and discusses the idea of advancing the development of the IT infrastructure.

Key words: IT infrastructure, strategic management, information systems.

Введение

Современный взгляд на роль ИТ характерен пониманием того факта, что внедрение информационных технологий позволяет организации существенно усилить свои конкурентные позиции за счет перехода к качественно новой бизнес-модели, адекватной вызовам глобального рыночного пространства и реализующей поставленные стратегические цели на новом технологическом уровне [1–3, 11]. Это непосредственно касается вузовской

среды России и Казахстана, где внедрение новых образовательных и компьютерных технологий в учебный процесс и формирование единого образовательного пространства в настоящее время являются доминирующими тенденциями, определяющими развитие системы образования.

Программы информатизации системы образования этих стран ориентируют на стратегический подход к развитию ИТ и комплексную информатизацию, позволяющую эффективно управлять вузом и оказывать разнообразные информационные услуги студентам, преподавателям, ученым и сотрудникам. В свою очередь, это требует от вузов формирования современной ИТ-инфраструктуры как фундамента, обеспечивающего разработку, внедрение и эксплуатацию разнообразных информационных систем.

Стратегический подход к формированию ИТ-инфраструктуры

Под ИТ-инфраструктурой будем понимать комплекс аппаратных, программных и телекоммуникационных средств, обеспечивающих реализацию процессов обработки ИТ-ресурсов с целью предоставления информационных услуг, необходимых для осуществления профессиональной деятельности и решения текущих задач, стоящих перед студентами, преподавателями, научными работниками и сотрудниками, а также перед соответствующими подразделениями вуза.

Из стратегии развития вуза (бизнес-стратегии) вытекает стратегия в области информационных технологий (ИТ-стратегия), целью разработки и осуществления которой является содействие реализации бизнес-стратегии и укрепление конкурентных позиций за счет современных информационных систем, решающих широкий комплекс задач на всех уровнях управления вузом. При этом одной из важнейших компонент ИТ-стратегии является стратегия развития ИТ-инфраструктуры, обеспечивающей эффективную реализацию ИТ-процессов, генерирующих необходимые информационные услуги в соответствии с установленными бизнес-требованиями путем формирования и обработки различных информационных ресурсов (рис. 1).

Качественно построенная ИТ-инфраструктура должна удовлетворять следующим основным требованиям (рис. 2).

Доступность. ИТ-инфраструктура должна обеспечивать доступ пользователей к информационным ресурсам, системам, технологическим или программным сервисным службам (сетевой принтер, электронная почта и др.) в любой момент времени из любого места и возможность их использования.

Надежность. Это комплексное свойство инфраструктуры сохранять во времени в заданных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в установленных режимах и условиях применения. Надежность определяют такие показатели инфраструктуры как:

- безотказность – способность сохранять работоспособное состояние в течение некоторого установленного времени;

- ремонтпригодность – приспособленность к предупреждению и обнаружению причин отказов и восстановлению работоспособного состояния после проведения технического обслуживания и ремонтов;

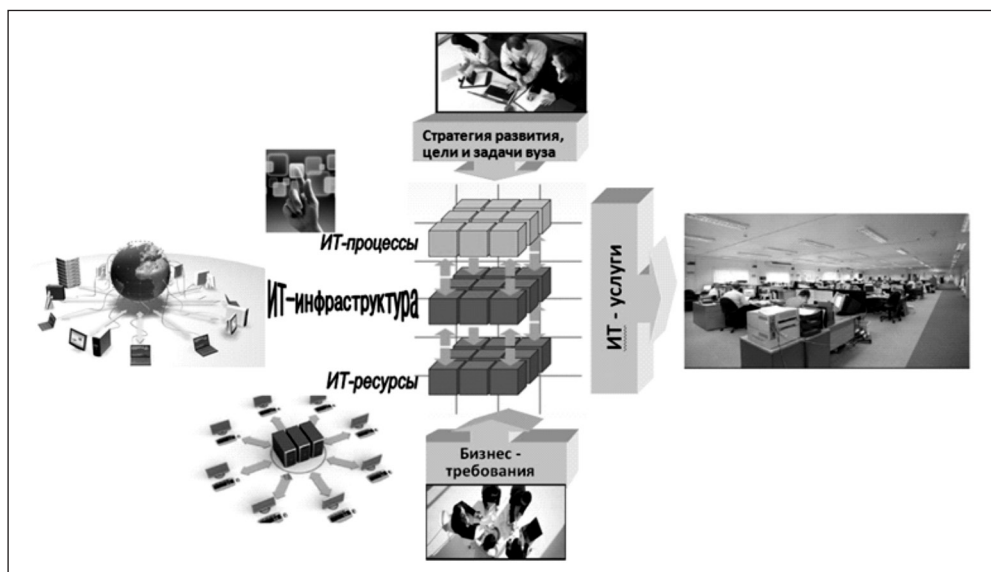


Рис. 1. ИТ-инфраструктура как центральное звено системы информатизации вуза



Рис. 2. Основные критерии оценки качества ИТ-инфраструктуры

– долговечность – свойство сохранять работоспособность до того момента времени, когда дальнейшее использование системы недопустимо или нецелесообразно.

Для обеспечения надежности технических компонент инфраструктуры зачастую прибегают к резервированию компьютеров и их компонентов, сегментов сетей и т. д., использованию стандартных протоколов работы устройств, а также при решении отдельных задач, к применению специализированных аппаратно-программных средств.

Безопасность. Это защищенность инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий, могущих нарушить доступность, целостность или конфиденциальность информации. В числе прочего определяется способность ИТ-инфраструктуры обеспечить требуемый уровень разграничения доступа к программно-техническим и информационным ресурсам.

Прозрачность и управляемость. Прозрачность инфраструктуры является необходимым условием для обеспечения ее управляемости. Прозрачность может достигаться только тогда, когда ИТ-инфраструктура представляется не как множество отдельных связанных между собой компонент, а как единая система, оснащенная механизмами мониторинга основных параметров, характеризующих работу оборудования и программного обеспечения и позволяющих прогнозировать поведение ИТ при изменениях внешних и внутренних условий. При этом чем больше параметров ИТ-инфраструктуры охвачено системой мониторинга, тем точнее можно оценить ее поведение в тех или иных ситуациях и более эффективно ею управлять.

Адаптивность (гибкость и масштабируемость). Гибкость – свойство ИТ-инфраструктуры, позволяющее оперативно вносить изменения с целью ее адаптации к изменениям внешней и внутренней среды вуза. Масштабируемость означает возможность наращивания по мере необходимости количества компонент при сохранении заданных параметров функционирования ИТ-инфраструктуры.

Скорость изменений. Динамичность образовательной среды зачастую требует незамедлительного реагирования, вызывая изменения бизнес-процессов и необходимость создания и скорейшего внедрения соответствующих информационных систем и технологий, которые должны поддерживаться сервисами ИТ-инфраструктуры. Поэтому последняя должна быть способной предоставить эти сервисы в кратчайшие сроки. Обеспечить это в большинстве случаев затруднительно, если не работать в плане инфраструктуры «на опережение», т.е. развивать ИТ-инфраструктуру в расчете не на сегодняшний, а на завтрашний день.

Адекватная стоимость владения. В условиях сегодняшних цен на оборудование и программное обеспечение, а также с учетом того, что основные затраты вуза идут не на формирование инфраструктуры, а на ее поддержку, требование разумной стоимости владения ИТ-инфраструктурой становится особенно важным. Причем на практике зачастую здесь речь идет не о примерах чрезмерных затрат на ИТ-инфраструктуру, а о попытках неоправданного снижения расходов на ее поддержку, что приводит к негативным последствиям.

В заключение отметим, что стратегический подход к формированию ИТ-инфраструктуры предполагает не только постоянный анализ внешней бизнес-среды, но и тщательное отслеживание внутренних ИТ-процессов, для чего возможно использование множества готовых продуктов (см. таблицу).

ИТ-инфраструктура и Smart-общество

Одной из стратегических задач развития Казахского национального университета им. Аль-Фараби, релевантной идеям Smart-общества, является развитие образовательной, научной и инновационной инфраструктуры, обеспечивающей необходимые условия для максимально полной реализации профессионального и личностного потенциала каждого студента и

Основные продукты для построения комплексных систем мониторинга [10]

Задачи	Используемые решения
<i>Мониторинг сетей</i>	
Мониторинг IP-сетей. Построение и отображение топологии сети; сбор, обработка и отображение сообщений о сбоях в сети	HP Network Node Manager, IBM Tivoli Netview, IBM Netcool Tivoli Precision
Мониторинг производительности сетевых устройств и интерфейсов. Сбор статистики по загрузке и количеству ошибок на интерфейсах, построение отчетов и прогнозов	HP Performance Insight + Report Pack for Infrastructure Usage, IBM Tivoli Netcool Proviso, IBM Tivoli Netcool USM
Управление конфигурациями сетевых устройств. Автоматизация процесса управления конфигурациями	HP/OpsWare NAS, IBM Tivoli Provisioning Manager
<i>Мониторинг серверов и рабочих станций</i>	
Мониторинг аппаратных сбоев. Сбор информации о сбоях в работе аппаратного обеспечения серверов	HP Insight Manager, IBM Director
Мониторинг сбоев в операционных системах. Сбор информации о работе различных ОС, используя набор преконфигурированных параметров	HP Operations Software + OS SPI, Tivoli Monitoring, IBM Tivoli Netcool SSM
Мониторинг производительности серверов. Сбор информации о широком наборе параметров производительности, предоставление графических отчетов	HP Performance Manager, Tivoli Monitoring (оперативный мониторинг), HP Performance Insight + Report Pack for System Resources, IBM Tivoli Netcool Proviso+SSM (анализ и прогноз) HP GlancePlus (мониторинг Unix-серверов)
<i>Мониторинг приложений и сервисов</i>	
Мониторинг сбоев в приложениях. Получение и отображение информации о работе широкого круга приложений (СУБД, инфраструктурные сервисы и т.д.), используя преконфигурированный набор параметров	HP Operations Software + Smart Plug-Ins, Tivoli Monitoring Agents for..., MS MOM (мониторинг с помощью интеллектуальных агентов) HP System Availability Manager/ SiteScope, , IBM Tivoli Netcool ASM (мониторинг без использования агентов)
Активный мониторинг приложений и сетевых сервисов. Сбор информации о доступности и производительности приложений и сервисов с использованием активных мониторов	HP SiteScope, HP Internet Services, IBM Tivoli Netcool ISM
Мониторинг ИТ-сервисов. Построение сервисно-ресурсной модели, отображение информации мониторинга в виде связанной иерархической структуры	HP Operations Manager for Unix+ Service Navigator + Service Navigator Value Pack, HP Operations Manager for Windows, IBM Tivoli Business Service Manager
Мониторинг производительности приложений. Мониторинг времени выполнения WEB, J2EE, COM+ и др. транзакций, мониторинг ресурсов приложений	HP Transaction Analyzer, Real User Monitor, HP Performance Manager + Operations Manager SPIs, HP Performance Insight + Report Packs, IBM Tivoli ITCAM
<i>Мониторинг бизнес-процессов</i>	
Мониторинг состояния бизнес-процессов. Сбор и предоставление информации о протекании бизнес-процессов	HP Business Process Insight, IBM Tivoli Business Service Manager
<i>Верхнеуровневое предоставление информации</i>	
Портал системы управления ИТ-ресурсами. Предоставление информации мониторинга в единой WEB-консоли	HP DashBoard, HP Business Availability Center, IBM Tivoli Enterprise Portal
Построение отчетности. Предоставление различных видов отчетов о работе компонентов ИТ-инфраструктуры	HP Performance Insight + Report Packs HP Reporter, IBM Tivoli Netcool Proviso

сотрудника. При этом важную роль играет ориентация на мотивы воспитательного и гуманистического характера, способствующие развитию духовных ценностей и творческой самореализации личности.

Ключевым звеном университетской инфраструктуры является кампус университета как коммуникативная среда взаимодействия студентов, докторантов, преподавателей и научных работников, что является неотъемлемой составляющей учебного процесса. В соответствии с доминирующими тенденциями, определяющими развитие современной системы образования и связанными с внедрением новых информационных технологий и формированием единого научно-образовательного пространства, коммуникативная среда кампуса должна базироваться на применении современных ИТ-решений [4].

В такой постановке университетский электронный кампус («е-кампус») становится важным инфраструктурным элементом с полным циклом автоматизации важнейших задач деятельности университета, предоставлением персонализированного информационного пространства и соответствующих информационных услуг.

Исходя из сказанного, под электронным кампусом понимается информационно-коммуникационная платформа с развитой коммуникационной магистралью передачи данных и единой точкой входа в интегральную научно-образовательную среду для доступа к ключевым информационным ресурсам и сервисам, обеспечивающая комплексную систему безопасности на уровне ИТ-ресурсов и ИТ-инфраструктуры.

Реализация концепции электронного кампуса университета предполагает развитие существующей ИТ-инфраструктуры путем создания [5]:

- конвергентной компьютерной сети, поддерживающей различные категории подсетей;
- компьютерных классов, построенных по «зеленым технологиям» с использованием терминальных решений;
- системы централизованного администрирования для эффективного управления парком компьютерной техники;
- корпоративного data-центра для оптимизации управления серверами, построения основного ядра ИТ-инфраструктуры и консолидации производительной мощности и дисковых массивов;
- центра распределенных вычислений для формирования платформы высокопроизводительной обработки данных и лабораторной базы для подготовки ИТ-специалистов в области параллельных вычислений;
- современной электронной библиотеки, построенной с учетом рыночных реалий¹ и технологий Smart-общества [6–8];
- электронной научно-образовательной среды как единой интегрированной автоматизированной информационной системы управления деятельностью вуза, предусматривающей полную автоматизацию основных задач и предоставление корпоративных услуг научного, информационного, учебного и административно-управленческого характера в электронном виде.

¹ Воробьева Д.П., Бобров Л.К. О двойственности задач адаптации библиотек к рыночным условиям информационного обслуживания // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1. № 2. С. 127–134.

Реализация концепции «электронного кампуса университета» предусматривает взаимодействие аппаратно-технологической и программно-информационной компонент на уровне клиент-серверных отношений. В комплексе эти компоненты обеспечивают решение таких инфраструктурных задач, как:

- карточная система контроля доступа в здания и помещения сотрудников и студентов;
- система видеонаблюдения;
- осуществление малотиражной печати и размножения на условиях карточного доступа к устройствам коллективного пользования;
- предоставление услуг онлайн-типографии для поддержки сервисов издательства и библиотеки университета;
- развитие IP-телефонии и интернет-услуг;
- внедрение сетевого университетского телевидения;
- услуги электронной библиотеки;
- поддержка и развитие инфраструктуры суперкомпьютерного кластера для проведения сложных наукоемких вычислений и создания виртуальной лабораторной базы;
- мониторинг работы компьютерных классов и др.

Таким образом, для эффективного управления университетским кампусом ключевыми ресурсами и задачами основных бизнес-процессов университета необходимо использовать современные инновационные решения в области ИТ-технологий, такие как: облачные технологии, энергоэффективное ИТ-оборудование, конвергентные сети, системы цифровой печати, системы видеоконференц-связи, системы автоматизации бизнес-процессов.

Программа информатизации высшего учебного заведения должна быть направлена на создание высококачественной и высокотехнологической социально-ориентированной электронной научно-образовательной среды университета через системное развитие ИТ-инфраструктуры, создание интегрированной информационной системы управления ключевыми ресурсами и сервисами, ориентированной на удовлетворение и развитие потребностей пользователей образовательного сообщества, с целью перехода на новый уровень зрелости ИТ-инфраструктуры – управления сервисами.

Основные компоненты ИТ-инфраструктуры

В отличие от общепринятого понимания, которое присуще многим вузам: рассматривать информационную среду, с одной стороны, как средство обеспечения образовательного процесса и повышение его качества, с другой – как средство поддержки управления вузом, авторы работы [9] справедливо предлагают рассматривать информационную среду как средство жизнедеятельности вуза, расширяя требования к среде как инструментальному средству работы всех сотрудников вуза и обучению всех его студентов, имея в виду все уровни образования. Следование такой концепции ориентирует вузы пересмотреть свои взгляды на информатизацию и решать задачи по развитию ИТ-инфраструктуры через интеграционные механизмы, модели и технологии автоматизированных информационных систем. При этом анализ информационных ресурсов вуза свидетельствует о ежегодном

удвоении объема информации учебного характера, такая же динамика характерна и для данных организационно-административного свойства (сведения о студентах, рейтинг ППС, индикативные планы, информационное обеспечение логистических процессов, и др.), функционирования системы электронного документооборота, корпоративного файлообменника, масштабов оцифровки книжного фонда библиотеки, формирования медиатеки видеоматериалов учебных занятий и т.п. В данных условиях количество информационных баз становится настолько большим, что вызывает серьезные проблемы, вызываемые разрозненностью информации. К тому же политикой системы менеджмента качества и нормативно-правовыми требованиями к документообороту, организации учебного процесса и других направлений деятельности вуза предписывается обеспечивать хранение ретроспективной информации (с глубиной ретроспективы от 3 до 75 лет).

Естественным выходом в данном случае является создание хранилища данных, объединяющего все многочисленные базы в единую систему. Поскольку хранилище изначально ориентировано на обеспечение разнообразных процессов анализа информации, гарантируя целостность, непротиворечивость и поддержку хронологии данных, а также высокую скорость выполнения аналитических запросов, то это предъявляет повышенные требования к ИТ-инфраструктуре, касающихся, в частности:

- серверного оборудования;
- системы коммуникаций;
- объемов дискового пространства;
- резервирования и архивирования данных;
- обеспечения информационной безопасности, в том числе защиты данных от несанкционированного доступа и защиты от вредоносных объектов и т.п.

На рис. 3 представлена примерная структура хранилища данных (ХД) корпоративной компьютерной системы университета, отражающая основные информационные компоненты ХД.

Компонентная модель ИТ-инфраструктуры университета, графическая иллюстрация которой приведена на рис. 4, позволяет осуществлять интеграцию различных проектов на уровне данных, приложений, сервисов и бизнес-процессов.

Компоненты ИТ-инфраструктуры также отражают основные направления работы ИТ-службы университета, как то:

- управление серверной инфраструктурой и ее обслуживание;
- организация и сопровождение аппаратно-программных средств мультимедийного характера;
- администрирование и обслуживание сетевой инфраструктуры;
- управление (администрирование и сопровождение) комплексом системного программного обеспечения, сетевыми приложениями и основными сервисами компьютерной сети.

Данные компоненты являются базовыми для развития ИТ-инфраструктуры вуза в силу уровня взаимосвязей отдельных сервисов, систем между собой в рамках информационно-технического сопровождения конкретного бизнес-процесса университета за счет организации интеграционных связей на уровне данных, приложений и бизнес-процессов.

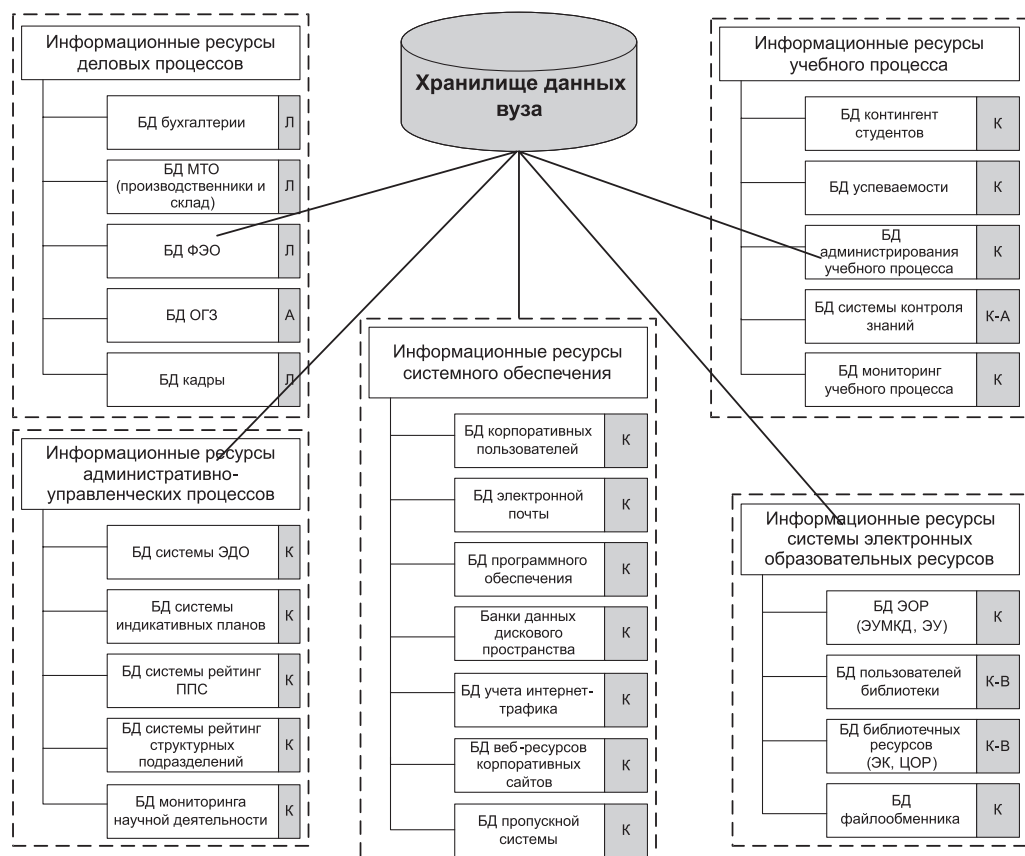


Рис. 3. Структура хранилища данных вуза.

Л – размещение БД на локальном сервере; А – автономное размещение на рабочих станциях; К – авторизованный повсеместный доступ внутри корпоративной сети, доступность вне корпоративной сети; К-А – только корпоративный доступ, часть ресурсов автономна; К-В – корпоративный доступ, доступность вне корпоративной сети, нет интеграции с единой системой доступа

Модульный принцип, положенный в основу модели, позволяет группировать и унифицировать процессы эксплуатации и совершенствования ИТ-инфраструктуры и ИТ-сервисов, осуществлять четкую координацию бизнес-задач университета и предоставляемых информационных услуг, содействовать внедрению в образовательную практику принципов корпоративного управления, интегрирующих образование, науку и производство, и в конечном итоге обеспечить качественное формирование электронного образовательного пространства вуза с возможностью его интеграции в систему мирового образования.

Основные задачи развития ИТ-инфраструктуры университета:

- создание конвергентной компьютерной сети, поддерживающей различные категории подсетей;
- создание компьютерных классов по «зеленым технологиям» с использованием терминальных решений;
- организация системы централизованного администрирования для эффективного управления парком компьютерной техники;

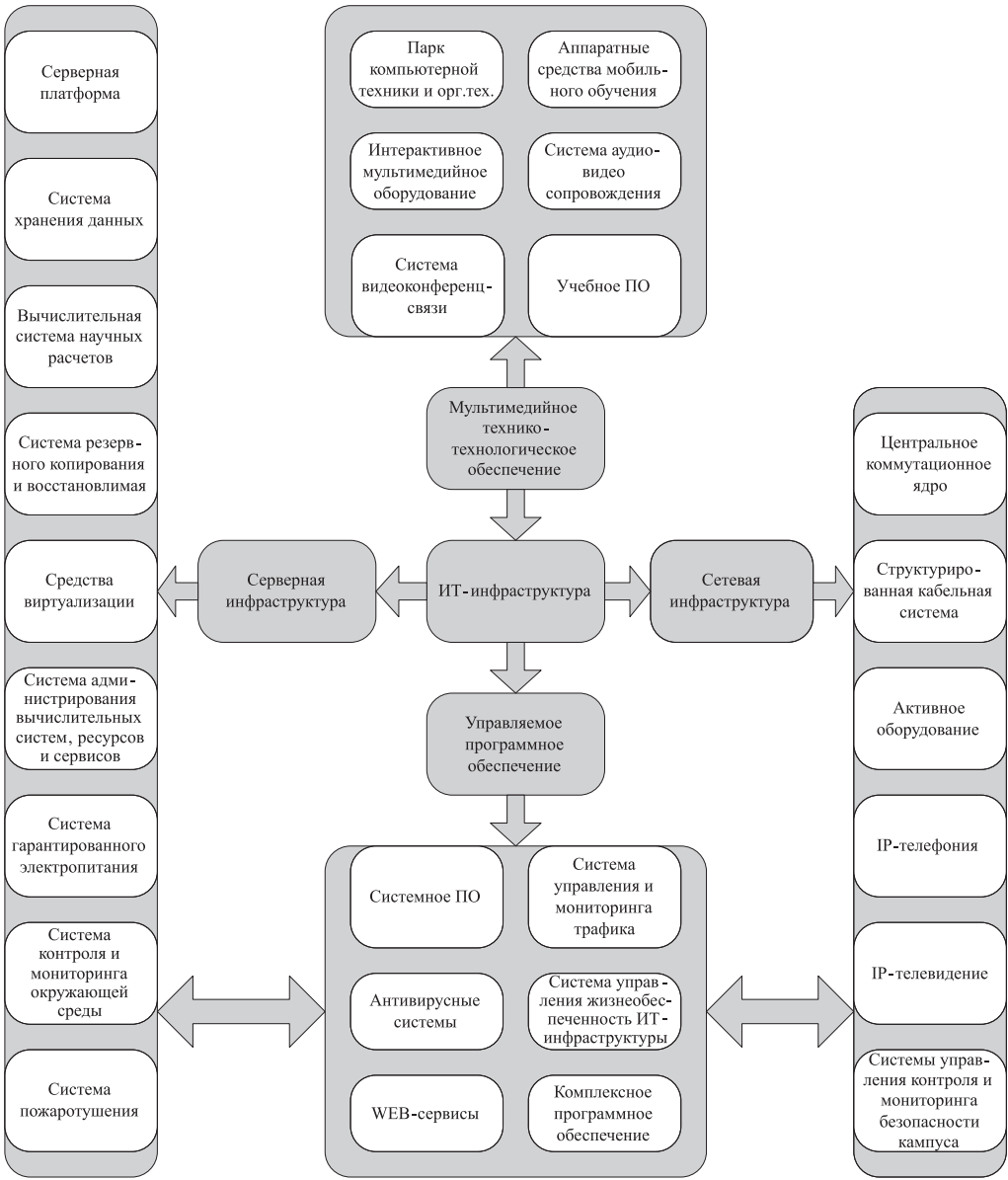


Рис. 4. Компонентная модель ИТ-инфраструктуры вуза

- оптимизация управления серверами и построение основного ядра ИТ-инфраструктуры с целью консолидации производительной мощности и дисковых массивов с применением современных облачных технологий и технологий виртуализации;
- создание единой интегрированной автоматизированной информационной системы управления деятельностью вуза для полной автоматизации всех основных задач вуза и предоставления корпоративных услуг учебного и административно-управленческого характера в электронном виде;
- создание электронной научно-образовательной среды для предоставления услуг в электронном виде.

Модульный принцип, положенный в основу модели, позволяет сгруппировать и унифицировать процессы эксплуатации и совершенствования ИТ-инфраструктуры и ИТ-сервисов, осуществлять четкую координацию бизнес-задач университета и предоставляемых информационных услуг, содействовать внедрению в образовательную практику принципов корпоративного управления, интегрирующих образование, науку и производство, и в конечном итоге обеспечить качественное формирование электронного образовательного пространства вуза с возможностью его интеграции в систему мирового образования.

Заключение

Реальные процессы функционирования университета невозможны без использования информационных технологий, построенных с учетом современных тенденций и приоритетов информатизации, компьютеризации и интернетизации. Это требует реализации процессов системного развития ИТ-инфраструктуры и создания интегрированной информационной системы управления ключевыми ресурсами и сервисами, ориентированной на удовлетворение текущих и перспективных потребностей участников образовательного сообщества, с целью создания в университете условий формирования е-образования, когда все корпоративные услуги будут перенесены в среду конвергентной компьютерной сети университета.

Литература

1. Бобров Л.К., Гиляревский Р.С., Родионов И.И., Цветкова В.А., Шрайберг Я.Л. Информационный менеджмент: учеб. пособие. Новосибирск: НГУЭУ, 2009. 314 с.
2. Бобров Л.К. Стратегическое управление информационной деятельностью библиотек в условиях рынка. Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. 239 с.
3. Бобров Л.К., Шеглов Ю.А. Учет рисков при выборе стратегий управления информационными продуктами и услугами // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 233–243.
4. Мутанов Г.М. О развитии и использовании ИТ-технологий в образовании и создании национальных исследовательских университетов // Вестник Национальной инженерной академии Республики Казахстан. 2011. № 3(41). С. 122–188.
5. Мутанов Г.М., Мамыкова Ж.Д., Кумаргажанова С.К., Федькин Е.М. Информационная инфраструктура «е-университета» ВКГТУ им. Д. Серикбаева // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. 2009. № 19. С. 233–238.
6. Бобров Л.К. Учет товарных свойств информационных услуг как ключевой фактор их рыночного признания // Научные и технические библиотеки. 2006. № 2. С. 54–58.
7. Воробьева Д.П., Бобров Л.К. О двойственности задач адаптации библиотек к рыночным условиям информационного обслуживания // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, № 2. С. 127–134.
8. Круглый стол «Библиотека без книг – неизбежность будущего?» / А.Г. Антипов, И.А. Гузнер, О.А. Донских, С.М. Ермоленко, Ю.П. Ивонин, С.П. Исаков, Ю.Ю. Лесневский, И.В. Лизунова, Г.П. Литвинцева, Н.И. Макарова, Д.П. Муратов, Л.А. Осьмук, И.Н. Сивиринов, О.В. Смирнова, С.А. Тарасова, М.В. Удальцова, Н.Л. Чубыкина, А.В. Шаповалов, Л.К. Бобров и др. // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 2. С. 2–22.
9. Крюков В.В., Шахгельдян К.И. Корпоративная информационная среда вуза: Методология, модели, решения: монография. Владивосток: Дальнаука, 2007. 308 с.

10. Комплексные системы мониторинга работоспособности ИТ-систем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topsbi.ru/default.asp?trID=141>
11. *Don Jones*. Creating Unified IT Monitoring and Management in Your Environment [Электронный ресурс]. URL: <http://nexus.realtimepublishers.com/cuitmm.php> (2.09. 2013)

Bibliography

1. *Bobrov L.K., Giljarevskij R.S., Rodionov I.I., Cvetkova V.A., Shrajberg Ja.L.* Informacionnyj menedzhment: ucheb. posobie. Novosibirsk: NGUJeU, 2009. 314 p.
2. *Bobrov L.K.* Strategicheskoe upravlenie informacionnoj dejatel'nost'ju bibliotek v usloviyah rynka. Novosibirsk: NGAJeiU, 2003. 239 p.
3. *Bobrov L.K., Shheglov Ju.A.* Uchet riskov pri vybore strategij upravlenija informacionnymi produktami i uslugami // Vestnik NGUJeU. 2012. № 2. P. 233–243.
4. *Mutanov G.M.* O razvitii i ispol'zovanii IT-tehnologij v obrazovanii i sozdanii nacional'nyh issledovatel'skih universitetov // Vestnik Nacional'noj inzhenernoj akademii Respubliki Kazahstan. 2011. № 3(41). P. 122–188.
5. *Mutanov G.M., Mamykova Zh.D., Kumargazhanova S.K., Fed'kin E.M.* Informacionnaja infrastruktura «e-universiteta» VKGTU im. D. Serikbaeva // Izvestija Kyr-gyzskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta im. I. Razzakova. 2009. № 19. P. 233–238.
6. *Bobrov L.K.* Uchet tovarnyh svojstv informacionnyh uslug kak ključевой faktor ih rynochnogo priznaniya // Nauchnye i tehničeskie biblioteki. 2006. № 2. P. 54–58.
7. *Vorob'jova D.P., Bobrov L.K.* O dvojstvennosti zadach adaptacii bibliotek k rynochnym uslovijam informacionnogo obsluzhivaniya // Idei i idealy. 2012. T. 1, № 2. P. 127–134.
8. Kruglyj stol «Biblioteka bez knig – neizbežnost' budushhego?» / A.G. Antipov, I.A. Guzner, O.A. Donskih, S.M. Ermolenko, Ju.P. Ivonin, S.P. Isakov, Ju.Ju. Lesnevskij, I.V. Lizunova, G.P. Litvinceva, N.I. Makarova, D.P. Muratov, L.A. Os'muk, I.N. Sivirinov, O.V. Smirnova, S.A. Tarasova, M.V. Udal'cova, N.L. Chubykina, A.V. Shapovalov, L.K. Bobrov i dr. // Idei i idealy. 2011. T. 1, № 2. P. 2–22.
9. *Krjukov V.V., Shahgel'djan K.I.* Korporativnaja informacionnaja sreda vuza: Metodologija, modeli, reshenija: monografija. Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 308 p.
10. Комплексные системы мониторинга работоспособности ИТ-систем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topsbi.ru/default.asp?trID=141>
11. *Don Jones*. Creating Unified IT Monitoring and Management in Your Environment [Электронный ресурс]. URL: <http://nexus.realtimepublishers.com/cuitmm.php> (2.09. 2013)

ФИЛОСОФИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВО

УДК 304.9

ВРАГИ ИМПЕРИИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА «РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: ivonin@ngs.ru, ivonina@ngs.ru

В статье анализируется компаративистика самого влиятельного оппозиционного объединения русских интеллектуалов XIX в. – «русской социологической школы». Компаративистика включала диахронный и синхронный аспект: сравнение этапов развития отечественного и западноевропейского социального организма и сравнение базовых характеристик России и Западной Европы между собой. Показывается, что компаративистика основывалась на принципах радикального социализма и антиэтатизма, постепенно уступивших инициативу принципу либерализма.

Ключевые слова: позитивизм, этатизм, компаративистика, общественная эволюция.

ENEMIES OF THE EMPIRE. HISTORICAL COMPARATIVISTICS OF THE «RUSSIAN SOCIOLOGICAL SCHOOL»

Yu.P. Ivonin, O.I. Ivonina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: ivonin@ngs.ru, ivonina@ngs.ru

The article analyzes the comparativistics of the most influential opposition union of Russian intellectuals of the 19th century – the «Russian sociological school». The comparativistics included diachronic and synchronous aspect: comparison of development stages of domestic and Western European social organism and comparison of basic characteristics between Russia and Western Europe. It is demonstrated that the comparativistics was based on principles of radical socialism and antietatism that gradually lost the initiative to principle of liberalism.

Key words: positivism, etatism, comparativistics, social evolution.

Процесс создания петровской Империи был фокусом размышлений русской общественной мысли и над итогами предшествующей эволюции страны, и в качестве прогнозов будущего развития России. Имперский период русской истории настолько диссонировал с эпохой Московского царства, что порождал множество вопросов о преемственности и разры-

вах в ходе отечественной истории. Империя имела свою историческую «цену», оправданность уплаты которой русским обществом была отнюдь не очевидна авторам русской идеи. У Империи были свои апологеты в лице А.С. Хомякова и основателей «государственной школы» – К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева. Они считали оправданными повседневные жертвы «маленького человека», принесенные на алтарь имперских проектов и достижений, считали внешнеполитические и культурные достижения и успехи Империи победами окрыленного духа над приземленной плотью.

У Империи были и свои критики на ниве историописания. Наиболее известный и развернутый памфлет на Империю принадлежал В.О. Ключевскому, в котором Г.Ф. Федотов увидел мстительную руку разночинца. Знаменитый русский историк смог опереться на мощную интеллектуальную традицию, откровенно враждебную как Империи, так и капиталистической модернизации. Защитником повседневности и критиком жестокой модернизации был русский позитивизм, имевший мало общего со своим европейским прототипом за исключением имиджа антиидеалистического мировоззрения. Русский позитивизм был синонимом либо левого радикализма (Н.К. Михайловский и П.А. Кропоткин), либо социалистического либерализма (Н.И. Кареев). Различие политических оттенков не помешало его представителям создать своеобразное научное сообщество, получившее у современников название «русской социологической школы». Свои усилия она сосредоточила на выявлении смысла человеческой свободы, а не державного величия в мировой и отечественной истории.

Спецификой мировоззрения Н.К. Михайловского (1842–1904 гг.), знаменитого публициста и главного редактора журналов «Общественные записки» и «Русское богатство» была защита целостности и многосторонности человеческой деятельности от разлагающего влияния на нее процесса профессионализации и специализации общественного труда. Как полагал русский ученый, мировая социальная эволюция носит регрессивный характер. Регрессивная ветвь эволюции получила у Н.К. Михайловского обозначение «органической»: человек превращался в подчиненный орган социального целого и уже не мог претендовать на самостоятельность и автономию. В основе органической эволюции лежит общественное (или, по другому, «сложное») разделение труда между индивидами, свойственное всем народам в процессе перехода от «простого» сотрудничества к «сложной кооперации» [7, т. 4, с. 698].

Н.К. Михайловский предложил идею, исключаящую высокую ценность для России модернизационных заимствований у Запада. Общефилософская идея альтернативных путей эволюции преобразуется им в представление о различии *типов и степеней* развития различных исторических сообществ. «Тип» развития характеризует различные ветви человеческой эволюции, а «ступень» развития определяется богатством вещной (ресурсной) базы общества. Тем самым неявным образом тип и ступень развития противопоставлялись автором как проявления разных форм социальной эволюции.

Автор отрицал выраженность социального совершенства в богатстве вещественной среды какого-либо сообщества. Он писал: «Порядок, при котором большинство населения живет заработной платою, и порядок, при котором это большинство состоит из самостоятельных хозяев, принад-

лежит не к различным степеням, а к различным типам развития. Поэтому здесь и сравнивать надо типы развития. Известный тип развития может быть выше другого и все-таки стоит на низшей ступени. Например, имея в виду степени экономического развития Англии и России, всякий должен будет отдать преимущество первой. Но это не помешает мне признать Англию низшим (в экономическом отношении) типом развития» [7, т. 3, с. 515]. При этом автор ссылаясь на славянофилов¹ как пионеров различения типа и степени развития [7, т. 3, с. 760].

По существу, более высокий тип развития совпадает с более ранним, исходным этапом другого типа – «органической» эволюции. Высокий тип развития ученый находит, конечно, в России. Н.К. Михайловский писал: «В нашей жизни есть задатки великого исторического будущего и великого счастья. Но это только задатки, представляющие случай неустойчивого равновесия и потому требующие оплодотворения сознательной идеей. Предоставленные на волю стихийных исторических сил в качестве "национальных особенностей", они съедят сами себя и разовьются в... европейские порядки» [7, т. 5, с. 127]. Этот более высокий тип развития виделся ученому и малоустойчивым, и слабоконкурентным по сравнению с европейским типом развития. Более высокая степень социальной эволюции в обозримом будущем будет демонстрировать антагонизм общественного и антропологического совершенства даже вне всякого деформирующего воздействия европейского опыта. Н.К. Михайловский прогнозировал: «если к тому времени, когда обобществление труда, в зависимости от технических усовершенствований промышленности, достигнет своего апогея, его представители окажутся "живыми трупами" с "остервенелыми" лицами, то понятно, что они ничем не подорожат в нашей цивилизации» [7, т. 7, с. 361]. Чем дальше, по мнению Н. Михайловского, Россия уйдет от типа органической эволюции и капиталистической вестернизации, тем надежнее будут перспективы ее будущего развития.

Вместе с тем концептуальное представление об идеальном обществе в очень большой степени зависит от характера межкультурного взаимодействия. Н.К. Михайловский отрицал ксенофобию и стремление к культурной герметичности [7, т. 7, с. 332], как, впрочем, и «интернационализм» [7, т. 3, с. 781]. По мнению автора, субъект идеального общества должен освоить опыт социальной эволюции Западной Европы. Изучение отрицательных результатов этой эволюции позволит сохранить пока еще присущий России тип развития. Антикапиталистическая альтернатива связана с этим интеллектуальным освоением чужого опыта: «европейские же порядки, полные всякого блеска и красоты, но и глубочайших страданий должны быть для нас, в смысле руководящих начал, только готовым, даровым резервуаром исторического опыта... Нам незачем проделывать весь скорбный и трудный опыт европейской истории, раз уж он там проделан и раз

¹ Отчетливо указанное различие выражено у младших славянофилов. Так, Н.Я. Данилевский (не позднее 1871 г.) отмечал, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться» [1, с. 87].

сама европейская мысль, признав ошибки прошлого, додумалась до чего-то лучшего и высшего, чем наличные европейские порядки» [7, т. 5, с. 127].

Таким образом, идеологическая версия социального идеала содержала в себе два трудно согласуемых требования к социальной реальности – традиционного характера человеческих связей и вестернизации сознания. По-видимому, это было частным случаем проявления амбивалентного отношения авангардной контрэлиты к человеку «почвы», получившее название психологического комплекса «большого брата». Человек «почвы», носитель традиционализма, выступает для интеллигента одновременно и предметом поклонения, и объектом духовного попечительства, переходящего в политическую мобилизацию. Н.К. Михайловский писал: «Русский культурный человек, живя среди миллионной массы некультурного народа, невольно чувствует вокруг себя какие-то совершенные и широкие формы жизни, которые далеко превосходят всю его европейскую культуру». С другой стороны, Н.К. Михайловский не верил в устойчивость традиционного уклада жизни, в его способность к сопротивлению капиталистической эволюции, как не верил и в его способность к самостоятельному историческому творчеству. Спасение от капиталистической эволюции может прийти только от авангардной элиты, находящейся на высоте европейской образованности.

Доморощенные усилия Н.К. Михайловского по защите отечественной самобытности были созвучны трудам политэмигранта П.А. Кропоткина (1842–1921 гг.), который из своего европейского «далека» предложил дополнительный аргумент для критики общественной эволюции Запада и, соответственно, для усиления тезиса о ее случайном, обратимом и неустойчивом характере. Если для Н.К. Михайловского «органическая» эволюция была труднопреодолимым злым роком, принудительной социальной необходимостью, то П.А. Кропоткину она представлялась результатом государственного принуждения, т.е. искусственным процессом. Без государственного насилия общество бы не пошло по пути «сложного разделения труда». К такому выводу он пришел в результате опыта, полученного на службе в казачьем войске на Амуре, куда он пошел добровольцем после окончания Пажеского корпуса. П.А. Кропоткин принимал участие в уничтожении китайских бандформирований (хунхузов), действуя в составе того, что сейчас бы назвали «спецназом». Казаки действовали решительно, так как не ощущали повседневного контроля вышестоящего командования, чем ученый и объяснил эффективность их боевых операций. В казачьем войске П.А. Кропоткин «скоро понял, что в серьезных делах командованием и дисциплиной немногого достигнешь. Люди личного почина нужны везде; но раз толчок дан, дело, в особенности у нас в России, должно выполняться не на военный лад, а скорее мирским порядком, путем общего согласия». В мемуарах он подытожил свой амурский опыт: «в Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом» [5, с. 198].

Ученый обратился к истории средневековья, которая представлялась ему естественным, еще не деформированным путем развития ввиду слабого влияния античного наследия и массового распространения институтов взаимной социальной помощи – общин, коммун, гильдий и корпораций.

Средневековые показательны и реакцией индивида на социальную среду. Авторский взгляд на европейское средневековье выражен в книге «Общественная помощь как фактор эволюции», написанной в конце XIX в. и лишь на рубеже веков переведенной на русский язык.

П.А. Кропоткин не усматривал познавательной ценности в жестком историческом детерминизме. Человеческая история включает, по его мнению, линию прогрессивного развития, моменты консервации существующих институтов взаимопомощи и регрессивную линию развития, порожденную силой человеческого эгоизма. Ученый полагал, что институты взаимной помощи нуждаются в постоянном совершенствовании и если этого не происходит, то неизбежно восстание личности против устаревших социальных форм. П.А. Кропоткин отмечал: «Часть восставших стремилась к очищению старых учреждений от чуждых им элементов, или к выработке высших форм свободного общежития, основанных, опять-таки, на началах взаимной помощи». Однако была и иная реакция на общественный консерватизм: «...в то же самое время другая часть тех же личностей, восставших против откristаллизовавшегося строя, пыталась просто разрушить охранительные учреждения взаимной поддержки, с тем, чтобы на их место поставить свой собственный произвол, таким образом увеличить свои собственные богатства и усилить свою собственную власть» [4, с. 10–11].

Согласно П.А. Кропоткину, этими фундаментальными направлениями человеческой активности исчерпывается содержание общественного развития: «в этой тройственной борьбе – между двумя разрядами возмущившихся личностей и защитниками существующего – и состоит вся истинная трагедия истории» [4, с. 11].

Регрессивная линия развития связана с появлением и взаимной поддержкой частной собственности и государства. Для автора важно показать, что регресс относителен и может снова смениться поступательным развитием. В этой связи ученого привлекло средневековое общество, пришедшее на смену Римской империи. На ее бывшей территории первоначально была создана «деревенская община, основанная на понятии об общей территории. Этот новый строй, выросший естественным путем из предыдущего родового строя, позволил варварам пройти через самый смутный период истории, не разбившись на отдельные семьи, которые неизбежно погибли бы в борьбе за существование» [4, с. 125].

Средневековое общество представляется русскому автору совокупностью разнообразных самоорганизующихся образований, дающих человеку чувство защищенности. Такое общество поддерживало оптимальный баланс свободы и солидарности. П.А. Кропоткин писал, что европейцы выработали в средние века новую форму организации, которая допускала «большой простор для личной инициативы, и в то же время в значительной мере отвечала потребностям человека во взаимной поддержке» [4, с. 176]. Типичной единицей этого общества автор считал гильдии, профессиональные братства [4, с. 140].

Отношения внутри средневекового общества XI–XVI вв. П.А. Кропоткин называл *федеративными*, полагая, что исходная единица не растворялась в более крупном образовании. П.А. Кропоткин писал, что гильдия была такая же независимая единица федерации, какой была республика

Ури или Женева. Баланс свободы и солидарности проявился в федеративном типе отношений гильдий и общин. Федеративными образованиями были города. П.А. Кропоткин отмечал: «Везде города организовывались как двойная федерация небольших деревенских общин и гильдий» [4, с. 143].

Города выполняли те же функции взаимопомощи, что и гильдии. Город «...представлял попытку организации – в более широком размере, чем это было сделано в деревенской общине, – тесного союза для целей взаимной помощи и поддержки, для потребления и производства, и для общественной жизни вообще, – не налагая для этого на людей оковы государства» [4, с. 149].

Рост городов привел к коммунальной революции² в Европе. Она ограничила феодализацию политического устройства, создав ей действенную альтернативу – добровольной и взаимовыгодной связи. По словам русского автора, ни один период истории не служит лучшим подтверждением созидательных сил народа, чем «десятый и одиннадцатый век, когда укрепленные деревни и торговые местечки, представлявшие своего рода "оазисы в феодальном лесу", начали освобождаться от ярма феодалов и медленно вырабатывать будущую организацию города» [4, с. 135].

Коммунальный федерализм представлялся автору более значимым явлением средневекового общества, чем феодализм. Отношения взаимопомощи образовали содержание общественной жизни высокого средневековья. П.А. Кропоткин писал, что федерации между маленькими земскими единицами, а равно между людьми, объединенными общими целями в собственные гильдии, а также федерации между городами и группами городов составляли самую сущность жизни и мысли в течение всего этого периода. Федеративные отношения представлялись автору выражением сотрудничества и взаимопомощи: «первые пять веков второй декады нашей эры (XI-й по XVI-й) могут, таким образом, быть рассматриваемы, как колоссальная попытка обеспечить взаимную помощь и взаимную поддержку в крупных размерах, при помощи принципов федерации и ассоциации, проводимых через все проявления человеческой жизни и во всевозможных степенях» [4, с. 165]. Русский ученый полагал, что стремление городского средневекового общества к сотрудничеству и взаимопомощи приняло также форму религиозной реформации. П.А. Кропоткин писал, что в ходе Реформации народные массы сделали грандиозную попытку перестройки общества, сохраняя при том прежнюю основу взаимной помощи и поддержки. По его мысли, реформаторами двигало не одно только возмущение против злоупотреблений католической церкви: «Движение это выставило также и свой построительный идеал, и этим идеалом была – жизнь в свободных братских общинах».

П.А. Кропоткин доказывал, что поведение, ориентированное на солидарность индивидов, было эффективнее в большей степени, чем стремление к эгоистическому самоутверждению. Коммунальная революция достигла впечатляющих успехов в экономике и искусстве по сравнению со «стартовым» состоянием. Автор писал: «В начале одиннадцатого века го-

² П.А. Кропоткин признавал приоритет историков эпохи Реставрации в открытии этого явления и считал их идею городской революции недооцененной [6, с. 413].

рода Европы представляли еще маленькие кучи жалких хижин, ютившихся вокруг низеньких, неуклюжих церквей, строители которых едва умели вывести арку». Через триста пятьдесят лет «на обширных пространствах благосостояние заступило место прежней нищеты; выросло и распространилось образование. Выработался научный метод исследования, и положено было основание механики и физических наук» [4, с. 166].

Коммунальная революция была побеждена растущим государственным абсолютизмом, но ее последствия были благотворны, поскольку исключили некоторые неблагоприятные тенденции европейского развития. По словам П.А. Кропоткина, «средневековые города оказали громадную услугу европейской цивилизации. Они помешали Европе дойти до теократических и деспотических государств, которые создались в древности в Азии». Более того, связи взаимопомощи создали своеобразие Европы нового времени. Автор отмечал: «Они дали ей разнообразие жизненных проявлений, уверенность в себе, силу инициативы и ту огромную интеллектуальную и моральную энергию, которой она ныне обладает» [4, с. 170].

Опыт городских коммун лег в основу широкого обобщения, которому П.А. Кропоткин придал вид социального закона. Он писал, что периоды, когда институты, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, «были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности, науки» [4, с. 228].

Разрушение институтов взаимопомощи связано с усилением государства, поскольку оно стимулирует индивидуализм и предполагает индивидуальную связь между собой и лицом. Для такого типа общественной связи какие-либо опосредующие звенья являются излишними. Ученый писал: «Поглощение всех общественных отправлений государством неизбежно благоприятствовало развитию необузданного узкого индивидуализма. По мере того, как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане, очевидно, освобождались от обязанностей по отношению друг к другу» [4, с. 179].

Книга показывает общественную эволюцию как регрессивное развитие. Средневековое общество сменилось этатистским Новым временем. Общественная солидарность оказалась обратимым явлением и ушла в прошлое. Эмпирия эволюционного процесса не могла быть интерпретирована как рост солидарности. Солидарность, взаимная помощь – достояние ушедшей эпохи, лишь пассивно сопротивляющейся эгоизму и этатизму. Автор писал: «Хотя вот уже 300 или 400 лет совершается, и в теории, и в самой жизни, разрушение учреждений и обычаев взаимной помощи, – тем не менее сотни, миллионы людей продолжают жить при помощи этих учреждений» [4, с. 180].

Как беспристрастный ученый автор пытался отыскать и в буржуазных сообществах Нового времени примеры общественной солидарности и свободного объединения, но коммунистический доктринер в П.А. Кропоткине отказывался видеть в этатистской государственной организации форму кооперации, предпочитая усматривать в нововременном социуме проявления безудержной эксплуатации и патологического стремления к власти. Искусственный процесс общественного разделения труда превратился в объективный и устойчивый, а, значит, и исключивший иные альтернати-

вы общественного развития. На этом фоне надежды П.А. Кропоткина на какую-то сознательную альтернативу государственному и капиталистическому обществу в форме анархо-коммунистической революции остались необоснованной и сентиментальной утопией.

Влиятельным членом русской социологической школы был и другой политически нелояльный мыслитель, в числе прочих «перестройщиков» тогдашней России попавший в Государственную Думу и подписавший скандально знаменитое «Выборгское воззвание» – профессор Н.И. Кареев (1850–1931 гг.). В своих исторических трудах он использовал линейную схему общественной эволюции вместе с ее неизбежными следствиями – компаративистикой и идеей преемственности культур. Подобно многим русским историкам, он был противником идеи «эталонных сообществ». По его мнению, «совершенно нормальное историческое развитие вообще может быть только отвлеченной идеей нашего ума, отнюдь не реальностью, и в этом смысле античное развитие не было более нормальным, чем всякое другое. Каждый народ по-своему проходит фазисы культурно-социальной эволюции, и ни одно развитие в этом отношении не может быть названо более нормальным, нежели все остальные» [2, с. 62].

Динамичный «Запад»³ тоже не был в глазах ученого образцовым сообществом с точки зрения соответствия ценностей и мотивов действия европейских народов. Историк писал: «Если и можно называть европейскую цивилизацию христианской, то только по ее отношению к тому нравственному идеалу, который одушевлял и одушевлял лучших ее деятелей. Для европейской цивилизации христианство было и остается великим источником нравственного идеализма, когда только оно само под влиянием условий места, времени и среды не превращается в мертвую форму без живого содержания» [2, с. 323].

Историческая компаративистика автора основывалась на двойственности оценок исторических событий (что согласовывалось с кареевской «формулой прогресса»). В отношении всеобщего идеала исторический прогресс отдельных сообществ – бесконечно малая величина. Для самого же отдельного общества его прогресс может быть весьма значительным. Оценивая развития античного мира, Н.И. Кареев писал о сближении правового положения патриций и плебеев, граждан и провинциалов. Однако «Римская империя не осуществила принципа солидарности вполне, но, спрашивается, осуществило ли его во всем его объеме хотя бы одно из новых государств Европы? Не является ли осуществление этого принципа и теперь еще далеким идеалом будущего в мечтах лишь передовых людей нашего времени? Нужно брать вещи относительно, и, смотря на дело с этой точки зрения, мы обнаружим и в античном мире прогресс социальный» [2, с. 107].

Этот прогресс обнаруживается в свете ограниченного применения принципа солидарности. Прогресс в античности будет заметен, если отказаться от применения к ней всемирно-исторического масштаба и ограничиться сравнением ближайших ступеней развития: «социальный принцип

³ Общность «Запада» выводилась Н.И. Кареевым из устойчивого синтеза античного наследия, католицизма и германского феодализма [2, с. 136]. Вслед за С.М. Соловьевым он считал, что динамизм Запада связан с его расово-антропологической – «арийской» основой.

есть принцип солидарности, и понятное дело, что эта солидарность имела к концу античного мира гораздо большую сферу действия, чем в начале его истории: все жители обширной империи в качестве граждан единого государства были теперь так же политически солидарны между собой, как прежде могли быть солидарны только граждане одного города» [2, с. 107].

Такой же методологический подход был применен автором и к истории средневековой Европы. С одной стороны, в это время прервалась тенденция универсализации человеческого общения. По мысли Н.И. Кареева, «разобщение романо-германского, греко-славянского и мусульманского миров было, конечно, регрессом по отношению ко всему предыдущему ходу всемирной истории, совершавшемуся совсем в ином направлении, именно в смысле сближения и объединения» [2, с. 118]. С другой стороны, политический хаос средневековой Европы был прогрессом по сравнению с абсолютным этатизмом античности. По словам ученого, «в древности... личность поглощалась в государстве, а теперь одной стороной своего бытия человек уже не принадлежал всецело государству и не оставался по отношению к нему бесправным: в области религии светская власть утрачивает античный абсолютизм, а в феодальном быте была та хорошая сторона, что хоть некоторая часть общества имела известные права по отношению к государственной власти, нарушение которых даже разрывало связь между сюзереном и вассалом» [2, с. 173–174]. Именно в Средние века обнаруживается динамизм Запада, хотя «стартовые условия» его развития были неблагоприятными. Н.И. Кареев отмечал: «Главным руслом всемирной истории в средние века оказалось западноевропейское развитие, которое на первых порах было как раз самым суженным и самым обмелевшим». Последнее превратилось в *mainstream* «только в конце средних веков, когда Запад выходит из своего обособления и, отрешаясь от средневековых традиций, вступает на новый путь культурного развития», связанный с тем, что «в Западной Европе возобновляется к тому же времени давным-давно прерванная нить свободного развития в области жизни и в области мысли, причем передовые умы обращаются к изучению полупозабытой и даже сделавшейся совсем непонятной в средние века античной культуры, в которой они находят опору своим новым стремлениям» [2, с. 122].

Прогресс в развитии европейского общества стал устойчивым лишь в Новое время, когда рост числа критически мыслящих личностей реформировал социальную организацию на принципах либерализма и индивидуализма [2]. В отличие от П.А. Кропоткина, Н.И. Кареев не усматривал никакой общественной катастрофы в этатизме Возрождения и раннего Нового времени, поскольку развертывающийся потенциал европейского индивидуализма перекрывал деформирующее воздействие этатизма. Если в локальных политических изменениях (переходе от варварских королевств к феодальной и сословно-представительской монархии, а затем и к абсолютизму) и был какой-то незначительный прогресс, то развитие государственного быта в масштабе всемирной истории никакого прогресса не обнаруживало. Вся история человечества – включая античные и средневековые республики – демонстрирует принцип неограниченного суверенитета государства. Ученый отмечал: «безграничное всемогущество государства во всех проявлениях его власти над отдельными индивидуума-

ми развивалось в абсолютных монархиях, как древнего, так и нового мира, но и там, где государство принимало другие формы, и народ так или иначе принимал участие в делах правления, равным образом в силе был принцип неограниченности прав государства и ничтожности прав отдельной личности» [3, с. 4]. Государство признавало лишь права граждан в отношении друг друга, но совершенно не знало границ своей регулирующей деятельности. Естественная, органическая эволюция государств лишь совершенствовала формы государственного суверенитета над личностью. Выхода из этой гнетущей политической практики на путях общественной эволюции не было. Современный конституционализм, политические свободы и права личности не были результатом накопления общественных перемен. По Н.И. Карееву, они появились внезапно, разрушив естественную политическую эволюцию Европы. Автор писал: «замена абсолютной монархии конституционным государством совершилась главным образом путем революций, путем полного ниспровержения старого строя для воздвижения на его развалинах совершенно нового здания. Нет нужды, что в отдельных случаях не было насильственного переворота... революционное происхождение современного конституционного строя не подлежит сомнению» [3, с. 12–13]. Европейское государство утратило самое существенное, что отличало государство от иных общественных союзов – абсолютную власть над индивидом, поскольку «современное государство признает за личностью известные, ей, как таковой, присущие, прирожденные, а потому и неотъемлемые права» [3, с. 5].

В оценке русской истории Н.И. Кареев был «западником». Интеллектуальный потенциал Византии, воспринятый Россией, оказался менее плодотворным, чем католицизм и не выдержал конкуренции с наследием западного христианства. По словам ученого, «в Европе культурные традиции Византии заглохли и иссякли, и те народы, которые под ее культурным влиянием приобщились ко всемирно-исторической жизни, живут теперь и развиваются в тесном общении с западной цивилизацией, ... ей предстоит в будущем сделаться цивилизацией всемирной и общечеловеческой» [2, с. 123]. Россия была отнесена им к странам, развивающимся по общеевропейскому пути, но показала более скромную динамику, что позволило Н.И. Карееву говорить о русской «отсталости»: «Позднее других народов вступив на большую историческую дорогу и медленнее других по ней двигаясь, русские должны были, конечно, сильно отстать от своих западных соседей, и эта отсталость является одним из наиболее бросающихся в глаза общих фактов русской истории» [2].

Под влиянием Орды Россия подверглась ориентализации, и начавшаяся позднее европеизация страны была возвращением к ее изначальному типу развития, а вовсе не насильственным переворотом. Ученый отмечал: «Вместе с народами германскими и с другими славянами Русь вступила в историю как молодое государство одного с ними типа, развившегося из условий европейской жизни и культурных влияний Римской империи в обеих ее половинах, но вследствие разобщенности с остальной Европой и вследствие татарского ига Московское государство потребовало впоследствии европеизации, т. е. нового приобщения к европейскому миру. Оно и совершилось на рубеже XVII и XVIII веков» [2].

Европеизация России была для Н.И. Кареева не только основным результатом ее новейшей истории, но и ценностью, относительно которой можно говорить о прогрессе русской жизни. Свою книгу «Общий ход всемирной истории» автор закончил следующими словами: «...ход всемирной истории и внутреннее развитие самой России приводят к тому, что Россия не должна быть ни Византией, ни Азией, а должна быть Европой», к тому времени ставшей уже не этатистской, а либеральной.

Если обобщить базовые принципы основоположников русской социологической школы в сфере компаративистики, то таковыми следует признать пессимизм и противогосударственный революционаризм. Н.К. Михайловский и П.А. Кропоткин по-разному оценивали генезис капиталистического общества – системы «общественного разделения труда». Для первого автора он был естественным, стихийным и органическим процессом, для второго – искусственным и принудительным. Но оба согласились с тем, что капиталистическое общество стало устойчивым, самовоспроизводящимся, но не отказывающимся от государственного принуждения и эксплуатации. Оба искали альтернативу капитализму: Н.К. Михайловский – в русском аграрном коммунизме, а П.А. Кропоткин – в «другой» Европе, сообществе, выросшем из коммунальной революции. Ни один не увидел у этих альтернатив серьезных шансов на успех. Лишь внезапная коммунистическая революция европейски образованных интеллектуалов сможет законсервировать ускользающую почву общественной солидарности. Н.И. Кареев разделял представления Н.К. Михайловского и П.А. Кропоткина, что стихийная эволюция этатистски организованного общества не ведет к прогрессу. Более оптимистически настроенный Н.И. Кареев считал, что «другая» Европа уже победила и регрессивная тенденция прервана. Личность отвоевала права у государства и ограничила сферу его господства, причем сделала это революционным путем. Этатизм был насильственно побежден. Институт народного представительства вместе с институтом прав человека открыли впечатляющую перспективу социальных реформ. России следует как можно быстрее приобщиться к этой перспективе. Таким образом, либеральная идея у Н.И. Кареева стала результатом соединения пессимизма и революционаризма.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
2. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох. Заокский: Изд-во «Источник жизни», 1993. 304 с.
3. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 496 с.
4. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков: Тип. В.Г. Шеншелевича, 1919. 353 с.
5. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 528 с.
6. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. Хлеб и воля. М.: Правда, 1990. Серия «Из истории отечественной философской мысли». 640 с.
7. Михайловский Н.К. Сочинения. СПб.: Русское Богатство, 1896–1900.

Bibliography

1. *Danilevskij N.Ja.* Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991. 574 p.
2. *Kareev N.I.* Obshhij hod vsemirnoj istorii: ocherki glavnejshih istoricheskikh jepoh. Zaokskij: Izd-vo «Istochnik zhizni», 1993. 304 p.
3. *Kareev N.I.* Proishozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1908. 496 p.
4. *Kropotkin P.A.* Vzaimnaja pomoshh' kak faktor jevoljucii. Har'kov: Tip. V.G. Shenshelevicha, 1919. 353 p.
5. *Kropotkin P.A.* Zapiski revoljucionera. M.: Mysl', 1990. 528 p.
6. *Kropotkin P.A.* Sovremennaja nauka i anarhija. Hleb i volja. M.: Pravda, 1990. Serija «Iz istorii otechestvennoj filosofskoj mysli». 640 p.
7. *Mihajlovskij N.K.* Sochinenija. SPb.: Russkoe Bogatstvo, 1896–1900.

УДК 327

АРАБСКАЯ ВЕСНА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ?**М.А. Курбанов**

Институт истории археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН
E-mail: tlisi@bk.ru

В статье рассматриваются события, начавшиеся на арабском востоке в конце 2010 г. и вошедшие в историю как «арабская весна». Анализируются экономические, социально-политические и духовно-нравственные причины, лежавшие в основе этих событий: какие имели первостепенное значение, а какие являлись лишь фоном. В статье рассматриваются также различные аспекты взаимоотношений Соединенных Штатов Америки и стран Ближнего Востока, делается попытка проанализировать, какую роль сыграли в недавних событиях в арабском мире в целом Запад и США.

Ключевые слова: ислам, безработица, молодежь, Египет, ближневосточные монархии, США.

THE ARABIAN SPRING: RETURNING TO SOURCES?**M.A. Kurbanov**

Institute of History Archaeology and Ethnography
of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
E-mail: tlisi@bk.ru

The article examines the events that began in the Arab East in the end of 2010. and entered history as the «Arab spring». Analyses the economic, socio-political and spiritual-moral reasons underlying these events: what were of paramount importance, and which were only background. This article also covers the various aspects of mutual relations of the United States of America and the Middle East countries, aims to analyze the role played in the recent events in the Arab world in General, the West and the USA.

Key words: islam, unemployment, youth, Egypt, Middle East monarchies, USA.

События, произошедшие на территории ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки, начало которым было положено 17 декабря 2010 г. в Тунисе, затем революция в Египте, гражданская война в Ливии, которая привела к падению режима; гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане; и менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре получили название в новейшей истории «арабская весна», «арабское пробуждение», имели в своей основе причины различного характера, которые с одинаковым успехом можно отнести к любой из этих стран, и они, т.е. события, со всей очевидностью показали, как неустойчивы режимы власти, опирающиеся на авторитаризм и диктатуру.

В Тунисе, Египте и Йемене главными причинами антиправительственных выступлений стали внутренние факторы – социально-экономический кризис, коррупция правящей власти, отсутствие каких-либо демократи-

ческих свобод, этноконфессиональные противоречия, в Ливии основным фактором стала поддержка оппозиционных сил Западом.

Бедственное экономическое положение внутри страны, недостаток рабочих мест и политических свобод вытолкнули тысячи юношей и девушек в странах Арабского Востока на обочину общества. Официальный уровень безработицы в Тунисе, который преуменьшает истинную ситуацию с безработицей, достиг 14 % [5]. Около 10 % наиболее обеспеченного населения контролирует 32 % всех доходов, другие 20 % обеспеченного населения контролируют 47 % доходов Туниса.

Неравенство в Тунисе проявляется настолько резко, что 60 % (наименее обеспеченных слоев) населения получают только 30 % (наиболее обеспеченные 40 % населения забирают себе 70 % всего дохода страны) [3].

Уровень безработицы в Египте накануне революции был по мировым меркам не особенно высоким – порядка 9 %, однако при этом надо учесть важное обстоятельство, что около половины всех египетских безработных относилось к возрастной группе 20–24 года и более 43 % египетских безработных имели высшее образование [4]. И это все только официальные данные, тогда как реальная безработица оказывается на порядок выше указанных цифр.

Надо отметить, что у безработицы в арабских странах существует одна характерная черта: большинство безработных составляют молодежь и выпускники вузов, соответственно дети после огромных затрат и без того небогатых семей на их обучение становились обузой для семей и целыми днями сидели дома без возможности найти работу. Существовал парадокс: без образования не представлялось хоть какой-либо возможности реализовать себя в жизни, но и наличие этого самого образования не давало молодому человеку шансов, вызывая еще большее озлобление сложившейся ситуацией и тысячи выпускников были вынуждены работать таксистами, официантами, продавцами и т. д. И при этом они были сосредоточены в непосредственной близости к центральной власти – в столицах государств. Далее именно эта возрастная прослойка (19–25 лет) стала одной из основных движущих сил революций.

Коррупция, которая принижала все слои управленческого аппарата, являлась следствием клановости, а клановость являлась следствием несменяемости элит, т. е. отсутствия демократических инструментов смены власти – выборов. Выборы как таковые конечно проводились, но они были номинальными, ибо их исход определял не народ, а власть, и итоговый, плачевный результат для власти и «цену» этим «выборам» увидел весь мир.

Например, в Тунисе коррупция, диктатура и прозападная экономическая политика, проводимая по советам европейских стран и США, привели к тому, что все богатство сконцентрировалось в руках небольшого круга приближенных президента Зин эль-Абидин Бен Али и семейства его жены.

Десятилетия нахождения всей власти в руках одного человека не могли не оставить определенного отпечатка на экономике, которая как свойственно большинству стран третьего мира находится в руках у нескольких влиятельных семей (кланов).

Таким образом, режим постепенно подчинял себе почти все сектора экономики, что становилось поводом для недовольства других внутриполи-

тических и внутриэкономических игроков. В современном арабском мире налицо кризис отношений между государством и обществом, между властью и обществом, между этническими и религиозными группами.

Тунисский, египетский и прочие арабские режимы, обеспечивающие региональную стабильность, выдыхались. Лидеры состарились, вставал вопрос о преемственности. Кто их сменит? Другие коррумпированные диктаторы? Можно, конечно поступить, как в классических восточных монархиях и готовить преемника из числа своих многочисленных детей и родственников, считая, что народ не обратит внимания на одну мелочь, а именно то, что они живут в республике, а не в монархии. Так оно и случилось, например, в Сирии, когда бессменно находившегося у власти лидера страны отца Хафеза Асада, пришедшего к власти 16 ноября 1970 г. в результате переворота, свергнувшего Салаха Джадида, после смерти сменил его сын Башшар Асад, ведь каких-либо препятствий такому повороту событий не наблюдалось, если бы не эти широкомасштабные народные выступления. В Египте также готовился свой «наследник престола» в лице сына Х. Мубарака – Гамалея.

Страны по официальной статистике бурно развивались, доходы населения росли, велась на словах борьба с коррупцией, на выборах регулярно с подавляющим большинством побеждала проправительственная партия, но только простой народ от всех этих «достижений» власти реального улучшения своей среды обитания не чувствовал.

Протесты продемонстрировали недовольство народов арабского мира катастрофической ситуацией в жизни на фоне коррупции правящих режимов, которая приобрела гипертрофированные размеры.

Авторитарные режимы долгое время создавали видимость социальной стабильности, а правящие семейные кланы, утратив связь с народом, игнорировали нарастание серьезных внутренних противоречий, поэтому не смогли вовремя оценить угрозы и адекватно на них отреагировать.

Народ чувствовал свое полное бесправие полувоенным положением, коррупцию от колыбели до могилы, пустые карманы, оторванность правителей от ценностей ислама, что, по моему мнению, играет тоже немаловажную роль.

И катализатором всего этого можно по праву считать мировой финансово-экономический кризис 2009 г., довольно больно ударивший по экономикам всего региона, который привел к резкому сокращению экспорта, ориентированного на страны, также испытывавшие серьезные экономические трудности, где происходило свертывание производства и сокращение покупательной способности.

Такая же ситуация имела место в финансово-банковской сфере. В результате мирового финансового кризиса сократилось число иностранных туристов, посещавших Тунис и Египет, большая часть которых составляли граждане стран ЕС. Все эти факторы вели к росту числа безработных, особенно среди молодежи, снижению уровня жизни и усилению социальной напряженности.

Необходимо также отметить и еще один очень важный фактор, а именно внешнюю политику стран региона и ислам.

Среди мусульманских народов религиозный фактор очень сложно отделить из политики. Во многих странах региона позиции ислама росли, подчеркиваю, именно ислама, а не исламизма – термина, который употребляется в негативном контексте, что, по моему мнению, некорректно, так как эти два слова имеют одну основу – а именно слово ислам. И некорректно связывать этот исламский подъем лишь поддержкой маргиналов, полумаргиналов, воинственных и дремучих мракобесов.

Хорошо известно, что ни одна религия не призывает к убийству невинных людей и не одобряет его. К несчастью, люди иногда используют религию для оправдания нетерпимости, насилия над человеком и даже убийства. Так, бывает, поступают и отдельные группы христиан, иудеев, индуистов и даже известных своим миролюбием буддистов. Действия экстремистов и террористов, прикрывающихся исламскими лозунгами, были использованы некоторыми людьми, чтобы попытаться изобразить ислам как религию, «эндогенно» тяготеющую к насилию. Подобные идеи, к сожалению, приходится иногда слышать и в нашей стране. Они могут лишь порождать губительную исламофобию, которую российское общество решительно отвергает [2].

Сводить же весь этот процесс самоопределения исламского мира к частной проблеме радикализма, как у нас часто бывает, значит, еще раз показывать свое непонимание происходящего. Да, порой бурлящая энергия, особенно молодежи, к сожалению, находит выход в экстремистских формах протеста. Это неадекватный ответ на унижение и упадок их цивилизации и своего рода попытка взять реванш. За перегибами и издержками подросткового максимализма необходимо разглядеть ключевую тенденцию – стремление исламского мира вернуть свое место на планете, соответствующее его потенциалу и вкладу в развитие всего человечества.

Подход, игнорирующий главную составляющую процесса и преувеличивающий частный момент экстремизма, приведет и приводит к тому, что такие явления, как революции в арабском мире, оказываются предельно неожиданными и непонятными.

Так вот, ислам в ряде стран власти начали отодвигать на второй план в первую очередь потому, что его представляли политические противники режимов, хотя позиции ислама стали расти после ввода советских войск в Афганистан, когда все это было расценено как вторжение, а не как интернациональная помощь. Этот рост я назову ростом на «антисоветских дрожжах», который изрядно подогревался, естественно, главным геополитическим противником СССР–США, и общий фон по отношению к СССР и особенно в исламском мире был скорее негативным, так как большинство стран региона были союзниками США за исключением пары-тройки известных стран. Режимы, ориентированные прозападно, имели поддержку внутри страны, выступив против ввода Советских войск и им, как говорится, было по пути и с внешнеполитическими союзниками.

Ситуация начала меняться после вывода войск из Афганистана и крушения Советского Союза, вместе с ним всей системы соцлагеря, а на передний план выходит США со своими, весьма своеобразными взглядами на мир. Вполне предсказуемо после того, как не стало СССР, большинство его бывших союзников переориентировалось на США.

События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и последовавшая за ними американская война против террора с вторжением в Афганистан, а затем и в Ирак, которое было поддержано международным сообществом, открыли новый этап в истории стран Ближнего Востока. Этими действиями США, если можно так выразиться, наступили на те же международные «грабли», что и СССР, так как действия были схожи, только поменялись лозунги – СССР оказывало интернациональную помощь братскому афганскому народу, а у США и того более великая, можно сказать, глобальная и миссионерская цель – очистить мир от зла мирового терроризма и принести в Страны Востока великие принципы свободы и демократии, но конечно в их понимании. Однако исламский мир этого не понял, но этого не поняли даже вполне демократические Германия и Франция, ряд других стран. Все это в итоге привело к тому, что США превратились в нового врага в глазах простого народа, но правительства стран региона остались верны прежнему курсу и это видело общество, что не могло не вызвать недовольства властью: недовольство копилось, ждало своего часа, чтоб выплеснуться вкупе с другими проблемами.

Также узловой проблемой всего арабского мира оставалась и остается палестино-израильская проблема, которая осложняла позиции прозападных режимов. Особенно это касается Египта – одного из лидеров арабского мира.

Пытаясь решить эту проблему после неудачных войн с государством Израиль, в ходе которых Египет потерпел поражения и понес территориальные потери, Президент Анвар Садат при посредничестве Соединенных Штатов пошел на заключение Кэмп-Дэвидского соглашения, по которому Египет заключил мирный договор с Израилем. По существу, из этого противостояния выходила одна из самых крупных и организованных армий арабского мира, что естественно вызвало бурю негодования в арабском мире, да и в самой стране. Садату это решение стоило жизни – он был убит во время военного парада осенью 1981 г. террористическими группировками «Аль-Гамаа аль-Исламия» и «Египетский исламский джихад», которые, объединившись, организовали успешное покушение на президента, отомстив ему за сближение с Израилем и отказ от дальнейшей «исламизации» общества. Его преемник на посту президента Х. Мубарак встал перед не легким выбором: оставить все как есть или пересмотреть политику предшественника. При любом своем выборе он проигрывал: отменит решения своего предшественника – навлечет на себя «косые взгляды» со стороны США и его союзников, но и внутри государства не было гарантии того, что его возможный шаг оценят те, ради кого он и будет сделан, т.е. «исламисты всех мастей», ввиду его военного прошлого, а оставит все без изменений будет реакция со стороны тех самых «исламистских» оппонентов власти. И он сделал тот выбор, который был единственно возможным для него, тем более он видел, что случилось с предшественником, и сделать ему этот выбор в немалой степени помогли друзья из-за океана, обещая значительное финансирование взамен этого шага. Следовательно, что-то надо было делать с радикальными и не очень организациями, что и было сделано в восточном стиле, но относительно бескровно (их постепенно всех разгромили

или загнали в подполье). Но вопрос в том, почему эти же друзья не помогли ему на этот раз.

При желании США могли поддержать Мубарака, и эта поддержка сыграла бы свою роль, так как основной силой в Египте являлась армия и ее генералитет, который щедро финансировался и финансируется Штатами, но такая поддержка означала бы начало гражданской войны, в которую хоть и косвенно, но ввязались бы и Соединенные Штаты. Обама этой «невеселой» перспективе выбрал то, что и не противоречило идеалам демократии, а именно смену авторитарного и не очень демократического лидера и единение США с простым народом.

Но иначе Обама и не мог поступить – еще не закончив обещанный вывод войск из Ирака, ввязаться в гражданскую войну и защищать ненавистный народу режим, когда этот самый народ выступил с требованием демократических свобод и смены многолетних лидеров. (Случился бы парадокс: США – символ и борец за демократию во всем мире выступают против требований египетского народа демократии, свободы и т. д.)

Это сразу же ставило крест на всех его инициативах по сближению с исламским миром, так как эти требования поддерживали народы почти всех арабских государств за исключением пары-тройки стран. В любом случае в итоге США не проиграли, а наоборот выиграли, потому что они встали на сторону народа, требующего ухода всех этих надоевших лидеров, которые установили в своих странах не вполне демократические режимы, но и новые власти также ориентированы на них.

Штаты не участвовали напрямую во всех этих событиях; не участвовали они и в операции по свержению лидера Ливии М. Каддафи (во всяком случае, не были на главных ролях), здесь главными действующими лицами выступили Великобритания и особенно Франция.

Все то унижение, которому подвергалась Палестина (этот факт подтвердил даже сам Б. Обама, см. часть знаменитой Каирской речи, в которой есть упоминание и по сути признание факта унижения, привожу этот фрагмент: «Веками еврейский народ подвергался преследованиям, и кульминацией антисемитизма стала беспрецедентная трагедия Холокоста. Завтра я посету Бухенвальд, бывший частью системы лагерей, в которых Третий рейх содержал евреев как рабов, пытал, расстреливал и умерщвлял их в газовых камерах. Было убито 6 миллионов евреев – больше, чем вся еврейская часть населения сегодняшнего Израиля. Отрицание этого факта безосновательно; оно говорит о невежестве и о злобе. Когда Израилю угрожают разрушением или повторяют отвратительные антиеврейские стереотипы, это не только большая ошибка; в памяти израильтян просыпаются самые болезненные воспоминания, а на пути достижения мира, которого заслуживают все народы этого региона, появляются препятствия.

С другой стороны, столь же бесспорным является то, что и палестинский народ – мусульмане и христиане – также много страдал в поисках национального очага. Более шестидесяти лет он терпит боль перемещенности. Многие в лагерях беженцев, расположенных на Восточном берегу, в Газе и в соседних областях, живут в ожидании мира и безопасности, которых они никогда не знали. Они подвергаются ежедневным унижениям, большим и маленьким, связанным с оккупацией. Можно не сомневаться: положение

палестинского народа нетерпимо. И Америка не повернется спиной к законным палестинским чаяниям – стремлению к достойной жизни, шансам на успех и к собственному государству. (Аплодисменты)»¹. Так вот все это вкупе с молчаливым согласием правительств, также не могло не вызвать недовольства внутри стран, особенно среди молодежи, как наиболее импульсивной части общества, которая наиболее болезненно воспринимала отсутствие справедливости, видела и слышала другую риторику лидеров Ирака, Ирана, Ливии.

В демократических странах недовольство политикой правящей партии народ выражает на выборах, голосуя за оппозицию, но что делать простому арабскому обывателю, ведь легальной оппозиции, которая могла бы стать выразителем мнения оппонентов власти в этих странах, не было, она была загнана в полулегальное положение. Авторитарные режимы не терпят никаких возражений относительно своей политики. Как только внутренне положение ухудшилось, это почувствовала та самая оппозиция внутри страны и относительно бескровно произошла смена власти и вмешательства ни дипломатического, ни военного извне со стороны стран Запада и США кроме Ирака и Ливии и не понадобилось.

Поддержать эти режимы Запад тоже не мог, хотя они и были ориентированы прозападно – они были явно не очень демократическими, а в Европе хоть и существуют двойные стандарты в ряде вопросов, но генеральная линия относительно демократии существует и лидеров, которые находились у власти по 25–30 лет, они не могли признать демократическими, и их режимы по существу представляли собой квазидемократии, в которых демократия была управляемая властями, но и свергать их тоже желающих не наблюдалось в отличие от Ирака и Ливии, так как там не было полезных ископаемых, т.е. нефти, газа. И как следствие режим, который никто извне не толкал, упал сам по внутренним причинам.

Хотя ради справедливости стоит отметить, что режимы в Ираке и Ливии – это авторитарные диктатуры со всеми вытекающими из этого понятия последствиями, и они сами вряд ли бы упали, так как оппозицию в них не сажали, а попросту убивали, в отличие от режимов в Египте, Тунисе, Йемене и ряде монархий.

Особняком стоят «нефтемонархии», т.е. ближневосточные монархии, в которых также были слышны отзвуки «арабской весны». Экономическое благосостояние в этих странах держится на нефтяных доходах и сочетается с ограничением политических свобод и консервативной организацией общественно-политической жизни (абсолютная монархия, отсутствие системы народного представительства и т. д.). Все эти события имели место и в этих странах, но их масштаб, накал и численность протестующих не сопоставимы ни с Тунисом, ни с Йеменом, ни тем более с Египтом. Следует отметить, что и мировой финансовый кризис здесь также не имел глобальных последствий, как в других странах региона, прежде всего в связи наличием значительных финансовых ресурсов. Несмотря на попытки переворотов, режимы в этих странах уцелели. Монархии проводили грамотную внутрен-

¹ Подчеркнуто авт.; полный текст речи См. : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>

ную политику, сохраняя внешнеполитическую ориентацию, они сделали основной упор на развитие национальной экономики. В итоге им не только удалось избежать всяких революций, но и выстроить успешную финансовую и социальную систему. Образно говоря, они потушили «костер революции» «нефтедолларовым пожарным шлангом», а у Туниса и Египта для этого не было ни возможностей и, как показало время, ни желания.

И еще одно существенное отличие этих ближневосточных монархий от того же Египта заключается в их внешней политике, а именно в том, что при полном прозападном характере оной они имеют свою позицию по ряду международных вопросов, носящих региональную и можно сказать религиозную значимость, иногда даже идущую вразрез политике США, особенно в вопросе палестино-израильского конфликта. Эта позиция умело использовалась и используется для пропаганды внутри страны, создавая имидж власти как защитнице исламских ценностей и интересов. Особенно этот контраст был замечен при сопоставлении политики Египта и Саудовской Аравии.

И в том, что к власти, судя по всему, приходят происламские силы, тоже нет ничего удивительного – при честных, справедливых, идеальных с точки зрения Запада выборах, народ выбирает, как правило, оппозицию. Эта оппозиция не всегда приятна Западу, как, например, произошло на демократических в полном смысле этого слова выборах в Газе, когда подавляющую победу одержали «исламисты» из движения ХАМАС.

Оппозиции иного формата там не было, ну разве что коммунистов, а позиции сильнее ислама там ни капитализм, ни социализм, ни тем более коммунизм иметь не мог, так как в отличие от всех этих «измов» история ислама там насчитывает более 1400 лет, и он является родной не привнесенной извне матрицей (основой жизни) и можно даже сказать, что процесс «исламизации» власти в этих странах даже опоздал по сравнению с Ираном и Турцией. Другой вопрос – надолго ли происламски настроенные силы удержатся у власти. (Здесь я не удержусь от параллели с нашей страной, где многолетний коммунистический эксперимент также потерпел крах, у которого было много причин, но, по-моему, не последнюю роль в крахе сыграло наступление на веру, целью которого было уничтожение религиозного сознания, и замена коммунистической моралью, однако мораль не заменила веру, она и не могла ее заменить по тем же причинам, что я упоминал выше и в итоге все «вернулось на круги своя»).

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно констатировать, что все эти события имели как социально-экономические, политические, так и духовно-нравственные причины, которые, как я отметил в статье, связаны с исламом, той ролью, которую ему определили правители, отодвинув на задний план, арабским национализмом и социализмом как в одних странах или неолиберализмом и имитацией демократии как в других, той многолетней несправедливостью, с которой столкнулось общество и оно стало требовать и искать справедливости, а справедливость, по мнению большинства народа, существует в исламе. Наложение одних проблем на другие и привело к образованию той взрывоопасной смеси, которая созревала в условиях коррупции, бездуховности, несправедливости и отсутствия демократии и взорвалась от искорки, рассеченной в Тунисе.

Также эти события показали полное отсутствие демократических способов смены власти через прямые, свободные, честные выборы, при наличии которых власть, наверное, все равно сменилась бы, но произошло бы все это цивилизованно, без таких жертв и потрясений, как произошло, например, в той же упоминавшейся мною Турции: ведь по сути своей там тоже имела место своего рода «турецкая весна», когда к власти пришла все та же исламская оппозиция.

События все еще продолжают развиваться: власть сменилась, сменились ориентиры во внутренней и внешней политике и перед новыми властями встанут те же самые проблемы, которые старые власти не смогли решить и которые никуда не делись. Будущее новых властей зависит от того, как быстро они оценят реальные проблемы, прежде всего экономические, и насколько эффективными будут действия по решению их, иначе народ, почувствовавший себя вершителем судеб, разочаруется в них и не потребует ухода.

И закончить мне статью хочется одним наблюдением: почти все страны третьего мира и арабский восток, в частности, всегда отличались своей политической нестабильностью, но в отличие от прежних лет, когда к смене власти широкие народные массы не имели никакого отношения и все вопросы решались путем военных переворотов, в последних событиях роль народа в свержении режимов вполне очевидна, а так называемые «исламисты» подхватили это движение, а не были их зачинателями, и поэтому это была не исламская революция, а что касается армии, то она лишь приняла выбор народа, а не решила за него, что очень важно, учитывая специфику политической культуры региона. Но стабильности эти события региону явно не добавляют.

Запад, которому грозит доселе невиданный экономический и прочие кризисы, пользуясь смутными временами, как последний бандит в арабском мире хочет насильно присвоить то, что ему никогда не принадлежало. И нужно признаться, что такая бесчестная и наглая политика пока приносит определенные дивиденды: Запад присвоил многомиллиардные суммы Муамара Каддафи, прочих арабских диктаторов в западных банках, в его распоряжении также оказались природные ресурсы отдельных арабских стран. Но в конечном итоге Запад, если он срочно не сделает должных выводов и не станет адекватно реагировать на перемены, обязательно окажется у разбитого корыта. Мусульманское сообщество в целом потихонечку осознает свое место в мире, он обязательно вернется к своим религиозным истокам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Благо, уже появились предвестники [1].

Сегодня арабы, мусульмане, вкусив все «прелести» авторитарных, социалистических, капиталистических, монархических и иных человеческих законов, хотят вернуться к тем законам, которые вечны и которые помогут им, как они считают, в этой преходящей, так и в той вечной жизни.

Литература

1. Ахмеднабиев А. Уроки арабского... // Новое дело. 2012. № 13.
2. Наумкин В.В. Россия и исламский мир // Татарстан. 2007. № 3. С. 8–11.

3. Индикаторы Всемирного банка. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.MA.ZS/countries>. Дата обращения 07.12.2012 г.
4. Al-Qahirah: Al-jihazal-markaziyyli-l-ta`bi`ahal-`amahwa-l-ihsa' 2010. [Electronic resource]. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>. Дата обращения 27.11.2012 г.
5. URL: <http://www.khaleejtimes.com/DisplayArticle09.asp?xfile=data/international/2011/December>
6. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/geos/ts.html>. Дата обращения 22.12.2012 г.

Bibliography

1. *Ahmednabiev A.* Uroki arabского... // *Novoe delo*. 2012. № 13.
2. *Naumkin V.V.* Rossiya i islamskij mir // *Tatarstan*. 2007. № 3. P. 8–11.
3. Indikatory Vsemirnogo banka. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.MA.ZS/countries> . Data obrashhenija 07.12.2012 g.
4. Al-Qahirah: Al-jihazal-markaziyyli-l-ta`bi`ahal-`amahwa-l-ihsa' 2010. [Electronic resource]. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>. Data obrashhenija 27.11.2012 g.
5. URL: <http://www.khaleejtimes.com/DisplayArticle09.asp?xfile=data/international/2011/December>
6. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-worldfactbook/geos/ts.html>. Data obrashhenija 22.12.2012 g.

УДК 1 (091)

ИДЕЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПАРАДИГМА И ВАРИАНТЫ

Г.М. Васильева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

В статье делается попытка реконструировать идею «интеллектуального совершеннолетия» Канта. Именно совершеннолетняя личность определяет полноценную традицию. Данное понятие становилось предметом культурологической рефлексии в творчестве Шопенгауэра, Герцена, Шпенглера. Оно оказывалось неизменно связанным с художественными и научными представлениями Гёте. Интерпретация идеи совершеннолетия эпохи, культуры, человека основывается на апофатической концепции немецкого классика.

Ключевые слова: ум, рефлексия, парадигматические характеристики, негативная антропология.

THE IDEA OF «INTELLECTUAL ADULTHOOD» IN THE EUROPEAN CULTURE PARADIGM AND OPTIONS

G.M. Vasilyeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

The article attempts to reconstruct the idea of «intellectual adulthood» suggested by Kant. It is an adult personality that defines a fully-fledged tradition. This concept became the subject of culturological reflection in the works by Schopenhauer, Herzen, Spengler. It turned out to be constantly connected with Goethe's artistic and scientific ideas. The idea interpretation of era, culture, person coming of age is based on the German classic's apophatic concept.

Key words: intelligence, reflection, paradigmatic characteristics, negative anthropology.

Знаменитый ответ Канта на вопрос «Что есть Просвещение?» («Was ist Aufklärung?», 1784) звучит так: «Aufklärung ist der Ausgang des Menschen aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit. Unmündigkeit ist das Unvermögen, sich seines Verstandes ohne Leitung eines andern zu bedienen. Selbstverschuldet ist diese Unmündigkeit, wenn die Ursache derselben nicht am Mangel des Verstandes, sondern der Entschliebung und des Muthes liegt, sich seiner ohne Leitung eines andern zu bedienen. Sapere aude. Habe Mut dich deines eigenen Verstandes zu bedienen! Ist also der Wahlspruch der Aufklärung» [Просвещение есть исход человека из несовершеннолетия, в котором он сам виноват. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим умом без руководства другого. Sapere aude. Имей смелость пользоваться своим собственным умом. Это и есть лозунг Просвещения] [10, с. 9]. Фраза «sapere aude» («имей смелость знать») восходит к одной из эпистол Горация.

Кант выразил итог своего века и его напутствие веку грядущему. Он расширил перечень жизненно важных элементов, моделировал объяснительные конструкции, одновременно умозрительные и аподиктические. Философ выстраивал аналогии, обращаясь к частным случаям и непосредственным наблюдениям. Целью была прозрачность смысла (проявить скрытое, упростить избыточное). Идеи «интеллектуального совершеннолетия» не изложены Кантом в специальной работе, не обрели форму «философского сочинения». Но комплексный анализ текстов мыслителя позволяет утверждать, что такая система может быть реконструирована. Совершеннолетняя личность определяет полноценную культурную традицию. Это самое общее знание, и его главные принципы не могут быть выводами из какого-то другого – еще «более общего» – знания.

Понятие «интеллектуальное совершеннолетие» связано с учением Канта о доброй воле как основе метафизической нравственности. Поступки человека могут быть обусловлены «всеобщей разумной идеей добра» [11, с. 406–407]. Она действует на волю в форме долга (категорического императива). Нравственный императив распространяется на весь мир явлений. Совершеннолетний человек сочувственно раскрывает любое явление на такой глубине, где оно становится сущностью и целью самого себя. Заповедь, которую Кант считал основополагающей для этики, переносится на область мышления: воспринимать каждое явление как цель в себе, а не средство для постижения или отображения чего-то другого. Это одно из рефлектирующих высказываний Канта. Философ вводит плодотворное различие определяющего и рефлектирующего суждений. Определяющее суждение всецело встраивается в продуцируемую им объективность. Автор рефлектирующего суждения обращается к операциям, с помощью которых формы (эстетические, органические) преодолевают причинную цепь событий мира [11, с. 192].

Впоследствии проблема «интеллектуального совершеннолетия» поглотила немало добросовестных усилий. Она становилась предметом культурологической рефлексии. Исследователь, пытающийся высказать обобщенный взгляд на современную культуру, сталкивается с терминологическими трудностями. Понятия в момент возникновения имеют достаточно определенный смысл и объем. Каждый следующий термин создает новую семиотическую ситуацию: включает в себя часть объема предыдущих терминов и добавляет нечто новое. Однако словосочетание «интеллектуальное совершеннолетие» с течением времени не изменило свои парадигматические характеристики. Оно перешло в разряд «*singularia tantum*». Термин приобрел универсальное онтологическое, этическое значение, как путь к познанию добра и зла. Данное понятие не разделило судьбу многих ценностей, подвергающихся постоянной «эмиссии». В нем всегда сохраняется философско-просветительское обоснование жизни. Речь идет о качественном развитии, не предполагающем количественное нагнетание (и, как следствие, эмоциональную инфляцию). По замечанию Е. Рош, человек категоризирует сущности на основе прототипов [12]. Современное понятие имеет некий установленный набор тех же определяющих свойств, что и прототип Канта, «семейное сходство» с ним.

Шопенгауэр полагал: человек, не изучивший философию Канта, относится к тому, кто постиг ее, «как несовершеннолетний к совершеннолетнему». Приведем цитату полностью: «Wer hingegen der Kantischen Philosophie sich nicht bemeistert hat, ist, was sonst er auch getrieben haben mag, gleichsam im Stande der Unschuld, nämlich in demjenigen natürlichen und kindlichen Realismus befangen geblieben, in welchem wir Alle geboren sind und der zu allem Möglichen, nur nicht zur Philosophie befähigt. Folglich verhält ein Solcher sich zu jenem Ersteren wie ein Unmündiger zum Mündigen» [Кто же не овладел кантовской философией, чем бы он ни занимался, словно находится в состоянии невинности, а именно, остается охваченным тем естественным и детским реализмом, в котором мы все родились и который делает способным ко всем возможным вещам, но только не к философии. Следовательно, такой человек относится к тому, кто усвоил философию Канта, как несовершеннолетний к совершеннолетнему] [13, с. 21]. Толкование философа напоминает идею «событийной периодичности». Настоящий и последующий опыт понимается как повторение прошлого опыта. Причинный механизм действия остается практически неизменным из одного «круговорота» в другой. Конечно, Шопенгауэр не верит в *corsi e ricorsi* в чистом виде. В его концепции важно отметить две характеристики. Во-первых, понятие типологического, или структурного сравнения. Речь идет о сравнительном подходе, не о поисках прямых параллелей. Во-вторых, идея носит характер не только программный, но аналитический.

Шопенгауэр постоянно пишет о «совершеннолети» эпохи, культуры, человека. В его работах часто встречается словосочетание «*mündig sein (werden)*» (быть, становиться совершеннолетним). Первой книге сочинения «*Die Welt als Wille und Vorstellung*» («*Der Welt als Vorstellung*», «О мире как представлении», 1819) предпослан эпиграф из Руссо: «*Sors de l'enfance, ami, réveille toi!*» («Выйди из детства, друг, проснись!») [13, с. 29]. Шопенгауэр подчеркивает: «*Wir werden überhaupt ganz und gar nicht von Sollen reden: denn so redet man zu Kindern und zu Völkern in ihrer Kindheit, nicht aber zu Denen, welche die ganze Bildung einer mündig gewordenen Zeit sich angeeignet haben*» [Мы вообще не будем говорить ни о чем должном: ибо так говорят с детьми и с народами в пору их детства, но не с теми, кто усвоил просвещение времени, ставшего совершеннолетним] [13, с. 358]. При этом идея совершеннолетия связана у философа с художественными и научными представлениями Гёте.

Исследователи часто приводят рядом имена Шопенгауэра и Гёте. По преданию, Гёте сказал о философе: «Когда-нибудь онъ всехъ насъ перерастетъ головою» [8, с. 208]. Шопенгауэр переводил на английский язык стихи немецких поэтов. Биограф и душеприказчик философа В. Гвиннер полагал, что его переводы превосходили оригинал. В качестве примера он цитировал заключительные строки из «Пролога на небесах» в «Фаусте». «*I like to see the old on now and then, / And do t' avoid a rupture all I can: / In a great Lord for sooth it's very civil / To speak humanely even to the Devil*» [9, с. 88].

В исследовании С.О. Грузенберга, посвященном философии Шопенгауэра, параграф 13-й называется «Пессимистические мотивы в художественной литературе. Фаустъ какъ философскій типъ». Автор считает «Фауста»

«бессмертным героем *гносеологической* трагедии, которая навсегда останется художественной иеремией интеллектуального пессимизма»¹. Фауст воплощает «дух интеллектуальной скорби». Мефистофель – «дух лукавого суемудрия и равнодушного скептицизма, граничащего с интеллектуальным цинизмом» [4, с. 73].

Ученые, философы не раз создавали антологию «извлечений» из сочинений Гёте и Шопенгауэра. Гёте именуют «философом и воспитателем человечества», особенно «Гёте “Годов странствования Вильгельма Мейстера” и второй части “Фауста”» [6, с. 49]. Ю. Фрауэнштедт замечал о Шопенгауэре: «Никто не прольет столько света и ясности в собственные наши мысли, как он, никто не в состоянии сообщить большего движения нашему разуму, как он» [7, с. 5]. Фрауэнштедт цитирует отдельные мысли, «приведенные в систему по своему родству» [7, с. 6]. В разделе «Житейская мудрость и знание людей» выделен параграф «Возрасты» [7, с. 284–291]. В конце сочинения, от издателя, говорится: «...и человеку вдумчивому окажут великую услугу» [7, с. IV].

Шопенгауэр обращается к понятиям предельным и предельно широким. Речь идет о главных темах – Время, Судьба, Смерть – и о том, как в них воплощаются эзотерические импликации, мотивы. Эта лексика является универсальной, всеобщей, становится словно «ничьей». Интерпретация основывается на апофатической концепции. Философ ссылается на Гёте, когда говорит о «господах», которые «wollen leben und zwar von der Philosophie leben» [хотят жить, и жить именно за счет философии] [13, с. 24]. Утилитарное отношение в качестве аллогенного элемента разрушает картину мира. Поэзия Гёте истолковывается через негативные категории: несчастье, незримость, невозвращение (например, греческий миф о Прозерпине в лирике Гёте) [13, с. 428]. Толкования Шопенгауэра содержат в себе элементы так называемой негативной антропологии, в рамках которой человек определяется через «минус-признаки» (несовершенство, нехватка, недостаток). Недостаток может выражаться на телесном уровне, формируя апофатическую анатомию. Но может означать нехватку религиозного сознания, трансцендентного начала.

Шопенгауэр отдает предпочтение логико-философской и теологической проблематике. Это приводит к представлению о некоем метафизическом пределе поэтического высказывания. Переживание стихий как смыслов и строя выражает натурфилософская мысль. Из такого переживания природы возникает не только элегическая лирика, но исторические, естественно-научные гипотезы. С точки зрения Шопенгауэра, Гёте освобождает мысль натурфилософии от схоластики, погрешностей против научного знания. Поэт придает обобщающей мысли метафорическую, образную точность. Философ убежден, что Гёте заимствовал у него образ «die wirkliche Sonne» («действительное солнце»), которое «ohne Unterlaß brennt, während sie nur scheinbar in den Schooß der Nacht sinkt» [горит непрерывно, и только кажется, что оно погружается в лоно ночи] [13, с. 368]. Он ссылается на запись 1824 г. из «Разговоров Гёте с Эккерманом». Шопенгауэр не раз возвращается к этой метафоре солнца: «Der Tod (man entschuldige

¹ Курсив в тексте статьи согласно оригиналу.

die Wiederholung des Gleichnisses) gleicht dem Untergange der Sonne, die nur scheinbar von der Nacht verschlungen wird, wirklich aber, selbst Quelle alles Lichtes, ohne Unterlaß brennt, neuen Welten neue Tage bringt, allezeit im Aufgange und allezeit im Niedergange» [Смерть (да простят мне повторение этого сравнения) похожа на закат солнца, которое только кажется поглощенным ночью, но, в действительности, – само источник всякого света, горит непрерывно, приносит новым мирам новые дни, всегда в восходе и всегда в закате] [13, с. 473].

Философ считает: в XIX в. западная культура окажется перед опасностью исчезновения, если не сможет по-новому организовать строй психики «фаустовского» человека. Шопенгауэр с интересом относился и к учению стоиков о разумном, волевом начале, и к трагедии Гёте «Фауст». Ф. Паульсен называет «безусловно собственной мыслью Шопенгауэра» утверждение, что «воля есть сущность вещей» [5, с. 54]. Идея намечалась у Канта и Фихте, но окончательно оформилась только у него. Паульсен продолжает: «Первым источником этого убеждения он называет самосознание. Заглянув в самого себя, человек открывает в себе двойное существо – представляющее и желающее, но воля составляет коренную основу, а ум лишь зависящую от нее функцию. Это открытие возникло из личного самосознания Шопенгауэра. Сильное разногласие между волей и разумом, существовавшее в нем самом, направляло его внимание на это противоречие, и оно казалось ему основным» [5, с. 55].

В систему западного мышления Шопенгауэр включает мистику как органичный элемент восточного мышления. Он утверждает необходимость ассимилировать элементы восточных культур. Эта идея определяет его отношение к христианству. По убеждению Шопенгауэра, новое мировосприятие связано с отрицанием своеволия, с принятием аскезы. Лишь после этого возможно осознание единства всех явлений. Самопознание предполагает активное мистическое начало. Он стремится выявить восточные принципы в христианстве и привнесённом в него менталитете «фаустовского» человека. Для философа воплощением нового мировосприятия становится Гретхен, ясный и наглядный образ «von dieser durch großes Unglück und die Verzweiflung an aller Rettung herbeigeführten Verneinung des Willens» [такого отрицания воли, вызванного великим несчастьем и отчаянием в каком-либо спасении] [13, с. 505]. Гретхен является, по сути, этим новым «фаустовским человеком». Шопенгауэр выделяет два пути героев. На первом пути они добровольно разделяют страдания мира. Судьба Гретхен воплощает второй путь: он ведет «durch den selbstempfundenen, eigenen, überschwänglichen Schmerz» [через прочувствованную, собственную, вибрирующую боль]. Именно Гёте показал во всей чистоте сущность этого переворота, «auf diesen Punkt der gänzlichen Resignation, wo dann gewöhnlich der Wille zum Leben und seine Erscheinung zugleich endigen;...» [этот момент совершенного отречения, когда обычно воля к жизни и ее проявление заканчиваются одновременно;...] [13, с. 505]. Уже в XX столетии Н.А. Бердяев замечал: менталитету «современного европейского человека» не соответствует мистицизм восточного типа, культивируемый специальными религиозными системами, которые проповедуют аскетизм [2, с. 510]. Но в

данном случае речь идет о сознательном вмешательстве в исторический процесс и предотвращении «заката цивилизации». Его ощущали на Западе задолго до Ф. Ницше. Рождалась новая культура идеального типа. Пробивая себе путь, она предполагала реабилитацию мистики. Шпенглер считал, что Запад не понимает философствование Шопенгауэра. И не готов постичь новые процессы западной культуры, которая «перешла» в форму цивилизации [14, с. 393, 436, 479]. Именно Шопенгауэр разгадал это новое направление.

Герцен также полагал, что Гёте воплотил идеал интеллектуального совершеннолетия. Писатель называет «космополитической и совершеннолетней» литературную эпоху Лессинга и Гёте. «...она старалась развить национальные элементы в общечеловеческие: это была великая задача и Гердера, и Канта, и Шиллера, и Гёте» [3, т. 3, с. 27]. Наука являет собой «царство совершеннолетия и свободы» [3, т. 3, с. 16]. Совершеннолетие определяют «способность выдержанного, глубокого труда» и «*трезвое знание*» [3, т. 3, с. 10, 21]. Герцен нередко выделяет эти слова курсивом. Рассуждая о сетованиях на трудность науки, русский писатель ссылается на Гёте [3, т. 3, с. 11]. Трудности свидетельствуют о сопротивлении, неприятии нивелирующих и нормализующих значений.

С творчеством немецкого поэта связаны предельная интеллектуализация суждений, поиск логик, активизация ассоциативных ресурсов языка и культуры. Герцен обрел у классика культурную идиому: «жизнь не имеет ни ядра, ни скорлупы» [3, т. 1, с. 303]. Он цитирует строки стихотворения «Епиррема» («Epirrhema», 1819): «Nichts ist drinnen, nichts ist draußen; / Denn was innen, das ist außen» [Ничто не внутри, ничто не вовне; / Ибо то, что внутри, есть и вовне]. Полнота жизни отражается в форме метафорической апофатики. Причину и действие, силу и проявление, субстанцию и наружное можно отделить лишь в абстракции. Человека, «полного силы», Герцен называет по-немецки: «eine kernhafte Natur» [3, т. 1, с. 315]. Слово «kernhaft» определяется его этимологической формой: «наделенный зерном (сердцевиной, ядром)». Герцен пишет: «Величественную и огромную эпопею истории надобно было прожить человечеству, чтоб великий поэт, опередивший свою эпоху и предуглавший нашу, мог спросить:

«Ist nicht der Kern der Natur

Menschen im Herzen?» [Разве зерно природы / не в сердце человека]. Писатель цитирует стихотворение «Ультиматум» («Ultimatum», 1820) [3, т. 3, с. 21]. Гёте следует мысли древних. Они полагали, что суть любого явления скрыта в его начале (ἀρχή). По-гречески «начало» значит еще «власть». В «Письме третьем. Греческая философия» Герцен замечает: человек в физическом мире «ищет “начала всех вещей”. Откуда было ионийцам взять такую дерзость, чтоб обратиться к груди своей и в ней искать этого начала? Вспомните, что едва Гёте чрез тысячелетие осмелился сделать вопрос: “зерно природы не лежит ли в сердце человека?” – и его не поняли современники!» [3, т. 3, с. 147]. Герцен многократно повторяет этот образ: «прочные корни в сердце» [3, т. 3, с. 207].

Мощь, «силы» бывают разные. Есть сила-kratos (др.-греч. *κράτος*), власть, насилие. Δύναμις (др.-греч. *δύναμις*), сила-укорененность, сила само-

осуществления (но не покорения), равна природе. С этой силой судьба находится в старинной и постоянной вражде. Судьбою человек гоним, стронут с места. Парализующие явления судьбы происходят, если подрезана нить природной укорененности. Имя Гёте в прозе Герцена возникает, когда речь идет о проблемах исторической случайности, о власти рока. Например, в споре «одного молодого человека» с Трензинским о «мощи греческого фатума»: «В том-то вся задача, чтоб, подобно какому-нибудь Гёте, стоять головою выше всех обстоятельств и их покорять, – чтоб внутренний мир сделать независимым от наружного» [3, т. 1, с. 303]. Образ корня в каждом из контекстов получает свою смысловую мотивировку. Он маркирует безосновность, неприкрепленность к почве. «Это – болезненное произведение образования, привитого к корню, не нуждавшемуся в нем. Будьте уверены, что у него нет будущности» [3, т. 6, с. 277]. Лексема обозначает и то, что нельзя изъять: «все корни его бытия были в ней» [3, т. 4, с. 157]. Герцен повсюду искал живую мысль, развитую и укорененную. С помощью парного цитирования строк Гёте русский мыслитель подчеркивал смысловую симметрию мира и текста.

Толкуя триаду Мысль–Слово–Дело, Герцен ссылается на Гёте (хотя немецкий писатель не являлся первооткрывателем данных семантических связей). Герцен называет Гёте «мыслящим художником», «поэтом-мыслителем» [3, т. 3, с. 114, 115]. На взгляд Герцена, Гёте выразил морфологию мышления: от бессознательного мира с природой (предшествовавшего мышлению) до «возможности полного и сознательного мира с собою» [3, т. 3, с. 130]. Принцип *ratio ordinis* является разумом порядка: разум обретает в себе разумные конструкции и затем соотносит их с реальным миром. Энергия действия становится энергией мысли. В «Статье четвертой. Буддизм в науке» говорится: «...примирение науки – в мышлении, но “человек не токмо мыслящее, но и действующее существо”» [3, т. 3, с. 70]. Герцен делает авторское примечание: «Это сказал Гёте; Гегель в “Пропедевтике” (том XVIII, § 63) говорит: в “Слово не есть еще деяние, которое выше речи. И германцы, стало, понимали это”» [3, т. 3, с. 70]. Речь идет о некоей необходимой мере суждения, которой может быть вменена ответственность за совершаемые человеком действия. Именно мысль «находит тот глагол, который ей принадлежит» [3, т. 3, с. 137]. Мысль позволяет слову обусловить себя. Гёте в «Фаусте» продолжал традицию эленктических диалогов (др.-греч. *ελεγχισ*, испытание), в которых вскрывается несоответствие речей и поведения. Сократ испытывает высказывания собеседников на логическую непротиворечивость, соответствие его речей и поступков («Горгий» Платона). Например, если человек утверждает суждение о справедливости, то представление о ней, речь и поступки должны быть согласованы.

Шпенглер в «Закате Европы» («*Der Untergang des Abendlandes*», 1918) не раз повторяет, что фаустовская культура – в противоположность античной – является культурой душевного исследования, самоиспытания, историей большого стиля. Философ представляет в работе специфически фаустовский комплекс мыслей.

Фаустовская душа видела свой способ существования не во внешнем человеке, а в личности, в характере («*sondern in der Persönlichkeit, dem Charakter oder wie man es nennen will*») [14, с. 331]. Душевную динамику фа-

устовского бытия составляет триединство: мысль, чувство, воля. Фаустовскую культуру философ называет культурой воли (*Willenskultur*). Воля и мышление в картине души – то же, что направление и распространение, история и природа, судьба и причинность в картине внешнего мира. Воля связывает будущее с настоящим; мышление соединяет безграничное с тем, что находится здесь и сейчас. На взгляд Шпенглера, одно и то же обозначают динамическая картина Вселенной Галилея, Ньютона и динамическая картина души с волей как центром отношений. Все они – картины барокко, символы фаустовской культуры, достигшей зрелости.

Философ противопоставляет культурное понятие деятельности и цивилизованное понятие работы. Фаустовское мировое чувство действия (*«das faustische Weltgefühl der Tat»*) живет в каждом великом человеке – от династий Гогенштауфенов и Вельфов до Фридриха Великого, Гёте и Наполеона [14, с. 454]. Из-за механизирования органической картины мира возникла работа (в современном словоупотреблении) как «цивилизованная форма фаустовской деятельности» (*«als die zivilisierte Form faustischen Wirkens»*). Свою эпоху Шпенглер именует веком чисто экспансивной деятельности, исключая художественную и метафизическую продуктивность. Высший этос ценит только действие [14, с. 62, 464]. На взгляд Шпенглера, смысл целого тысячелетия выражает одна сцена из трагедии Гёте: Фауст переводит *«Im Anfang war die Tat»* («В Начале было Дело»). Физиогномика мирового свершения станет последней фаустовской философией (*«wird zur letzten faustischen Philosophie»*) [14, с. 209].

Можно проследить ход размышлений Шпенглера. Фаустовские натуры судят о человеке по его деятельности, воспринимают личность как действующую. С этой точки зрения они оценивают намерения, основания, силы, убеждения, привычки, – то, что объединяется в слове «характер». Настоящую биографию (например, «Поэзия и правда» Гёте) создает характер как форма подвижного существования. И в нем при наиболее возможной изменчивости в частностях достигается высочайшее постоянство в принципах. Не подлежит сомнению глубокое родство характера и воли. Характер в картине жизни означает то же, что воля в картине души. Основное требование всех западных этических систем (как бы ни отличались их метафизические и практические формулы) звучит одинаково: человек должен иметь характер. Характер образует себя в потоке жизни. Отношение жизни к действию формирует фаустовское впечатление о человеке (*«ist ein faustischer Eindruck vom Menschen»*) [14, с. 402]. На вершине европейской культуры, с XVII столетия, слово «жизнь» означает то же, что и «воля».

Фаустовской формой морали является моральный императив (*«Der moralische Imperative als Form der Moral ist faustisch und nur faustisch»*) [14, с. 436]. Шпенглер приводит содержание фаустовских императивов (*«der Inhalt aller faustischen Imperative»*) – от времени создания готических соборов, крестовых походов до Канта, Фихте и далее, вплоть до проявлений огромной воли западных государств, власти экономики и техники. Требуются активность, решимость, самоутверждение. Борьба против удобных внешних планов жизни, поединок с впечатлениями мгновения (с близким, осязаемым, легким) помогают достичь того, что имеет всеобщее значение и протяженность, духовно связывает прошедшее и будущее.

Фаустовская драма в культуре также является драмой характеров («die faustische, das *Charakterdrama*») [14, с. 406]. Фаустовская трагедия биографична, она обнимает всецело круг жизни. Именно сила фаустовского существования («die Gewalt des faustischen Daseins») оформила сегодня круг внутренних опытов так, как их не могли обрести никогда ни один другой человек и другое время [14, с. 612]. Шпенглер пишет о глубине эзотерики фаустовской души. Ее потребностью является динамический центр, идеальное средоточие в бесконечности. В энергии направления проявляется воля к власти. Одинокая душа, фаустовское «я» становится властителем в пространстве мира и в пространстве картины.

Философ называет опыт чисто фаустовским понятием («über die Besonderheit dieses rein faustischen Begriffs») [14, с. 505]. Он означает активность духа: отыскивает, вызывает впечатления, с тем, чтобы преодолеть их осязаемое присутствие, привести в безграничное единство, через которое разрешается их наглядная разобщенность [14, с. 506]. Прасимвол фаустовской души возникает из безграничного пространства (картина мира Коперника, открытие Колумба, «завоевание» воздуха, путешествие к Северному полюсу) [14, с. 434]. Исключительно фаустовским («ist allein faustisch») является отрицание ограниченного чувства родины: неукротимое желание свободы, одиночества переселенцев в Америку, испанских конкистадоров, калифорнийских золотоискателей [14, с. 433]. Фаустовский человек странствует в поисках власти над пространством. Шпенглер представляет фаустовский мир как бесконечно далекую цель. Этот мир характеризуется страстным стремлением проникнуть вглубь [14, с. 840, 847]. Фаустовский инстинкт («der faustische Instinkt»), деятельный, сильный волей, направлен вдалеку и в будущее. Он подобен готическому собору с его вертикалью [14, с. 437]. Физиогномику чувства истории определяет прачувство заботы («das *Urgefühl der Sorge*») [14, с. 177]. Забота о будущем означает фаустовское восприятие души. Фаустовская душа через все чувственные границы стремится к бесконечности («über alle sinnlichen Schranke»). И с помощью перспективы переносит центр всех замыслов в даль [14, с. 320]. Забота является душевным эквивалентом понятия «даль». Оно имеет двойной смысл: означает будущее и пространственную дистанцию. По убеждению Шпенглера, к фаустовской культуре – с ее усиленным жизненным чувством – приближаются китайская и египетская культуры. Они воплощают заботу о будущем и прошлом [14, с. 16, 403]. Искусство, не способное вместить в себя фаустовское содержание, не имеет души, жизненной истории и перспектив в развитии стиля.

Шпенглер выделяет персонажи эзотерической культуры. «Непонятый художник», умирающий с голоду поэт», «осмеянный изобретатель», мыслитель, «который будет понят через столетия», принадлежат к фаустовскому человечеству («im Umkreise faustischen Menschentums») [14, с. 420–421]. В основе подобных судеб лежит пафос дистанции. В нем таится призвание к бесконечному и, следовательно, воля к власти. Для фаустовского человека решающее значение имеет различие «между глубоким и плоским» («Unterschied von tief und flach») [14, с. 422]. Как в культуре, так и в науке общедоступными, плоскими являются изменчивые понятия. Полярность зна-

тока и дилетанта имеет значение символа. Там, где начинает утихать напряжение дистанции, исчезает фаустовское жизненное чувство [14, р. 422–423].

На взгляд Шпенглера, три имени определили три зрелых столетия фаустовского искусства («die drei reifen Jahrhunderte faustischer Kunst»). Микеланджело старался оживить умерший мир форм. Леонардо да Винчи предчувствовал новый мир. Гёте чувствовал, что этого нового мира уже не будет. Фаустовское искусство умирает, когда осуществляет свои внутренние возможности, исполняет назначение в биографии культуры [14, р. 361, 377].

Смысл настоящей (бессознательной и внутренне необходимой) символики коренится в феномене смерти. Именно в нем открывается тайна пространства. Эту мысль о макрокосме философ связывает со словами Гёте из «Фауста»: «Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis» [«Все преходящее есть только подобие»]. Шпенглер замечает: любая религия и философия имеют свой источник в размышлении о смерти. Новая культура пробуждается с новой идеей о смерти. Около 1000 года на Западе распространилась мысль о конце мира. Именно тогда родилась фаустовская душа западных стран («wurde die faustische Seele dieser Landschaft geboren»). Понятие конец многозначно. Это и конец мира – Апокалипсис, и смерть; конец книги Апокалипсиса и невозможность завершить произведение; миф о конце века и конец традиции парадигм. Придумывание конца, разнообразное по формам (теологическая, литературная, политическая), становилось способом утешения перед лицом смерти.

В культуре не прерывалась традиция школы *Geistesgeschichte*, создавшей образ Гёте как наивысшее проявление немецкого духа. Философ другой эпохи Р. Барт тоже обращается к Гёте. Имеется в виду литературно-психологическая рефлексия Барта о типе деятельности, который не противоречит телесной структуре ребенка, его индивидуальной и возрастной динамике. Барт замечает во «Fragments d'un discours amoureux» (1977): «Как *puer similis* античной и средневековой риторики, одновременно ювенильный и мудрый мифический образ, он относится к той причудливой, отчасти гностической (фаустовской?) породе, что сочетает полагаемые противоречащими возрасты; он удерживает в себе детство (путем отчуждения воображаемой, материнской структуры) и в то же время живет *со знанием дела*, в самом конце некоего очень долгого прошлого, при смерти, в *тени дитячей*» [1, с. 16]. Эта сюжетно-тематическая реплика оставлена в незавершенном, «непринужденном» состоянии. Философ не устанавливает возрастной диапазон. Но здесь есть обращение к опыту Фауста. Желая сохранить молодость, герой отнимает у своего лица статус образа в естественном виде, несущего на себе следы времени и совершеннолетия.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного (неизданные страницы) // Новое литературное обозрение / пер. с франц. В.Е. Лапицкого. 2011. № 112. С. 9–38.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с. (Серия «Из истории отеч. филос. мысли»).
3. Гёте А.И. Собр. соч.: В 30 т. / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1963.

4. *Грузенберг С.О., Артуръ Шопенгауэръ*. Личность, мышление и миропонимание. Критика нравственной философии Шопенгауэра. Второе заново переработанное издание съ тремя дополнительными главами и указанием литературы. СПб.: Изд-во Шиповникъ, 1912. 248 с.
5. *Паульсен Ф.* Шопенгауэр как человек, философ и учитель / пер. с нем. Т.А. Богданович. Киев: Книгоиздательское т-во «Просвет», 1907. 71 с.
6. *Проф. А. Риль и проф. О. Кюльпе*. Современная философия. Введение и характеристика главнейших течений / перъ. съ нем. М.Г. и Н. Секерина; подъ редъ. и съ предисл. В.В. Битнера. Со многими рисунками. С.-Петербургъ: Изд. В.В. Битнера, 1904. 121 с.
7. *Фрауенштедт Ю.* Жизнь и учение Артура Шопенгауэра // Артуръ Шопенгауэръ. Лучи света его философии. Извлечено изъ полного собрания творений Шопенгауэра Юлиусом Фрауенштедтомъ съ приложением статьи «О воспитании» / пер. съ нем. Н.Н. Маракуева. М.: Типо-Литография Кушнерева и К., 1886. С. 7–291.
8. *Штейн В.И.* Артур Шопенгауэр, какъ человекъ и мыслитель (1788–1860). Опытъ биографии. СПб.: Типо-Литография А. И. Траншеля, 1887. Т. 1. 536 с.
9. *Gwinner W.* Arthur Schopenhauer, aus persönlichem Umgange dargestellt. Ein Blick auf sein Leben, seinen Charakter und seine Lehre. Leipzig: Brockhaus, 1862. 97 p.
10. *Kant I.* Was ist Aufklärung? Wiesbaden: Verlag von H. Staadt, 1914. 28 p.
11. *Kant I.* Kritik der Urteilkraft // Werkausgabe: in 12 Bd. / Hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft, 1990. Bd. 10. P. 73–456.
12. *Rosch E.* Human categorization // Advances in cross-cultural psychology / Ed. N. Warren. London: Academic Press, 1977. Vol. 1. P. 1–72.
13. *Schopenhauer A.* Die Welt als Wille und Vorstellung // Werke: in 5 Bd. / Hrsg. v. W.Frh. von Lohneysen. 11 Aufl. Zürich: Haffmans Verlag, 1991. Bd. 1. 676 p.
14. *Spengler O.A.G.* Seelenbildung und Lebensgefühl // Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: Verlag C.H. Beck, 1990. P. 16–331, 381–481, 505–847.

Bibliography

1. *Bart R.* Fragmenty rechi vľjublennogo (neizdannye stranicy) // Novoe literaturnoe obozrenie / per. s franc. V.E. Lapickogo. 2011. № 112. P. 9–38.
2. *Berdjaev N.A.* Filosofija svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 607 p. (Serija «Iz istorii otech. filos. mysli»).
3. *Gercen A.I.* Sobr. soch.: V 30 t. / Akad. nauk SSSR, In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954–1963.
4. *Gruzenberg S.O., Artur# Shopengaujer#*. Lichnost', myshlenie i miroponimanie. Kritika npravstvennoj filosofii Shopengaujera. Vtoroe zanovo pererabotannoe izdanie s# tremja dopolnitel'nymi glavami i ukazaniem# literatury. SPb.: Izd-vo Shipovnik#, 1912. 248 p.
5. *Paul'sen F.* Shopengaujer kak chelovek, filosof i uchitel' / per. s nem. T.A. Bogdanovich. Kiev: Knigoizdatel'skoe t-vo «Prosvet», 1907. 71 p.
6. *Prof. A. Ril' i prof. O. Kjul'pe*. Sovremennaja filosofija. Vvedenie i harakteristika glavnejshih# techenij / per#. s# nem. M.G. i N. Sekerina; pod# red#. i s# predisl. V.V. Bitnera. So mnogimi risunkami. S.-Peterburg#: Izd. V.V. Bitnera, 1904. 121 p.
7. *Frauenshtedt Ju.* Zhizn' i uchenie Artura Shopengaujera // Artur# Shopengaujer#. Luchi sveta ego filosofii. Izvlecheno iz# polnago sobranija tvorenij Shopengaujera Juliusom Frauenshtedtom# s# prilozheniem stat'i «O vospitanii». / per. s# nem. N.N. Marakueva. M.: Tipo-Litografija Kushnerova i K., 1886. P. 7–291.
8. *Shtejn V.I.* Artur Shopengaujer, kak# chelovek# i myslitel' (1788–1860). Opyt# biografii. SPb.: Tipo-Litografija A.I. Transhelja, 1887. T. 1. 536 p.
9. *Gwinner W.* Arthur Schopenhauer, aus persönlichem Umgange dargestellt. Ein Blick auf sein Leben, seinen Charakter und seine Lehre. Leipzig: Brockhaus, 1862. 97 p.

10. *Kant I.* Was ist Aufklärung? Wiesbaden: Verlag von H. Staadt, 1914. 28 p.
11. *Kant I.* Kritik der Urteilskraft // Werkausgabe: in 12 Bd. / Hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft, 1990. Bd. 10. P. 73–456.
12. *Rosch E.* Human categorization // Advances in cross-cultural psychology / Ed. N. Warren. London: Academic Press, 1977. Vol. 1. P. 1–72.
13. *Schopenhauer A.* Die Welt als Wille und Vorstellung // Schopenhauer A. Werke: in 5 Bd. / Hrsg. v. W.Frh. von Lohneysen. 11 Aufl. Zürich: Haffmans Verlag, 1991. Bd. 1. 676 p.
14. *Spengler O.A.G.* Seelenbildung und Lebensgefühl // Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: Verlag C.H. Beck, 1990. P. 16–331, 381–481, 505–847.

УДК 161.12

ОБ ОДНОМ ПАРАДОКСЕ ОТНОШЕНИЯ ЧАСТИ И ЦЕЛОГО**А.В. Ямушкин**

Нижегородский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: artemiy_vvags@mail.ru

В статье рассматривается один парадокс отношения части и целого. Ранее он не выдвигался в научной литературе по проблемам отношения части и целого, а также по общим вопросам философии и философским вопросам химии. Исследуется сущность данного парадокса. Приводятся соответствующие примеры.

Ключевые слова: часть, целое, отношения части и целого, парадокс в науке, системная устойчивость.

ON ONE PARADOX OF PART-WHOLE RELATIONS**A.V. Yamushkin**

Nizhny Novgorod Institute of Management of Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
E-mail: artemiy_vvags@mail.ru

This article deals with one paradox of part-whole relations. Previously it has not been in the scientific literature on problems of part-whole relations and general questions of philosophy and philosophical questions of chemistry. Essence of this paradox has researched. Appropriate examples have provided.

Key words: part, whole, part-whole relations, paradox in science, system sustainability.

Когда речь идет о каких-либо парадоксах в науке, рассматривается определенный момент движения, момент развития объекта исследования. В результате анализа этого момента движения формируется уточненное представление об объекте, которое в некоторой степени вносит коррективы в сложившиеся ранее знания, опровергает ряд ранее сформулированных выводов. Часто указанный факт имеет место при неполном согласовании вновь полученного опытного знания, осмысленного затем теоретически, с разработанной в предшествующие периоды теорией в рамках данной науки. Парадокс не ложный, не надуманный, т.е. обоснованный с принятой на данном этапе развития науки степенью корректности, «перестает» потом быть парадоксом. Примеров тому несчетное множество. Таковы, например, «парадоксы» («переставшие» впоследствии восприниматься именно как парадоксальные утверждения), приведенные К. Марксом в общественных науках, А. Эйнштейном в физике – «великие парадоксы», оказавшие огромное влияние на ход истории общества в целом и, разумеется, на ход истории науки; таковы менее значимые «парадоксы» и т. д. вплоть до тех, которые ставятся исследователями в очень узких областях наук и имеют весьма небольшое в мировоззренческом и практических планах значение.

Но есть и парадоксы, возникающие несколько на другой «почве». Достижения наук «частных» осмысляются как бы «со стороны», в рамках наук «общих» – философии, математики, общей теории систем. В итоге уточняются те или иные выводы в «общих» науках (при том, что в науках «частных», в науках более низкого уровня обобщения факты, осмысление которых привело к парадоксальному заключению со стороны «общей» науки, могут быть давно известны). Такая ситуация возникает в том числе при анализе отношения «часть – целое».

Учение о целом и части развивается с античных времен. На сегодняшний день теория части и целого в значительной мере разработана (это объясняется, среди прочего, относительной простотой исходных понятий «часть» и «целое»). В задачи данной статьи не входит анализ различных аспектов данной теории; остановимся лишь на одном аспекте.

Возникают ли парадоксы при изучении отношения «часть – целое»? Один парадокс был приведен А.Н. Аверьяновым [2, с. 47–48]. Утверждается, что тезис «целое больше части» справедлив не всегда; в отдельных случаях можно сказать «часть больше целого». Это положение, внешне парадоксальное, обосновывается; приведены примеры природных и общественных явлений, подтверждающих выдвинутое положение [2, с. 48–49]. Очевидны противоречие житейскому здравому смыслу, согласно которому целое никогда не может быть меньше части, а наоборот, больше его, и противоречие тезису, известному в науке: «целое больше части».

В настоящей статье говорится о том, что возникает парадокс при исследовании еще одного аспекта отношения «часть – целое». Парадоксальность эта и здесь внешняя, кажущаяся. Есть противоречие как житейскому опыту, который важен как одна из форм вненаучного знания, так и одному из утверждений научной теории целого и части.

Формулировка парадокса. Объект, являющийся частью целого, может существовать и одновременно с данным целым, обладая устойчивостью.

Утверждается (и это утверждение обычно «по умолчанию» распространяется фактически на все объекты), что нет части вне целого, т.е. невозможно устойчивое существование части, отделенной от «своего» целого, ведь «отделенная от целого часть – часть лишь по названию, а не по своей сущности» [8, с. 9]. Устойчивость будем понимать как «свойство системы сохранять признаки П благодаря обстоятельствам О как до, так и после изменений И, вызванных факторами Ф» [28]; естественно, нельзя абсолютизировать это понятие, и доказывается, что устойчивые во всех отношениях и неустойчивые во всех отношениях объекты не существуют [28]. Как же показать, что из положения «нет части вне целого», толкуемого так, как указано выше, есть исключения?

Сначала надо определиться, что понимать под словами «часть» и «целое». Восходят к Аристотелю расширительные толкования части, а также целого [23, 27]. При том, что эти толкования, далекие от обыденного восприятия, нестандартны и побуждают к глубокому осмыслению рассматриваемых категорий, все же в современных условиях они, как было показано

[5], не представляются вполне корректными. Широкое толкование смысла данных категорий представлено также в известной работе М. Уинстона и др. [26, p. 421], авторы которой выделяют шесть типов меронимических отношений (отношений «часть – целое»). В этой работе обсуждаются различные логико-семантические проблемы, связанные с использованием указанных категорий, выявлением различных типов суждений, характеризующих отношение «часть – целое», и правомерностью тех или иных логических выводов из этих суждений. Будем исходить из определений части и целого, данных в энциклопедической статье И.В. Блауберга [4]; такое понимание части и целого присутствует в большинстве работ, где используются эти категории, и отвечает целям настоящей работы. Далее различаются целое дифференцированное (напр., машина, состоящая из агрегатов) и континуальное (напр., кусок дерева, из которого станут вырезать определенную часть для изготовления какой-нибудь вещи, или кусок глины) [27]. Здесь под целым будем понимать дифференцированное целое, ибо для континуального целого доказываемое в настоящей работе утверждение не несет сколь-либо значимую смысловую нагрузку.

Различаются и понятия «часть» и «элемент». Элемент – минимальная единица в составе данного целого, выполняющая в нем определенную функцию [18, с. 27]; такое понимание элемента присутствует также в работе А.Н. Аверьянова [2, с. 46]. Подчеркивается, что часть не тождественна элементу, она является совокупностью элементов, выделяемой не произвольно (что не имело бы смысла), а с учетом роли этой совокупности в процессе функционирования целого; понятие части – промежуточное между понятиями элемента системы и системы (целого) [2, с. 47]. Т.С. Васильева писала: «...лишь в первом приближении, лишь расчлняя целое на части безотносительно к природе целостности, можно принять за часть его простое составное начало»; она ввела понятие «истинная часть» [8, с. 14]. Истинная часть – «определенный коллектив единиц» [8, с. 14]. Т.С. Васильева распространяла это определение на малоорганизованное целое. Но оно справедливо для любого целого. Можно считать, что понятия «истинная часть» и «часть» (отличная от элемента) тождественны.

Приведем примеры, подтверждающие выдвинутое парадоксальное положение. Рассмотрим сначала аддитивные (суммативные) целые. Такова, например, система небесных тел, силы взаимодействия между которыми пренебрежимо малы. Такова груда камней; эти части объединяют относительно слабые физические силы сцепления, поэтому груда может считаться целым. Ясно, что отдельно взятый камень, отделенная часть имеет такое же «право на существование», что и груда камней. Вообще объекты, которые рассматриваются как части аддитивных целых, могут существовать во времени и пространстве наряду с этими целыми, обладая устойчивостью; это очевидно. О неорганическом целом (указанное понятие тождественно в данном случае по смыслу с понятием аддитивного целого) говорится: «...неорганическое целое можно отождествить с суммой частей, так как различные части этого целого могут существовать, будучи выделенными из целого... С одной стороны, часть не может существовать вне целого, с другой стороны, часть неорганического целого существует, будучи изоли-

рована, и целое в таком случае образуется сложением уже имеющих частей» [10, с. 4].

Части неаддитивных малоорганизованных (как правило, механических) целых также могут «свободно» существовать. Так, некоторый объект, будучи частью некоторой машины, может использоваться и как самостоятельно ценный, полезный при трудовом процессе предмет, и при иных условиях как часть другой по типу, по назначению машины (если возможно его использование в различных механических целых).

Но парадоксальное утверждение не стоило бы и выдвигать, если бы оно относилось только к вышеуказанным целым и их частям. Возможны ли примеры для неаддитивного целого, в большей мере организованного, не сводимого к механической сумме частей?

На географических картах фиксируются среди прочих следующие изменения. Нередко с большими городами «сливают» их города-спутники малых размеров. Новый город начинает жить как единое целое. Но может иметь место и обратный процесс – разукрупнение большого города. Административно-территориальное образование, являющееся теперь частью целого, раньше существовало независимо; образование, являющееся теперь отдельным обособленным, раньше было частью единого целого – крупного города.

Объединяться и разъединяться могут, как известно, и государства. Процессы как интеграции, так и дезинтеграции нельзя понимать «механически»; все это серьезнейшим образом влияет на развитие всех областей жизни в этих государствах. Процессы интеграции – дезинтеграции необязательно являются необратимыми. Пример из истории нашей страны: в 1921 г. Тува вышла из состава России, а через 23 года вошла в РСФСР на правах автономной области. Бывшие (до 1921 г.) и нынешние (с 1944 г.) целое и часть в 1921–1944 гг. существовали официально независимо друг от друга. Фактически немалая зависимость была (это относится, прежде всего, к Туве). Последнее весьма облегчило вхождение Тувы в 1944 г. в состав РСФСР, но, чтобы независимый объект стал частью целого, пришлось пойти на определенные изменения самого объекта: статус его понизился от независимой республики до автономной области, произошли изменения во всех сферах общественной жизни Тувы.

Если вести речь о явлениях неживой природы, то также возможно существование устойчивых отдельных объектов, которые при других условиях могут быть частями некоторого целого. И также может не всегда выполняться приводимый исследователями принцип «часть не предшествует целому, а целое не существует раньше частей» [8, с. 9].

Рассмотрим это на примере молекул, состоящих из атомов химических элементов. Атомы – элементы молекул. В молекулах простых веществ атомы – их части. В молекулах сложных веществ частями могут быть различные объекты. «Часть молекулы сама должна обладать внутри себя известным единством, объективно существующим в природе» [11, с. 84]. Ионы, радикалы (в том числе атомарные), функциональные группировки – части молекул; «подобная разноплановость – не субъективный момент, а отражение актуальной расчлененности целого» [1, с. 52]. Перечисленные виды

частей в свободном состоянии неустойчивы. Но есть виды частей, обладающие устойчивостью.

Ю.А. Жданов рассматривает молекулу индола, в которой можно аналитически выделить бензольную и пиррольную части [11, с. 84]. «И хотя в молекуле индола нет молекулы бензола и пиррола, но свойства указанных частей выступают весьма ясно, хотя и слитно и в модифицированном виде» [11, с. 84]. Используя данный подход, расчленим мысленно молекулу угольной кислоты H_2CO_3 на части: CO_2 и H_2O .

Соединяясь, молекулы углекислого газа и воды образуют угольную кислоту. Она неустойчива при очень большом интервале физических параметров, легко разлагается на молекулы CO_2 и H_2O . В растворе существуют одновременно: молекулы CO_2 , H_2O , гидратные соединения $\text{CO}_2 \cdot \text{H}_2\text{O}$, молекулы H_2CO_3 , ионы, возникшие при диссоциации кислоты (для простоты образование ионов гидразония не рассматриваем). Таким образом, сосуществуют в растворе молекулы целого и молекулы веществ, образующих это целое в ходе обратимой реакции.

До недавнего времени угольная кислота считалась практически нестабильной при всех значениях физических параметров. Но в 2010 г. опубликована статья по результатам опытов, при которых угольную кислоту удалось получить в свободной, устойчивой форме в газовой фазе при температуре не выше -30°C [21]. Было получено устойчивое соединение.

Молекулы могут объединяться в более крупные соединения не только за счет химических связей, но и, как известно, за счет связей физической природы. Так, молекулы некоторых жидкостей – воды, спиртов и т.д. образуют длинные цепи ассоциатов посредством водородной связи. Другой пример – соединения сольватного типа. Интересно, что хлорид кобальта (II) образует несколько кристаллогидратов: $\text{CoCl}_2 \cdot n\text{H}_2\text{O}$, где $n = 1, 2, 4, 6$. При разных n цвет раствора кристаллогидрата разный. Так варьируются свойства целого в зависимости от числа молекул воды в нем.

Ассоциаты молекул в жидкостях, многие кристаллогидраты и т. п. неустойчивы, разлагаются на исходные компоненты при нагревании.

Следует отметить, что в итоге членения исходного целого могут образовываться зародыши «будущих целых», не обладающие устойчивостью и неспособные существовать как «самостоятельные» объекты. Таковы, например, радикалы в химии, о которых говорилось выше. Таковы клетки, возникающие при расчленении простейших и других низших животных (кишечнополостных и т.д.), содержащие зародыши новых целостностей, новых жизней, но не способные к устойчивому «самостоятельному» существованию.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют положение о возможности существования наряду с устойчивым целым устойчивых объектов, которые могут быть частями данного целого. Можно предположить, что есть и иные контрпримеры к тому утверждению, что положение «нет части вне целого» справедливо всегда. Общеизвестно: если из исследуемого класса объектов некоторые объекты не «подходят» под теоретические выводы, «распространяемые» на весь класс, то эти теоретические выводы неправомерно абсолютизировать.

Разумеется, нужно учесть изменяемость объектов, способных к самостоятельному устойчивому существованию, при вхождении их в состав целого (иначе часть не выполняла бы своих функций в системе целого). Отдельные молекулы воды и углекислого газа далеко не тождественны мысленно вычленимым в молекуле угольной кислоты соответствующим частям. Но есть общие родовые признаки, присущие объекту как при его «свободном» бытии, так и при включенности в целое; по этим признакам данный объект выделяется из множества объектов, идентифицируется. Отдельная молекула CO_2 и совокупность атомов CO_2 , мысленно выделяемая в молекуле угольной кислоты, имеют общие признаки, поэтому и возможно вычленивать в молекуле угольной кислоты именно такую часть. К таким признакам следует отнести общность элементов (один атом углерода, два атома кислорода) и частичную общность характера связей между элементами. Это и обуславливает протекающие в растворе обратимые реакции соединения и разложения. Выше уже упоминалось, как в работе Ю.А. Жданова проводилось мысленное произвольное расчленение индола на «объективно существующие части молекулы», которые «обладают известной обособленностью и некоторой относительной самостоятельностью» [11, с. 85].

Указанная изменяемость объектов возрастает по мере возрастания организованности целого, в состав которого эти объекты могут входить. Для неаддитивных целых, таких как груда камней, изменяемость, конечно, очень мала, часто неощутима. Более высокая изменяемость сочетается с наличием тех свойств объектов, которые затем будут влиять уже на возможный «выход» этих объектов из состава данного целого и «возвращение» всех его характеристик, бывших до его включения в целое. Изменяемость одних признаков объекта сочетается с неизменностью других признаков, т.е. с устойчивостью существенных (а нередко и основных) характеристик объекта в указанном выше [28] смысле. Ю.А. Урманцев отмечал: «абсолютно любая система абсолютно любой реальности... обязательно симметрична в одних и асимметрична в других отношениях. При этом под симметрией понимается свойство системы С сохранять признаки П как до, так и после изменений И, и под асимметрией – свойство системы С не сохранять признаки П после изменений И» [28]. Данные определения подчеркивают изменяемость во времени (порой – в ходе обратимого процесса – «циклическую») объекта, который может стать частью некоторого целого, как, впрочем, и любого объекта безотносительно к рассмотрению его включенности в какую-либо целостную систему.

Ранее упоминалось парадоксальное утверждение «часть больше целого». При формулировке данного утверждения в его первоисточнике имелись в виду не все аспекты отношения «часть – целое», а один или несколько значимых аспектов [2, с. 48]. При рассмотрении в настоящей статье другого парадокса также имелось в виду несколько значимых аспектов отношения «часть – целое». Осознавая, что некоторый объект в составе целого – лишь часть, подчиненная закономерностям функционирования целого и отличающаяся от объекта в его «свободном» бытии, не следует считать сопоставление объекта-части и «свободного» объекта какой-то формальной операцией, не учитывая тем самым другие характеристики (ключевые), присущие как объекту-части, так и «свободному» объекту.

При утверждении «нет части вне целого» предполагается (зачастую – «негласно») принципиальная невозможность устойчивости произвольно, актуально выделенных частей целого в «свободной» форме. Действительно, орган – часть человеческого организма, будучи удаленным из организма и не трансплантируемым затем в организм того же или другого человека, есть просто образование из клеток, не несущее жизнь. Можно привести сколь угодно много других примеров. Но возможны и контрпримеры, внешне парадоксальные не с позиций наук, в рамках которых создается «материал» для контрпримера (например, химии), а с позиций более «общих» наук – философии, математики, общей теории систем.

Анализ публикаций, в которых в той или иной степени уделяется внимание отношению «часть – целое», проведен автором данной статьи. Правоммерно сделать следующие выводы. В большинстве таких изданий, научных и (или) учебных, уделяется недостаточное внимание вопросам диалектики части и целого. Объем информации по этой теме часто не превышает в содержательном аспекте тот объем, который был в упоминавшейся энциклопедической статье о части и целом [4]. Но и в специальной литературе, имеющей отношение к теории части и целого, не выдвигалось парадоксальное положение, справедливое для любых (как аддитивных, так и неаддитивных) целых и их частей, приводимое в настоящей статье. К такой литературе следует отнести: монографии [9, 20]; диссертацию [5] и авторефераты диссертаций [8, 10, 19]; статью в Философской энциклопедии [4] (в последующих философских энциклопедических изданиях если и было больше сведений, относящихся к парным категориям части и целого, чем в статье И.В. Блауберга, то ненамного, и рассматриваемый в настоящей статье вопрос не затрагивался); статьи в отечественных и иностранных журналах [1, 11, 16, 22, 23, 25, 26, 29]. Не выдвигалось это положение в указанных выше работах А.Н. Аверьянова и А.Н. Книгина, содержащих в отдельных главах интересный материал по вопросам диалектики указанных парных категорий, и в известных учебных пособиях [3, 17, 18], посвященных в основном общеполософским проблемам, но уделяющих внимание рассматриваемым категориям. Не выдвигалось положение и в известных в нашей стране и за рубежом книгах по философии химии [6, 7, 12–15, 24], хотя оно хорошо иллюстрируется на примерах некоторых химических соединений.

Рассмотренное парадоксальное положение значимо не только чисто в познавательном аспекте. В теории управления видное место занимает вопрос об устойчивости связей между элементами, между частями системы. Это необходимо учитывать при формализованном описании целостных образований, их составляющих и связей между ними. В какой-то момент системные характеристики могут стать такими, что объект – единое целое распадется на ряд объектов, которые будут существовать «самостоятельно» и устойчиво или несколько объектов объединятся в новое целое, сохранив при этом свою относительную «самостоятельность» и обособленность. Прогнозирование таких переходов в качественно новое состояние (включающее определение численных параметров в точках бифуркации) очень важно при разработке алгоритмов управления социально-экономическими и технологическими процессами.

Литература

1. *Абрамова Н.Т.* О соотношении части и целого в строении материи // Вопросы философии. 1962. № 2. С. 46–56.
2. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
3. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2003. 608 с.
4. *Блауберг И.* Часть и целое // Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 474–476.
5. *Бондаренко Г.В.* Проблемы взаимоотношения системы и целого в объективном мире и в познании: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. 178 с.
6. *Боряз В.Н., Солопов Е.Ф.* Философские вопросы химии: очерк истории диалектико-материалистической разработки. Л.: Наука, 1976. 251 с.
7. *Будрейко Н.А.* Философские вопросы химии. М.: Высшая школа, 1970. 336 с.
8. *Васильева Т.С.* Проблема целостности ДНК (философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1970. 18 с.
9. *Ганзен В.А.* Восприятие целостных объектов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 152 с.
10. *Длугач Т.Б.* Часть и целое как категории диалектической логики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1965. 20 с.
11. *Жданов Ю.А.* Взаимоотношение части и целого в химии // Философские науки. 1960. № 1. С. 82–89.
12. *Золотухин В.М., Золотухина Н.А.* Философские вопросы химии: учеб. пособие. Кемерово: КузГТУ, 2008. 92 с.
13. *Канке В.А.* История и философия химии: учеб. пособие. М.: НИЯУ МИФИ, 2011. 232 с.
14. *Кузнецов В.И.* Общая химия: Тенденции развития. М.: Высшая школа, 1989. 288 с.
15. *Курашов В.И.* История и философия химии: учеб. пособие. М.: КДУ, 2009. 608 с.
16. *Лукашевич Н.В.* Отношения часть–целое: теория и практика // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2013. № 1. С. 7–12.
17. *Моисеев В.И.* Философия и методология науки: учеб. пособие. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2004. 239 с.
18. *Спиркин А.Г.* Философия: учебник / 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. 736 с.
19. *Тягло А.В.* Методологическая роль диалектики части и целого в современном научном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Харьков, 1982. 28 с.
20. *Югай Г.А.* Диалектика части и целого. Алма-Ата: Наука, 1965. 171 с.
21. *Bernard Jürgen, Seidl Markus, Kohl Ingrid, Liedl Klaus R., Mayer Erwin, Galvez Oscar, Grothe Hinrich, Loerting Thomas.* Spectroscopic observation of matrix-isolated carbonic acid trapped from the gas phase // Angewandte Chemie International Edition. 2011. V. 50 (8). P. 1939–1943.
22. *Invagen Peter van.* Can Mereological Sums Change their Parts? // Journal of Philosophy. 2006. V. 103 (12). P. 614–630.
23. *Koslicki Kathrin.* Towards a Neo-Aristotelian Mereology // Dialectica. 2007. V. 61 (1). P. 127–159.
24. *Philosophy of Chemistry: Synthesis of a New Discipline (Boston Studies in the Philosophy of Science, V. 242) / ed. by Davis Baird, Eric Scerri and Lee McIntyre.* Dordrecht: Springer, 2006. 362 p.
25. *Varzi Achille C.* Parts, Wholes, and Part-Whole Relations: The Prospects of Mereotopology // Data and Knowledge Engineering. 1996. V. 20 (3). P. 259–286.
26. *Winston Morton E., Chaffin Roger, Herrmann Douglas.* A Taxonomy of Part-Whole Relations // Cognitive Science. 1987. V. 11 (4). P. 417–444.
27. *Книгин А.Н.* Учение о категориях: учеб. пособие для студентов философских факультетов. URL: <http://www.twirpx.com/file/230754/>

28. *Урманцев Ю.А.* Устойчивость и неустойчивость систем произвольной природы // V Международный форум по информатизации. МФИ-96. URL: <http://www.sci.aha.ru/ots/ots-ust.pdf>
29. *Harre Rom, Llored Jean-Pierre.* Mereologies as the Grammars of Chemical Discourses. URL: http://philsci-rchive.pitt.edu/4913/1/Chemical_Mereology.Philadelphia_2009.pdf

Bibliography

1. *Abramova N.T.* О соотношении части и целого в строении материи // *Voprosy filosofii.* 1962. № 2. P. 46–56.
2. *Aver'janov A.N.* Sistemnoe poznanie mira: Metodologicheskie problemy. M.: Politizdat, 1985. 263 p.
3. *Alekseev P.V., Panin A.V.* Filosofija: uchebnik / 3-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2003. 608 p.
4. *Blauberger I.* Chast' i celoe // *Filosofskaja jenciklopedija* / pod red. F.V. Konstantinova. T. 5. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1970. P. 474–476.
5. *Bondarenko G.V.* Problemy vzaimootnoshenija sistemy i celogo v ob#ektivnom mire i v poznanii: Dis. ... kand. filos. nauk. M., 1984. 178 p.
6. *Borjaz V.N., Solopov E.F.* Filosofskie voprosy himii: ocherk istorii dialektiko-materialisticheskoy razrabotki. L.: Nauka, 1976. 251 p.
7. *Budreiko N.A.* Filosofskie voprosy himii. M.: Vysshaja shkola, 1970. 336 p.
8. *Vasil'eva T.S.* Problema celostnosti DNK (filosofskij analiz): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1970. 18 p.
9. *Ganzen V.A.* Vosprijatie celostnyh ob#ektov. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1974. 152 p.
10. *Dlugach T.B.* Chast' i celoe kak kategorii dialekticheskoy logiki: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1965. 20 p.
11. *Zhdanov Ju.A.* Vzaimootnoshenie chasti i celogo v himii // *Filosofskie nauki.* 1960. № 1. P. 82–89.
12. *Zolotuhin V.M., Zolotuhina N.A.* Filosofskie voprosy himii: ucheb. posobie. Kemerovo: KuzGTU, 2008. 92 p.
13. *Kanke V.A.* Istorija i filosofija himii: ucheb. posobie. M.: NIJaU MIFI, 2011. 232 p.
14. *Kuznecov V.I.* Obshhaja himija: Tendencii razvitiya. M.: Vysshaja shkola, 1989. 288 p.
15. *Kurashov V.I.* Istorija i filosofija himii: ucheb. posobie. M.: KDU, 2009. 608 p.
16. *Lukashevich N.V.* Otnoshenija chast' – celoe: teorija i praktika // *Nejrokomp'jutery: razrabotka, primenenie.* 2013. № 1. P. 7–12.
17. *Moiseev V.I.* Filosofija i metodologija nauki: ucheb. posobie. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe kn. izd-vo, 2004. 239 p.
18. *Spirkin A.G.* Filosofija: uchebnik / 2-e izd. M.: Gardariki, 2006. 736 p.
19. *Tjaglo A.V.* Metodologicheskaja rol' dialektiki chasti i celogo v sovremennom nauchnom poznanii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Har'kov, 1982. 28 p.
20. *Jugaj G.A.* Dialektika chasti i celogo. Alma-Ata: Nauka, 1965. 171 p.
21. *Bernard Jürgen, Seidl Markus, Kohl Ingrid, Liedl Klaus R., Mayer Erwin, Galvez Oscar, Grothe Hinrich, Loerting Thomas.* Spectroscopic observation of matrix-isolated carbonic acid trapped from the gas phase // *Angewandte Chemie International Edition.* 2011. V. 50 (8). P. 1939–1943.
22. *Invagen Peter van.* Can Mereological Sums Change their Parts? // *Journal of Philosophy.* 2006. V. 103 (12). Pp. 614 – 630.
23. *Koslicki Kathrin.* Towards a Neo-Aristotelian Mereology // *Dialectica.* 2007. V. 61 (1). P. 127–159.
24. *Philosophy of Chemistry: Synthesis of a New Discipline* (Boston Studies in the Philosophy of Science, V. 242) / ed. by Davis Baird, Eric Scerri and Lee McIntyre. Dordrecht: Springer, 2006. 362 p.
25. *Varzi Achille C.* Parts, Wholes, and Part-Whole Relations: The Prospects of Mereotopology // *Data and Knowledge Engineering.* 1996. V. 20 (3). P. 259–286.

26. *Winston Morton E., Chaffin Roger, Herrmann Douglas.* A Taxonomy of Part-Whole Relations // *Cognitive Science*. 1987. V. 11 (4). P. 417–444.
27. *Knigin A.N.* Uchenie o kategorijah: ucheb. posobie dlja studentov filosofskih fakul'tetov. URL: <http://www.twirpx.com/file/230754/>
28. *Urmancev Ju.A.* Ustojchivost' i neustojchivost' sistem proizvol'noj prirody // V *Mezhdunarodnyj forum po informatizacii*. MFI-96. URL: <http://www.sci.aha.ru/ots/ots-ust.pdf>
29. *Harre Rom, Llored Jean-Pierre.* Mereologies as the Grammars of Chemical Discourses. URL: http://philsci-rchive.pitt.edu/4913/1/Chemical_Mereology.Philadelphia_2009.pdf

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 005.1094:571

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В БИЗНЕСЕ

Е.В. Фрейдина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: evfreydina@socio.pro

А.А. Ботвинник

Институт горного дела СО РАН
E-mail: alexbtvn@rambler.ru

А.А. Корох

ООО «Сибирская насосная компания»
E-mail: koroh1983@gmail.com

В статье приведены методологические аспекты развития рефлексивного управления в социально-экономических системах как целенаправленного процесса, ориентированного на приоритет в изучении деловой среды, проблемной ситуации и системного принятия решений. Выстроена структура и определены задачи интерпретирующей функции, раскрыта связь между инструментами когнитивной и интерпретирующей функций. Систематизированы классы моделей, составляющие инструмент интерпретирующей функции и способствующие системному принятию решений в бизнесе.

Ключевые слова: интерпретирующая функция, интерпретативный подход, когнитивная карта, когнитивная функция, рефлексивное управление, эмпатическая стратегия (Э-стратегия).

INTERPRETIVE FUNCTION OF REFLEXIVE CONTROL AS DEVELOPMENT OF SYSTEMATIC DECISION-MAKING IN BUSINESS

E.V. Freydina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: evfreydina@socio.pro

A.A. Botvinnik

Mining Institute SB RAS
E-mail: alexbtvn@rambler.ru

A.A. Koroh

ООО «Siberian company of pump»
E-mail: koroh1983@gmail.com

The article dwells upon methodological aspects of developing the reflexive management control in socio-economic environments as a priority-oriented process toward the business-situation and problem situation and making the decision system's. Constructed structure of interpreting function and identified one's task, describe connection between the instruments of cognitive and interpreting functions. Generalized class's models of making the decision in business. Model classes in interpreting function are systematised.

Key words: interpretation function, interpretative approach, cognitive map, cognitive function, reflective management, empathetic strategy (E-strategy).

Введение

Приход нового тысячелетия, исходя из исследований, изложенных в [2, 3], привнес в менеджмент такую важную переменную, как ориентация на развитие взаимоотношений и создание взаимодействия типа «выигрыш–выигрыш». Взаимодействие типа «выигрыш–выигрыш» – это общая философия взаимодействия между людьми, одна из шести парадигм, сформулированных Р. Кови в [3], и означает, что при принятии решений обе стороны удовлетворены и придерживаются принятого плана действия. Установка «выигрыш–выигрыш» – это вера в существование третьей альтернативы: «это решение не твоё и не моё – это лучшее решение, решение более высокого порядка» [3, с. 217]. Принятие решения в приведенной трактовке будем рассматривать как «системное».

Системное принятие решения означает:

- действие лица, принимающего решение, рассматривается в контексте взаимодействия системы и деловой среды;
- установление выделенного взаимодействия познается с позиции причинно-следственного подхода.

В процессе взаимодействия реализуется сущность вступающих в отношения субъектов, их особенностей и намерений. Под деловой средой понимается пространство, или по выражению К. Левина, «территория действия», охватывающее организацию (систему) и взаимодействующих с ней субъектов деловой среды на определенный момент времени ($t_0 - t_N$). Образующую деловую среду можно рассматривать как динамическую макросистему с размытыми границами. Деловая среда периодически становится генератором проблемной ситуации, следствием которой является постановка проблемы, направленной на «бегство от негатива» или «движение к позитиву» [2, с. 270].

Многообразие ситуаций, порождающих проблемы, создает трудности в поиске «лучшего решения, решения более высокого порядка». Для реализации такой установки, как показали исследования по развитию методологии рефлексивного управления социально-экономическими системами, выполненными авторами статьи, потребуется входить в контекст рефлексивного управления [8]. Под рефлексивным управлением, в редакции акад. Д.А. Поспелова [5], понимается процесс передачи одним из взаимодействующих субъектов другому оснований для принятия решений. Совокупность данных, на основе которых взаимодействующие стороны принимают решение, состоит из информационного плацдарма, на котором разворачивается процесс, цели каждого участника и модели предполагаемых действий, а также предположения о ранге рефлексии противника. Ранг рефлексии

«противника» определяется его способностью углубленного познания деловой ситуации.

Для реализации рефлексивного управления социально-экономическими системами разработана его структура, включающая следующие функции [8, с. 37]:

- когнитивную или познавательную функцию по формированию знаний о деловой ситуации;

- интерпретирующую или функцию распознавания как действия по осмыслению информации когнитивной функции о ситуации деловой среды и формированию знания по разрешению проблемы;

- воздействующую функцию, цель которой состоит в том, чтобы осуществить реализацию наилучшей альтернативы, разработанной интерпретирующей функцией, в условиях динамически изменяющейся ситуации.

Знания о разработке «информационного плацдарма проблемной ситуации» для принятия решений представлены инструментами (паттернами) когнитивной функции, состав которых позволяет охватить все информационные возможности для характеристики деловой среды и ее текущей ситуации. Разработка модели интерпретирующей функции, введенной авторами статьи в структуру рефлексивного управления, является предметом настоящего исследования, результаты которого изложены в представляемом материале.

1. Сущность и структура интерпретирующей функции

Интерпретирующая функция направлена на постановку и решения проблемы на основе интерпретативного и аналитического подходов. *Интерпретативный подход* – толкование и интерпретация происходящих изменений, распознавание новых возможностей для решения сложившихся проблем, а также связывание разрозненных признаков и факторов в единое целое и представление этого целого определенным классом математических моделей. Интерпретация такой же творческий процесс как изобретательность. Менеджер должен на протяжении всего периода разрешения проблемы находиться в контакте с инициатором проблемы или участником проблемной ситуации, от которого зависит ее разрешение. Например, заключение делового контракта следует рассматривать не как решение поставленной задачи, а как развивающийся во времени процесс.

Аналитический подход означает разрешение проблемы, когда формализована ситуация как совокупность взаимосвязанных факторов (всех обстоятельств), выявлена причина как следствие проявления симптомов, поставлена конкретная цель (результат), даны конкретные ресурсы, доступные для достижения цели, ограниченное время и ожидаемый эффект. Таким образом, при рефлексивном управлении решение проблемы начинается с интерпретации и идентификации ситуации на основе результатов когнитивной функции и заканчивается аналитическими процедурами.

В целом формирование структуры интерпретирующей функции основано на представлении ее как комплекса управляющих действий, осуществляемых субъектами деловой ситуации, сформированного в соответствии

с основами общей теории принятия решений и развиваемыми принципами интерпретативного подхода и включает следующие процедуры:

1) системное распознавание деловой ситуации и оценка полноты и достоверности информации, представляемой в виде комплекта инструментов когнитивной функции;

2) формирование явных и потенциальных проблем, инициируемых деловой ситуацией;

3) селекция проблем в зависимости от полноты и достоверности информации о деловой ситуации, разделяя последние как класс ограниченных или неограниченных ситуаций;

4) ранжирование проблем по их важности для разрешения исследуемой деловой ситуации;

5) селекция проблем по степени сложности решения;

6) разработка вариантов управленческих действий для промежуточных решений и формирование вариантов продвижения действий в целом до точки согласованности действий участников ситуации;

7) непрерывный многошаговый комбинационный поиск наилучших решений как реакции на изменение ситуации взаимодействующими субъектами, удовлетворяющих оценке «качества процесса взаимодействия»;

8) прогнозирование последствий вмешательства решением проблемы в результативность и эффективность функционирования исследуемой системы.

Каждая процедура должна рассматриваться как установленный способ осуществления действия и быть реализована в виде определенного инструмента.

2. Исходная информация системного распознавания деловой ситуации

Системное распознавание деловой среды основано на инструментах когнитивной функции. Когнитивная функция распознает и преобразовывает информацию, получаемую по результатам познания ситуации посредством восприятия, измерения, сравнения с привлечением информации по предыстории объекта или изучаемого явления. Выходные знания о текущей ситуации должны быть «материализованными», и авторами статьи предлагается представлять их следующими информационными паттернами [8]:

– элементная структура ситуации – состав участников взаимодействия;

– когнитивная структура – состав и роль действующих и потенциальных участников (элементов) ситуации и упорядоченная по ним информация, необходимые знания для управления бизнесом;

– когнитивная карта – это графическое отображение пространства признаков (факторов) и взаимосвязи между ними в виде графа с вершинами-факторами;

– карта ограничений, действующих для участника изучаемой ситуации деловой среды;

– когнитивная модель – математическое описание связей между факторами.

Паттерны представления информации о деловой ситуации изложены авторами статьи в [8]. С тем чтобы создать целостное восприятие технологии рефлексивного управления, дадим их краткое определение.

Любая ситуация, воспринятое признаковое пространство действий, создается не в изолированном пространстве. Она всегда имеет своих участников, являющихся элементами структуры ситуации. «Когнитивная структура» – это понятие, заимствованное из работы К. Левина, и «карта ограничений» как инструмент познания ситуации из теории ограничений Голдратта вводятся нами в инструментарий когнитивной функции. Карта ограничений представляет совокупность всего того, что заметно мешает компании работать лучше.

Такие инструменты, как когнитивная карта и когнитивная модель, являются неотъемлемыми признанными инструментами рефлексивных процессов, которым положено начало в трудах П.Г. Щедровицкого, В.А. Лефевра, по теории рефлексии.

В целом разработанный комплект инструментов образует причинное основание для выявления и постановки проблемы, которое рассматривается как совокупность факторов (причин), порождающих следствие. Любое следствие определяет или необходимость «движения к позитиву», или «бегство от негатива». Многообразие причинных факторов и все более сложные формы причинных связей, что наглядно должно быть отражено на когнитивной карте, обуславливают комплексное изучение причинных воздействий для осознания проблемной ситуации и постановки проблем.

3. Выявление явных и потенциальных проблем деловой ситуации

К осознанию проблемы приводит понимание проблемной ситуации. Каждая проблемная ситуация в своей эволюции проходит четыре стадии:

- скрытое развитие;
- очевидное развитие;
- превращение в отрицательное явление;
- превращение в факторы нарушения устойчивого состояния системы.

Установить слабые, скрытые признаки входа в проблемную ситуацию зависит от креативности менеджера. Здесь под креативностью понимается нетрадиционный подход к решению проблем, способность составлять новые комбинации из имеющихся идей, комбинировать информацию из слабо связанных между собой событий.

Стагнация, несоответствие, разрывы, асимметрия, потеря устойчивого состояния – это явные симптомы для распознавания проблемной ситуации. Оценка глубины разрастания симптомов основывается на причинно-следственном анализе различного характера факторов, проводимого с использованием инструментария когнитивной функции.

На основе выходных паттернов когнитивной функции интерпретирующая функция решает такие главные задачи, как:

- 1) определение модели деловой или проблемной ситуации;
- 2) определение пространства и классы проблем;
- 3) конструирование «теории действий» для принятия решений.

Последовательно рассмотрим особенности задач интерпретирующей функции. Любая ситуация, воспринятое признаковое пространство действий, создается не в изолированной среде. Она всегда имеет своих участников. Основываясь на положениях теории игр [7], сформируем ряд моделей действия участников ситуаций, ключевых для менеджмента, в зависимости от характера отношения между ними и полнотой информации для обеспечения их результативного взаимодействия.

Модель А: в ситуации один оперирующий субъект, который стремится защитить систему от негативного влияния возникшей проблемы или раскрыть ее возможности, другой – контрсубъект, формирующий условия, инициирующие проблему, но не участвующий в ее разрешении, например, отказ потребителя от покупки товара, отказ поставщика комплектующих изделий, изменение факторов и состава деловой среды.

Модель В: в отличие от модели А в роли инициатора проблемы выступает не субъект с сознательным противодействием, а некая объективная действительность («природа»), поведение которой отличается высокой степенью неопределенности и возможные состояния которой реализуются случайным образом.

Модель С: в ситуации два действующих лица участвуют в разрешении проблемы посредством взаимодействия в определенном временном периоде, и каждый из них заинтересован в выгодном для себя исходе, например, заключение договоров, контрактов и других документов о взаимодействии.

Модель D: в отличие от модели С в ситуации три активных действующих лица, занимающиеся разрешением проблемы: производитель (поставщик) продукции–посредник–потребитель как заказчик, покупатель. Каждый из участников заинтересован в выгодном для себя исходе. Рыночная среда обуславливает наличие и такого участника, как конкуренты внутренние и внешние.

Ключевым элементом эффективного разрешения проблемной ситуации, по утверждению Р. Дилтса [2, с. 160–161], является разработка «проблемного пространства». В него включены причинные отношения, ценности, восприятие и убеждения, т.е. все элементы, которые создают проблему или способствуют ей. Идея выделения проблемного пространства при принятии решений исходит и из принципов причинно-следственного подхода. Основной его принцип состоит в том, что всякое изменение и тем более развитие, т.е. изменение в сторону появления нового качества, имеет свою причину и следствие. Связи между причиной и следствием проявляются в следующем виде:

- простые, необратимые отношения, одна причина и одно следствие;
- сложные отношения, охватывающие множество практически одновременно действующих причин и порождающих одно следствие;
- сложные отношения, когда одна причина вызывает «пучок» одновременно наступающих следствий;
- сложные отношения, вызывающие «эффект домино», когда воздействие одной причины вызывает цепочку следствий.

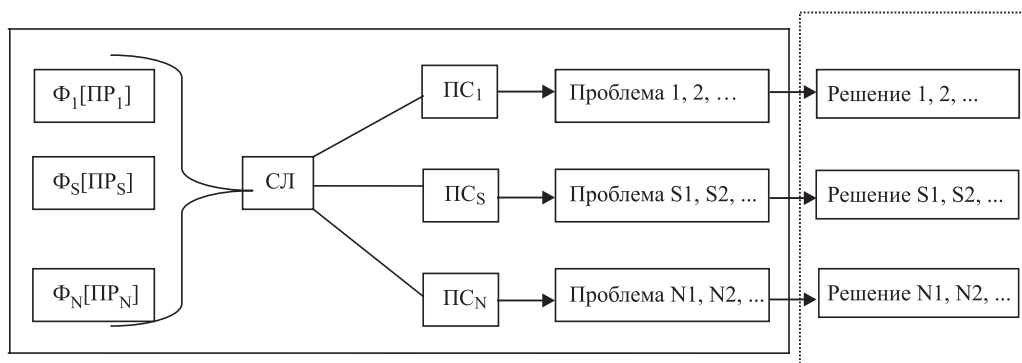
Разработанный комплекс инструментов для познания деловой среды когнитивной функцией образует причинное основание для выявления и постановки проблемы. Оно рассматривается как совокупность факторов

(причин), при наличии которых наступает следствие. Любое следствие определяет или необходимость «движения к позитиву», или «бегство от негатива». Многообразие причинных факторов и различная мера зависимости отношений между ними, что наглядно отражается на когнитивной карте, обуславливают комплексное изучение причинных воздействий для осознанной проблемной ситуации.

Решение каждой проблемы формирует «пространство решений», которое по определению Р. Дилтса, содержит альтернативы и ресурсы, позволяющие преодолеть или предотвратить проблему. Таким образом, для интерпретирующей функции определяются границы ее компетенции. На рис. 1 схематически представлены процедуры интерпретирующей функции, формирующие два информационных пространства: проблемное пространство и пространство решений.

Поясним связность процедур, представленную на рисунке. $\Phi_1[ПР_1], \dots, \Phi_N[ПР_N]$ – факторы (причины) принимаются из когнитивной карты и карты ограничений. Некоторое множество факторов приводят к одному следствию (СЛ), которое порождает «пучок» проблемных ситуаций – ($ПС_1, \dots, ПС_N$). Каждая проблемная ситуация может генерировать не одну, а несколько постановок проблемы. Каждая проблема характерна тем, что имеет несколько альтернатив решения. Очевидно, что пространство решений должно быть таким, чтобы охватить все возможные альтернативы решения проблем.

Конструирование действий для принятия решений основывается на базовых моделях «теории действий», предложенных К. Алджирисом в [1]: Модель I и Модель II. Согласно Модели I у менеджера имеются программы эффективных действий для любого типа взаимодействия с другими действующими лицами, которые влияют на его поведение и являются причинно-следственными теориями эффективных действий. Поведение действующего лица, присущее Модели II, воплощается в стратегиях действия, которые непосредственно иллюстрируют, каким образом участники приходят к своим оценкам или устанавливают причинно-следственные связи посредством познания динамики ситуации. В рамках сложившегося понятия рефлексивного управления доминирующее поведение инициатора проблемы и других действующих лиц ситуации отводится Модели II.



Процедуры интерпретирующей функции

4. Подходы к формализации взаимодействия участников деловой ситуации

Обобщим подходы и методы формализации деловых или проблемных ситуаций и типы моделей действия лиц, принимающих решения, разработанные теорией игр и теорией управляемых систем, и сведем их в таблицу.

Аппаратная реализации «теории действий» при принятии решений в условиях полной определенности, риска и неопределенности представлена широким спектром моделей и техник их реализации. Сложнее обстоит дело с разработкой «теории действий», когда рассматривается позиция ее участников как рефлексивные игры (модели С и D). В теории управляемых систем, развитие которой положено трудами Н.И. Красовского и других математиков в 70–80-е гг. прошлого столетия, действия рефлексивных игр наиболее полно описываются моделями класса «встречи двух управляемых объектов» [4, с. 90–93].

Возможные позиции, которые складываются в процессе взаимодействия участников деловой ситуации, представляются операциями продвижения двух участников до точки некоторого согласия на образовавшемся множестве способов действий. Действия по каждой позиции именуются стратегиями игроков, разрабатываемые с применением приемов эмпатии.

Модели деловых ситуаций и действий по разрешению их проблем

Тип деловой ситуации и модель действий	Тип модели поиска решения проблемы	Целевая функция задачи	Полнота и характер информации
Активный субъект действует в условиях полной информационной определенности и риска, пассивный субъект конкретными действиями инициирует проблему. Ситуация модели «А»	Аналитические, модели линейного, динамического и нелинейного программирования	Результативность, экономическая эффективность	Принятия решений в предположении наличия полной информации
Активный и пассивный субъекты действуют как «природа» – статистические игры, проводимые в условиях частичной или полной неопределенности. Ситуация модели «В»	Аппарат статистических игр с «природой»: матрицы выигрышей, матрицы рисков, статистические, стохастические модели	Максимальное среднее выигрыша, минимальное среднее риска, а также критерии Лапласа, Вальда, Сэвиджа, Гурвица	Принятие решений в условиях риска и неопределенности
Два активных оперирующих субъекта, каждый из которых стремится достичь цели. Ситуация модели «С»	Аппарат стратегических и рефлексивных игр: матричные игры двух лиц с нулевой суммой, платежные матрицы – принцип минимакса, максимина	Результативность с минимальной платой за действия. Результативность с максимальной выгодой от действий	Принятие решений в условиях риска и неопределенности
Три активных субъекта образуют две взаимодействующие пары, в которых неизменным действующим лицом выступает посредник. Ситуация модели «D»	Аппарат стратегических и рефлексивных игр: матричные игры двух лиц с нулевой суммой, платежные матрицы – принцип минимакса, максимина	Результативность с минимальной платой за действия. Результативность с максимальной выгодой от действий	Принятие решений в условиях риска и неопределенности

Эмпатический подход – совокупность приемов, которые выполняются путем замещения позиции участника противоположной стороны. С учетом этого приема и обозначим стратегии игроков как эмпатические стратегии или Э-стратегии.

Рассмотрим приемы формализации действия участников проблемной ситуации. Целевая функция – это показатель «качества встречи», отражает стремление участников к максимальному доходу ($P_{u,v}$), исходя из своих запросов. Однако для потребителя (покупателя) и производителя (продавца) эти функции различны. Пусть $\{u_i\}$ – кортеж (упорядоченный во времени набор) управляющих воздействий на качество и комплектацию продукции, повышающих ее потребительское свойство, а $\{F_i^u\}$ – затраты на эти воздействия. Тогда целевая функция производителя

$$P_u = H_u - \sum_{i=1}^I F_i^u \rightarrow \max, \quad (1)$$

где H_u – ожидаемый доход производителем, полученный в «точке встречи» участников операции.

Далее, пусть $\{v_j\}$ – кортеж потребительских решений о стоимости продукции, а $\{F_j^v\}$ – затраты на ведение закупки. При этом целевая функция потребителя

$$P_v = H_v - \sum_{j=1}^J F_j^v \rightarrow \min. \quad (2)$$

Здесь H_v – стоимость продукции для потребителя.

Достижение оптимумов (1)–(2) означает «равновесие спроса и предложения» относительно рассматриваемой сделки.

Поскольку ресурсы каждого из участников ограничены, можно принять:

$$\sum_{i=1}^I F_i^u < U; \quad \sum_{j=1}^J F_j^v < V. \quad (3)$$

Заметим, что кортежи $\{v_j\}$ и $\{u_i\}$ не являются множествами каких-либо (тех более аналитических) функций. Их можно рассматривать как наборы описываемых в соответствующих терминах управленческих процедур, действие которых можно оценить стоимостными показателями $\{F_i^v\}$ и $\{F_i^u\}$.

Таким образом, каждый участник, пытающийся разрешить проблемную ситуацию, стремится привести последовательность действий $u = \{u_i\}$ и $v = \{v_j\}$, ($i = 1, \dots, I$; $j = 1, \dots, r$) к цели с наименьшей возможной платой за совершенные действия и наибольшей стоимостью результата, т.е. добиться максимальной выгоды за осуществляемые действия, что отражено целевыми функциями (1) и (2).

Такого состояния рассматриваемой ситуации удастся достигнуть при условии, что на каждом шаге в некоторый период t определяется невязка процесса:

$$\Delta_t = |P_{u_t} - P_{v_t}|, \quad (4)$$

и его продолжение имеет смысл только, если $\Delta_t > 0$. В частности, на начальной стадии процесс согласования стоимости развивается только, если

$H_u \neq H_v$, поскольку в противном случае равновесная цена уже достигнута, и предпринимать какие-либо действия нет необходимости.

Взаимодействие между двумя участниками по периодам встречи до момента наступления «точки согласия» проходит по сценарию

$$\max_{t \in T} \Delta_t \rightarrow \min. \quad (5)$$

Тогда критерием остановки процесса ведения «сделки» является равенство

$$P_u^I = P_v^J. \quad (6)$$

Если равенство не состоялось, это означает, что согласие не достигнуто, и участникам процесса надо искать новых партнеров: нового потребителя для производства, нового поставщика для потребителя.

Позиция во взаимодействии участников описывается совокупностью величин $\{u_i\}$ и $\{v_j\}$ и считается, что в каждый момент времени t им известна. Очевидно, что партнеру после завершения очередной встречи в период $\tau > t$ неизвестна будущая позиция другого участника. В то же время они прогнозируемы благодаря разработкам Э-стратегий с вариантами откликов на предполагающие действия партнера по бизнесу.

Большая вероятность того, что разработанные варианты Э-стратегий не будут полностью реализованы, но отдельные способы можно рассматривать как некие правила или нормы поведения при том или ином отклике на действия или иной Э-стратегии, которые обязательно найдут использование.

Следует отметить, что авторы статьи обратились только к известным трудам по исследованию операций и ограниченному их кругу. Безусловно, число работ по данной тематике исчисляется десятками, но остаются слабо востребованными организационным управлением в традиционном исполнении.

Отметим отличие Э-стратегии от стратегий традиционных моделей управления, состоящее в том, что в них последовательность способов реализации стратегий это пара «ход – реакция на ход» или, используя терминологию Дж. Сороса [6], – это «шнуровочная» стратегия. Полученное представление о возможных вариантах будущего будем именовать как карта отображения вариантов Э-стратегий или интерпретативная карта (И-карта).

Заключение

1. В организационном управлении практически любое принимаемое решение рассматривается как решение проблемы, а не как познание ее «корней», комбинацию обстоятельств, породивших проблему, т.е. проблемную ситуацию.

2. Добиться перераспределения усилия с решения проблемы на глубокое познание деловой ситуации, обоснованную постановку проблемы и последующее нахождение наилучшего решения возможно за счет рефлексивного управления, которое предложено выстроить на последовательной реализации ключевых функций: когнитивной, интерпретирующей и воздействующей.

3. Технология осуществления каждой из функций имеет свои отличительные особенности в процессах, инструментах обработки информации и методах принятия решений. Особую сложность представляет включение в процесс управления интерпретирующей функции, базирующейся на информации когнитивной функции, на составлении эмпатических стратегий и на пошаговом решении проблемы в зависимости от полученного отклика от взаимодействующего участника ситуации.

4. Развитие технологии интерпретирующей функции – это развитие системного принятия решений, в основу которого необходимо заложить математический аппарат теории игр, в частности, модели «встречи двух управляемых объектов».

Литература

1. *Арджирис К.* Организационное научение / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2004. 563 с.
2. *Дитлс Р.* Моделирование с помощью НЛП / пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
3. *Кови С.Р.* Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности / пер. с англ. 8 изд. М.: Альпина Паблишер, 2013. 374 с.
4. Нелинейная оптимизация систем автоматического управления / под ред. чл.-корр. АН СССР Е.П. Попова. М.: Машиностроение, 1970. 304 с.
5. *Поспелов А.Д.* Логико-лингвистические модели в системах управления. М.: Знание, 1975. 386 с.
6. *Сорос Дж.* Алхимия финансов. Рынок: как читать его мысли / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2001. 416 с.
7. *Таха Х.* Введение в исследование операций. Т. 2 / пер. с англ. М.: Мир, 1985. 496 с.
8. *Фрейдина Е.В., Корох А.А.* Развитие методологии рефлексивного управления и инструментария когнитивной функции // Вестник НГУЭУ. № 2. 2011. С. 27–52.

Bibliography

1. *Ardzhiris K.* Organizacionnoe nauchenie / per. s angl. M.: INFRA-M, 2004. 563 p.
2. *Ditls R.* Modelirovanie s pomoshh'ju NLP / per. s angl. SPb.: Piter, 2001. 288 p.
3. *Kovi S.R.* Sem' navykov vysokojeffektivnyh ljudej. Moshhnye instrumenty razvitija lichnosti / per. s angl. 8 izd. M.: Al'pina Pablisher, 2013. 374 p.
4. Nelinejnaja optimizacija sistem avtomaticheskogo upravlenija / pod red. chl.-korr. AN SSSR E.P.Popova. M.: Mashinostroenie, 1970. 304 p.
5. *Pospelov A.D.* Logiko-lingvisticheskie modeli v sistemah upravlenie. M.: Znaniya, 1975. 386 p.
6. *Soros Dzh.* Alhimija finansov. Rynok: kak chitat' ego mysli / per. s angl. M.: INFRA-M, 2001. 416 p.
7. *Taha H.* Vvedenie v issledovanie operacij. T. 2 / per. s angl. M.: Mir, 1985. 496 p.
8. *Frejdina E.V., Koroh A.A.* Razvitie metodologii refleksivnogo upravlenija i instrumentarija kognitivnoj funkcii // Vestnik NGUJeU. № 2. 2011. P. 27–52.

УДК 336.6

ИЗМЕРЕНИЕ СИЛЫ БРЕНДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗНАКОВЫХ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГРАФОВ

К.Ю. Казанцев

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН
E-mail: k0rtez@inbox.ru

В статье рассмотрены существующие подходы к измерению силы бренда, особое внимание уделено анализу существующих математических моделей, позволяющих оценить эффективность брендинга предприятия и дать количественную оценку его силе. На основе анализа моделей составлен перечень факторов, оказывающих влияние на бренд, а также составлена когнитивная модель влияния различных факторов на силу бренда, и их взаимного влияния друг на друга. На основе метода знаковых ориентированных графов представлены тренды влияния различных факторов на силу бренда во времени.

Ключевые слова: сила бренда, знаковые ориентированные графы, эффективность бренда, факторы влияния на бренд, когнитивная модель.

MEASUREMENT OF THE BRAND POWER USING ICONIC ORIENTED GRAPHS

K. Y. Kazantsev

Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: k0rtez@inbox.ru

The article considers the existing approaches to measuring of the brand power, special attention is paid to the analysis of existing mathematical models, which allow to estimate efficiency of branding company and quantify his power. Based on the analysis of models a list of the factors having impact on the brand is drawn up, and a cognitive model of the influence of different factors on the strength of a brand is composed of, as well as their mutual influence on each other. Based on the method of iconic oriented graphs presents the trend of influence of various factors of brand strength in time.

Key words: the brand power, iconic oriented graphs, brand performance, factors of influence on the brand, cognitive model.

Проблема оценки силы бренда как коэффициента его эффективности или полезности встала достаточно давно и до сих пор приковывает к себе внимание теоретиков и практиков маркетинга. Колоссальный рост бюджетов на развитие маркетинговых коммуникаций предприятий, а также их айдентики за последние 5–10 лет не мог не привлечь внимания со стороны высших менеджеров и акционеров крупных компаний. Вопрос рационального использования маркетинговых бюджетов и проблема увеличения потребительской конверсии остро встали перед большинством компаний. Это потребовало создания принципиально новых инструментов измерения эффективности использования такого направления бюджета предприятия, как нематериальные активы [1, 2].

В настоящее время наилучшим образом разработаны методики оценки технологических активов и лицензий. Менее изученными являются репутационные активы, в том числе и бренд. Самыми мало изученными с точки зрения влияния на экономические результаты остаются человеческие и организационные ресурсы компании.

Проблема изучения экономических показателей брендинга послужила толчком для создания принципиально новых методик измерения эффективности нематериальных активов и как следствие новой генерации исследователей. Эффективностью бренда заинтересовались как научные деятели, так и коммерческие оценочные агентства. Это повлекло создание широкого круга подходов к оценке силы бренда, а также создание различных прикладных инструментов для ее измерения [3, 8].

Изучение существующих подходов к оценке факторов, влияющих на силу бренда, позволяет сформулировать следующие тезисы:

1. В данный момент четко не изучены механизмы влияния на силу бренда. Нет точного и единого «рецепта», как сделать бренд лучше или эффективнее.

2. Бренд является маркетинговым инструментом, влияющим на лояльность потребителей и обеспечивающим увеличение доходности в долгосрочном периоде. Однако ни в одной из существующих моделей не показано влияние факторов, способствующих росту силы бренда, во времени.

3. Оценка влияния факторов на бренд крайне сложна из-за неопределенности данных факторов. Фактически каждая существующая модель оценки силы бренда использует только те факторы, которые могут быть измерены в рамках данной модели.

Подбор факторов для каждой из существующих моделей крайне субъективен и в достаточной мере не может отражать всю картину влияния факторов на силу бренда.

Вышеуказанные обстоятельства часто приводятся в качестве критики существующих моделей оценки силы бренда (особенно такой его составляющей как цены). В частности подобной критике подвержены модели Interbrand, модели Brand Finance, V-RATIO и др.

Для четкого понимания круга факторов, оказывающих влияние на силу бренда, автором составлена таблица с анализом всех существующих моделей оценки силы бренда, систематизированы факторы, взятые из наиболее популярных моделей, которые оказывают влияние или испытывают влияние бренда (см. таблицу) [4, 6–8].

На основе вышепредставленной таблицы была выделена группа факторов, оказывающих существенное влияние на бренд, в нее вошли:

- представленность бренда на международном рынке (интернациональность);
- государственная поддержка;
- сегментирование продукции (сегментирование);
- территориальная принадлежность (территориальная кластеризация);
- инновационность;
- соответствия бренда потребительским ожиданиям;
- экономическая стабильность предприятия;
- юридическая защита бренда;

Анализ факторов, влияющих на силу бренда, на примере существующих подходов к оценке эффективности бренда

Модель оценки силы бренда	Факторы, влияющие на бренд	Факторы, испытывающие влияние бренда
1	2	3
Модель Коупленда– Котлера–Мурина	Не анализируются	1. Денежные потоки в прогноз- ном периоде: Цена Объем продаж (сбыт) Издержки(снижение) Снижение расходов на основ- ной и оборотный капитал 2. Денежные потоки в пост- прогнозном периоде: Увеличение жизненного цикла товара Ускорение денежных потоков Снижение ставки дисконти- рования
Модель Interbrand	Отраслевое лидерство Срок существования бренда Рыночная стабильность Присутствие на международ- ных рынках Рост уровня продаж Господдержка Юридическая защита	Доход компании в отчетном периоде Свободные денежные потоки
Модель компании MediaCom	Эффективность каналов продвижения	Уровень продаж Рост базового показателя продаж
Метод освобождения от роялти	Не анализируются	Роялти Цена франшизы
Модель Brand Finance	Срок существования бренда на рынке Уровень сбыта Доля рынка бренда Отраслевое лидерство Уровень роста продаж Ценовая надбавка за бренд Эластичность цены Маркетинговая поддержка Эффективность продвижения	Доход компании в отчетном периоде
Модель V-RATIO	Небрендовые: Продажи, обусловленные качеством, ценой, удобством приобретения Брендовые: 1.Факторы продвижения. Про- дажи, генерируемые рекла- мой, промоакциями и т.д. 2. Факторы собственно бренда. Продажи на основе внутрен- ней мотивации покупателей и отношения к бренду	Доход компании в отчетном и прогнозном периоде Уровень спроса

Окончание таблицы

1	2	3
Монография Тронкони и Марзетти «Организационный капитал и производительность фирмы. Эмпирические данные для европейских фирм»	Расходы на обучение персонала Расходы на поддержание бренда Выплаты стратегическим и системным консультантам	Не анализируются
Мария Стэндсмарк «Системно-динамический подход к получению конкурентных преимуществ на примере нефтяной индустрии Центральной Норвегии».	Дифференциация товарной линейки Глобальность бренда Наличие НИОКР Территориальная обособленность Агломеративность Наличие конкурентного давления (опыт сильного игрока) Качество продукции Сумма нематериальных активов Маркетинговая стратегия Инвестиции в брендинг	Не анализируются

– харизматичность лидера или известность управленческой команды в отрасли (данный фактор был добавлен, основываясь на актуальных трендах брендинга, а именно выхода на первое место маркетинга личности и связывания бренда компании с личностным брендом ее лидера);

- бюджет на развитие бренда;
- разнообразие каналов продвижения бренда;
- динамика развития (динамика продаж);
- рыночная доля (охват целевой аудитории);
- срок существования бренда (история).

Изучение схемы влияния вышеуказанных факторов на силу бренда представляется чрезвычайно полезным в плане формирования прикладной схемы управления брендом предприятия. Чтобы определить векторы влияния различных факторов на бренд предприятия, на основе полученных результатов была составлена когнитивная модель влияния различных факторов на силу бренда (рис. 1), показывающая как положительное и отрицательное влияние самих факторов на силу бренда, так и взаимное влияние факторов друг на друга. Данная модель позволяет оценить систему взаимодействия бренда и его окружающей среды.

Поскольку в представленной модели большое число факторов является взаимозависимым, для ее упрощения была построена модель, в которой роль измерителя силы бренда отводилась фактору «Рыночная доля (охват целевой аудитории)». Основанием для этого послужили следующие причины:

- во-первых, этот фактор количественно измерим, что существенно облегчает его исследование,
- во-вторых, он непосредственно влияет на бренд и испытывает его влияние,
- в-третьих, связан с большинством факторов, влияющих на бренд и испытывающих его влияние.

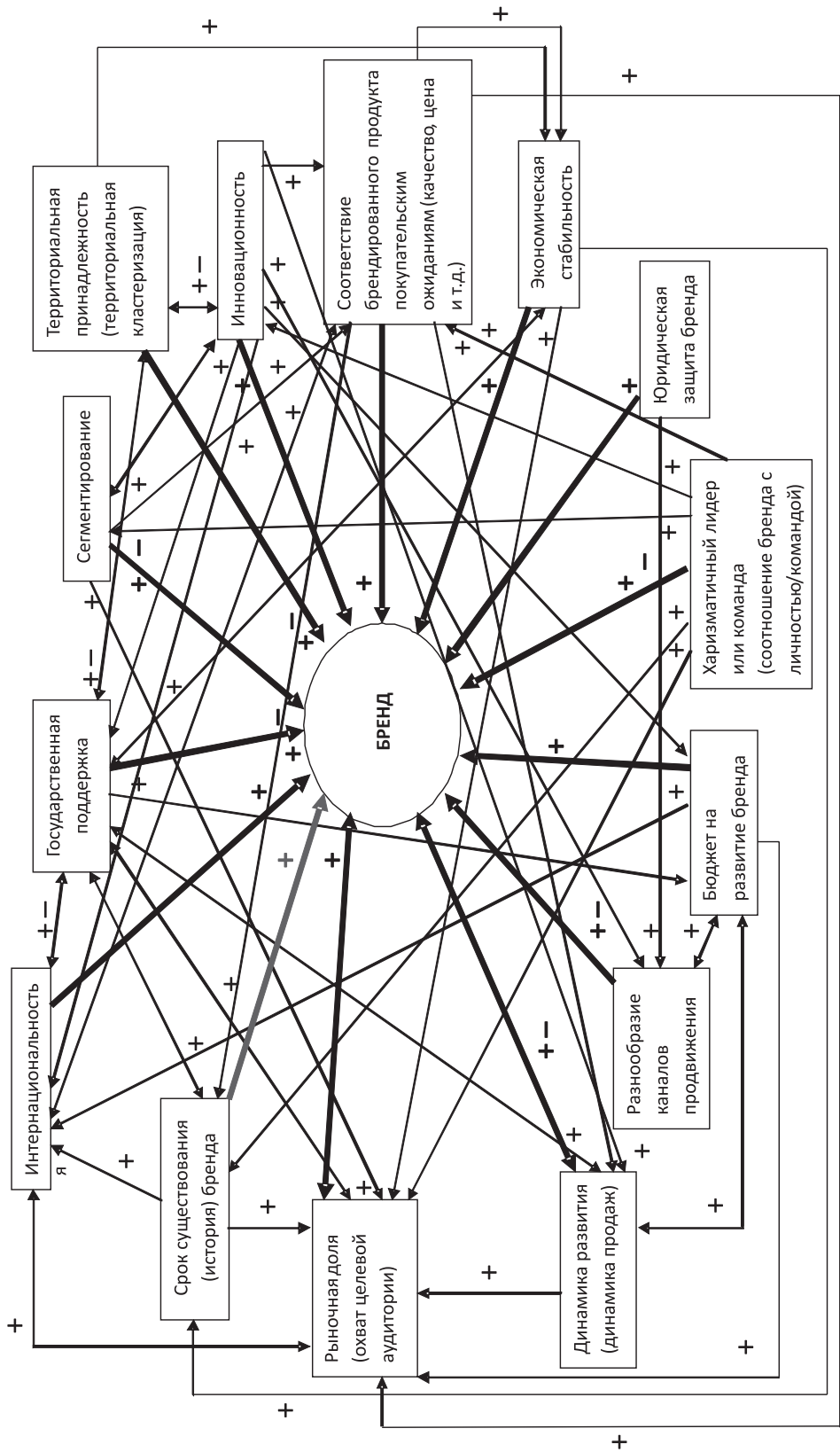


Рис. 1. Когнитивная модель влияния факторов на силу бренда

В силу этого когнитивная схема, отражающая влияние факторов на силу бренда, существенно упрощается и показана в виде ориентированного графа, представляющего структурную модель процесса (рис. 2).

Данный подход позволяет увидеть не только прямые связи бренда с факторами или факторов друг с другом, но и изучить опосредованное влияние одного фактора на другие или группы факторов (см. рис. 1, 2). Интересное направление исследования – изучение замкнутых полуконтуров, которые фактически являются устойчивой системой из факторов и могут быть использованы как единый инструмент.

В полученном орграфе наблюдается несколько полуконтуров положительной и отрицательной обратной связи. Поэтому для оценки влияния изменений значений одних вершин на изменения значений других была применена идея импульсного процесса, описанная Ф.С. Робертсом в книге «Дискретные модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам» [5, с. 160–174].

На основании матрицы смежности ориентированного графа, представленного на рис. 3, была получена оценка влияния на долю рынка (бренд) таких факторов, как господдержка, харизма лидера (команды), интернационализация, инновационность, бюджет бренда. При анализе полученных данных были сформулированы следующие гипотезы, которые могут быть проверены в дальнейшем при более подробном исследовании вопроса влияния различных факторов на силу бренда:

1) сила бренда, выраженная через изменение рыночной доли во времени – величина непостоянная, цикличная и не может быть представлена в виде единого тренда роста или падения;

2) господдержка оказывает положительное влияние на силу бренда в достаточно длительном периоде, затем происходит переход в негативную фазу, которая может быть вызвана следующими явлениями:

– при чрезмерной поддержке предприятия целевая аудитория может сформировать негативное мнение, которое в конечном счете негативно скажется на силе бренда;

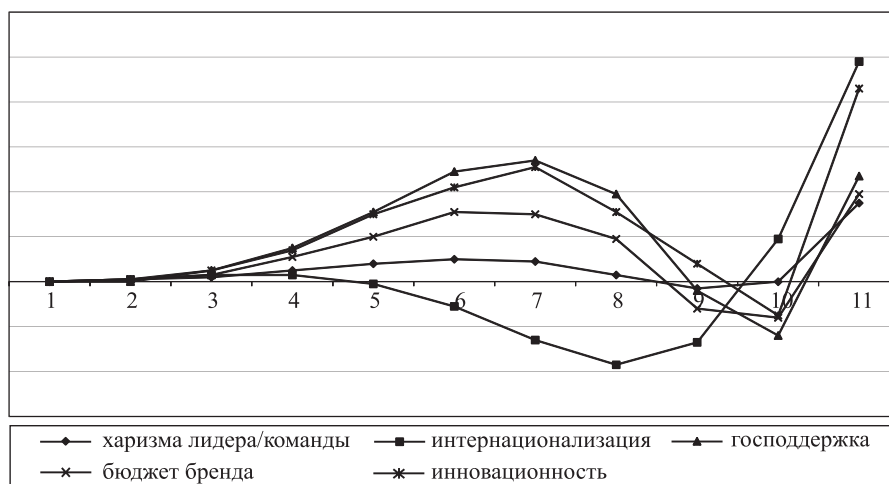


Рис. 3. Изменение доли рынка по шагам импульсного процесса под влиянием различных факторов

– при росте целевой аудитории во времени господдержка может оказаться недостаточной, однако она может давать бренду «второе дыхание» при переходе предприятия на новые рынки (например, международные). В частности, можно видеть на графике (рис. 3) параллельный рост силы бренда на шаге 10 под влиянием факторов интернационализации и господдержки;

3) харизма лидера или команды дает незначительный импульс силе бренда, однако формирует положительный тренд во времени;

4) интернационализация бренда может формировать отрицательный тренд в достаточно длинном промежутке времени, это может быть связано с вопросами спроса на товары «народных» брендов в странах с сильной экономикой и размытием национальности бренда при его чрезмерной интернационализации. Также интернационализация тесно связана с вопросами глобального брендинга и особенностей продвижения в каждой стране, что в краткосрочном периоде может потребовать больших организационных и финансовых усилий с малой начальной конверсией. Однако именно интернационализация показывает наивысший результат по приросту целевой аудитории в долгосрочном периоде;

5) бюджет бренда формирует в целом положительный тренд прироста силы бренда во всем периоде, однако не является ключевым фактором, способным обеспечить рост бренда;

6) совокупность действия всех факторов формирует синергетический эффект, что приводит к созданию точки бифуркации в определенный период времени. Данная точка означает новый цикл роста силы бренда с более высокой пиковой точкой.

По мнению автора, изучение подобных схем взаимодействия различных факторов и воздействия их на силу бренда предприятия может привести к созданию новых структурированных инструментов управления силой бренда или его эффективностью. Это в перспективе может позволить снизить неопределенность при построении системы брендинга предприятия и получить большую потребительскую конверсию при минимизации маркетинговых затрат.

Литература

1. *Казанцев К.Ю.* Анализ современных подходов к оценке экономической эффективности бренда // *Инновационный потенциал экономики России: состояние и перспективы* / отв. ред. А.В. Алексеев, Л.К. Казанцева. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. С. 257–266.
2. *Казанцев К.Ю.* Актуальные проблемы оценки нематериальных активов предприятия // *Великие реформаторы и российские реформы: материалы Всероссийской конференции преподавателей и научных работников технических вузов, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина* / Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. С. 101–108.
3. *Козырева А.Н., Макарова В.Л.* Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. 368 с.
4. *Нарышкина М.В.* Обзор основных методов оценки стоимости брендов URL: <http://www.advlab.ru/articles/article437.htm>.

5. Робертс Ф.С. Дискретные модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам. М.: Наука, 1986. 494 с.
6. Чернозуб О.Л. Новый взгляд на стоимость бренда // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 2002. № 1(37), февраль. С. 32–38.
7. Sandmasrk M. A system dynamic approach to competitive advantage: the petro-industry in Central Norway as a case study // Molde University College, 2011.
8. Tronconi C., Marzetti G.V. Organizational capital and firm performance. Empirical evidence for European firms. University of Trento. Italy, 2010.

Bibliography

1. Kazancev K.Ju. Analiz sovremennyh podhodov k ocenke jekonomicheskoy jeffektivnosti brenda // Innovacionnyj potencial jekonomiki Rossii: sostojanie i perspektivy / otv. red. A.V. Alekseev, L.K. Kazanceva. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2013. P. 257–266.
2. Kazancev K.Ju. Aktual'nye problemy ocenki nematerial'nyh aktivov predpriyatija // Velikie reformatory i rossijskie reformy: materialy Vserossijskoj konferencii prepodavatelej i nauchnyh rabotnikov tehniceskikh vuzov, posvjashhennoj 150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Stolypina / Novosib. gos. arhitektur-stroit. un-t (Sibstrin). Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2013. P. 101–108.
3. Kozyreva A.N., Makarova V.L. Ocenka stoimosti nematerial'nyh aktivov i intellektual'noj sobstvennosti. M.: RIC GSh VS RF, 2003. 368 p.
4. Naryshkina M.V. Obzor osnovnyh metodov ocenki stoimosti brendov. URL: <http://www.advlab.ru/articles/article437.htm>.
5. Roberts F.S. Diskretnye modeli s prilozhenijami k social'nym, biologicheskim i jekologicheskim zadacham. M.: Nauka, 1986. 494 p.
6. Chernozub O.L. Novyj vzgljad na stoimost' brenda // Marketing i marketingovye issledovaniya v Rossii. 2002. № 1(37), fevral'. P. 32–38.
7. Sandmasrk M. A system dynamic approach to competitive advantage: the petro-industry in Central Norway as a case study // Molde University College, 2011.
8. Tronconi C., Marzetti G.V. Organizational capital and firm performance. Empirical evidence for European firms. University of Trento. Italy, 2010.

УДК 374.3

**РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЕСУРСНЫХ ЦЕНТРОВ
ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

А.В. Исаев

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: korneti@vstu.ru

Реализация дополнительных образовательных программ школьников и молодежи является одной из важнейших задач любого общества. Закрепление социально-приемлемых алгоритмов поведения участников социума значительно снижает рост социальной напряженности и риск возникновения социальных конфликтов в обществе. Вариантом развития системы дополнительного образования является создание региональных ресурсных Центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: региональный ресурсный центр, социально ориентированная некоммерческая организация, дополнительное образование школьников, проблемы развития программ дополнительного образования.

**DEVELOPMENT OF REGIONAL RESOURCE SUPPORT CENTRES
OF SOCIALLY ORIENTED NONCOMMERCIAL ORGANIZATIONS:
ISSUES AND OUTLOOK**

A.V. Isaev

Volgograd State Technical University

E-mail: korneti@vstu.ru

The implementation of additional educational programs students and young people is one of the most important tasks of any society. Fixing socially acceptable behavior algorithms members of society significantly reduces the growth of social tensions and the risk of social conflicts in society. Option for the development of additional education is the creation of regional resource centers to support socially oriented non-profit organizations.

Key words: regional resource center, socially oriented non-profit organization, further education students, the problems of development of supplementary education.

Введение

Рассматривая те или иные социальные явления, характеризующие современное общество – зарождение и обособление социальных групп, их взаимодействие, слияние и распад, зарождение и развитие социальных конфликтов, невольно задаешься вопросом о первопричинах этих социальных движений – каковы механизмы их развития, возможно ли прогнозирование социальных процессов, а если «Да», то возможно ли управление этими процессами? Очевидно, что эти и подобные вопросы вряд ли когда-либо потеряют свою актуальность, поскольку значимость ответов на них сопоставима разве что с возможностью существования самого общества. В ряде работ автором предложено рассматривать общество как самораз-

визающуюся систему [1], взаимодействие подсистем которой – социальных групп и индивидуумов, определяется набором принятых в данном обществе морально-этических, историко-культурных и иных норм социального поведения. Наличие подобных норм социального взаимодействия является определяющим при идентификации общества, определении его самобытности и обособленности от других обществ. Реалии нашего мира таковы, что жизнедеятельность любой социальной единицы, будь то общество, социальная группа или же индивидуум, связана с трансформацией (потреблением, преобразованием, обменом) различных ресурсов [1], что неизбежно порождает конкурентное противоборство со стороны других социальных единиц, чья жизнедеятельность предполагает использование этих же ресурсов. Ведение конкурентной борьбы, как известно, предполагает либо уничтожение соперника, либо при невозможности (ресурсной, этической или иной) такового взаимодействие с ним. В первом случае уничтожение возможно как на физическом уровне – различные войны с применением оружия физического уничтожения, так и на уровне уничтожения системы ценностей социального конкурента, что означает потерю «противником» своей самобытности – это различные варианты информационной войны (культурная экспансия), что в конечном итоге приводит к поглощению одного общества другим – обществом-конкурентом.

Таким образом, любое развивающееся общество, находящееся в условиях конкурентной борьбы, заинтересовано, с одной стороны, в пропаганде и закреплении своей системы ценностей внутри себя и в экспансии этой системы вовне, а с другой – нуждается в реализации системы защитных мер, ограждающей данное общество от влияния сторонних ценностных систем, интенсификация которого способна привести к регрессу общества или потере его самобытности [2].

Один из механизмов подобной защитной системы – образование, в рамках которого реализуются процессы сохранения накопленных обществом знаний, умений и навыков, а также передачи и актуализации принятой в обществе системы ценностей, формирующих у индивидуумов алгоритмы социально-приемлемого поведения. Автором предложена концепция инерционного развития субъекта, согласно которой социальные процессы, в том числе и обучение, – инерционные [3]. С этих позиций наиболее уязвимыми социальными элементами любого общества являются индивидуумы, чья внутренняя позиция не отличается четкостью и прочностью построения и чей жизненный опыт строится в большей степени на приоритете некритичного подражания поведенческим алгоритмам, что в большей степени характерно для лиц школьного возраста и студентов.

Тогда основной задачей любого общества становится формирование такой образовательной среды, которая бы способствовала развитию у подростков не только базовых компетенций их дальнейшей профессиональной деятельности, но и формированию алгоритмов социально-ответственного поведения.

С этих позиций и проанализируем основные проблемы и перспективы деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и региональных ресурсных центров их поддержки.

Социально ориентированные некоммерческие организации – основные положения и проблемы

Согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ «Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, ... а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах ... и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации...» [9].

Для поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) государством на конкурсной основе выделяется финансирование в виде субсидии. В настоящее время стартовал второй тур конкурсного отбора социально ориентированных некоммерческих организаций для предоставления в 2013 г. субсидий из федерального бюджета. Также в рамках реализации государственной политики в сфере поддержки деятельности СО НКО ежегодно проводятся и региональные конкурсы по предоставлению им субсидий [6].

Из всего широкого спектра общественно-значимых задач, решение которых предполагается силами СО НКО, более подробно остановимся на решении задач, связанных с реализацией программ дополнительного образования. В частности рассмотрим ряд вопросов, неизбежно возникающих при реализации образовательных проектов для лиц школьного возраста. В качестве примера возьмем Волгоградскую область. Обратимся к постановлению правительства Волгоградской области № 649-п от 29 декабря 2012 г. «Об утверждении долгосрочной областной целевой программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области” на 2013–2015 годы» [5]. На уровне данного документа признается наличие следующих значимых проблем:

- несформированная система и несовершенство механизмов поддержки СО НКО со стороны государства;
- неразвитость системы социального заказа;
- отсутствие системы ведения реестров СО НКО – получателей поддержки;
- недостаточная информированность общества о деятельности СО НКО;
- низкая гражданская активность и правовая грамотность населения Волгоградской области;
- несовершенная система взаимодействия исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований с общественными объединениями.

Реализация программ дополнительного образования: основные проблемы, ограничивающие развитие деятельности СО НКО

При подготовке и реализации программ дополнительного образования руководству как вновь создаваемых, так и уже работающих НКО прихо-

дится решать проблемы, связанные с организацией работы по реализации своих проектов – проблемы первого уровня.

Проблемы первого уровня

1. Административно-хозяйственные: организация правового и финансового взаимодействия с органами власти, поиском источников софинансирования, организация и проведение мероприятий по выбору «территориальной базы» проведения учебных мероприятий, организация административного, финансового, правового сопровождения проводимых учебных мероприятий.

2. Кадровые:

– кадровое обеспечение верхнего уровня: создание учебной структуры – учебной администрации, отбор ведущих преподавателей (инструкторов), организация взаимодействия с руководством ведущих вузов региона, России и, возможно, иностранных государств, организация стажировок и мастер-классов для ведущих преподавателей;

– кадровое обеспечение первичного уровня – отбор и подготовка кадрового потенциала для организации и проведения культурно-развлекательных и социально значимых мероприятий со слушателями (при реализации обучения в формате детского оздоровительного лагеря (ДОЛ) – создание единых требований и правил организации внутригрупповой (внутриотрядной) работы, подбор и обучение инструкторов первичного звена, организация правил культурно-развлекательной сферы.

3. Организационно-учебные: разработка структуры учебного процесса, материально-технического обеспечения лабораторных практикумов и необходимых мероприятий по обеспечению безопасности проведения учебных занятий, создание правил внутреннего распорядка (при реализации обучения в формате ДОЛ).

Кроме указанных проблем первого уровня возникают проблемы, связанные с централизацией деятельности различных НКО – проблемы верхнего уровня.

Проблемы верхнего уровня

1. Учебно-методические: проблемы, связанные с преемственностью структур учебного процесса, разработка и издание учебно-методического обеспечения учебного процесса (создание редакционно-издательского отдела (РИО), разработка и издание методических работ для инструкторов, разработкой и изданием бланков отчетной документации (журналов, путевых листов, учебных карт), издание и тиражирование печатного материала для проведения культурно-развлекательных мероприятий).

2. Организационно-территориальные: совместное использование учебных «баз» (использование территориальной базы одного ДОЛ несколькими НКО) – согласовании правил внутреннего распорядка, культурно-массовых и учебных мероприятий.

3. Организация взаимодействия различных НКО в рамках единого «большого» проекта эстафетного обучения, учебный процесс которого предполагает «переход» обучаемых от педагогического одного НКО к педагогическому коллективу другого НКО, обеспечивающего дальнейшую образовательную программу.

4. Организация единого регионального информационного портала – реализация информационного обеспечения о деятельности НКО региона с целью их популяризации, реализуемых в них проектах, стоимости участия, документального и информационного сопровождения воспитанников НКО, организация фестивального и олимпиадного движения.

5. Организация добросовестной конкуренции между региональными НКО путем открытой публикации результатов деятельности НКО и реализации системы ее рейтинговой оценки, в том числе и на основании отзывов участников проектов НКО.

6. Организация межрегионального (межнационального) взаимодействия между НКО, что, несомненно, призвано способствовать культурному развитию и усилению толерантности в обществе.

Преодоление проблем в рамках регионального ресурсного Центра поддержки СО НКО

Решение обозначенных выше проблем видится в организации региональных ресурсных Центров поддержки (далее – Центр) СО НКО. В рамках таких Центров возможно аккумулирование больших финансовых, административных, организационных и иных возможностей, позволяющих осуществлять «крупные» социально-значимые проекты как межрегионального масштаба, так и на уровне межгосударственного сотрудничества.

Решение проблем первого уровня:

– административно-хозяйственные: создание консультационного центра по оказанию содействия и оценки рисков проектов НКО. Оказание содействия НКО на этапе стартового финансового обеспечения проекта;

– создание единой базы данных преподавателей, формирование рейтинговой системы их оценивания, организация курсов повышения педагогического мастерства начинающих преподавателей, организация стажировок и мастер-классов. Организация взаимодействия с ведущими вузами региона и России;

– создание единой базы инструкторов первичного уровня, организация их обучения и стажировок, обеспечение преемственности педагогических команд;

– разработка типового пакета документации, регламентирующего учебную деятельность НКО, организацию культурно-массовой работы и иных видов деятельности НКО. В данном случае имеет смысл объединить опыт наиболее зарекомендовавших себя региональных организаций, имеющих значительный опыт организации профильных смен в ДОЛ, располагает необходимыми наработками по формированию текущей и отчетной документации, необходимой для повышения эффективности учебного процесса и организации культурно-развлекательных мероприятий.

Решение проблем верхнего уровня:

1. Организационные:

– решение организационно-территориальных проблем, связанных с совместным использованием территорий одного из ДОЛ несколькими НКО, видится в организации системной работы по приему заявок от региональных НКО, сопоставления возрастных критериев их воспитанников,

направленности проводимой в НКО работы, анализе возможностей взаимодополнения их учебных программ. При этом за счет оптимизации территориального, административного, специализированного кадрового фонда возможно снижение стоимости участия в программах НКО, что позволяет расширить спектр социального охвата региона, давая возможность участия в программах НКО лицам из малообеспеченных слоев населения;

– обеспечение социально ответственного поведения существующих и вновь создаваемых региональных НКО путем создания при региональном ресурсном центре поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций совещательного органа, в чьи функции будет входить и противодействие возможному зарождению экстремистской, аморальной и иных социально неприемлемых составляющих в работе региональных НКО (содержание образовательных программ, используемая НКО символика и др.);

– обеспечение взаимодействия с региональными ресурсными центрами поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций других регионов страны, в рамках которого возможно решение кадровых, территориальных, информационных и иных задач, связанных с реализацией межрегиональных проектов по тематикам НКО.

2. Информационные:

– создание регионального информационного портала позволит реализовать внедряемую в различные социальные сферы технологию единого окна. При реализации информационного портала становится возможным оценка деятельности региональных НКО, в том числе и с использованием мнений обратной связи (оценка деятельности НКО его выпускниками), снижения коррупционной составляющей при решении задач территориального, административного, финансового и иного плана. Создание единого информационного портала позволит проводить социальные исследования на предмет реструктуризации деятельности НКО, формирование новых проектов и учебных программ. В рамках создаваемого портала возможна организация олимпиадного движения, участникам и победителям которого могут быть предложены тематические смены, проводимые той или иной НКО. Подобная организация популяризирует образование, формируя у школьников и молодежи устойчивую доминанту успешности образованного специалиста;

– в рамках создаваемого Центра формируется редакционно-издательский отдел, в задачи которого будет входить подготовка и издание учебно-методических работ по направлениям работы региональных НКО, структуризация и хранение издаваемых учебно-методических работ, оказание содействия в издании различного агитационного, бланочного и иного печатного материала для деятельности региональных НКО. В перспективе для популяризации деятельности региональных НКО необходимо учреждение научно-методического журнала (рабочее название «Интеграл»).

3. Научно-образовательные:

– реализация эстафетного обучения – одно из наиболее перспективных направлений, позволяющее сочетать в себе гармоничность развития обучаемого, рациональность и предсказуемость деятельности учебных центров. Целью формирования «большого» проекта – привлечение НКО

(и не только региональных) различной направленности учебной подготовки в единый образовательный процесс. Наиболее перспективными с позиции «большого» проекта являются проекты образовательного туризма;

- формирование единого профессионально ориентационного образовательного пространства с участием образовательных ресурсов ведущих учебных заведений высшего профессионального образования на региональном и межрегиональном уровне.

4. Финансово-экономические и материальные:

- участие Центра в федеральных и региональных целевых программах по направлениям деятельности Центра;

- финансовая поддержка проектов региональных НКО по направлениям деятельности Центра;

- создание центра коллективного пользования – учебно-лабораторное и иное техническое обеспечение проектов региональных НКО в рамках работы регионального ресурсного центра поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций;

- создаваемый региональный Центр способен консолидировать деятельность региональных НКО с целью их участия в межрегиональных проектах. Подобная деятельность Центра рассматривается как инструмент «социального лифта» для одаренных детей и талантливых преподавателей.

5. Контрольно-измерительные:

- разработка и внедрение системы рейтингового контроля – реализация рейтинговой системы оценивания деятельности НКО позволит снизить влияние и/или исключить недобросовестные НКО и повысить статус эффективных организаций. Рейтинговая оценка в основном направлена на информирование потенциальных воспитанников НКО, но может рассматриваться и в качестве одного из критериев оценки эффективности НКО при рассмотрении их заявок на финансирование;

- реализации «системы обратной связи» – системы взаимодействия с потребителями услуг НКО, организованной по принципу «одного окна», организация данной работы направлена на оперативное решение вопросов, связанных с ненадлежащим исполнением той или иной НКО своих обязательств, а также для аккумуляции поступающих пожеланий и предложений по оптимизации работы НКО и регионального Центра.

Подводя итог сказанному, сформулируем основные цели и задачи, которые могут быть декларированы и решены в рамках подобных региональных Центров.

Цели создания Центра

1. Повышение уровня социальной активности школьников и молодежи.
2. Повышение образовательной активности школьников и молодежи в области перспективных и критических технологий.

3. Развитие историко-патриотического движения в образовании.

4. Формирование устойчивой доминанты успешности духовно-культурного развития личности.

5. Снижение риска социальной напряженности в регионе среди молодежи и ее участия в антиобщественных формациях и группировках.

6. Создание региональной инфраструктуры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций.

Задачи создания Центра

1. Привлечение к проекту регионального ресурсного центра поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций работающих региональных НКО.

2. Создание регионального механизма финансового и административно-правового консультационного сопровождения и поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций.

3. Создание единого информационного пространства деятельности региональных социально ориентированных некоммерческих организаций.

4. Разработка единой образовательной карты НКО региона (Волгоградской обл.) по развитию программ дополнительного образования по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и организации эстафетного обучения.

5. Разработка механизмов организации межрегионального взаимодействия социально ориентированных некоммерческих организаций по организации и проведению межрегиональных проектов по направлениям деятельности Центра.

6. Разработка системы подготовки и повышения квалификации кадрового состава для участия в проектах Центра.

Структура и организация ресурсного Центра поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций

Очевидно, что в большинстве регионов РФ накоплен достаточно весомый опыт реализации социальных проектов в рамках поддержки деятельности СО НКО, который в обязательном порядке должен быть востребован при создании региональных ресурсных Центров. В качестве одного из примеров – региональный некоммерческий благотворительный фонд местного сообщества «Калининград» [7], созданный с целью активизации ресурсов и инициатив местного сообщества для решения социально значимых проблем Калининградской области. Своими задачами организация определяет такие задачи, как благотворительная поддержка социально значимых инициатив на конкурсной основе, мониторинг социального климата и внедрение благотворительных проектов и программ, направленных на повышение социальной стабильности в регионе, обеспечение максимальной открытости и прозрачности в деятельности фонда. Достаточно интересным является работающий с 2000 г. информационный ресурсный центр для НКО «Сайт NGO.RU – каталог общественных ресурсов Рунета» [8]. В каталоге данного центра собраны ссылки на сайты и другие ресурсы общественных, некоммерческих организаций, ресурсных центров и центров поддержки, грантодающих фондов, изданий и информационных агентств, конференций, акций и общественных кампаний, электронных библиотек, баз данных, сетевых информационных служб, систем дистанционного обучения – любых типов общественных ресурсов.

Создание регионального ресурсного Центра должно изначально базироваться на принципах социальной и финансовой открытости, прозрачности и доступности для понимания большей частью нашего общества внутренних механизмов управления подобными Центрами. Кроме того, данная

работа не должна вызывать взаимной конфронтации интересов отдельных региональных НКО и с самого начала обеспечивать защиту от коррупционного заражения этого проекта.

Обозначим спектр возможных решений, реализующих изложенные выше принципы.

1. Организация и правовые основы регионального ресурсного Центра

Региональный ресурсный Центр должен быть организован на основе нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность некоммерческих организаций согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Центр может быть организован либо как независимая вновь создаваемая НКО, либо на основе уже действующего СО НКО. В последнем случае для обеспечения большей легитимности создаваемого Центра необходимо либо проведение региональной конференции с участием НКО, чья деятельность входит в социальное пространство данного региона, либо выбор организации, на базе которой будет сформирован Центр, может быть осуществлен на конкурсной основе, при этом инициатором проведения конкурса должен являться орган местного самоуправления. Относительно Волгоградской области таким органом местного самоуправления очевидно должно стать либо министерство образования и науки Волгоградской области правительства Волгоградской области, либо комитет по делам молодежи Волгоградской области [4].

Действующие СО НКО становятся участниками проекта «региональный ресурсный Центр» по своему желанию. Став участником этого проекта, региональные СО НКО получают возможность использования любых ресурсов, которыми располагает ресурсный центр, получают возможность участия в коллегиальном управлении его деятельностью и несут обязательства, связанные с поддержкой, пропагандой и расширением деятельности регионального ресурсного центра поддержки СО НКО.

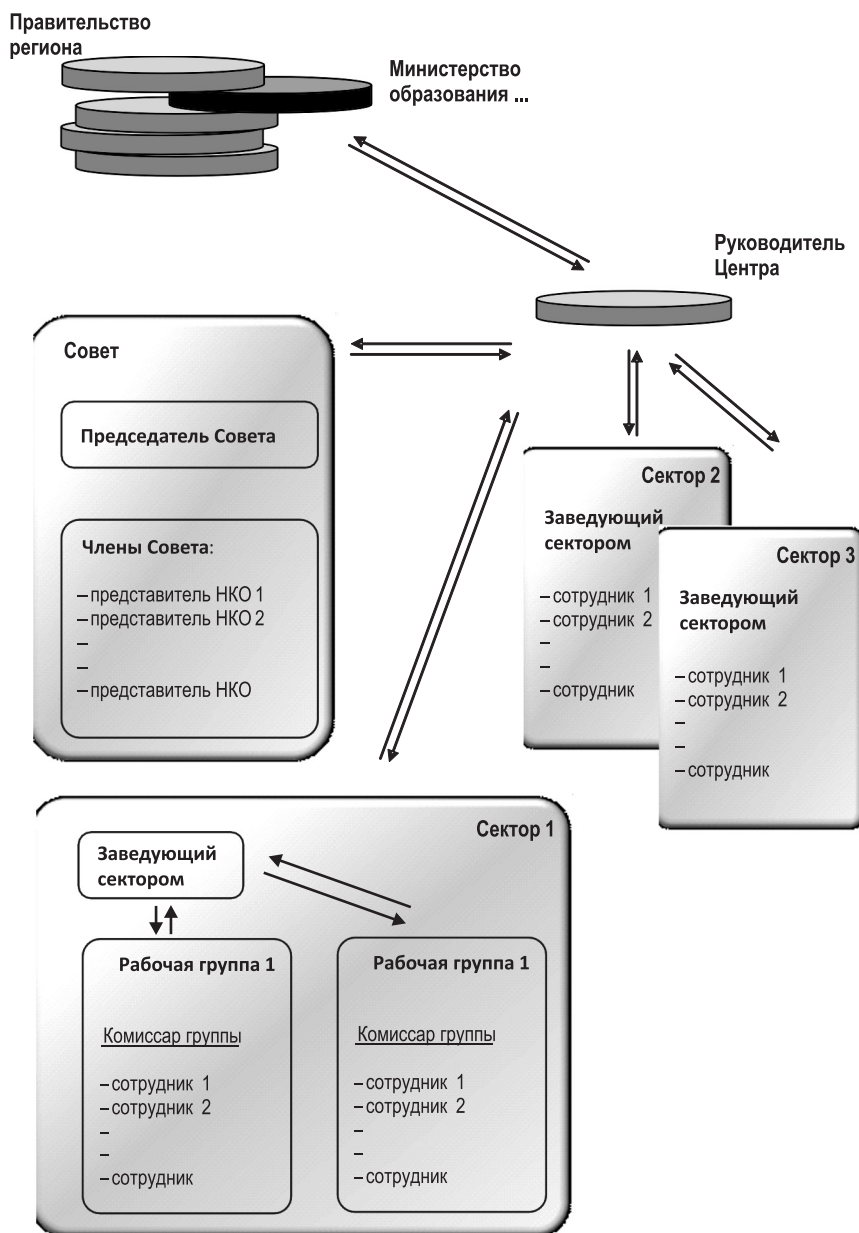
2. Структура и управление регионального Центра

Графическая иллюстрация предлагаемой структуры управления приведена на рисунке.

Структура и управление Центра должны способствовать его эффективному функционированию, исключая возможную монополизацию управления и формирования демотивационных критериев в согласованной работе региональных СО НКО.

Управление Центром осуществляется его руководителем, который несет всю полноту ответственности за деятельность данного Центра. Административно-правовой статус должности руководителя Центра должен обеспечивать возможность смены кандидатуры, работа которой должна регламентироваться срочной контрактной системой.

Совет представителей региональных СО НКО – управляющий орган Центра, в функции которого входят вопросы стратегического планирования работы Центра, оценка реализуемых Центром социальных проектов, вопросы использования ресурсного потенциала Центра. Состав Совета должен включать в себя представителей региональных СО НКО, которые вошли в данный проект по созданию регионального Центра. Управление Советом осуществляется его председателем, выбираемым на определенный срок из числа членов Совета.



Структура управления ресурсного Центра поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций

Функциональный сектор занимается решением специализированных вопросов, набор которых определяется руководителем Центра. Создание сектора, его функционирование и управление строится по принципу проектных технологий – есть задача, под данную задачу набирается команда, которая по завершению расформируется, тем самым минимизируя ресурсные издержки Центра. Управление функциональным сектором осуществляет заведующий, кандидатура которого назначается руководителем Центра. Число сотрудников сектора, а также численность самих секторов

варьируется в зависимости от решаемых Центром задач. По мере необходимости сектор может быть разделен на ряд рабочих групп.

Предлагаемая структура регионального ресурсного центра поддержки СО НКО является, по мнению автора, менее затратна, а эффективность ее работы гарантирована централизованными механизмами аккумуляции кадровых, информационных, материальных и иных ресурсов и согласованным управлением этими ресурсами. Кроме того, создание подобного Центра оптимизирует взаимодействие с органами местного самоуправления, повышая эффективность работы региональных СО НКО.

Выводы

В статье обоснована актуальность работы СО НКО, показана социальная значимость этой работы в целях развития творческого, духовно-нравственного потенциала школьников и молодежи, повышения их социальной адаптивности. Повышение эффективности работы СО НКО в регионе неизбежно сталкивается с вопросами нехватки ресурсного обеспечения, особенно это заметно на примере становления новых НКО, реализации новых проектов регионального и межрегионального уровня. Возникающие проблемы взаимодействия региональных НКО при решении ими совместных задач, а также взаимодействие с региональными органами управления требуют выработки общей стратегии их деятельности. В статье рассмотрена возможность решения этих проблем на уровне единого регионального ресурсного центра поддержки СО НКО, сформулированы основные цели деятельности Центра и решаемые им задачи, рассмотрен вариант структуры управления подобным Центром.

Литература

1. Исаев А.В. Система образования: ресурсная модель построения и функционирования // Образование и общество. 2012. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 64–70.
2. Исаев А.В. Образование – личность и государство // Педагогика. 2011. № 9. С. 20–27.
3. Исаев А.В. Инерционное развитие социального субъекта: теоретические основы // Среднее профессиональное образование. 2008. № 12. С. 72–75.
4. Губернатор и правительство Волгоградской области официальный портал. URL: <http://www.volganet.ru/administration/organs/>
5. Постановление правительства Волгоградской области № 649-п от 29 декабря 2012 г. «Об утверждении долгосрочной областной целевой программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области” на 2013–2015 годы». (Дата обращения 30.07.2013). URL: http://ag.volganet.ru/export/sites/ag/agavo/folder_4/folder_3/Post649poSONKO.pdf
6. Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. (Дата обращения 29.07.2013). URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity+/sections/socorientnoncomorg/index/>
7. Сайт фонд местного сообщества «Калининград». URL: <http://www.fond-kaliningrad.ru>
8. Сайт NGO.RU. Каталог общественных ресурсов Рунета. URL: <http://www.ngo.ru>
9. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. (Дата обращения 29.07.2013). URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p44

Bibliography

1. *Isaev A.V.* Sistema obrazovaniya: resursnaya model' postroeniya i funkcionirovaniya // *Obrazovanie i obshchestvo*. 2012. № 5 (sentjabr'-oktjabr'). P. 64–70.
2. *Isaev A.V.* Obrazovanie – lichnost' i gosudarstvo // *Pedagogika*. 2011. № 9. P. 20–27.
3. *Isaev A.V.* Inercionnoe razvitie social'nogo sub#ekta: teoreticheskie osnovy // *Srednee professional'noe obrazovanie*. 2008. № 12. P. 72–75.
4. Gubernator i pravitel'stvo Volgogradskoj oblasti oficial'nyj portal. URL: <http://www.volganet.ru/administration/organs/>
5. Postanovlenie pravitel'stva Volgogradskoj oblasti №649-p ot 29 dekabrya 2012 g. «Ob utverzhdenii dolgosrochnoj oblastnoj celevoj programmy “Podderzhka social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij Volgogradskoj oblasti” na 2013–2015 gody». (Data obrashheniya 30.07.2013). URL: http://ag.volganet.ru/export/sites/ag/agavo/folder_4/folder_3/Post649poSONKO.pdf
6. Sajt Ministerstva jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. (Data obrashheniya 29.07.2013). URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity+/sections/socorientnoncomorg/index/>
7. Sajt fond mestnogo soobshhestva «Kaliningrad». URL: <http://www.fond-kaliningrad.ru>
8. Sajt NGO.RU. Katalog obshhestvennyh resursov Runeta. URL: <http://www.ngo.ru>
9. Federal'nyj zakon «O nekommercheskih organizacijah» ot 12.01.1996 N 7-FZ. (Data obrashheniya 29.07.2013). URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p44

УДК 65.01

ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА

О.В. Дюдина

Казанский кооперативный институт (филиал)

Российский университет кооперации

E-mail: olga_dyudina@mail.ru

Внедрение системы менеджмента качества в деятельность торговых предприятий – это один из инструментов совершенствования организации и функционирования процессов, который в настоящее время недостаточно разработан применительно к отрасли торговли. Но не все предприятия нуждаются именно в таком подходе развития деятельности. Предложенная методика оценки необходимости развития торгового предприятия на основе внедрения системы менеджмента качества позволит сориентироваться торговым предприятиям в направлении совершенствования деятельности.

Ключевые слова: процесс, развитие, оценка, уровень зрелости, система менеджмента качества.

ASSESSING THE NEED TO IMPROVE ACTIVITIES OF TRADING ENTERPRISES BASED ON THE IMPLEMENTATION OF QUALITY MANAGEMENT SYSTEM

O.V. Dyudina

Kazan Cooperative Institute (branch)

Russian University of Cooperation

E-mail: olga_dyudina@mail.ru

Implementation of quality management system in the activities of trading enterprises – is one of the tools to improve the organization and functioning of the processes, which is currently not developed in relation to the trading industry. But not all enterprises require in this approach of development activities. The proposed method of assessing the need for the development of trading enterprises through the implementation of a quality management system will allow trading enterprises to orient in the direction of improvement.

Key words: process, development, assessment, level of maturity, quality management system.

В условиях вступления России в ВТО и возрастающей конкуренции среди розничных торговых предприятий большое их количество перестает функционировать. Розничные торговые предприятия нуждаются в новых инструментах развития организации посредством совершенствования качества торговой услуги. Внедрение системы менеджмента качества (СМК) – это один из подходов, который недостаточно разработан применительно к исследуемым предприятиям.

В настоящее время существуют предприятия, которые использовали стандарты ИСО серии 9000 на системы менеджмента качества для совершенствования своей деятельности и при этом не почувствовали ожида-

емого эффекта. Специалисты, обсуждая данную проблему на различных форумах, называли причинами неудачного внедрения СМК отсутствие заинтересованности высшего руководства, формальный подход, неверный порядок действий при разработке и внедрении системы. Но не только эти факторы могли стать причиной неудачи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что розничные торговые предприятия должны рассматривать системы менеджмента качества как один из подходов развития деятельности, но этот подход может быть необходим не всем торговым предприятиям.

На основе методики самооценки, приведенной в международном стандарте ГОСТ Р ИСО 9004-2010 [3], нами был предложен алгоритм оценки необходимости развития торгового предприятия на основе внедрения СМК. Внедрение СМК в соответствии с ГОСТ ISO 9001-2011 [2] нецелесообразно для каждого предприятия. Это обусловлено низкой результативностью внедренной системы.

Алгоритм оценки состоит из следующих этапов:

1-й этап: исследование уровня зрелости системы управления предприятием;

2-й этап: расчет результирующего экономического показателя;

3-й этап: определение положения предприятия в матрице «качество выполнения процессов деятельности торгового предприятия» – «динамическое развитие торгового предприятия»;

4-й этап: вывод о необходимости внедрения СМК с целью развития торгового предприятия.

Исследование уровня зрелости системы управления предложено проводить с помощью методики самооценки, приведенной в стандарте ГОСТ Р ИСО 9004, но адаптированной под требования стандарта ГОСТ ISO 9001 и особенности функционирования розничных торговых предприятий. Уровень зрелости системы оценивается на основе процессного подхода с привлечением экспертов.

Первому уровню зрелости соответствуют предприятия, использующие несистемный подход к управлению, не изучающие требования заинтересованных сторон, применяющие ситуативный подход к решению возникающих проблем.

Второму уровню зрелости соответствует система управления предприятием, в которой применяется анализ требований потребителей, появляется доля структурированного реагирования на проблемы, но процессный подход не используется в полном объеме.

Третий уровень зрелости предполагает ориентацию на потребителей, персонал и возможно другие заинтересованные стороны, активное участие персонала в решении возникающих проблем, связанных с качеством продукции и услуг, эффективный менеджмент ресурсов, применение процессного подхода к управлению, периодическую оценку результативности и эффективности системы менеджмента качества предприятия.

На четвертом уровне зрелости система управления основана на сбалансированном подходе к потребностям определенных заинтересованных сторон, система менеджмента качества обеспечивает совершенствование на основе развернутой стратегии.

Пятый уровень зрелости предполагает сбалансированный подход к учету требований всех заинтересованных сторон, эффективное функционирование программы мотивации и обучения персонала всех уровней, система менеджмента качества способствует внедрению инноваций и бенчмаркингу.

Более подробно для каждого процесса торгового предприятия разработаны критерии по уровням зрелости. На предприятии розничной торговли можно выделить следующие виды процессов:

а) процессы управляющей подсистемы:

- планирование качества;
- управление качеством;
- обеспечение качества;
- улучшение качества.

б) процессы управляемой подсистемы:

- бизнес-процессы (состоят из процессов жизненного цикла услуг);
- процессы обеспечения ресурсами.

Уровень зрелости всей системы управления будет определяться по уровню, в котором находится большинство процессов.

Результирующий экономический показатель должен отражать динамическое развитие предприятия. Для торговых предприятий в качестве такого показателя предложено применять показатель прироста товарооборота за год по сравнению с предыдущим периодом. Статистический анализ исследования прироста товарооборота в нескольких предприятиях розничной торговли (малый и средний бизнес), а также опрос руководителей данных предприятий показал, что средний уровень изменения товарооборота за год составляет в среднем 20 % (предпочтительный минимальный уровень). Прирост товарооборота выше 60 % считается отличным результатом и возможен обычно при принятии радикальных мер, например применение новой стратегии развития, реинжиниринга деятельности, реструктуризации. Поэтому данные показатели были положены в основу при определении областей в матрице позиционирования предприятий.

Для определения позиции предприятия в зависимости от двух переменных (рис. 1) – уровня развития системы управления и прироста това-

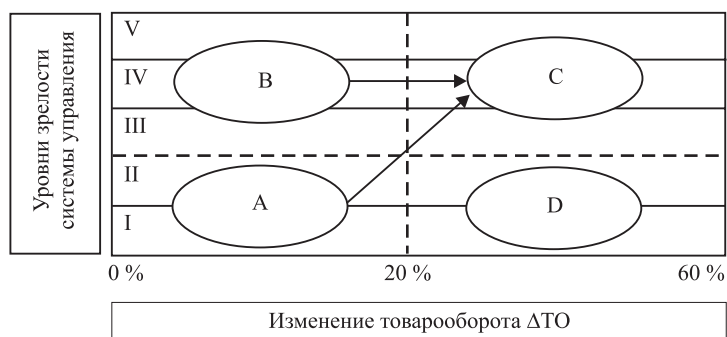


Рис. 1. Матрица «качество выполнения процессов деятельности торгового предприятия» – «динамическое развитие предприятия»

рооборота предложено использовать матрицу, состоящую из четырех областей:

- низкий уровень развития системы управления при низкой экономической эффективности (область А);
- развитая система управления при низкой экономической эффективности (область В);
- профессиональный уровень развития (область С) – высокий уровень развития системы управления при высокой экономической эффективности;
- низкий уровень развития системы управления при высокой экономической эффективности (область D).

Предприятия, находящиеся в области А, оставаясь в бездействии, могут вообще уйти с рынка в ближайшее время. СМК может выступить инструментом эффективной организации бизнеса и повышения конкурентоспособности предприятия.

В области В находятся предприятия, имеющие развитую систему управления, но низкий товарооборот. Такая ситуация может возникнуть в том случае, если компания недавно вышла на новый для себя рынок, а также в случае высокой конкуренции. Цель развития данного предприятия будет направлена на привлечение новых клиентов.

Для предприятий, находящихся в области С, необходимо в дальнейшем придерживаться принятой стратегии развития и поддерживать установленные порядки в системе управления. Им рекомендовано периодически проводить самооценку системы управления для отслеживания негативных явлений.

Для предприятий в области D высокие значения экономических показателей свидетельствуют о том, что та сфера деятельности, в которой они работают, пока не освоена конкурентами. Но когда конкуренция возрастет, то более высокий товарооборот будет у тех компаний, которые смогут лучше удовлетворить клиента и соответственно выстроить свою систему управления. Поэтому внедрение СМК позволит в долгосрочной перспективе обеспечить высокий уровень товарооборота.

Предприятия, находящиеся в областях А и В, должны стремиться к перемещению в область С, так как у них очень низкий прирост товарооборота.

Разработанная методика самооценки позволит определить те действия, которые необходимы предприятию для перевода каждого процесса на следующий уровень развития.

Результаты апробации. Объектом исследования настоящей статьи стали три розничных торговых предприятия г. Казани, занимающиеся реализацией инженерного оборудования (газо- и водоснабжения), оказанием услуг по его монтажу, техническому обслуживанию и пусконаладке. Была проанализирована их деятельность по двум составляющим: уровень зрелости системы управления и изменение товарооборота за 2010 г. Методы исследования – интервьюирование персонала, наблюдение за выполнением основных процессов, изучение и анализ внутренних документов предприятий.

В результате анализа было выявлено, что процессы управляющей подсистемы предприятия № 1 находятся на первом уровне зрелости. Ни один процесс не начал свое развитие для достижения второго уровня. Анализ

бизнес-процессов показал, что только процесс маркетинга находится на втором уровне зрелости. Это обусловлено тем, что специалист по маркетингу проводил несколько несистематических разовых исследований удовлетворенности потребителей без общих выводов. Результатом исследований служило ознакомление высшего руководства предприятия с заполненными анкетами, что в целом не дает объективной информации об уровне удовлетворенности потребителей. Процесс входного контроля закупленной продукции находится на втором уровне зрелости, но имеющиеся регламенты на деятельность кладовщиков выполняются недобросовестно. Отсюда следует, что бизнес-процессы управляемой подсистемы предприятия № 1 находятся на первом уровне зрелости.

Оценка процессов обеспечения ресурсами предприятия № 1 показала, что два процесса из четырех находятся на втором уровне зрелости, из них только один в целом соответствует этому уровню – это процесс управления финансами. Процесс управления инфраструктурой находится на начальном этапе второго уровня зрелости. Такой вывод был сделан исходя из того, что высшее руководство предприятия начало планировать инфраструктуру в связи с планированием открытия нового магазина в г. Нижнекамске.

Таким образом, можно сделать вывод, что система управления торговым предприятием № 1 на начало 2011 г. находилась на I уровне зрелости.

Анализ процессов управляющей подсистемы, бизнес-процессов и процессов обеспечения ресурсами предприятия № 2 показал, что они находятся на первом уровне зрелости: отсутствует регламентированная система управления, должностные инструкции персонала формальные и не отражают действительного распределения обязанностей и полномочий персонала, управленческие решения принимаются по ситуации и не основаны на планах развития предприятия, система работы с потребителем не регламентирована, удовлетворенность потребителей не анализировалась. В качестве положительных моментов можно отметить развитие инфраструктуры, связанное с открытием нового магазина. Также на этом предприятии отмечен самый низкий уровень наценки по сравнению с двумя другими исследуемыми предприятиями, что отражается на уровне цен.

Процессы управляющей подсистемы предприятия № 3 находятся на втором уровне зрелости: имеются основные регламенты выполнения процессов, четко прописаны обязанности в должностных инструкциях, разработано положение по мотивации персонала. На этом предприятии была организована оценка удовлетворенности потребителей методом анкетирования, также функционирует система отслеживания и устранения жалоб покупателей. С другой стороны, есть некоторые проблемы с организацией процессов жизненного цикла, но в целом большая часть процессов находится на втором уровне зрелости.

Далее было проанализировано изменение товарооборота за 2010 г. в сравнении с 2009 г. (табл. 1).

Изменение товарооборота ΔTO рассчитывали с учетом индекса цен по формуле:

$$\Delta TO = [((T_{\phi}/I_{\pi}) - T_{\phi})/T_{\phi}] \cdot 100 \%, \quad (1)$$

где $T_{\text{ф}}$ – фактический товарооборот (за рассматриваемый период); $T_{\text{б}}$ – базовый товарооборот (за предыдущий период по отношению к фактическому периоду); $I_{\text{ц}}$ – индекс цен за рассматриваемый период.
Индекс цен в 2010 г. составил 1,09.

Таблица 1

Показатели товарооборота за 2009–2010 гг.

Название предприятия	Товарооборот, тыс. руб.		ΔТО, %
	2009 г.	2010 г.	
Предприятие № 1	92497,5	116853	15,9
Предприятие № 2	15893,8	24351,4	40,6
Предприятие № 3	86923,5	112843,2	19,1

Таким образом, изменение товарооборота для предприятия № 1 составило:

$$\Delta\text{ТО} = [((116853/1,09) - 92497,5)/92497,5] \cdot 100 \% = 15,9 \ \%.$$

Результаты для трех предприятий отметим в матрице на рис. 2.
Предприятие № 2 находится в области D матрицы, что характеризует временную эффективность. Данное предприятие имеет небольшие объемы товарооборота по сравнению с другими исследуемыми предприятиями, но темп прироста товарооборота у него выше. Это связано с тем, что оно вышло на рынок недавно, было выбрано удачное месторасположение магазина – спальный район с большим количеством новых многоквартирных домов и близким расположением частного сектора. В новых домах часто используется проект с индивидуальной системой отопления. Поэтому жители вынуждены приобретать котельное и отопительное оборудование. Данная благоприятная ситуация для предприятия № 2 может оказаться временной, так как в этом районе могут открыться новые магазины конкурентов, предлагающих лучшие условия продажи товаров и обслуживания покупателей, а также может произойти насыщение рынка, что вызовет спад объемов продаж. Предприятие из области D матрицы может пере-

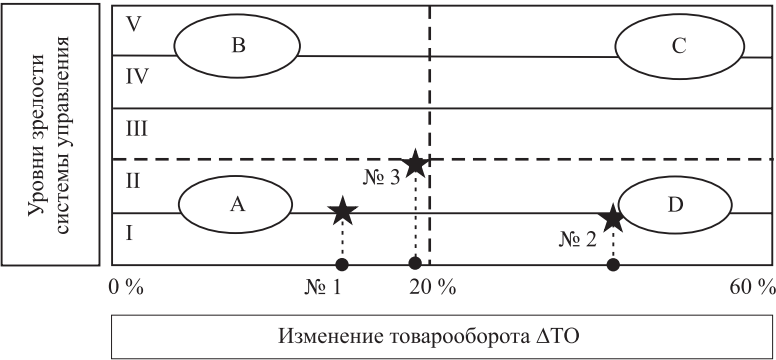


Рис. 2. Матрица «качество выполнения процессов деятельности» – «динамическое развитие» для трех предприятий

ститься в область А, если не будет предпринимать соответствующих мер по поддержанию своей конкурентоспособности на заданном уровне. Таким образом, данное предприятие для повышения конкурентоспособности в краткосрочной перспективе может разработать мероприятия по привлечению новых клиентов, а в долгосрочной – может рассмотреть возможность внедрения СМК с целью совершенствования всей деятельности.

По рис. 1 видно, что предприятия № 1 и 3 в начале 2011 г. находились в области А, но № 1 – на первом уровне зрелости, а № 3 – на втором. Этим предприятиям мы рекомендуем совершенствовать систему управления для постепенного перехода в область С. Для этого можно разработать программу совершенствования деятельности на основе внедрения системы менеджмента качества. Данная программа предусматривает на первом этапе постановку целей развития, которые могут быть направлены как на повышение уровня зрелости системы, так и на увеличение товарооборота. Так, для предприятия № 1 предложены цели по развитию, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Цели по развитию предприятия № 1

№ п/п	Цель по развитию
1	Увеличить прибыль организации на 20 % по отношению к 2010 г.
2	Уменьшить долю неликвидной продукции до 12 % от планируемого объема продаж
3	Разработать методику оценки удовлетворенности потребителя
4	Провести оценку и анализ удовлетворенности потребителей. Спланировать меры по повышению удовлетворенности потребителя
5	Разработать и внедрить документированные процедуры системы менеджмента качества: управление несоответствующей продукцией; Управление записями; Руководство по качеству; Анализ системы менеджмента качества высшим руководством
6	Внедрить инструкцию системы менеджмента качества: приемка и складирование грузов
7	Разработать методику оценки поставщиков
8	Провести оценку поставщиков
9	Разработать методику оценки транспортных компаний
10	Провести оценку транспортных компаний

Таким образом, данная методика оценки необходимости развития торгового предприятия на основе внедрения системы менеджмента качества позволит сориентироваться торговым предприятиям в направлении совершенствования деятельности, оценить уровень развития системы управления, разработать мероприятия по совершенствованию на основе уровней зрелости системы.

Литература

1. Валева Ю.С. Организация бизнес-процессов торгового предприятия // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2013. № 3. С. 24–28.
2. ГОСТ ISO 9001–2011. Системы менеджмента качества. Требования. М.: Изд-во стандартов, 2012. 21 с.

3. ГОСТ Р ИСО 9004–2010. Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности. М.: Изд-во стандартов, 2011. 45 с.
4. Дюдина О.В. Самооценка системы менеджмента качества торгового предприятия в соответствии с ГОСТ Р ИСО 9001–2008 // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2012. № 6. С. 56–58.

Bibliography

1. Valeeva Ju.S. Organizacija biznes-processov trgovogo predprijatija // JeTAP: Jekonomicheskaja Teorija, Analiz, Praktika. 2013. № 3. P. 24–28.
2. GOST ISO 9001–2011. Sistemy menedzhmenta kachestva. Trebovanija. M.: Izd-vo standartov, 2012. 21 p.
3. GOST R ISO 9004–2010. Sistemy menedzhmenta kachestva. Rekomendacii po uluchsheniju dejatel'nosti. M.: Izd-vo standartov, 2011. 45 p.
4. Djudina O.V. Samoocenka sistemy menedzhmenta kachestva trgovogo predprijatija v sootvetstvii s GOST R ISO 9001–2008 // Fundamental'nye i prikladnye issledovanija kooperativnogo sektora jekonomiki. 2012. № 6. P. 56–58.

ОБ АВТОРАХ

Авров Андрей Петрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и оценки, Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова, Алматы, Казахстан. E-mail: andreyavrov@mail.ru

Аджич София, профессор, доктор, факультет экономики Нови-Садского университета, Суботица, Сербия. E-mail: sofija.adzic@gmail.com

Афанасьев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия. E-mail: Afanassiev@rambler.ru

Баранов Павел Петрович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и аудита, Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк, Россия. E-mail: bpravet@ngs.ru

Ботвинник Александр Аронович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт горного дела Сибирского отделения Российской Академии Наук, Новосибирск, Россия. E-mail: alexbtvn@rambler.ru

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: bobrov@nsuem.ru

Богданов Олег, фирма Мехатрон, Стерлитамак, Россия. E-mail: bogdanov@metron.ru

Вакуленко Елена Сергеевна, аспирант, старший преподаватель, кафедра математической экономики и эконометрики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия. E-mail: evakulenko@hse.ru

Васильева Галина Михайловна, доцент, кафедра философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: vasilyeva_g.m@mail.ru

Герхард Эдуард, профессор, Университет прикладных наук, Кобург, Германия. E-mail: eduard.gerhardt@hs-coburg.de

Дюдина Ольга Владимировна, аспирант, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Казань, Россия. E-mail: olga_dyudina@mail.ru

Журавлев Сергей Александрович, исполнительный директор, Оренбург Водоканал, Оренбург, Россия. E-mail: Afanassiev@rambler.ru

Иванова Ирина Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Саранск, Россия. E-mail: ivia16@mail.ru

Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, кафедра международных отношений, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: ivonin@ngs.ru

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: ivonina@ngs.ru

Исаев Андрей Викторович, кандидат технических наук, докторант, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия. E-mail: korneti@vstu.ru

Казанцев Кирилл Юрьевич, младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия. E-mail: k0rtez@inbox.ru

Кисельников Александр Андреевич, доктор экономических наук, профессор, руководитель, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (Новосибирскстат), Новосибирск, Россия. E-mail: oblstat@novosibstat.ru

Кованова Екатерина Сергеевна, ассистент, кафедра бизнеса и информационных систем в экономике, Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия. E-mail: ekovanova@yandex.ru

Корох Алексей Алексеевич, заместитель директора по развитию, Сибирская насосная компания, Новосибирск, Россия. E-mail: koroh1983@gmail.com

Котляров Иван Дмитриевич, кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансовых рынков и финансового менеджмента, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ivan.koliarov@mail.ru

Круглов Максим Сергеевич, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: kruglov_m@list.ru

Курбанов Мурад Адилгераевич, и.о. младшего научного сотрудника, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, Махачкала, Россия. E-mail: tlisi@bk.ru

Лихоносова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра налогообложения, Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля, Луганск, Украина. E-mail: Lihonosova_anna@mail.ru

Малина Светлана Сергеевна, заместитель начальника управления, начальник отдела высшей школы, Министерство образования, науки и инновационной политики Новосибирской области, Новосибирск, Россия. E-mail: malinasveta2012@gmail.com

Мамыкова Жанл Джумангалиевна, кандидат технических наук, и. о. директора департамента информационно-коммуникационных технологий, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан. E-mail: Zhanl.Mamykova@kaznu.kz

Мутанов Галимкаир Мутанович, доктор технических наук, профессор, ректор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан. E-mail: Zhanl.Mamykova@kaznu.kz

Недобега Елена Александровна, кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра налогообложения, Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля, Луганск, Украина. E-mail: l_grechishkina@mail.ru

Пиньковецкая Юлия Семеновна, кандидат экономических наук, ассистент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия. E-mail: judy54@yandex.ru

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, доктор экономических наук, заместитель директора по науке, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия. E-mail: sel@ieie.nsc.ru

Сабырова Гаухар Куандыковна, старший преподаватель, кафедра статистики и экономического анализа, Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова, Алматы, Казахстан. E-mail: andreavrov@mail.ru

Федорова Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: lyufyodorova@yandex.ru

Фрейдина Елизавета Васильевна, доктор технических наук, профессор, кафедра управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: evfreydina@socio.pro

Шмарихина Елена Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: stat2004@inbox.ru

Щербак Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, начальник отдела сводной информации, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (Новосибирскстат), Новосибирск, Россия. E-mail: oblstat@novosibstat.ru

Чемезова Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: stat@nsuem.ru

Хорват Дьюла, профессор, научный советник, Институт региональных исследований Центра экономических и социальных исследований Венгерской академии наук, Венгрия. E-mail: horvath@rkk.hu

Храмцова Татьяна Георгиевна, доктор экономических наук, профессор, кафедра статистики и математики, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия. E-mail: tanyhram@mail.ru

Ямушкин Артемий Владимирович, аспирант, кафедра экономической теории, Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия. E-mail: artemiy_vvags@mail.ru

OUR AUTHORS

Avrov Andrew P., PhD in Economics, Associate Professor of Statistics and Evaluation, Kazakh Economic University named after T. Ryskulov, Almaty, Kazakhstan. E-mail: andreyavrov@mail.ru

Adžić Sofia, Professor, Doctor of Science, Faculty of Economics, University of Novi Sad, Subotica, Republic of Serbia. E-mail: sofija.adzic@gmail.com

Afanasjev Vladimir N., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg, Russia. E-mail: Afanassiev@rambler.ru

Baranov Pavel P., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Accounting and Auditing, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russia. E-mail: bpavel@ngs.ru

Botvinnik Alexander A., Candidate of technical sciences, senior researcher, Institute of Mining, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: alexbtvn@rambler.ru

Bobrov Leonid K., Doctor of Engineering, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: bobrov@nsuem.ru

Bogdanov Oleg, Mekhatron, Sterlitamak, Russia. E-mail: bogdanov@metron.ru

Vakulenko Elena S., Post-graduate student, Senior lecturer, Chair of Mathematical Economics and Econometrics, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: evakulenko@hse.ru

Vasilyeva Galina M., Associate professor, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

Gerhardt Eduard, Professor, University of Applied Sciences, Coburg, Germany, E-mail: eduard.gerhardt@hs-coburg.de

Dyudina Olga V., Post-graduate student, Kazan Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation, Kazan, Russia. E-mail: olga_dyudina@mail.ru

Zhuravlev Sergey A., Executive director, Orenburg Vodokanal, Orenburg, Russia. E-mail: Afanassiev@rambler.ru

Ivanova Irina A., PhD, Associate professor, Chair of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia. E-mail: ivia16@mail.ru

Ivonin Yuri P., Doctor of Philosophy, Professor, External Relations Chair, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: ivonin@ngs.ru

Ivonina Olga I., Doctor of Historical Sciences, Professor, External Relations Chair, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: ivonina@ngs.ru

Isaev Andrey V., Candidate of technical sciences, doctoral candidate, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. E-mail :korneti@vstu.ru

Kazantsev Kirill Yu., Junior research assistant, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: k0rtez@inbox.ru

Kiselnikov Alexander A., Doctor of Economics, Professor, Head, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Territorial Body

of Federal State Statistics Service in Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russia. E-mail: oblstat@novosibstat.ru

Kovanova Ekaterina S., assistant, Chair of Business and Information Systems in Economy, Kalmyk State University, Elista, Russia. E-mail: ekovanova@yandex.ru

Korokh Alexei A., deputy development director, Siberian pump company, Novosibirsk, Russia. E-mail: koroh1983@gmail.com

Kotlyarov Ivan D., PhD in Economics, Associate Professor, chair of financial markets and financial management, National Research University, Higher School of Economics (Saint Petersburg), Saint Petersburg, Russia. E-mail: ivan.koliarov@mail.ru

Kruglov Maxim S., post-graduate student, Russian State Humanities University, Moscow, Russia. E-mail: kruglov_m@list.ru

Kurbanov Murad A., Acting junior researcher, Institute of History, Archeology and ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia. E-mail: tlisi@bk.ru

Likhonosova Anna S., PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Taxation, Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, Lugansk, Ukraine. E-mail: Lihonosova_anna@mail.ru

Malina Svetlana S., Deputy Managing Director, Head of Higher School, Ministry of education, science and innovation policy of Novosibirsk region, Novosibirsk, Russia. E-mail: malinasveta2012@gmail.com

Mamykova Zhanl Zh., Candidate of Technical Sciences, Interim Director of the Department of Information Technologies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: Zhanl.Mamykova@kaznu.kz

Mutanov Galimkair M., Doctor of Engineering, Professor, Rector, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: Zhanl.Mamykova@kaznu.kz

Nedobega Elena A., PhD in Economics, Senior Lecturer, Chair of Taxation, Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, Lugansk, Ukraine. E-mail: l_grechishkina@mail.ru

Pinkovetskaya Yulia S., PhD in Economics, Assistant, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia. E-mail: judy54@yandex.ru

Seliverstov Vyacheslav E., Doctor of Economics, deputy R&D director, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russia. E-mail: sel@ieie.nsc.ru

Sabyrova Gaukhar K., senior lecturer, Chair of Statistics and Economic Analysis, Ryskulov Kazakh Economic University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: andreyavrov@mail.ru

Fyodorova Lyudmila N., Doctor of Economics, доцент, Chair of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: lyufyodorova@yandex.ru

Freydina Elizaveta V., Doctor of Engineering, Professor, Chair of Management, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: evfreydina@socio.pro

Horvath Gyula, Professor, Science advisor, Institute of Regional Research of Centre of Economic and Social Research of Hungarian Academy of Sciences, Hungary. E-mail: horvath@rkk.hu

Khramtsova Tatiana G., Doctor of Economics, Professor, Department of Statistics and Mathematics, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia. E-mail: tanyhram@mail.ru

Chemezova Ekaterina Yu., PhD in Economics, senior lecturer, Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: stat@nsuem.ru

Shmarikhina Elena S., PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: stat2004@inbox.ru

Shcherbak Irina V., PhD in Economics, Head of the Department of the Cumulative Information, Territorial Body of Federal State Statistics Service in Novosibirsk Region (Novosibirskstat), Novosibirsk, Russia. E-mail: oblstat@novosibstat.ru

Yamushkin, Artemy V., post-graduate student, Chair of Economics, Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: artemiy_vvags@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НГУЭУ»

Условия публикации

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, научные сообщения, соответствующие тематике журнала.

2. В редакцию следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК, название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы. Название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова необходимо представлять в редакцию на русском и английском языках. Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами). Вместе с оригиналом статьи автор должен представить заявление-анкету.

3. Требования к оформлению статьи.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный, гарнитура нормальная. Поле верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 3, правое – 1. Если статья содержит графические иллюстрации, то они должны быть дополнительно представлены в виде отдельных графических файлов формата JPEG. Статья должна быть сверстана в виде единого целого, чтобы при необходимости была возможна распечатка файла статьи. Страницы статьи не должны быть пронумерованы.

Аннотация (500–600 знаков) предшествует основному тексту статьи и представляется в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 10 пунктов. Аннотация сопровождается ключевыми словами (5–6 слов).

Ссылки на источники в тексте статьи даются только в квадратных скобках (без цитирования [12], при цитировании или пересказе авторского текста [12, с. 29]). Нумерация ссылок в статье производится по порядковому номеру источника в пристатейном списке литературы. Первыми в списке даются источники на русском языке, затем на иностранных языках и последними – источники электронные и удаленного доступа. Каждая группа выстраивается в алфавитном порядке.

При использовании в статье источников из электронных ресурсов или удаленного доступа (Интернета) в списке литературы приводится библиографическая запись источника и ссылка на сетевой ресурс с полным сетевым адресом в Интернете (см. Образец оформления статьи). Также необходимо указывать дату обращения к ресурсу.

Перед аннотацией приводятся инициалы и фамилия автора, полное название места его работы и электронный адрес.

Использованная литература приводится на последней странице текста статьи. Оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1–2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

4. Бумажные версии документов могут быть присланы в редакцию на почтовый адрес: 630099 Новосибирск, ул. Ломоносова, 56, НГУЭУ, к. 417, кафедра статистики. Электронные версии направляются на vestnik@nsuem.ru, stat@nsuem.ru.

5. Принятые материалы публикуются бесплатно.

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Т.В. Сумская

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

Рассмотрены противоречия, обусловленные организационно-правовой моделью местного самоуправления в России, определены особенности формирования и направления использования средств местных бюджетов в зависимости от типов муниципальных образований. Выявлены недостатки преобразований, проводимых в сфере местного самоуправления, и показано, что развитие межбюджетных отношений в части региональных и местных бюджетов должно опираться на прочную финансовую базу, которая во многом определяется соответствующим законодательством, закрепляющим правовые гарантии финансовой самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, местный бюджет, текущие нужды муниципальных образований, дифференциация социально-экономического развития, механизм регулирования межбюджетных отношений.

PROBLEMS OF FORMING LOCAL SELF-GOVERNMENT BUDGETS

T.V. Sumskay

Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

The article considers contradictions of organizational and legal model of local self-government in Russia, peculiarities of forming of intergovernmental fiscal relations model in Russia. The ways of formation of local governments' budgets corresponded to the types of municipality are described. Weaknesses of local self-government reforms are discovered. The author has shown, that the development of intergovernmental fiscal relations should rely on fundamental financial base. This base is determined by the law, which guarantees financial independence of local self-government.

Key words: local self-government, local budget, intergovernmental fiscal relations.

Муниципальное образование, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения. В бюджетной системе страны, как главной финансовой базе деятельности и государственных органов власти, и органов местного самоуправления, связанной с экономическим и социальным развитием соответствующих территорий, местные бюджеты – самые многочисленные. К настоящему времени проблема их формирования и укрепления остается одной из наиболее острых и насущных в межбюджетных отношениях, что требует охвата процессами реформирования взаимоотношений не только Центра и субъектов Федерации, но и внутри субъектов РФ. Это возможно при условии выработки единой стратегии оздоровления всей системы общественных финансов...

При этом нельзя отрицать необходимости выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований «сверху» путем привлечения средств вышестоящих бюджетов. Однако во избежание формирования иждивенчества со стороны территорий федеральная помощь должна оказываться лишь при условии недостаточности налогового потенциала на подведомственной территории, в основе которой лежат объективные причины. В целом лишь опора на собственные силы представляется надежным залогом повышения эффективности механизма регулирования межбюджетных отношений, достижения действительной самостоятельности местных бюджетов.

Литература

1. Бухвальд Е. Проблемы переходного периода муниципальной реформы и пути ее решения // Федерализм. 2007. № 3. С. 95–110.
2. Гельман В. От местного самоуправления к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6–18.
3. Завьялов Д. Ю. Доходы муниципальных образований в аспекте межбюджетных отношений // Финансы. 2007. № 3. С. 22–25.
4. Киреева Е. В. О финансовых основах местного самоуправления // Финансы. 2005. № 12. С. 66–68.
5. Лобкин А. И. Бюджетное и налоговое регулирование экономики муниципальных территориальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6 (45). С. 124–131.

ЗАЯВЛЕНИЕ-АНКЕТА

В журнал «Вестник НГУЭУ» от автора

Направляю Вам подготовленную мной статью _____

(название статьи)

для рассмотрения и публикации.

С условиями публикации согласен (а). Статья ранее не публиковалась. Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю.

В случае публикации статьи авторский экземпляр журнала прошу выслать по адресу: _____

(почтовый индекс, адрес)

Анкета (сведения об авторе)

1. Фамилия, имя, отчество _____

2. Телефон: домашний _____ Рабочий _____

мобильный _____ E-mail _____

3. Место работы (учебы) _____

4. Должность _____

5. Ученая степень, звание _____

6. Страна, населенный пункт _____

Автор: _____

(подпись)

(фамилия и инициалы)

«_____» _____ 20__ г.

Научный журнал
«ВЕСТНИК НГУЭУ»
2013 • № 4

Подписано в печать 5.12.2013. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70×108/16.
Усл. п. л. 24,0. Тираж 500 экз.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56.
Тел. 224-27-38